

Камчатский государственный технический университет

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ,
ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
КАМЧАТСКОГО КРАЯ**

*Сборник материалов
международного научно-методического семинара
(22–23 октября 2008 г.)*

Издательство

КамчатГТУ

Петропавловск-Камчатский
2010

УДК 81:39(571.66)
ББК 63.5
П78

Ответственный редактор

В.С. Волков
кандидат филологических наук, доцент

П78 **Проблемы социального развития**, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края. Сборник материалов международного научно-методического семинара (22–23 октября 2008 г.). – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2010. – 222 с.

ISBN 978–5–328–00225–7

В сборник вошли материалы международного научно-методического семинара, охватывающие практически все стороны современной жизни коренных народов Камчатского края – языки, культурные традиции, социально-экономический уклад. Основная цель, которую мы преследовали при составлении сборника, – попытаться понять, действительно ли историческое наследие Камчатки относится уже к категориям прошлого, которые обречены на постепенное умирание и забвение; или у этого наследия есть будущее, и все мы, жители нашего полуострова, вправе считать себя его хранителями и сподвижниками. Поэтому существенная часть предлагаемых материалов предназначена не только для специалистов в соответствующих областях научного знания, но для всех тех, кто стремится прикоснуться к истокам нашего бытия, в каком-то смысле заглянуть вперед и, значит, полнее осознать свое место и предназначение в современном мире.

Насколько поставленная цель удалась – судить читателю. Ему же самому решать, как отнестись к древнейшим культурам человеческой цивилизации, еще сохраняющимся *de facto* на Камчатке – дальневосточной территории государства Российского.

УДК 81:39(571.66)
ББК 63.5

ISBN 978–5–328–00225–7

© КамчатГТУ, 2010
© Авторы, 2010
© Газета «Абориген Камчатки», иллюстрации
© В.В. Рыжков, иллюстрации

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ КАМЧАТКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Волков В.С.	
О международном научно-методическом семинаре (22–23 октября 2008 г.)	7
Архиепископ Игнатий	
Повторится ли чудо возрождения?	9
Кузнецов С.Н.	
Отзыв на проект закона Камчатского края «О языках малочисленных народов Севера в Камчатском крае»	11
Кибрик А.Е.	
Методы коллективной полевой работы (школа филфака МГУ)	13
Казакевич О.А., Кибрик А.Е.	
Малые языки на постсоветском пространстве	25
Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.	
Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов	42
Kasten Er.	
Preserving Endangered Languages or Local Speech Variants in Kamchatka	50
Грицай И.В.	
Деятельность советской власти по разрешению языковой проблемы в жизни коренных народов Камчатки	55
Добрынин В.Н.	
Проблемы языковой политики в Российской Федерации в современных условиях	59
Спешнев Л.Ф.	
Ительмены и камчадалы: кто они на самом деле?	61
Успенская В.И.	
Новый этап в изучении ительменского языка. Полевые экспедиции и обучение	65
Киле А.	
Вымрут ли ительмены? Выживет ли ительменский язык?	69
Ковейник В.И.	
О духовных традициях ительменов Камчатки	70
Бобалик Д.Д.	
О значении ительменского языка для науки	72
Рыжков В.В.	
Ительменский язык: заметки исследователя	77
Оно Ч.	
К вопросу о связях ительменского языка с чукотско-корякскими языками на основе сравнения лексики	86
Гиль Е.Т.	
О диалектном разнообразии корякского языка	88
Дедык В.Р.	
О проблеме сохранения и развития корякского языка	90
Мальцева А.А.	
«Мы не такие, как вы»: влияние национально-языковой политики на современное состояние диалектов алюторского языка	93
Нутаюлгин В.М.	
О статусе алюторского языка	102
Авак Р.Н.	
Особенности лексики эвенского языка как хранилища духовной культуры народа	105

Банаканова Е.Е.	
Знаешь ли ты эвенский язык? (Ханни-гу хи эвэдыв төрэм?)	112
Гребзды Э.И.	
Об алеутском языке и о себе	113

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ КАМЧАТКИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Толкачёва Н.В.	
Российские исследователи о заселении края народами Камчатки, их расселении и языках	115
Кравченко В.Т.	
О чем тревожится шаман (заметки на полях культуры коренных народов Камчатки)	124
Каразия Н.А.	
Исследование взаимодействия культур в свете базовых концепций теории межкультурной коммуникации: постановка проблемы	132
Халоймова К.Н.	
Роль С.Н. Стебницкого в изучении ительменского языка и культуры	138
Аров В.Н.	
Б. Дыбовский – камчатский этнограф и языковед	139
Sekiguti J.	
Saving the nature and the natives' culture as environment protection	146

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ КАМЧАТКИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Краюшкин В.Г.	
Социоэтническая ситуация на полуострове как фактор здоровья общества	149
Рыкина В.В.	
Историческая ретроспектива проблем коренных народностей Камчатки	153
Шарахматова В.Н.	
Анализ закономерностей и тенденций развития сообществ местного населения прибрежных территорий Камчатки	157
Лебедев С.В., Древинг С.Р.	
Концепция стратегии обеспечения устойчивого развития традиционных форм хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Камчатского края в местах их компактного проживания	166
Войченко Н.В.	
Производство этнических сувениров как самоидентификация коряков и ительменов в XX веке	172
Хамидулина Л.Г.	
Традиционное природопользование в Корякском округе	177
Чиркова О.Б.	
Основные демографические тенденции, особенности состояния здоровья и социального развития коренных малочисленных народностей Севера накануне объединения двух самостоятельных субъектов в Камчатский край	182

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Языки разные и равные

(из материалов Информационного центра
«Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири
и Дальнего Востока Российской Федерации») 191

Закон Камчатского края. Проект

«О языках коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае»
(проект предоставлен комитетом по вопросам КМНС
Законодательного Собрания Камчатского края) 192

Закон Камчатского края. Проект

«О языках коренных малочисленных народов Камчатского края»
(автор проекта – д. филол. н., профессор С.Н. Кузнецов) 196

Заева О.А.

На Земле всего 45 знатоков ительменского языка 200

Макеев А.

Этапы развития корякской письменности 202

Авак Р.Н.

Докладная записка «О преподавании родного языка
как учебного предмета в Корякском округе по состоянию
на 21 октября 2008/2009 учебного года» 203

Борисов В.И.

Из истории народного образования на территории Мильковского района
в XX веке 207

Жбанкова Т.

Будем петь и танцевать! (Мэнчақа'лк мэнистэлк!) 217

Резолюция международного научно-методического семинара

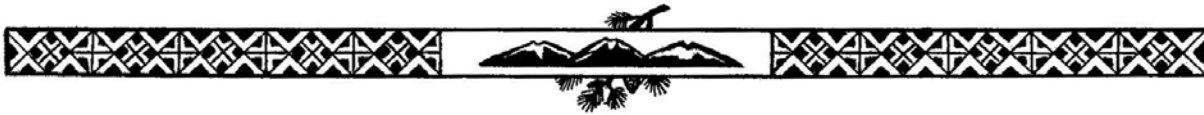
«Проблемы социального развития, образования,
традиционного природопользования и сохранения языков
коренных народов Камчатского края (22–23 октября 2008 г.) 219

Володин А.П.

Перевод на ительменский язык отрывка из Евангелия от Иоанна.
Глава I, Стихи 1–17 221

Приложение

Евангелие от Иоанна. Глава I, Стихи 1–17 222

Вместо предисловия

Письменные источники по истории коренных народов Камчатки появились только в XVII веке. История аборигенов полуострова основывается на археологических данных, еще далеко не полных, полученных многими исследователями, начиная с середины XIX в.

Камчатка была заселена около 15 тыс. лет назад во время сартанского оледенения. Пройдя через Камчатку и Чукотку, древние охотники первыми заселили Северную Америку.

10–11 тыс. лет назад на Камчатке сформировалась поздняя палеолитическая культура. Она принадлежит предкам эскимосов, алеутов и, по-видимому, ительменов. Представители этой культуры охотились на лошадей, лосей, бизонов, ловили рыбу, имели собак на несколько тысячелетий раньше, чем в Передней Азии.

Культура позднего палеолита сменяется раннеолитической. 6 тыс. лет назад древнее население расщепляло камень, получая острые пластины, из которых делало наконечники с трехгранным сечением. Эта общность этнически точно не определена, но, возможно, она имела отношение к формированию ительменов. Памятники этой культуры известны на Уиковском озере, возле Петропавловска-Камчатского и в долине р. Облуковина. На этой основе в развитом неолите 3–5 тыс. лет назад возникли две культурные области: без керамики в центральной и южной Камчатке и с керамикой на северной Камчатке (стоянка у с. Ивашка).

В тарьинское время (3–1 тысячелетие до н. э.) численность населения полуострова увеличилась, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники от м. Лопатка на юге до долины р. Тигиль на севере.

В первой половине 2-го тысячелетия в общественной организации народов Камчатки начинается переход к отцовскому роду и разложение первобытного общества. Свидетельствами этого процесса являются многочисленные корякские и ительменские крепости, расположенные в основном в нижнем течении р. Камчатка.

Древнеительменский этнический пласт представлен археологическими памятниками 1-го тысячелетия севернее селения Тигиль, предшествовал древнекорякской культуре. Из-за взаимовлияния предков коряков и ительменов их культуры в значительной степени похожи, хотя культура ительменов сохранила ряд этнических черт (антропологических, лингвистических, религиозных, хозяйственных), отличающих ее от культуры коряков и чукчей и указывающих на ее независимое и более древнее происхождение.

Древнекорякская культура достигла расцвета в хозяйственном и социальном отношениях в X–XIII вв. Высокое развитие зверобойного промысла обеспечило устойчивую оседлость населения, жившего на морском побережье. Коряки заселили северную Камчатку в середине 2-го тысячелетия.

На северо-восточном побережье граница расселения ительменов и коряков по археологическим данным обозначилась по хребтам п-ова Озерной.

Побережье Беренгова моря от Анадырского лимана до м. Олюторский было заселено предками кереков. Значительное сходство археологических культур и антропологических черт предков кереков и ительменов свидетельствует о формировании их культур на основе единой этнокультурной общности.

По-видимому, в XVII в. установились культурные связи ительменов южной Камчатки с айнами, заселявшими в то время Северные Курилы. Айны периодически бывали на Камчатке, но постоянных поселений не организовывали. С присоединением Камчатки к России айны окончательно ушли с Камчатки и прекратили все связи с ительменами.

По разным источникам численность коренного населения полуострова в XVII в. составляла около 25 тыс. человек...

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ КАМЧАТКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

УДК 81:39

О МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ (22–23 ОКТЯБРЯ 2008 Г.)

*В.С. Волков,
к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков КамчатГТУ*

Двадцать второго октября 2008 г. на факультете экономики и управления проходил международный научно-методический семинар «Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края». В организации семинара принимали участие сотрудники нашего университета, а также аспиранты специальности 10.02.04 «Германские языки». Этот семинар явился продолжением круглого стола, который состоялся 16 ноября 2007 г. на кафедре филологии и на котором обсуждались проблемы межкультурной коммуникации и языковой политики на территории Камчатского края. Согласно заявленной тематике, основными направлениями работы семинара было обсуждение вопросов социально-экономического положения и традиционного природопользования коренных народов Камчатского края, образования, социальных условий сохранения малых языков и культур. Были затронуты также вопросы методики их исследования, представлены соответствующие справочные и научные материалы.

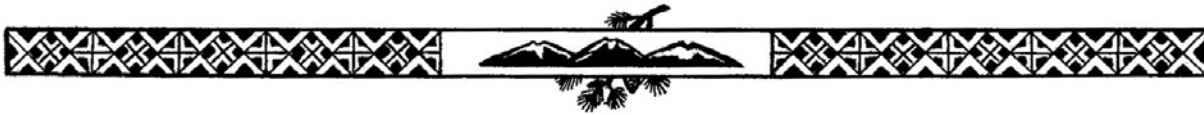
Перед участниками было зачитано приветствие главного федерального инспектора аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Г.В. Удовиченко.

Помимо преподавателей факультета экономики и управления КамчатГТУ в работе семинара приняли участие проректор по научной работе Н.Г. Клочкова, архиепископ Петропавловский и Камчатский Игнатий, консультант председателя Постоянного комитета Законодательного Собрания Камчатского края по вопросам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока А.Н. Коваленко, начальник отдела внешнеэкономических связей и протокола управления делами аппарата губернатора и Правительства Камчатского края Н.А. Лабковская, глава администрации Алеутского района Н.Н. Извеков, заведующая отделом управления и образования КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК» М.Ф. Потлова, профессор кафедры общего языкознания МГУ, профессор кафедры филологии КамчатГТУ С.Н. Кузнецов, сотрудники КамГУ им. Витуса Беринга: декан филологического факультета профессор Н.Г. Ильинская, профессор кафедры русского языка О.А. Глущенко, старший преподаватель кафедры прикладной математики Д.А. Татаринцев, аспирант А. Сорокин.

На семинаре были также заслушаны доклады: ветерана Великой Отечественной войны Л.Ф. Спешнева, заслуженного артиста России, члена Союза журналистов России, преподавателя музыкального училища В.Т. Кравченко, президента общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Корякия»» Л.Г. Хамидулиной, председателя родовой общины «Ючгив» А.Ф. Маликович, председателя родовой общины «Пимчах» В.И. Ковейник, члена семейной общины «Акалук» В.Н. Добрынина, директора Корякского филиала КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК» Р.Н. Авак, преподавателей этого филиала К.Н. Халоймовой, Е.Е. Банакановой, В.Р. Дедык, корреспондента газеты «Абориген Камчатки» В.М. Нутаюлгина, руководителя Центра национальных культур «Сероглазка» Е.Т. Гиль, старшего научного сотрудника ТИГ ДВО РАН В.В. Петрашевой, преподавателя Камчатского государственного педагогического колледжа Е.А. Баринской, действительного члена Русского географического общества В.И. Борисова, социального работника КЦСОН О.К. Заевой, знатоков ительменского языка В.В. Рыжкова, А. Киле, преподавателя краевого государственного общеобразовательного учреждения «Центр образования «Эврика»» Е.Ф. Дьяконовой, препода-

вателя Северной народной академии Л.И. Чечуриной, ученицы 9-го класса средней школы с. Николаевка Т. Жбанковой.

В работе семинара участвовали не только специалисты и преподаватели учебных заведений, государственных учреждений и общественных организаций, деятели культуры Камчатского края, но и ученые научно-исследовательских институтов Москвы, Новосибирска, Московского государственного университета. Актуальность затронутых проблем отразилась в международном статусе семинара: с докладом выступил доцент кафедры филологии, гражданин Японии Дж. Сэкигути, заочное участие в работе семинара приняли специалисты, в частности А.П. Володин, д.филол.н., профессор кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), А.Е. Кибрик, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ, член-корреспондент РАН (Москва), Э. Кастен, директор выставки «Шаманы Сибири» Линден-музея г. Штутгарда (Германия), Д.Д. Бобалик, профессор лингвистики Университета шт. Коннектикут (США), Ч. Оно, специалист Университета г. Чиба (Япония), Й. Шимомура, генеральный директор общественной организации по технологиям переработки отходов г. Токио (Япония), и другие.

Уже само перечисление участников семинара свидетельствует о чрезвычайной актуальности обсуждаемых проблем. Во многих докладах лейтмотивом звучала не просто озабоченность, а настоящая душевная боль в отношении очевидных фактов: малочисленные северные этносы Камчатского края находятся под угрозой исчезновения в результате нарушения их традиционного природопользования, преемственности национальных традиций, усиления процессов аккультурации и ассимиляции, отсутствия практических решений социальных проблем, и прежде всего жизненно важной проблемы сохранения национальных языков. Было отмечено, что в Корякском округе, в Алеутском районе, в тех местах, где сохраняется естественная среда общения, свободно владеет родным языком только старшее поколение, которое с каждым годом становится все меньше. Нет в продаже художественной литературы на родных языках. Из-за недостаточного финансирования в средствах массовой информации мало места и времени отводится сообщениям и передачам на местных языках. В настоящее время отсутствуют условия для широкомасштабного научного изучения языков и культур коренных малочисленных народов на базе высших учебных заведений Камчатского края. В местах компактного проживания этих народов органы местного самоуправления муниципальных образований пока недостаточно заинтересованы в создании условий для непрерывного обучения родным языкам; не предусматриваются меры дополнительного стимулирования лиц из числа местных национальностей, деятельность которых направлена на практическое и научное изучение, преподавание и пропаганду родных языков, а также на создание учебных и методических пособий, экономических программ, целью которых является сохранение и развитие местных языков, изучение истории родного края, культуры и быта коренных народов Камчатки.

Участники семинара говорили о возможности и целесообразности совмещения политики сохранения и развития местных национальных традиций и распространения православной культуры среди коренных камчатских жителей. Была выражена уверенность, что, если на Камчатке будет проводиться подготовка специалистов по местным языкам, получат импульс к жизни и развитию не только языки, но и культурно-исторические традиции коренного населения. Неизгладимое впечатление на всех присутствующих произвело твердое обещание школьницы Таисии Жбанковой выучить ительменский язык, на котором говорила ее бабушка, и сделать все возможное, чтобы возродить культуру и традиции ительменского народа. И если младшее поколение готово идти по этому нелегкому пути, неужели взрослые останутся в стороне?

23 октября 2008 г. участники семинара посетили ительменскую деревню «Пимчак» (основательница В.И. Ковейник, председатель одноименной родовой общины) в окрестностях с. Сосновка и имели редкую возможность слышать и видеть песни и танцы коренных народов Камчатского края.

УДК 81

ПОВТОРИТСЯ ЛИ ЧУДО ВОЗРОЖДЕНИЯ?

*Архиепископ Игнатий,
управляющий Петропавловской и Камчатской епархией*

«Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит – и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие». Это слова замечательного русского философа, глубокого мыслителя И.А. Ильина. Это – историческая данность и заданность. «Каждый народ, – продолжает Иван Александрович, – призван явить миру и раскрыть перед ним это национальное своеобразие. Ибо для того оно от Бога и получено... Это прекрасно. Различны травы и цветы в поле. Различны деревья и облака. Богат и прекрасен сад Божий... И в этом все вещи, и все люди, и все народы – правы. И каждому народу подобает и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему. И в самом этом многообразии и многогласии уже поет и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого» [3].

Национальное содержание, особенность – главное богатство народа. Богатство внутреннее. Оно раскрывается во всей полноте и яркости в его религии и культуре. А самым главным составляющим народной культуры Д.С. Лихачев считал язык. «Язык, на котором он (народ. – Авт.) пишет, говорит, думает» [4]. Подобно тому, как язык человека – показатель его душевных качеств, язык народа – показатель его веры, культуры. «В языке сказались «внутренние силы» народа – его склонность к эмоциональности, разнообразие в нем характеров и типов отношения к миру» [4].

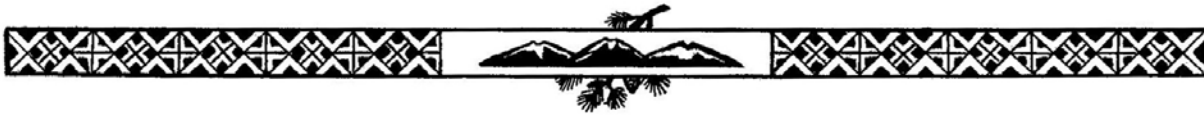
Но язык – это не только показатель духовного состояния народа, внутреннего содержания его жизни. Не только показатель. Это еще и мощный инструмент влияния на эту жизнь. Средство, которое способно ее и обогатить, возвысить, и обезличить, опустошить. Тысячелетие назад славянским племенам, рассеянными по Восточно-Европейской равнине, была дарована азбука. А вместе с ней – православие и книжность. Эта азбука особенна сама по себе. Ф. Винке (Бельгия), исследуя ее, сделал вывод: «каждая новая буква хранит первичный замысел своего создателя, содержит глубокий священный смысл и отражает религиозное мироощущение, мистическую интерпретацию каждого символа» [5]. Это слова современного ученого, человека западной цивилизации. А вот что пишет православный серб, богослов и лингвист Костенечский (XV век): «Все явленные в Откровении знаки, включая графические знаки Писания, становились не только символами, **но и ее составными частями**» [5].

Но главное – в другом. Благая весть, Евангелие, дойдя до сердца славянина, возвала к жизни удивительное явление – церковно-славянский язык, живущий и действующий по сию пору. Без него, как свидетельствуют отечественные филологи, писатели и поэты, у нас не было бы той великой художественной литературы, которой восхищается мир, не было бы в целом неповторимой русской культуры.

Язык, таким образом, являет тот потенциал, который заложен в народе Богом. Слово Божие освящает и обогащает народный дух, который создает затем новую культуру и новый язык. Русское православие изначально понимало и признавало эти истины. Возможно, поэтому святые равноапостольные Кирилл и Мефодий в своем переводе Библии избрали для обозначения Бога Сына, Второй Ипостаси Пресвятой Троицы, термин «Слово». Из всех возможных значений греческого оригинала «Логос» (разум, смысл, слово, понятие) святые братья остановились именно на этом. Зная, как благоговейно относились древние славяне к слову, интуитивно осознавая его значение и в повседневной жизни, и в исторической судьбе всего этноса.

Понимали это и просветители народов российского Дальнего Востока, православные священники и монахи – миссионеры. «Словом Божиим все сотворено, и все сотворенное держится

силою Слова Божия. Слово Божие для человека есть пища, питающая его душу; Слово Божие есть вода, утоляющая его жаждущую душу; Слово Божие – есть светильник, сияющий в темном месте, пока не придет день, взойдя в сердце» [2], – такими словами предварил святитель Иннокентий (Вениаминов) первый перевод Евангелия на алеутский язык, выполненный по его благословению и при его непосредственном участии. Святитель тщательно изучал местные языки и наречия в мельчайших подробностях. «Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, – вспоминал он впоследствии, – в произношении которых участвует не только горло, язык, губы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы. А какая грамматика! То падеж впереди имени, то притяжательное местоимение слито с именем. И все это преодолено!» [6].

К переводам священных текстов на якутский, алеутский и иные местные языки преосвященный Иннокентий подходил исключительно ответственно. Русский писатель И.А. Гончаров в своем произведении «Фрегат “Паллада”» рассказывает, что ему довелось присутствовать в скромной келье святителя, где небольшая группа занималась переводом. Сличались греческий, славянский и русские тексты с якутским; присутствующие строго поверяли каждое слово и часто сильно затруднялись в подборе их для передачи не только отвлеченных понятий, но и даже самых бытовых выражений. Так, например, слов «плод» и «хлеб» у этих народностей не существовало вовсе. Лишь владыка Иннокентий впервые познакомил жителей этих краев с видом и вкусом печеного хлеба.

Первый епископ Камчатки – митрополит Нестор (Анисимов). Его великая просветительская деятельность развивалась на полуострове на рубеже XIX–XX вв. Подобно апостолам и он общался с камчадалами на их языках. Но в отличие от апостолов эту способность (знание языков) он приобрел усердным длительным самоотверженным трудом. «Овладев несколькими языками коренных жителей, в том числе корякским, он переводит на него Божественную Литургию, молитвы, проповеди и беседы, некоторые главы из Евангелия; составляет русско-корякский словарь и разговорник. А на тунгусский (эвенкийский) язык переводит молитву «Отче наш», заповеди Моисея и заповеди блаженства» [1].

Как свидетельствуют сами великие подвижники-миссионеры, приобщение малочисленных северных народов к высотам христианской культуры приносило свои плоды тотчас же. «Лишь только алеуты увидели книги на своем родном языке, в них возбудилось такое желание учиться, читать сии книги, что не только взрослые мужчины и женщины стали учиться тому друг у друга, но даже и седые старики; и в настоящее время есть места, где, можно сказать, все, кроме младенцев, более или менее умеют читать.» [2].

А вот результаты трудов владыки Нестора. Он пишет, что в первый день Пятидесятницы: «...крестилось и присоединилось... душ около трех тысяч» (Деян. 2:4–16, 41). «Воздействие от произнесенной проповеди и совершенных молитв на корякском было таким же. В праздник по поводу освящения храма во имя святителя Иоасафа Белгородского в Тиличихах крестилось одновременно около тысячи коряков, народа, наиболее упорно сопротивлявшегося крещению. Общение на одном языке делает людей не только собеседниками, но и друзьями» [1].

Великие традиции укрепления национального самосознания и развития национальной культуры народностей камчатского полуострова возрождает ныне Петропавловская и Камчатская епархия Русской Православной Церкви. В течение нескольких последних лет переведены на эвенкий и корякский языки Евангелие от Луки, а священнослужители-миссионеры взяли на себя непростой труд – донести эту Благую Весть в печатном слове до самых отдаленных национальных поселков. Самые современные средства передвижения и собачьи упряжки были использованы для этих целей. Ныне в библиотеке каждой национальной школы и каждого поселка имеется издание Евангелия на местных языках. Следующий этап – донести Благую Весть до душ и сердец исчезающих народов – мы должны осуществить совместными усилиями Церкви, общества и государства. От того, насколько успешно этот этап будет осуществлен, зависит, повторится ли чудо возрождения национальных языков, которые в XIX–XX веках осуществил Господь трудами и молитвой великих православных святителей и священнослужителей.

Литература

1. *Белаиов А.И.* Митрополит Нестор (Анисимов) Камчатский. Жизнеописание. – Петропавловск-Камчатский: Музей истории православия на Камчатке и в Русской Америке, 2002. – С.14.
2. Избранные труды Святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки / Сост. магистр богословия прот. Б. Пивоваров. – Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997. – С. 257, 261.
3. *Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2 т. – Т. 1. – М.: Рарог, 1992. – С. 279.
4. *Лихачев Д.С.* Раздумья. – М.: Дет. лит., 1991. – С. 176, 178.
5. *Миловатский В.С.* Об экологии слова. – М.: Просветитель, 2001. – С.59.
6. Спасайте детей. Поучения святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. – СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1997. – С. 13.

УДК 81:39

ОТЗЫВ НА ПРОЕКТ ЗАКОНА КАМЧАТСКОГО КРАЯ «О ЯЗЫКАХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В КАМЧАТСКОМ КРАЕ»¹

*С.Н. Кузнецов,
д.филол.н., профессор кафедры общего языкознания МГУ,
профессор кафедры филологии КамчатГТУ,
эксперт Государственной Думы РФ по языковой политике*

На территории Камчатского края помимо русского языка, являющегося государственным языком РФ, используются языки коренных малочисленных народов Севера: корякский, ительменский, чукотский и эвенский. Все эти языки находятся под угрозой исчезновения и включены в Красную книгу языков народов России². Согласно Красной книге, из 180 народов, населяющих Российскую Федерацию, 64 находятся «в зоне этнического бедствия», спасение этих народов и их языков должно стать «приоритетным и неотложным направлением государственной языковой политики».

Принятый в 1991 г. (новые редакции в 1998 и 2002 гг.) Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» устанавливает: «Языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства. Языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства».

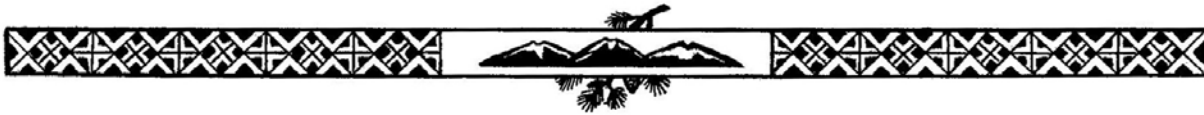
Однако, если третья часть «национального достояния Российского государства» оказалась «в зоне этнического бедствия», то это означает, что для защиты языков народов РФ должны быть предприняты *чрезвычайные меры*, как это делается в случае экологических катастроф. Никакая экологическая катастрофа не сопоставима по своим последствиям с ущербом, наносимым человечеству при безвозвратной утрате хотя бы одного языка и говорящего на нем народа, как бы мал этот народ ни был. Между тем речь идет о нескольких десятках народов и языков.

Инициатива законодателей Камчатского края по защите и сохранению языков малочисленных народов края вызывает всяческое одобрение и нуждается во всесторонней поддержке.

¹ Проект закона, предоставленный комитетом по вопросам КМНС Законодательного Собрания Камчатского края, опубликован в настоящем сборнике в разделе «Материалы и сообщения».

² Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Academia, 2002. (Красная книга является совместным изданием Института лингвистических исследований РАН, Московского государственного лингвистического университета, Центра языков и культур Северной Евразии им. кн. Н.С.Трубецкого).

Однако следует сказать прямо, что предложения, содержащиеся в проекте закона, совершенно недостаточны и никоим образом не смогут изменить положение к лучшему. В проекте не названы основные факторы, ведущие к исчезновению языков малочисленных народов, и не сформулированы меры, которые должны остановить этот процесс. К сожалению, теория языковой политики мало известна в нашей стране и еще не легла в основу законодательной деятельности в этой области. Целесообразно предложить некоторые возможные решения, которые вытекают из требований научной теории и практики деятельности Государственной Думы РФ, в которой автор данной статьи выступал экспертом при разработке законов о языковой политике и русском языке.

Ситуация с исчезающими языками малочисленных народов драматична. Этот факт следует признать со всей откровенностью, не занимаясь поисками виноватых, но и не скрывая истинного положения дел. Верный диагноз – залог к лечению болезни. Между тем проект закона камуфлирует сложившееся положение. Здесь говорится о «равных правах», которые якобы имеют или должны иметь разные языки, «независимо от их численности». Языкам малочисленных народов предлагается придать статус «местных официальных» и определить «перечень» учреждений, названия которых могут, по усмотрению местных властей, быть переданы на «местных официальных языках».

Все эти меры нельзя квалифицировать иначе, как чисто декоративные. В теории языковой политики принято сопоставлять народы и личности. Малочисленные народы с исчезающими языками – это «больные» народы (иногда «смертельно больные»), и отношение к ним должно быть такое же, как к больному (или смертельно больному) человеку. Можно ли декларировать, что у больного человека «равные права» со здоровыми людьми? Если мы хотим, чтобы больной излечился, прав у него должно быть *больше*, в первую очередь прав на безотлагательную помощь.

Поможет ли «больным» языкам, если мы объявим их «местными официальными» и будем названия некоторых учреждений писать на этих языках? Это все равно, что предложить больному человеку вместо лекарств избрание на официальную должность и вручить ему официальное удостоверение.

Ситуация «этнического бедствия» – это чрезвычайная ситуация, и она нуждается в чрезвычайных мерах. На эти меры и должен решиться законодатель. Вместо закона «О языках малочисленных народов Севера в Камчатском крае» должен быть разработан и принят совсем другой закон – **«О чрезвычайных мерах по поддержанию языков малочисленных народов Камчатского края»**. (Причем тут «народы Севера»? Это административное терминообразование не выдерживает научной критики. – Авт).

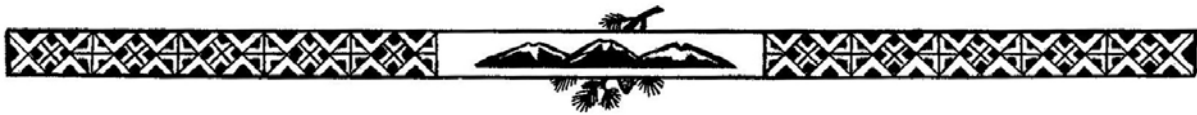
Языки малочисленных народов, которым грозит исчезновение, должны быть объявлены не «местными официальными» (это недостижимая утопия), а «официально поддерживаемыми» (или просто «поддерживаемыми») языками.

Статус «поддерживаемого языка» предполагает обязательное для властей всех уровней (а не только местных) сохранение в неприкосновенности территорий традиционного обитания данных народов, их традиционных промыслов и занятий, обеспечение условий для традиционного воспитания детей в семьях (дотации на такое воспитание), бесплатное обеспечение молодого поколения учебниками для начальной школы на родных языках, повышенное жалование для учителей, ведущих занятия на малых языках, обязательное радио- и телевидение на тех же языках (с выделением специальных каналов или специальных программ на обычных каналах), издание учебной и художественной (в первую очередь фольклорной) литературы на малых языках, ведение исследовательской работы в области малых языков и языковой политики, институтское (университетское) обучение специалистов по малым языкам, проведение культурных мероприятий (концерты, фестивали, туристические мероприятия, разработка и демонстрация моделей одежды с традиционными мотивами и пр.).

Особый статус должны получить территории компактного проживания малых народов.

Вся работа по поддержанию малых языков должна направляться краевым комитетом с широкими властными полномочиями, предусмотренными в краевом законе.

Очень важно обеспечить заинтересованность в поддержании малых языков у русского населения края и использовать ресурсы, в первую очередь моральные, Камчатской епархии для создания благожелательного отношения к коренным народам. Поддержание малых языков должно стать заботой всего населения Камчатского края, а не только носителей этих языков. Следует поощрять, в том числе материально, изучение местных языков представителями других народов, вознаграждать спонсорскую деятельность предпринимателей, привлекать к работе по поддержанию малых языков международные организации и фонды (например, по модели, которую используют финно-угорские народы РФ, обеспечившие своим проектам широкую международную поддержку).

Вместе с тем необходимо разумно ограничивать льготы и привилегии, предназначенные представителям малых народов, чтобы не способствовать распространению иждивенческих настроений в их среде и исключить недобросовестное пользование льготами и привилегиями.

Закон Камчатского края о поддержке малых языков может иметь прецедентное значение для других субъектов Российской Федерации, и законодатели края, несомненно, осознают важность их деятельности в этой области.

Автор статьи готов принять участие в разработке проекта закона на основе указанных принципов, если законодатели Камчатского края сочтут такое участие полезным и направят официальное приглашение.

УДК 81

МЕТОДЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ (ШКОЛА ФИЛФАКА МГУ)³

А.Е. Кибрик,

д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ, член-корреспондент РАН

В настоящей статье хочу поделиться своим многолетним опытом проведения коллективных лингвистических экспедиций по изучению малочисленных языков народов СССР, осуществляемых филологическим факультетом МГУ. Это началось много лет назад, летом 1967 г., когда кафедра структурной и прикладной лингвистики организовала первую лингвистическую экспедицию в Дагестан.

Вообще говоря, на факультете существовала еще с 40-х гг. традиция проведения диалектологической практики студентов с выездом в различные сельские районы для сбора материала по русским диалектам. Однако полевое изучение совершенно незнакомого языка осуществлялось впервые.

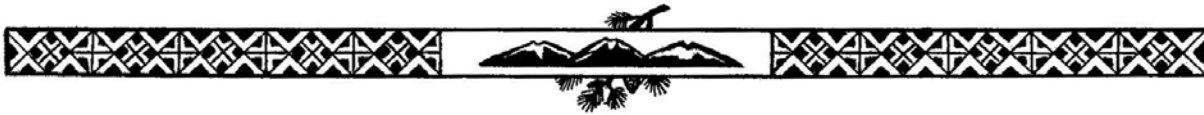

В эту первую экспедицию входили три преподавателя кафедры (включая меня) и шесть студентов. Им предстояло изучать в высокогорном селении один из дагестанских языков (лакский) полевым методом. Предполагалось, что для студентов это будет хороший опыт практического применения полученных ими теоретических общелингвистических знаний на экзотическом языковом материале. Для меня же это был совершенно новый вид деятельности, если не считать участия в одной из диалектологических экспедиций в студенческие годы.

Эта поездка показала, что извлечение языковой информации методом активного опроса информанта на языке-посреднике вполне реалистично. При этом необходимо иметь широкий кругозор в области варьирования естественных языков, в идеале предсказывающий возможные комбинации языковых явлений. Необходимо также владение методикой успешного взаимодей-

³ Подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 04-04-00215).

ствия с информантом, обеспечивающей достижение поставленных целей в кратчайшие сроки. Этим целям и была посвящена моя деятельность в последующих экспедициях.

Проблема исчисления параметров языкового варьирования относится к области лингвистической типологии, которая в 60-е гг. только зарождалась, поэтому использовать в готовом виде ее предсказания было тогда довольно трудно. Но было ясно, что к неизвестному языку нельзя относиться как к чему-то совершенно непредсказуемому, не помещая его эмпирические данные в некоторую универсальную схему и считая, что в неопisanном языке может встретиться «все что угодно». Если в языке обнаруживаются какие-то удивительные вещи, то это продукт недостаточности знаний о границах языкового варьирования, но не о внутренней природе самого языка. Удивительное в языке делает этот язык замечательным в том смысле, что вскрывает неполноту лингвистической теории и позволяет исследователю уменьшить степень своего типологического невежества.

Что касается индивидуальной работы с носителем языка, то основы ее технологии являются универсальными для всякой лингвистической полевой работы, и в этом плане весь накопленный мировой лингвистикой опыт должен быть учтен, а также обогащен личными наблюдениями.

В нашей экспедиционной деятельности присутствовали особый технологический компонент, связанный с ее коллективным характером. Исторически это связано с практической целью лингвистического тренинга начинающих лингвистов. Однако после преодоления основных методических трудностей полевой лингвистической работы стало очевидно, что обучающий компонент этих экспедиций не должен быть их самоцелью [3]. Истинной их целью должно быть собственно изучение малоописанных языков и получение определенного научного результата. Таким образом и сформировалась программа групповой (коллективной) полевой лингвистики.

За прошедшие четверть века под моим руководством было проведено более 40 экспедиций, в процессе которых изучались многие малочисленные и малоизученные языки народов СССР, прежде всего почти все дагестанские языки, а некоторые из них на диалектном уровне (в целом более 30 идиом). На Кавказе исследовались также абхазский (западнокавказская семья) и сванский (картвельская семья) языки, на Памире – шугнанский (иранская семья), в Центральной Сибири – тувинский (тюркская семья), на Камчатке алюторский (чукотско-камчатская семья). В последние годы мои бывшие ученики руководили изучением татарского, чувашского, балкарского (тюркская семья), марийского, коми, удмуртского (уральская семья) языков. В этих экспедициях многократно апробировалась и постоянно совершенствовалась технология коллективной полевой работы, и этот метод доказал свою жизнеспособность. Не считая многочисленных статей и диссертаций, были опубликованы монографические грамматические описания восьми языков (хиналугского, арчинского, табасаранского, аварского, годоберинского, цахурского, багвалинского, алюторского), а также сопоставительное описание лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса более 20 языков Дагестана.

Программа нашей полевой работы не предполагает обязательного учета результатов предшествующих исследований – она начинается «с чистого листа». Это связано, прежде всего, с учебными целями экспедиций: научиться работать с языком, о котором предварительно ничего или почти ничего не известно, и все решения находить «без подсказки». Такая постановка задачи облегчалась тем обстоятельством, что в большинстве случаев мы имели дело с очень слабо документированными языками. Даже при наличии публикаций по фонетике и морфологии имеющиеся сведения были далеко не полными и нуждались в серьезной проверке. Что же касается эмпирических данных (словари, тексты, парадигмы и т. п.), то воспользоваться ими было практически невозможно ввиду их полного отсутствия.

Привыкнув работать с языками, не имеющими глубокой лингвистической традиции описания, я прихожу к выводу, что это наиболее благоприятная исследовательская ситуация. Такое утверждение может показаться парадоксальным: кажется, что легче изучать язык, когда о нем предварительно многое известно. Однако следует иметь в виду, что всякая традиция навязывает некоторое априорное видение фактов. Усвоенная до знакомства с фактами, она заменяет их

в нашем сознании, гипнотизируя творческую волю и мешая увидеть факты в их непосредственной данности. Впоследствии, под давлением языкового материала, начинается мучительное преодоление традиции, на что затрачивается много лишних усилий.

При наличии некоторой традиции я предпочитаю действовать в другой последовательности. Сначала собираются и анализируются факты, а затем, когда некоторая самостоятельная гипотеза их обобщения сформирована, она сопоставляется с имеющимся описанием. При их совпадении правдоподобность собственной гипотезы существенно увеличивается, при их различии имеется конкуренция независимых описаний. Конечно, не исключается ситуация, когда традиционное описание предпочтительней «полевого», но в этом случае выбор принимается автором сознательно и с учетом языковых данных.

Тем не менее иногда мы отступали от этого правила, например, при работе со сванским языком, ближайшим родственником грузинского языка. Естественно, что имеющиеся описания сванского языка выполнены в традиции картвелистики, весьма отдаленно коррелирующей с современным понятийным аппаратом и терминологией описания структуры элементарного предложения. Это очень осложнило нашу работу, так как в нашем коллективном сознании одновременно существовали две модели описания, плохо соотносимые друг с другом.

Знакомство с бесписьменным языком «с чистого листа» с целью его документации и построения целостного описания предполагает решение весьма разнообразных и разнонаправленных задач. *Во-первых*, при отсутствии письменности каждое языковое выражение должно быть системно и адекватно фонетически зафиксировано и проинтерпретировано. Это предполагает решение множества проблем фонетического, фонологического и морфологического членения, которые должны быть разрешены «на месте», на самых начальных этапах изучения языка. Эту стадию желательно пройти как можно быстрее, по крайней мере, в ее основных чертах. Если этот этап затягивается и соглашения об интерпретации и форме записи данных постоянно меняются⁴, это может замедлить весь исследовательский процесс. *Во-вторых*, нужно обнаружить все грамматические сущности изучаемого языка (на морфемном, словесном и синтаксическом уровнях) и их функции, для чего необходимо выявить их дистрибутивные характеристики и собрать все релевантные парадигмы для всех обнаруженных классов морфем, слов и синтаксических конструкций. *В-третьих*, нужно собрать максимально полный лексикон с достаточно богатой словарной информацией для каждой его единицы, характеризующей ее употребление. *В-четвертых*, нужно записать и проанализировать представительный корпус разнообразных по жанру текстов, демонстрирующих реальное употребление языковых единиц в разнообразных контекстах.

Таким образом, объем эмпирической полевой работы требует значительного времени и больших трудовых затрат. Однако это не единственная и даже не основная трудность. В полевой работе, имеющей целью интегральное описание языка, надо, *в-пятых*, использовать теоретические знания из области практически всех современных областей лингвистики. Современная лингвистическая теория, как известно, является бурно развивающейся и чрезвычайно разветвленной областью знания. Естественно, в практике изучения крупных языков, имеющих длительную лингвистическую традицию, сформировалась детальная профессиональная специализация. Малоописанные языки, наоборот, изучаются исследователями-одиночками. Поневолле каждый такой исследователь является аналогом целого лингвистического института.

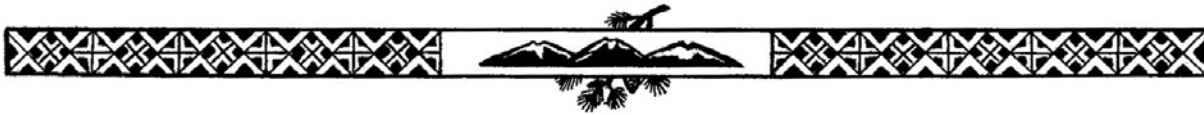
Полевые исследования филфака МГУ заложили основы *группового (коллективного)* метода, который, по моему убеждению, имеет неоспоримые преимущества перед методом «один язык – один исследователь». Однако прежде чем говорить о преимуществах данного метода, следует указать на ограничения и связанные с ними сложности.

Ограничения и сложности коллективного метода

1. Считается, что привлечение многих исследователей к изучению языка экономически неоправданно, так как требует больших финансовых средств. Действительно, пребывание в поле одного человека дешевле, чем нескольких. Однако, как будет показано далее, экспедиционный

⁴ Речь не идет о технических заменах, не требующих содержательных исправлений всего ранее собранного материала.

период во втором случае во много раз короче. Кроме того, совокупное время на подготовку лингвистического продукта также существенно сокращается при коллективной работе.

2. Более принципиально другое ограничение. Этот метод требует не только достаточного количества лингвистов, но и достаточного количества информантов-переводчиков (не менее одного переводчика на двух лингвистов), готовых работать на регулярной основе. Далеко не всегда это возможно из-за малого количества носителей языка, проживающих в одном пункте, или малого количества носителей, владеющих контактным языком и (или) имеющих возможность несколько недель посвятить себя работе в качестве переводчика. Коллективное пребывание лингвистов в поле требует ритмичной работы и свободного доступа к носителям языка. Впрочем, если эти условия не соблюдаются, тогда исследователь-одиночка тоже работает в поле неэффективно.

В нашей практике мы неоднократно отказывались от очень перспективного в лингвистическом аспекте языка по указанной объективной причине.

3. Против коллективной работы с языком выступает «собственнический» инстинкт некоторых лингвистов, занимающихся «редкими» языками – желание иметь «право единоличной собственности» на язык. С этим феноменом приходилось неоднократно встречаться, вступая на уже занятую «чужую» территорию. Появление новых исследователей, занимающихся тем же языком, часто воспринимается болезненно, хотя я категорически не разделяю такую этику и всегда ее игнорировал.

Более тонкий этический аспект связан с вопросом об «интеллектуальной собственности». Действительно, во всякой коллективной деятельности полное разделение интеллектуальной собственности невозможно, поскольку многие открытия делаются коллективно и принадлежат не индивидууму, а группе индивидуумов. Однако известно, что в науке нередко серьезные достижения принадлежат не одиночкам, а коллективам, и полевая работа здесь не исключение.

В нашей практике были выработаны средства фиксации личного вклада каждого исследователя в общий проект, хотя готовность подарить некоторую часть своего вклада партнеру должна присутствовать у членов такого коллектива. Решающим мотивом подобной деятельности должно быть все-таки достижение описательной цели как таковой, а не исключительное стремление выделить принадлежащую лично тебе часть. В целом следует сказать, что коллективная деятельность несовместима с абсолютным индивидуализмом и не всякий готов в ней участвовать. Полагаю, что ко всякому делу (и к полевой работе также) у всякого человека имеется множество противопоказаний, поэтому коллективная полевая работа ничем не лучше и не хуже всякого другого поприща ⁵.

4. Практика нашей полевой работы показывает, что это творческий процесс, в котором никакие текущие решения не могут считаться окончательными. Напротив, очень многие элементы интерпретации многократно видоизменяются. Это касается как транскрипционной записи и принципов глоссирования, так и понимания сущности языковых явлений. При коллективной работе необходимо, чтобы все члены коллектива синхронно отслеживали текущую исследовательскую ситуацию, в противном случае могут возникнуть всевозможные недоразумения, иногда очень нежелательные.

Кроме того, обычно разные люди решают одну и ту же задачу по-разному, а всякая коллективная работа требует слаженных действий. В коллективной работе с языком, особенно при его документации и описании, неизбежно возникает разнобой в фонетической записи языковых выражений, их переводе и интерпретации, в использовании терминологии и формальных средств, а также в способе их применения. Поэтому достижение единообразия и последовательности описания требует постоянной координации всех действий и согласования множества вопросов теоретического и технического порядка. Достижить этой цели можно только прилагая специальные усилия и осуществляя постоянный контроль. В этом смысле исследователю-одиночке работать значительно легче, поскольку он не должен ничего ни с кем согласовывать,

⁵ Вспоминается казус, когда одна студентка не поехала в экспедицию на мусульманский Кавказ, потому что не смогла преодолеть свой принцип не надевать юбку (для местных жителей женщина в шортах или брюках является оскорблением общественной морали).

хотя следует отметить, что индивидуальный метод сам по себе не дает гарантий от разнобоя и противоречий в описании.

Следует признать, что указанное свойство коллективной работы относится к ее органическому издержкам, но оно вполне преодолимо. Однако вспомним, что те же проблемы имеются во всякой коллективной деятельности. Солисту в каком-то смысле легче исполнять музыкальное произведение, чем оркестру или хору, но солист не может заменить собой оркестр или хор.

Итак, объективные сложности коллективной полевой работы существуют, но в большинстве случаев они преодолимы.

Преимущества коллективной полевой работы

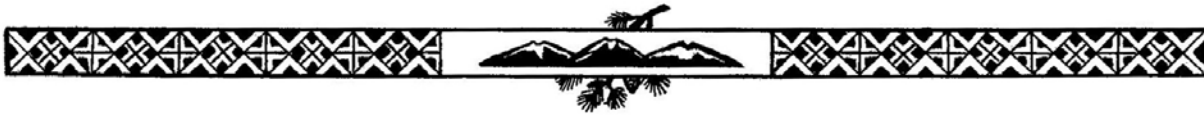
Рассмотрим преимущества группового метода полевой работы.

1. Этот метод позволяет во много раз ускорить эмпирический этап сбора языковых фактов. То, на что обычно требуются годы, осуществляется за несколько недель. Первый опыт успешной организации такой работы был получен нами при изучении хиналугского языка. На этом языке говорят жители селения Хиналуг, расположенного в высокогорной местности в Азербайджане, в результате чего этот язык отстоял от основного анклава дагестанских языков. Генетически и структурно хиналугский язык также значительно отстоит от прочих языков этой семьи. С одной стороны, он сохранил много архаических черт, восходящих непосредственно к праязыковому состоянию; с другой стороны, он подвергся значительному влиянию азербайджанского языка, в окружении которого находился длительное время.

Описание хиналугского языка основано на материале, собранном командой из 14 человек летом 1970 г. Команда состояла из трех научных работников и 11 студентов. Для научных работников были выделены три зоны персональной ответственности: фонетика (С. Кодзасов), лексика и тексты (И. Оловяникова) и морфология (А. Кибрик). Сбор данных по морфологии осуществлялся студентами под руководством А. Кибрика. Все студенты были разбиты на группы по морфологической тематике. Студенты, уже имевшие опыт полевой работы, имели индивидуальную тему или работали в паре с новичком. Полевая сессия заняла шесть недель, после чего в Москве три ее руководителя интенсивно обобщали собранные коллективом данные. Текст окончательной редакции грамматики писали совместно А. Кибрик и С. Кодзасов, И. Оловяникова готовила к печати лексикон (около тысячи слов) и тексты (объемом 440 предложений). В те годы еще не выработалась традиция глоссирования, но треть текстовых предложений была дана с морфологическим членением. Затем в январе 1971 г. была организована десятидневная экспедиция для проверки грамматических гипотез, фонетической проверки материала, уточнения переводов и дополнительного сбора парадигм. После этого еще полгода ушло на подготовку окончательного текста описания. Книга вышла из печати в 1972 г. [9].

Сразу после завершения работы над грамматикой хиналугского языка мы приступили к изучению алюторского языка, который относится к чукотско-камчатской языковой семье. На нем говорят в нескольких поселках на севере Камчатки. Это яркий представитель умирающих языков, поскольку на нем говорят лишь несколько сотен человек и молодежь, как правило, не знает материнского языка. Алюторскому языку были посвящены три экспедиции. В первой экспедиции (1971 г.), продолжительностью пять недель участвовали девять человек, включая пятерых студентов и четверых исследователей (А. Кибрик, С. Кодзасов, И. Мельчук, С. Никитина). Алюторский язык резко отличался от всех языков, с какими нам довелось встречаться ранее, и прежде всего своим несоответствием нашим представлениям о том, чего следует и не следует ожидать в неизвестном языке. На экспедиционных семинарах жарко обсуждались нетривиальные проблемы фонетики, создававшие большие трудности для транскрибирования. В частности, надо было разобраться с двойственным статусом звука [М], который во многих случаях является предсказуемым, выполняя служебную эпентетическую функцию разделителя невокализированных консонантных кластеров, однако наряду с этим нередко используется как элемент морфемной структуры, не выводимый по стандартным правилам эпентезы. Не меньшие трудности вызывали громоздкие глагольные парадигмы, некоторые члены которых необъяснимым образом отклонялись от очевидного принципа агглютинативной аддитивности и зна-

чение которых не удавалось сформулировать в обычных категориальных терминах. Загадочной выглядела также вся грамматическая семантика. Алюторский язык сближало с дагестанскими наличие эргативной конструкции, но ее синтаксическое поведение очень отличалось от известного нам эргативного типа.

Как и ранее, С. Кодзасов отвечал за фонетику, А. Кибрик и руководимые им студенты – за грамматику, И. Мельчук был консультантом по всем вопросам как автор, претендующей на универсальность модели «смысл – текст», а С. Никитина занималась этнолингвистикой и культурной антропологией. Наряду с исследованием грамматики, с самого начала собирались тексты и лексика. Кроме того, мы начали проверку неопубликованных текстов, собранных в 50-е гг. и любезно переданных нам этнографом И.С. Вдовиным. В них отражен жанр эпических повествований, практически забытых алюторами к 70-м гг. XX в.

Документация алюторского языка продолжилась летом следующего, 1972 г. В итоге значительно расширилась коллекция собранных и обработанных текстов, целенаправленно собирался словарь. Однако участники экспедиции чувствовали неудовлетворенность уровнем понимания «духа» алюторского языка: все морфологические формы были собраны и проверены, но их функции оставались во многом неясными.

Алюторская программа осуществлялась нами параллельно с дагестанской, и это осложняло «домашнюю» межэкспедиционную деятельность. Известно, что полевая работа не кончается в поле – за ней следуют кропотливый анализ и обобщение собранных данных. Дома выяснилось, что необходима еще одна поездка к носителям алюторского языка, но вернулись мы к нему лишь в 1978 г. (четыре недели, девять человек, из них три новичка-студента), поставив своей целью сосредоточиться на двух аспектах – сборе материала по синтаксису и окончательной проверке ранее записанных текстов и их переводов, словаря и морфологического описания. За прошедшие годы число носителей языка, способных работать с нами в качестве переводчиков, значительно сократилось. Тем не менее запланированную работу удалось выполнить. Однако по ряду причин публикация алюторских материалов была отложена, и монографическое описание появилось только в 2000 г. [10]. Оно состоит из трех частей: собрания текстов (41 текст общей длиной 1284 предложения), словаря (более 3000 слов, 1260 корней) и грамматического очерка, включающего разделы о фонетике, морфологии и синтаксисе.

Грамматический очерк был написан по материалам экспедиционных отчетов с активным использованием спонтанных текстовых примеров и особым акцентом на типологическое своеобразие алюторского языка. Двадцатилетняя пауза не прошла даром. За это время существенно расширились наши общелингвистические знания. Некоторые ранее казавшиеся нам загадочными и уникальными явления получили объяснительную интерпретацию благодаря обнаруженным за эти годы аналогиям с фактами других языков. В частности, удалось объяснить механизм полиперсонного глагольного спряжения, в который встроен принцип обратной маркированности, и в целом – причину кажущегося отклонения от агглютинативной кодировки в отдельных частях грамматики [16]. В действительности принцип агглютинации сохраняется, но он согласован с более глобальным семиотическим принципом кумулятивного кодирования тех комбинаций грамматических значений, которые наиболее когнитивно сопряжены [6]. За прошедшие годы в литературе сформировался стандарт представления текстов на экзотических языках. Поэтому для нашего издания были выработаны принципы морфоделения, введена строка глоссинга, проведена сверка текстов со словарем. Несмотря на большой временной разрыв между сбором материалов и их публикацией, оказалось возможным обойтись без дополнительной проверки языковых данных, что свидетельствовало об их фактографической добротности.

Несколько другой формат документирования был использован при работе с арчинским языком, который, как и хиналугский, является одноаульным (условно его относят к лезгинской группе дагестанских языков). Он расположен в центральной части горного Дагестана. По своим структурным характеристикам этот язык близок к типовому стандарту всей языковой семьи.

Первое знакомство с арчинским языком состоялось еще в 1968 г. Это был первый язык, к изучению которого мы приступили системно, с учетом опыта первой экспедиции и на основе

определенной программы. В экспедиции (шесть недель) участвовали девять человек, включая шестерых студентов. Фонетической работой студентов руководили С. Кодзасов и И. Оловяникова, грамматической – А. Кибрик. Тем не менее и эта экспедиция в основном оказалась для нас учебной. Мы создавали формат коллективного исследования и привыкали к типологическим параметрам дагестанских языков. Вместе с тем эта экспедиция вдохновила нас на описание хиналугского языка, о котором я уже говорил. Основным приобретением арчинской экспедиции было знакомство с одним из носителей арчинского языка, студентом-филологом Дагестанского университета Д. Самедовым, проявившим особый интерес к нашей работе и показавшим большие лингвистические способности. Впоследствии нам удалось добиться перевода Самедова в Московский государственный университет. Это обстоятельство сыграло решающее значение в дальнейшей работе над арчинским языком.

В 1971 г. наряду с алюторской экспедицией была проведена вторая экспедиция по арчинскому языку, в которой участвовало уже 15 человек (из них 13 студентов). Эта экспедиция занималась сбором данных по арчинской морфологии в соответствии с детально разработанной анкетой. Вся дальнейшая работа над сбором данных осуществлялась в Москве совместно с Д. Самедовым, который выступал уже не только как переводчик, но и как соавтор. Надо отметить, что это наиболее эффективный метод коллективной работы над языком, которым мне, к сожалению, за три десятка лет полевой работы посчастливилось воспользоваться лишь однажды. В течение восьми лет готовилось наиболее крупное описание, которое выполняли четыре автора: С. Кодзасов, как обычно, отвечал за фонетику, А. Кибрик – за грамматику, С. Кодзасов, А. Кибрик, И. Оловяникова и Д. Самедов – за словарь, тексты собирал в основном Д. Самедов во время своих летних поездок домой, а обрабатывал он их совместно с А. Кибриком.

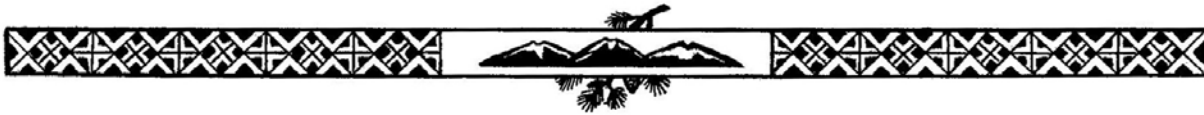
В 1977 г. вышло 4-томное описание арчинского языка. В первом томе [11] дается очень подробное описание фонетики арчинского языка [11, с. 185–355], написанное С. Кодзасовым, а также рассматриваются некоторые вопросы арчинской лексики: лексические классы слов (заимствования, топонимы, именные классы слов, идеофоны), элементы словообразования и материалы к тематическому словарю с этнокультурным уклоном. Описание лексики принадлежит Д. Самедову, И. Оловяниковой и А. Кибрику. Второй и третий том содержат два альтернативных равнозначных описания грамматики арчинского языка – таксономическое и динамическое, написанные А. Кибриком [4, 5]. Таксономическое описание выполнено в рамках традиционной структурной парадигмы, а динамическое построено в соответствии с принципами модели «смысл – текст». Кроме того, специальный том посвящен текстам и словарю [12].

Наиболее длительным по времени был проект, посвященный сопоставительному изучению дагестанских языков. Он был начат в 1973 г. Его центральную часть составляла документация общедагестанской лексики. При этом было отобрано около тысячи слов (организованных в виде тезауруса), эквиваленты которых предполагалось собрать по большинству дагестанских языков. Некоторые языки были представлены несколькими говорами (идиомами). Кроме того, в каждом идиоме исследовалась именная и глагольная морфология. Каждое слово фиксировалось в нескольких диагностических формах, по которым можно было бы строить их полные парадигмы. Кроме того, собиралась другая необходимая информация о каждом слове, например: классная принадлежность имен, глагольное управление глаголов и др.

В словарном проекте одновременно работали две-три партии в различных селениях. С 1973 по 1982 гг. было проведено девять больших экспедиций в различные районы Дагестана и Азербайджана, в результате которых был собран словарный и грамматический материал по 30 идиомам, представляющим 22 языка. В этих экспедициях в целом участвовали 200 человек. Всей работой руководили А. Кибрик и С. Кодзасов, ими же осуществлялась проверка и перепроверка собранного материала. Словарь каждого идиома многократно перепроверялся на месте. С этой целью с 1978 по 1984 гг. были организованы четыре специальные экспедиции, а также многочисленные выезды в районы во время работы основных экспедиций.

Вся полевая работа проводилась в докомпьютерную эпоху, когда словарь многократно переписывался вручную на бумажные и карточные носители, что также создавало новые ошибки и требовало огромных временных ресурсов. Результат этой многолетней работы был опубликован в двухтомном издании [7, 8].

Как видно из примеров, студенты в основном выполняли функции сбора данных и их первичного обобщения. Окончательные описания осуществлялись более опытными исследователями⁶. Однако такое распределение функций не является обязательным принципом коллективной работы, а предопределяется опытом и профессиональными возможностями участников экспедиции. Так, один из авторов алюторской грамматики – И. Муравьева – начинала в первой алюторской экспедиции как студент, однако в дальнейшем специализировалась на чукотско-камчатских языках и стала ведущим знатоком алюторского языка. Естественно, что она является одним из авторов нашего коллективного описания. Д. Самедов начинал как переводчик при полевой работе над арчинским языком, а впоследствии был соавтором двух томов арчинской грамматики.

Наш первый успешно реализованный опыт написания грамматического описания с авторским участием студентов был целенаправленно осуществлен в издании [15], которое стало результатом коллективной работы экспедиции 1979 г. (четыре недели), посвященной изучению северного диалекта табасаранского языка (селение Дюбек). В ней участвовали 11 человек, из них семеро студентов. Это была уже третья поездка, ранее мы дважды работали в южном диалекте.

Табасаранский язык является младописьменным, на нем говорят в основном в двух районах Дагестана. Он является типичным представителем лезгинской группы дагестанских языков. В отличие от предыдущих экспедиций теперь в центре внимания находился синтаксис. Четырьмя синтаксическими темами руководил А. Кибрик (синтаксис и морфология глагольного согласования, каузативная конструкция, конструкции с сентенциальными актантами, сочинительное сокращение), одной темой – О. Богуславская (определительные конструкции). Кроме того, фонетикой занимались С. Кодзасов и И. Муравьева. Авторские коллективы подготовили по каждой теме соответствующие разделы монографии⁷.

В 90-е гг. эффективность коллективной полевой работы и научный уровень подготовки студентов существенно возросли. Так, по материалам экспедиции 1992 г. по изучению одного из аварских диалектов⁸ (три недели) было подготовлено издание, в котором в качестве авторов выступали следующие студенты [17]: Е. Калинина (неглагольные предикаты), К. Казенин (номинализация), Е. Лютикова (генитивная конструкция и релятивизация), С. Татевосов (универсальные квантификаторы). Они начали свою экспедиционную карьеру всего на год раньше. В дальнейшем – составили ядро последующих экспедиций, участвуя в научном описании еще трех дагестанских языков, а затем стали самостоятельно руководить экспедиционной работой.

Следующая экспедиция 1993 г. (17 человек) работала три недели над документацией и описанием годоберинского языка. Кроме студентов и сотрудников факультета в ней участвовали коллеги-лингвисты М. Хаспельмат и А. Кибрик.

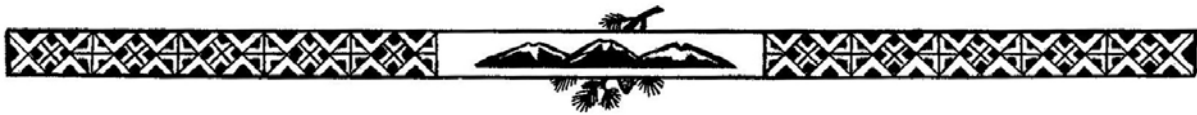
Годоберинский язык представлен в основном в селении Годобери, которое находится на западе Дагестана, на границе с Чечней. Он входит в андийскую группу дагестанских языков. Годоберинский язык является одним из наименее изученных дагестанских языков. Несмотря на очень ограниченный период полевой работы, нам удалось исследовать фонетику, морфологию, синтаксис, некоторые вопросы семантики, собрать три текста (около 130 предложений) с грамматическим анализом, лексикон (около 800 слов общедагестанской лексики). В течение последующего года готовилось грамматическое описание, а летом 1994 г. К. Казенин и С. Татевосов провели двухдневную сессию в Годобери, сняв возникшие при написании грамматики вопросы. Далее рукопись дорабатывалась, редактировался английский текст. В 1996 г. грамматика была опубликована [18]. Соредакторами книги стали С. Татевосов (лингвистическое редактирование) и А. Ойленберг (английская редакция). В подготовке изданий участвовали 13 авторов. Ес-

⁶ Следует подчеркнуть, что в описаниях указывалось авторство грамматических примеров и приводились ссылки на экспедиционные студенческие отчеты.

⁷ Почти все тогдашние авторы-студенты впоследствии стали состоявшимися учеными – это М.Б. Бергельсон, А.А. Зализняк, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, М.Г. Селезнев.

⁸ Аварский язык является наиболее многочисленным дагестанским языком, имеющим литературную норму. Однако он диалектно очень разнообразен, поэтому изучавшийся нами диалект довольно далек от литературного аварского.

ли в коллективных публикациях по табасаранскому и аварскому языкам освещались только некоторые языковые темы, то в данном случае было подготовлено целостное описание языка.

В 1995–1996 гг. были организованы две экспедиции по изучению цахурского языка (соответственно 19 и 16 участников) общей длительностью пять недель. На цахурском языке говорят на юге Дагестана, в районе главного Кавказского хребта, а также в Азербайджане. Генетически он входит в лезгинскую группу. Этот язык имеет грамматику [2], содержащую описание фонетики и морфологии. Это описание использовалось при подготовке к экспедиции. Кроме того, в 70-е гг. цахурский язык (правда, другой его идиом) исследовался в течение двух экспедиций (в области фонетики, морфологии и словаря).

В первой экспедиции (1995 г.) в основном был собран эмпирический материал, во второй он проверялся и дополнялся. В процессе создания окончательного текста книги возникли новые вопросы к данным, поэтому летом 1997 г. в Москву был приглашен один из наших переводчиков, с которым в течение трех недель велась дополнительная работа. В цахурском проекте значительно расширился диапазон проблематики. Наряду с фонетикой, морфологией и синтаксисом специальному исследованию были подвергнуты средства организации дискурса, значительное внимание уделялось грамматической семантике и сбору представительного корпуса текстов (девять текстов длиной более 700 предложений) и лексики. Описание вышло в 1999 г. [13]. Кроме редактора-составителя (А. Кибрика), соредктором был Я. Тестелец. В этом издании участвовали 14 авторов, включая четырех студентов.

Наконец, последняя изданная грамматика посвящена багвалинскому языку. Он является близким родственником годоберинского языка, входя вместе с ним в андийскую группу. Он также не имел опубликованного грамматического описания.

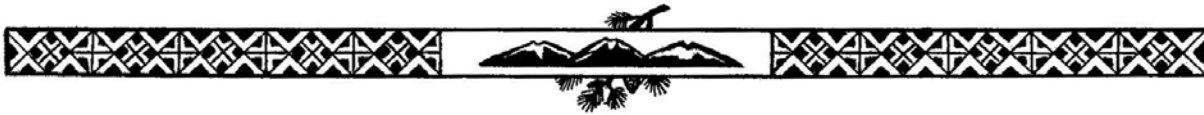
Этот язык изучался в трех экспедициях: в 1994 г. (16 участников), 1997 г. (21 участник) и 1998 г. (16 участников). Общая продолжительность полевой работы составляла семь недель. Схема работы была такой же, как с цахурским и годоберинским языками. Результатом этих исследований стало издание книги [14]. Существенной частью этого научного труда наряду с грамматикой являются 26 текстов длиной в 700 предложений и словарь, содержащий около 1500 лексем. В подготовке издания был использован также институт соредкторов (К. Казенин, Е. Лютикова, С. Татевосов), ответственных за отдельные главы.

Как видно из приведенного краткого обзора девяти проектов, доведенных до публикации, ни один из них не мог быть осуществлен в сопоставимые сроки, а многие из них в принципе не могли быть реализованы, если бы их выполнял исследователь-одиночка.

2. *При продуманном применении групповой метод позволяет воспользоваться известными достоинствами принципа разделения труда.* Коллективный метод работы не просто арифметически увеличивает количество собираемого за единицу времени языкового материала и ускоряет рутинную часть работы, связанную с опросом информанта и записью его ответов, хотя и это немаловажно. Данный метод позволяет использовать способности каждого исследователя наиболее эффективно именно на тех видах работы, где он может принести наибольшую пользу. Поскольку в наших экспедициях участники существенно отличаются по уровню их полевого и общелингвистического опыта, вся полевая деятельность организована иерархически, когда более опытные участники руководят менее опытными.

Глубина иерархии может быть различной, но обычно имеются следующие звенья. В экспедиции есть руководитель, отвечающий за все аспекты полевой работы: научную программу, общие и текущие цели, согласование альтернативных точек зрения и принятие принципиальных теоретических решений, обеспечение жизнедеятельности и т. п. Ему непосредственно подчинены научные работники с большим опытом полевой работы, отвечающие за отдельные ее участки. Каждый из них отвечает за некоторую большую научную тему или темы. К таким темам относятся: фонетика, морфология, синтаксис, дискурс, текстовые данные, словарные данные, т. е. те компоненты, из которых складывается интегральное описание языка. Наряду с собственно научными могут быть и вспомогательные задачи, такие как компьютерное и программное обеспечение группы, взаимодействие с коллективом переводчиков, организация питания, транспорта и т. п. Научные темы делятся на подтемы (так называемые «кусты»), за которые могут отвечать опытные экспедиционеры-студенты. В составе «куста» находятся сту-

денты-новички, работающие под руководством главы «куста». Естественные подтемы в области морфологии связаны с частями речи (например, глагол, существительное, местоимение, прилагательное, прочие «малые» части речи) или с формальной морфологией и морфосемантикой. В области синтаксиса членение связано с различными типами конструкций (например, простое глагольное vs. именное предложение, актантные, обстоятельственные и относительные предложения, сравнительные конструкции и т. п.) или процессов (например, согласование, сочинение предложений, способы повышения (понижения) переходности, рефлексивизация и т. п.).

В каждой экспедиции состав тем и подтем является индивидуальным. Он зависит от научных интересов членов группы, принимаемой лингвистической теории и специфики языка. Но в целом все поле исследуемых лингвистических проблем иерархически поделено на сферы влияния, где установлены все зоны взаимных интересов отдельных групп. Существенно, что темы и подтемы не членят язык на непересекающиеся области и каждый исследователь, занимаясь своей более или менее узкой темой, в той или иной степени затрагивает явления, изучаемые его коллегами. Такое дублирование не является избыточным – оно позволяет компенсировать невозможность обращаться к собственной интроспекции для проверки правильности языкового материала и повышенную опасность совершать ошибки при документации и интерпретации данных. Множественность исследователей, изучающих одно и то же явление, позволяет видеть его «стереоскопически», с разных индивидуальных точек зрения. Это, разумеется, требует их согласования и выработки единообразного взгляда на каждое явление. Но данное обстоятельство в принципе позволяет достичь большей объективации описания и избежать многих случайных, недостаточно продуманных или ошибочных решений как в представлении данных, так и в их теоретической интерпретации.

3. При групповом методе достигается более высокий уровень профессиональной подготовки исследователей. В самом начале нашей экспедиционной деятельности, когда преимущественно исследовались традиционные уровни грамматики языка – фонетика и морфология, разделение функций руководителей проходило по этим уровням. Так создавалось описание хиналугского и арчинского языков. Действительно, каждый из этих уровней обладает известной автономностью языковых объектов и требует профессиональных навыков исследователя.

Высокий фонетический профессионализм в области общей фонетики совершенно необходим полевому лингвисту, поскольку при отсутствии опоры на орфографию адекватная фиксация звуковой стороны языковых выражений является необходимым условием всякого лингвистического описания. В нашей практике бесшумным специалистом в этой области был С. Кодзасов, непревзойденные способности которого в имитации и восприятии звучащей речи сочетаются с широчайшей типологической эрудицией и владением всеми современными фонетическими теориями и методами. Благодаря этому по многим исследованным нами языкам удалось обнаружить ранее неизвестные явления и достичь новых результатов. Даже если фонетика не является самостоятельной целью изучения, например при лексикографическом исследовании, избежать ее невозможно. Известно, сколько проблем возникает у исследователей-одиночек, вынужденных многие годы биться с загадочными сегментными и особенно просодическими явлениями, которые они не могут научиться слышать и записывать, а тем более описывать.

Что касается морфологии, то в ней существует свой арсенал средств обнаружения и описания ее единиц, которым должен владеть полевой лингвист, и этот арсенал существенно отличается от современного арсенала в области синтаксиса.

Конечно, современная специализация в лингвистике столь глубока, что невозможно спроецировать ее в полном объеме на коллективную полевую работу. Каждый полевой исследователь должен быть специалистом широкого профиля. Вместе с тем при коллективной работе целесообразно сочетать в себе широкие лингвистические знания по большому числу проблем с глубокими знаниями в более узких областях, этого мы и старались достичь в нашей команде. Наш опыт показывает, что разделение профессионализма и коллективная работа исследователей, специализирующихся на различных конкретных явлениях языка, технологически выводит

исследование малоописанного языка на уровень описания языков с развитой лингвистической традицией.

4. *Коллективная работа в поле предоставляет всем участникам проекта возможность межличностно взаимодействовать в реальном масштабе полевого времени.* В наших экспедициях важным механизмом интегрирования коллективного взгляда на язык являются, как правило, ежедневные семинары ⁹, цель которых – коллективное текущее отслеживание всей новой информации о языке, полученной в индивидуальной работе с информантами. Благодаря этому каждый исследователь имеет доступ к знаниям, далеко выходящим за рамки собранного лично материала.

Формы работы могут быть различными: краткие сообщения о «горячих новостях» или коллективный разбор текстов. Последние естественным образом «вместе и сразу» содержат все компоненты языка, и установка на детальный анализ каждого языкового выражения с целью объяснить, как оно устроено, позволяет активизировать текущие знания всех членов коллектива.

Часто загадочное для многих языковое выражение понятно тому, кто с ним уже встретился в своей работе и нашел для него объяснение. Если же какое-то явление в тексте никому не понятно (а на начальных этапах работы такая ситуация очень обычна), то, тем не менее, ясно, какой «куст» за него отвечает. Это значит, что этот куст должен его специально исследовать и потом об этом рассказать.

Семинары часто выявляют разное понимание одного и того же языкового феномена и являются площадкой для дискуссий и средством выбора оптимального описательного решения и выработки единого коллективного взгляда на язык.

Разбор текстов хорош не только естественностью языкового материала, но и статистическим распределением частотных и редких языковых явлений. Наиболее частотные языковые факты обычно входят в ядро языка, и желательно как можно быстрее их освоить. В то же время благодаря повторяемости они быстро теряют свою новизну и перестают быть в центре внимания обсуждений. Фокус внимания перемещается на более редкие явления языковой периферии, объяснение которых часто дает возможность лучше понять или даже переинтерпретировать базовые явления. Из практики известно, что в конце второй недели разбор текстов проходит уже довольно быстро, застревая только на новых фактах, составляющих «изюминку» семинара.

Благодаря семинарам каждый исследователь ежедневно узнает о языке не только то, с чем он сам встретился на сеансе общения с информантом, но и то новое, что обнаружили его коллеги, и тем самым стремительно расширяет свои знания об изучаемом языке, что помогает ему корректировать свою собственную работу с переводчиком и эффективнее работать над своей темой. К примеру, проработав утром с переводчиком три часа, на семинаре он узнает столько, сколько узнал бы о языке, проработав с переводчиком 30 часов. Семинары экспоненциально расширяют знания о языке, и через неделю полевой работы каждый исследователь имеет о языке информацию, для получения которой одиночке понадобились бы многие месяцы. Это, пожалуй, наиболее мощный ресурс коллективной полевой работы, аналогичный конвейеру на производстве и превращающий ее из кустарного промысла в лингвистическую индустрию.

5. *Прочь от профессионального одиночества.* Обычно при работе с редким языком лингвист находится в ситуации вынужденного профессионального одиночества. Нередка ситуация, когда полевой лингвист, изучающий малый исчезающий язык, так же одинок на планете, как и изучаемый им язык, и является единственным лингвистом, знакомым с этим языком не понаслышке. Он не только не может ни с кем посоветоваться, но ему и рассказать-то о своих находках некому. Наоборот, коллективная лингвистическая полевая работа собирает группу партнеров по интересам, и их профессиональное взаимодействие создает комфортную творческую среду и является мощным психологическим стимулятором. Этот фактор научной деятельности тоже трудно переоценить.

⁹ Много лет мы называли их «пятиминутками», хотя зачастую они длились по несколько часов, потом это исконно русское название вытеснил западный термин «воркшоп» (workshop).

Коллективная экспедиционная работа создает живую среду общения и восприятия жизни, поэтому для многих студентов она является притягательной и романтической целью. Для студентов экспедиция – это одновременно и школа лингвистики, и школа жизни¹⁰. Поэтому у руководителей всегда есть выбор при формировании команды.

Вместо заключения

Понятно, что для большинства полевых лингвистов коллективная работа в поле выглядит чем-то необычным и даже, может быть, невозможным. Мне же, наоборот, с трудом представляется полевая работа в одиночку, прежде всего, из-за тех преимуществ, которые дает коллективная работа.

Конечно, не все проведенные нами экспедиции были в одинаковой степени продуктивными. Как уже упоминалось, первые три экспедиции были учебными. В них формировалась концепция коллективной полевой работы, после чего стало возможным за один год подготовить описание хиналугского языка.

В дальнейшем формат коллективной работы постоянно менялся в зависимости от многих факторов. Кроме продуманного сценария полевой сессии немаловажное значение имеет и человеческий фактор. В конечном счете наиболее существенным является высокий профессионализм основного ядра участников, удачное дополнительное распределение их функций и всеобщая увлеченность проектом. В этом случае возможности, предоставляемые коллективным методом, реализуются в полной мере. Полагаю, что нам удалось неоднократно эти возможности использовать.

В наших экспедициях период методологической зрелости приходится на 90-е гг., когда за семь лет были выполнены капитальные описания трех языков (годоберинского, цахурского и багвалинского). Это стало возможным благодаря тому, что сформировалась надежная команда единомышленников, объединившая основателей этого метода (А. Кибрика и С. Кодзасова) с талантливыми молодыми исследователями, вставшими в этот метод со студенческих лет (К. Казенин, Е. Калинина, Е. Лютикова, С. Татевосов).

Таким образом, коллективный метод предполагает, кроме всего прочего, «сыгранную команду», где во многом все могут заменить друг друга, а в чем-то каждый умеет делать то, чего не может делать никто другой.

Литература

1. Борщев В.В. За языком. – М.: Азбуковник, 2001. – 260 с.
2. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. – М.: Наука, 1990.
3. Кибрик А.Е. Методология полевых исследований (к постановке проблемы) / Пер. на англ. А.Е. Кибрик. – М.: МГУ, 1977. – 181 с.
4. Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. – М.: МГУ, 1977. – 346 с.
5. Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 3. Динамическая грамматика. – М.: МГУ, 1977. – 346 с.
6. Кибрик А.Е. Опыт морфологической реконструкции когнитивной структуры (на материале личного дейксиса в алыторском языке // Вестник МГУ. Сер. филологии. – 2001. – С. 121–131.
7. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. – М.: МГУ, 1988. – 226 с.
8. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М.: МГУ, 1990. – 364 с.
9. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. – М.: МГУ, 1972. – 379 с.
10. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алыторцев. – М.: Наследие, 2000. – 468 с.

¹⁰ Подробнее об экспедиционной жизни можно прочесть в дневниковых записях В. Борщева [1].

11. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика. Фонетика / А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова, Д.С. Самедов. – М.: МГУ, 1977. – 362 с.
12. Арчинский язык. Тексты и словари / А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова, Д.С. Самедов. – М.: МГУ, 1977. – 392 с.
13. Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика. – М.: Наследие, 1999. – 944 с.
14. Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари / Под ред. А.Е. Кибрика. – М.: Наследие, 2001. – 930 с.
15. Табасаранские этюды: Материалы дагестанской экспедиции. 1979. – М.: МГУ, 1982. – 98 с.
16. *Kibrik A.E.* «Anomalies» of cross-reference marking: The Alutor case / S. Bendjaballah, W.U. Dressler, O.E. Pfeiffer, M.D. Voeikova (ed.) *Morphology 2000*. – Amsterdam: Benjamins, 2001. – P. 199–212.
17. *Kibrik A.E.* (ed.) The noun phrase in the Andalal dialect of Avar as spoken at Sogratl. *Eurotyp Working Papers. Theme 7: Noun phrase structure // Working paper*. – 1993. – № 18. – 120 p.
18. *Kibrik A.E.* (ed.) *Godoberi*. – München; Newcastle: LINCOM EUROPA, 1996. – 306 p.

УДК 81:39

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ¹¹

О.А. Казакевич,

к.филол.н., ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ

А.Е. Кибрик,

*д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики МГУ, член-корреспондент РАН*

Введение

Более 200 языков функционирует на территории бывшего СССР. Примерно третья часть их может быть отнесена к так называемым малым языкам. В России малыми языками, точнее, языками коренных малочисленных народов, официально считаются языки этносов, насчитывающих менее 50 000 человек. Практически все эти языки сегодня в большей или меньшей степени находятся под угрозой исчезновения. Можно выделить три крупных региона, в которых сконцентрированы эти языки. Это Сибирь и Дальний Восток (куда примыкает также север европейской территории России), Кавказ (территория России, Азербайджана и Грузии) и Средняя Азия (Таджикистан и Узбекистан). Кроме того, отдельные языки локализованы на полуострове Крым (Украина), в Литве и Латвии (таблица). Хотя все эти регионы на протяжении весьма длительного времени входили в одно государство, их история, традиционные занятия коренных жителей и языковые ситуации столь различны, что каждый из них требует отдельного рассмотрения. Представленная в статье информация взята из работ, опубликованных в последнее десятилетие ¹², из личных бесед с коллегами, занимающимися исследованием малых языков рассматриваемых регионов ¹³, широко привлекались также результаты полевых исследований самих авторов.

¹¹ Настоящая статья представляет собою дополненную русскую версию статьи Olga Kazakevitch & Aleksandr Kibrik «Language Endangerment in the CIS», подготовленной для сборника материалов симпозиума «Language Endangerment, Research and Documentation – Setting Priorities for the 21st Century», проходившего в Бад Годесберге в феврале 2000 г.

¹² В том числе и самих авторов (см. библиографию); наряду с прочим, в статье использованы материалы, представленные в энциклопедии «Письменные языки мира. Языки Российской Федерации». Том 1 [2000]. Том 2 [2003].

¹³ Авторы особенно признательны Л.Р. Додыхудоевой за информацию о языковой ситуации в Горном Бадахшане.

Таблица

Малые языки постсоветского пространства

Генетическая принадлежность	Язык	Величина этнической группы	Считают язык своего этноса родным (Перепись 1989)	Количество говорящих (оценка)	Преподавание языка в школе	Степень жизнеспособности/ витальности
1	2	3	4	5	6	7
Европейская часть России						
Уральские: прибалтийско-финские	Саамский	1890	797	500	Есть	b, c
	Вепсский	12 501	6355	5000	Есть	a-, b, c
	Ижорский	820	302	200	Нет	c
	Водский	200	Н. д.	20	Нет	d
Сибирь и Дальний Восток						
Уральские: угорские	Хантыйский	22 521	13 615	10 000	Есть	a-, b, c, d
	Мансийский	8474	3140	2000	Есть	a-, b, c, d
Уральские: самодийские	Тундровый ненецкий	32 665	26 730	25 000	Есть	a-, b
	Лесной ненецкий	2000		1600	Есть	a-, b
	Энецкий	209	95	50	Нет	b-, c
	Нганасанский	1278	1063	500	Есть	a-, b
	Селькупский	3612	1721	600	Есть	a-, b, c, d
Тюркские	Долганский	6945	5676	5000	Есть	a-
	Шорский	16 652	9446	1000	Есть	a-, b, c
	Тофаларский	731	314	200	Есть	b
Тунгусо-маньчжурские	Чулымско-тюркский	500	Н. д.	400	Нет	c
	Эвенский	17 199	7543	7000	Есть	a-, b
	Эвенкийский	30 163	9175	9000	Есть	a-, b, c, d
	Негидальский	622	176	100	Есть	c
	Нанайский	12 023	5298	2000	Есть	c
	Орокский	402	124	35	Есть	c
	Ульчский	3233	995	300	Есть	b-, c
	Удэгейский	2011	528	100	Есть	c
Енисейские	Орочский	703	113	50	Нет	c
	Кетский	1113	538	200	Есть	b-, c
Чукотско-камчатские	Чукотский	15 184	10 677	10 000	Есть	a-, b
	Керекский	100	Н. д.	1-3	Нет	d-
	Корякский	9242	4847	2500	Есть	a-, b
	Алюторский	2000	Н. д.	100-200	Есть	c
Эскимосско-алеутские	Сибирский юпик	1319	887	300	Есть	b
	Науканский	400		70	Нет	c
	Алеутский	602	187	5	Нет	d
	Язык алеутов о. Медный	100		10	Нет	d
Изоляты	Ительменский	2481	487	100	Есть	c-, d
	Нивхский	4673	1089	500	Есть	b, c
	Юкагирский	1142	375	100	Есть	c, d
Кавказ (Россия - Р, Грузия - Г и Азербайджан - А)						
Иберийско-кавказские: цезские	Цезский Р	8000	Н. д.	8000	Есть	a
	Хваршинский Р	1500	Н. д.	1500	Нет	a
	Бежтинский Р, Г	7000	Н. д.	7000	Нет	a
	Гинухский Р	700	Н. д.	700	Нет	a
	Гунзибский Р	2000	Н. д.	2000	Нет	a
		1660		1660		
	Г	340	340			
	Андийский Р	20 000	Н. д.	20 000	Нет	a
	Каратинский Р	6400	Н. д.	6400	Нет	a
	Тиндинский Р	5000	Н. д.	5000	Нет	a
	Ахвахский Р, А	3500	Н. д.	3500	Нет	a
	Чамалинский Р	7000	Н. д.	7000	Нет	a
	Багвалинский Р	7000	Н. д.	7000	Нет	a
Ботлихский Р	5000	Н. д.	5000	Нет	a	
Годоберинский Р	2500	Н. д.	2500	Нет	a	

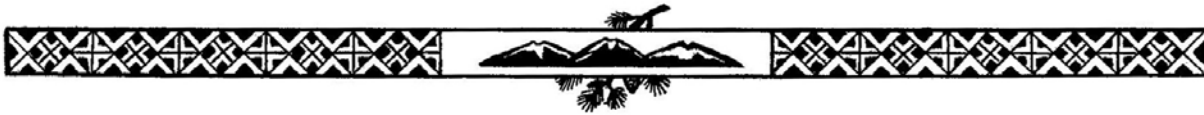
Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Иберийско-кавказские: лезгинские	Агульский Р, А	18 740	17 777	18 000	Есть	a
	Рутульский Р, А	20 388	19 329	19 300	Есть	a
	Цахурский Р А	19 972 6492 13 316	19 007 6165 12 744	19 000 6000 12 700	Есть	a
	Арчинский А	1000	Н. д.	1000	Нет	a
	Хиналугский А	3000	Н. д.	3000	Нет	a
	Крызский А	8000	Н. д.	8000	Нет	a-, b
	Будухский А Удинский А Г Р	15 000 7971 4971 1500 1500	Н. д. Н. д.	5000 6500	Нет Есть	a-, b
Иберийско-кавказские: нахский	Бацбийский Г	3000	Н. д.	1500	Нет	a-
Иберийско-кавказские: абхазо-адыгские	Абазинский Р	32 983	30 989	31 000	Есть	a
Картвельские	Сванский Г	30 000	Н. д.	20 000	Нет	a-
Индо-европейские: юго-западный иранский	Татский Р А	30 669 19 420 10 239	22 041 16 208 5266	22 000 16 000 5000	Есть	a-
Средняя Азия (Таджикистан – Т, Узбекистан – У)						
Индо-европейские: восточные иранские	Ягнобский Т	2500	Н. д.	2000	Есть	a-, b
Индо-европейские: восточные иранские: памирские	Ваханский Т	20 000	Н. д.	20 000	Нет	a
	Ишкашимский Т	1000	Н. д.	1000	Нет	a
	Рушанский Т	18 000	Н. д.	18 000	Нет	a
	Бартангский Т	2425	Н. д.	2425	Нет	a
	Куфский Т	2380	Н. д.	2380	Нет	a
	Рошорвский Т Язгулямский Т	1950 3000	Н. д. Н. д.	1950 3000	Нет Есть	a a
Индо-европейские: индо-арийский	Парья Т, У	3000	Н. д.	2000	Нет	b
Украина – Ук, Литва – Л, Латвия – Лат						
Тюркские	Караимский Р Ук Л	2602 680 1404 289	502	300	Нет	c
	Крымчакский Р Ук У	1448 338 679 173	505	250	Нет	c
Уральские: прибалтийско-финские	Ливский Лат Р	226 135 64	100	70	Нет	c

Примечание. По шкале степени витальности языка, учитывающей наличие/отсутствие передачи языка от родителей к детям, количество говорящих и возраст младших носителей языка, языки под угрозой делятся на *стабильные* (a), *нестабильные* (a-), *в ситуации существования серьезной угрозы* (b), *в опасности* (c), *в критическом состоянии* (d).

Прежде чем перейти к последовательному рассмотрению каждого из регионов, представляется необходимым сделать несколько замечаний относительно общей истории функционирования малых языков в рамках единого государства – сначала Российской империи, а затем СССР.

Особое внимание будет уделено при этом сфере образования: на сегодняшний день в большинстве регионов мира именно эта сфера оказывает самое существенное влияние на объем функционирования малых языков, и до сих пор это влияние было по большей части негативным¹⁴.

Россия была провозглашена империей в начале XVIII века. На протяжении XVIII и XIX вв. росла территория империи, росло и количество языков, на которых говорили ее подданные. Но уже в то время языки на присоединенных территориях стали исчезать. Список известных нам

языков, прекративших свое существование в тот период, относительно невелик, однако не исключено, что наша информация далеко не полна. Этот список включает группу енисейских языков (асанский, аринский, котский, пумпокольский), самодийский маторский, язык самодийской группы, родственные юкагирскому

чуванский и омокский, восточный и южный ительменские. Носители этих языков частично вымерли во время эпидемий оспы и кори – болезней, принесенных в Сибирь и на Дальний Восток русскими землепроходцами, – частично перешли на языки своих соседей или на русский язык.

При всем том к началу XX века среди носителей малых языков Сибири и Дальнего Востока знание русского языка было не слишком распространено¹⁵. Большинство малых аборигенных народов России в то время еще сохраняли традиционный образ жизни (полукочевой в Сибири и на Дальнем Востоке и оседлый на Кавказе и на Памире). Они интенсивно использовали свои этнические языки, часто владея при этом одним или несколькими языками своих соседей, иногда также каким-нибудь региональным языком, отличным от русского. Подавляющее большинство аборигенного населения страны было неграмотным. Школы в районах их проживания были редкостью. Но даже те немногие из них, кто посещал школу, обучались на русском языке в Сибири и на Дальнем Востоке, на арабском на Северном Кавказе и на таджикском на Памире. На протяжении XIX века было сделано несколько попыток обучать детей аборигенных народов на их родном языке, но почти все эти попытки ни к чему не привели¹⁶.

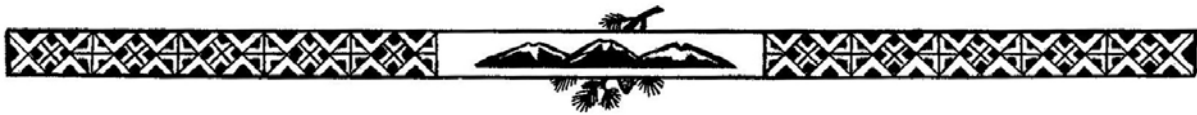
После революции 1917 г. новое правительство решило сделать население страны поголовно грамотным. В ходе кампании по ликвидации неграмотности язык обучения поначалу выбирали в зависимости от ситуации в том или ином регионе или даже населенном пункте, а также от языковой компетенции самих учителей. Так, в начале 1920-х гг. азербайджанский (или, как его тогда называли, тюркский) язык был выбран в качестве языка обучения в Дагестане, поскольку в некоторых районах Дагестана он функционировал в качестве языка межэтнического общения; селькупов Томской области обучали грамоте по-русски, так как знание русского языка было среди них не в диковинку, а вот в Туруханском крае молодому директору только что открывшейся школы-интерната для детей народов Севера пришлось выучить селькупский язык, ибо ни один из его учеников не знал русского. Для тогдашней России именно последняя ситуация была наиболее типична, поэтому не удивительно, что именно обучение чтению и письму на родных языках населения стало рассматриваться как скорейший путь к всеобщей грамотности. Большинство языков коренных меньшинств в то время не имели письменности, и для некоторых из них стала разрабатываться система письма [5, 7]. В начале 1930-х гг. письменность была создана для 20 малых языков страны. На этих языках были составлены буквари, учебники для младших классов и книги для чтения, и языки стали использоваться в начальной

¹⁴ Неизвестно, на каком языке сегодня говорили бы на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, не говоря уже о США, Канаде, Австралии и т. д., если бы в свое время Вильгельм Завоеватель или кто-нибудь из норманнских наследников английского престола ввел обязательный всеобщий на своем родном французском языке в его норманнском изводе для всех без исключения сословий королевства.

¹⁵ Знание русского языка было не редкостью лишь там, где местное население интенсивно контактировало с русскими: у води и вепсов в европейской части России, у южных манси и южных селькупов в Западной Сибири, у алеутов и ительменов на Дальнем Востоке. Некоторые представители этих народов уже тогда стали переходить на русский язык, забывая свой родной. В то же время в начале XX века некоторые группы удэгейцев и нанайцев Приморского края перешли на китайский язык.

¹⁶ Возможно, единственным успешным примером можно считать алеутскую школу на о. Уналашка [11].

школе как средство обучения и изучаться как предмет¹⁷. Среди школьных учителей в то время почти не было представителей самих коренных малочисленных народов, и учителя, преподававшие в национальной школе и не владевшие языком своих учеников, должны были этот язык выучить. Для этого в первой половине 1930-х гг. организовывались летние курсы. В тот короткий период в школе проводилась так называемая политика «коренизации». В инструкции, выпущенной для школьных инспекторов в 1935 г., говорилось: «В числе педагогов школы должны быть не менее 2-х, имеющих 2-летний стаж работы в северной школе и владеющих родным языком учащихся. Школа должна иметь не менее 2-х классов основных и одного пригготовительного. Общее количество учащихся в школе должно быть не ниже 40 человек. Коренизированные школы должны вести обучение на родных языках в пригготовительном и первом классе, и во вторых классах в том случае, если учебники для вторых классов на данном языке уже изданы и доведены до округа. Параллельно для подготовки учителей из среды самих представителей коренных малочисленных народов в разных концах страны было открыто несколько специализированных педагогических училищ, а в Ленинграде – Институт народов Севера.

Программа коренизированной школы предусматривала также обязательное изучение русского языка в первом классе и постепенный переход на русский язык в качестве основного средства обучения во втором классе.

Школьная политика в отношении малых народов резко меняется в 1936–1937 гг., параллельно с массовым переводом недавно созданных систем письма с латиницы на кириллицу (в процессе смены алфавитов некоторые языки вовсе утрачивают письменность¹⁸).

Все эти факты достаточно широко известны, и вряд ли стоило бы говорить о них снова, если бы не один существенный момент, до сих пор не получивший, на наш взгляд, должного освещения. При создании новых алфавитов в 1920–1930-е гг. исходили из предположения, как впоследствии оказалось весьма спорного, что если какой-то локальный вариант языка выбирается в качестве базового и провозглашается в качестве общего стандарта, если на этом диалекте издаются учебники и он начинает преподаваться в школе, то новый стандарт и созданные на его базе учебники должны быть с энтузиазмом немедленно приняты носителями других диалектов того же языка¹⁹. Больше того, ожидалось, что носители некоторых малых языков смогут обучаться в школе не на их собственном языке, а на каком-нибудь генетически родственном языке, для которого будет создана письменность²⁰. В действительности такое предположение не сработало: далеко не все представители малых народов были довольны тем, что их детей будут учить на чужом диалекте. Этот факт, наряду с изменением государственной языковой политики, произошедшем в конце 1930-х гг., привел к постепенному вытеснению родных языков из учебного процесса. В дальнейшем школа стала играть (и до сих пор играет) решающую роль в стимулировании процесса языкового сдвига – перехода носителей малых языков на русский язык. Государственная политика в области образования, сложившаяся в 1950-е гг., объективно способствовала языковой ассимиляции представителей малых народов СССР: русский стал основным – а для большинства коренных малочисленных народов единственным – языком обучения²¹ на территории Российской Федерации, в Грузии представители меньшинств обучались в школе на грузинском языке, в Азербайджане – на азербайджанском, в Таджикистане – на таджикском, а в Узбекистане – на узбекском. Хотя некоторые языки малых народов (ненецкий,

¹⁷ В 1930-е гг. в начальной школе преподавались как предмет и использовались в качестве средства обучения следующие малые языки: вепсский, ижорский, ительменский, корякский, мансийский, нанайский, ненецкий, нивхский, саамский, селькупский, татский, удинский, удэгейский, хантыйский, цахурский, чукотский, шорский, эвенкийский, эвенский и эскимосский (сибирский юпик) языки.

¹⁸ К ним относятся ижорский, ительменский, саамский, цахурский, удинский и вепсский языки.

¹⁹ Исходными предпосылками для этого предположения послужила ориентация на литературные европейские языки с длительной письменной традицией, наддиалектный характер которых закреплен в их исторически сложившемся высоком престиже. Именно престиж сделал этот стандарт общепризнанным и заставил носителей различных локальных вариантов ориентироваться на этот стандарт.

²⁰ Так, предполагалось, что нанайский язык станет языком обучения не только для нанайцев, но и для тульчей и ороков, ненецкий – не только для ненцев, но и для нганасан и энцев [35, с. 232].

²¹ В 1950-е годы из школьного учебного плана исчезли сибирский юпик (язык азиатских эскимосов), корякский, селькупский, шорский и удинский языки.

хантыйский, эвенкийский, эвенский, чукотский и нанайский) оставались в школе с начала 1930-х гг., их роль в процессе обучения неуклонно уменьшалась. По мере того, как среди представителей малых народов распространялось знание русского языка, языкам коренного населения в школе стали уделять все меньше внимания, со временем они перестали использоваться в качестве языков обучения и превратились лишь в изучаемые предметы. Только к концу 1970-х годов ситуация стала постепенно меняться. На протяжении 1980-х годов некоторые малые языки вернулись в школу. Были созданы системы письма для ряда ранее бесписьменных языков, и их тоже стали преподавать в школе ²².

Начало 1990-х гг. было временем больших надежд, надежд на появление новых возможностей развития и сохранения языков коренных малочисленных народов. Рассматривая каждый из регионов, мы попытаемся дать ответ на вопрос, насколько эти надежды оказались обоснованными.

В заключение вводной части приведем скорбный перечень языков, исчезнувших с территории России и СССР в XX веке: айнский, ванджи (памирский), камасинский (самодийский), сиреникский (эско-алеутский), убыхский (абхазо-адыгский), югский (енисейский) ²³. Следует отметить, что многие из носителей этих языков перешли не на русский язык, а на языки своих соседей.

Средняя Азия

Все малые языки данного региона – за единственным исключением – относятся к восточно-иранской группе индо-иранских языков и сконцентрированы в Таджикистане (табл. 1). Большинство этих языков функционируют на территории Горно-Бадахшанской автономной области и известны в специальной литературе как памирские языки (северные памирские язгулямский, рушанский, куфский, рошорвский и бартангский, а также ваханский и ишкашимский) ²⁴. В 1950-е гг. часть носителей некоторых памирских языков (ваханцы, бартангцы, язгулямцы) были переселены за пределы Горного Бадахшана в Халтонский (Курган-Тюбинский) район Таджикистана для работы на хлопковых полях ²⁵. Малые памирские языки функционируют как языки повседневного общения в сельских общинах – от одного-двух сел (ишкашимский, рошорвский) до более десятка сел (ваханский, рушанский). Они имеют от 1000 до 20 000 носителей и стабильно передаются в семьях от родителей к детям. Используя классификационную шкалу, предложенную М. Крауссом в Бад Годесберге в 2000 г., эти языки можно назвать *стабильными*, однако эта стабильность довольно хрупкая. Все носители этих языков билингвы. Вторым языком для них является литературный таджикский – государственный язык Таджикистана. Это язык администрации, законодательства, судов, прессы и средств массовой информации, а также, что особенно важно, язык всех уровней образования. Его престиж высок, его употребление демонстрирует хорошее образование и высокий социальный статус. Русский язык имеет сегодня в Горном Бадахшане гораздо меньшее распространение, чем 10–15 лет назад, однако он все еще преподается в средней школе. Кроме того, одной из немногих телевизионных программ, принимаемых на территории Горного Бадахшана, является русскоязычная программа первого канала Российского телевидения. Среди самих памирских языков также

²² В период 1970–1990-х гг. были созданы впервые или воссозданы системы письма для следующих языков: агульского, долганского, ительменского, нганасанского, негидальского, кетского, орокского, рутульского, селькупского, тофаларского, цахурского, цезского, ульчского, юкагирского [15, 48, 50].

²³ К списку могут быть добавлены некоторые диалекты еще существующих языков, например, южный и восточный диалекты мансийского языка.

²⁴ В список не вошел самый функционально мощный из памирских языков – шугнанский, являющийся родным более чем для 50 000 человек и вторым или третьим для многих носителей других памирских языков. Шугнанский язык является средством межэтнического общения в некоторых районах Горно-Бадахшанской автономной области и в столице Горного Бадахшана Хороге. Современная языковая ситуация в Горном Бадахшане описана в [12]. Некоторые сведения о языковой ситуации у ишкашимцев содержатся в [28].

²⁵ Некоторые малые памирские языки функционируют и за пределами СНГ: ваханский, самый сильный из малых памирских языков, распространен на территории Афганистана, Пакистана и Китая, рушанский – в Афганистане, ишкашимский – в одной афганской деревне на границе с Таджикистаном.

существует своего рода иерархия. Шугнанский язык служит средством межэтнической коммуникации в областном центре и может быть назван *lingua franca* всей области. В контактной зоне рошорвского и бартангского языков в качестве языка межэтнической коммуникации используется бартангский, а в контактной зоне ишкашимского и ваханского – ваханский. Таким образом, можно констатировать, что рошорвский язык, на котором говорит 2000 человек, находится под давлением не только таджикского, но еще и шугнанского и бартангского языков; аналогично ишкашимский язык, имеющий 1000 носителей, ощущает давление ваханского и таджикского языков. По свидетельству З. Назаровой, лингвиста родом из Ишкашима, количество носителей ишкашимского языка в ближайшее время может существенно уменьшиться: в ситуации экономического кризиса многие молодые люди, особенно юноши, уезжают из родного села в города в поисках работы. В городах многие обзаводятся семьями, и в таких семьях, как правило, вырастают дети, по-ишкашимски не говорящие.

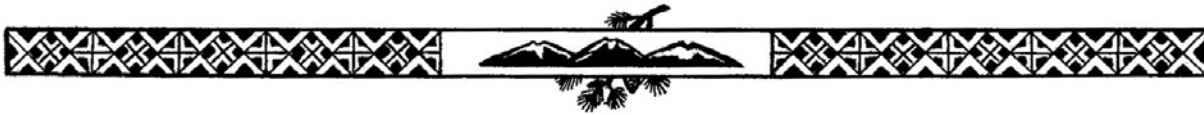
Следует упомянуть еще о двух малых языках региона. Первый – ягнобский – потомок одного из восточных диалектов языка великой Согдианы. До 1970 г. на ягнобском языке говорило примерно 2500 человек. В 1970 г. ягнобцы, жившие в долине р. Ягноб, были переселены в хлопкосеющий район Ленинабадской области. Переселение отрицательно сказалось на сохранности языка. В настоящее время ягнобский язык можно отнести к *нестабильным*. Все носители ягнобского языка владеют также таджикским языком. Хотя сообщается, что еще сохраняется передача ягнобского языка от родителей к детям, таджикский язык, будучи языком образования, доминирует практически во всех коммуникативных сферах [9]. Лишь недавно ягнобский язык стал преподаваться в начальной школе в местах компактного проживания ягнобцев.

Второй язык – парья – единственный малый язык региона, относящийся к индо-арийской группе. На нем говорят в Таджикистане и Узбекистане. О существовании этого языка научной общественности стало известно в 1950-е годы, а первое и единственное монографическое описание языка было опубликовано в 1970-е годы [29]. Количество парья сегодня оценивается примерно в 3000 человек. Их традиционным занятием является земледелие (хлопководство). Как правило, они селятся компактными группами в сельской местности, реже в городах. По свидетельству экспертов [30], все парья многоязычны, кроме своего этнического языка они говорят на таджикском диалекте, принесенном ими из Афганистана три сотни лет назад, на литературном таджикском (в Таджикистане), узбекском (в Узбекистане), поскольку эти языки являются языками школьного обучения, некоторые говорят еще и по-русски. До недавнего времени парья был языком внутрисемейного общения в том числе и в смешанных семьях. Сейчас ситуация стремительно меняется: молодежь отказывается от своего этнического языка даже в семье и переходит на язык окружающего большинства. Не ясно, сохраняется ли передача языка от родителей к детям. Наиболее пессимистические прогнозы отпускают парья еще не более 30 лет жизни [30, с. 414]. Даже если оценка опасности несколько преувеличена, очевидно, что парья являет собою наиболее слабое звено среди малых языков региона, находясь *в ситуации существования серьезной угрозы*.

В течение длительного времени (1937–1989) памирские языки официально рассматривались как диалекты таджикского языка. В 1989 г. в Республике Таджикистан (в то время еще в составе СССР) был принят закон о языках. В нем за памирскими идиомами официально признавался статус самостоятельных языков и провозглашалась необходимость создания условий для «свободного развития и использования языков Горного Бадахшана и сохранения ягнобского языка»²⁶. Принятый в начале 1990-х гг. закон о языках суверенного Таджикистана практически повторял положения закона 1989 г. Вскоре после принятия первого закона о языках для всех языков Горного Бадахшана на базе кириллицы были созданы системы письма. В начале 1990-х гг. были изданы азбуки, в которых эти новые алфавиты использовались. С тех пор языки несколько расширили сферы использования. Областная газета «Бадахшони» регулярно печатает материалы на шугнанском и время от времени на других памирских языках. Публикации на памирских языках (стихи, басни, короткие рассказы) появляются также в областном ежемесяч-

²⁶ В тексте закона язык парья не упоминается; похоже, ему все еще нет места на празднике предполагаемого «свободного развития и использования».

ном журнале «Фарханги Бадахшон» (Культура Бадахшана). В 2000 г. под эгидой Института перевода Библии (Стокгольм) были выполнены и опубликованы переводы фрагментов Евангелия от Луки на шугнанский, рушанский, язгулямский и ваханский языки.

Дважды в неделю по два часа областное радио транслирует передачи на памирских языках (поэзия, рассказы, фольклор). Областное телевидение также иногда (дважды в неделю по три часа) передает материалы на памирских языках. Очень популярны исполнители авторских песен на памирских языках. В районном центре Рушане существует любительская театральная труппа, играющая спектакли на рушанском языке.

Уже в течение некоторого времени ведется обсуждение возможности введения памирских языков в школьный учебный план как в качестве предмета, так и в качестве средства обучения. Но пока таджикский язык официально остается единственным языком обучения на всех уровнях – от начальной школы до вуза. На самом деле местные учителя используют местные языки в качестве вспомогательного средства обучения в начальных классах, потому что многие дети приходят в школу, не зная таджикского языка. В настоящее время язгулямский язык – единственный из памирских языков, о котором известно, что он преподается в начальной школе [34]. На филологическом факультете Хорогского государственного университета, открытого в 1992 г., наряду с теоретическими курсами таджикского языка читаются теоретические курсы памирских языков. Кроме того, студенты университета могут посещать практические занятия по шугнанскому, рушанскому, бартангскому, язгулямскому и ваханскому языкам.

Памирские языки довольно хорошо задокументированы. Традиция памирских исследований в Таджикистане ведет свое начало с 1967 г., когда в Институте языка и литературы Академии наук Таджикистана в Душанбе был образован отдел памирских языков. В 1989 г. отдел был переведен в Хорог, где на его базе был создан Институт гуманитарных исследований. С 1967 г. сотрудники отдела внесли существенный вклад в описание практически всех памирских языков. В начале 1990 г. был составлен индекс к Сравнительному словарю памирских языков. В настоящее время он готовится к публикации. В отделе хранится большое собрание фольклорных текстов. Часть этого собрания опубликована, в настоящее время готовятся новые публикации. Каждый год организуются экспедиции по сбору материалов по памирским языкам.

Другим центром, внесшим весомый вклад в изучение памирских языков, является сектор иранских языков Института языкознания Российской академии наук в Москве.

Кавказ

Кавказ известен как один из наиболее многоязычных регионов мира. Его нередко называют «горою языков». Среди языков Кавказа велико количество малых языков, на каждом из которых говорит от 700 до 31 000 человек. Таких языков, по меньшей мере, 25, и почти все они могут быть причислены к языкам, находящимся в угрожаемом положении. 24 из них – так называемые автохтонные кавказские языки, относящиеся к трем языковым семьям: картвельской (южно-кавказской), абхазо-адыгской (западно-кавказской) и нахско-дагестанской (восточно-кавказской) ²⁷.

Единственный малый индоевропейский язык Кавказа – татский (юго-западная иранская группа, примерно 22 000 носителей). На татском языке говорят в Дагестане, где он имеет статус государственного языка ²⁸, а также в Кабардино-Балкарии и в Азербайджане. Среди татов высок процент городских жителей, и городская жизнь не способствует сохранению языка. В Азербайджане многие таты переходят на азербайджанский язык (более половины азербайджанских татов не говорят по-татски) ²⁹, в Кабардино-Балкарии и Дагестане таты переходят на русский язык. В двух этих республиках с 1925 г. татский язык функционирует в письменной

²⁷ Согласно ностратической теории [33, с. 75], картвельские языки рассматриваются как члены ностратической макросемьи, в то время как абхазо-адыгские и нахо-дагестанские языки объединяются в северокавказскую семью. Распад северокавказской семьи предположительно произошел в 3–4 тыс. до н. э., а расщепление общевосточнокавказского языка-основы лингвисты относят к концу 3 тыс. до н. э. [2, с. 156].

²⁸ По конституции Республики Дагестан статус государственного языка имеют там 14 языков, включая русский.

²⁹ Результаты недавнего исследования функционирования татского языка в Азербайджане приводятся в [47].

форме. Сегодня в Дагестане татский язык преподается в качестве предмета в школе, используется на радио и телевидении, на нем издается еженедельная газета. Однако, функционируя в этих нетрадиционных сферах, татский язык все меньше используется в качестве языка семейно-бытового общения. В рамках классификационной шкалы его следует отнести к *нестабильным*.

Один из абхазо-адыгских языков – убыхский – недавно прекратил свое существование. Из оставшихся в число малых языков входит только абазинский, имеющий немногим более 31 000 носителей. Он является одним из государственных языков Карачаево-Черкесии, стабильно функционирует в семейно-бытовой сфере, а также в той или иной степени практически во всех коммуникативных сферах как в устной, так и в письменной форме. Сегодня этот язык вполне жизнеспособен, и его существованию в ближайшее время вряд ли что-либо угрожает.

Малый язык картвельской группы – сванский (около 20 000 носителей на территории Грузии), напротив, нестабилен, поскольку далеко не во всех семьях передается от родителей к детям, не имеет никакого официального статуса и до сих пор остается бесписьменным.

Восточнокавказские (нахско-дагестанские) языки наиболее многочисленны, среди них много малых языков. Они распадаются на две ветви: дагестанскую и нахскую. Нахская ветвь включает три языка, два из которых сравнительно крупные и стабильные (чеченский и ингушский), а третий – бацбийский – малый язык, на котором говорят жители одной-единственной деревни в Грузии. Бацбийский язык никогда не имел письменности и не преподавался в школе. В основном он используется в качестве языка семейно-бытового общения. Языком школьного образования является грузинский. Все бацбийцы говорят по-грузински, а те, что имеют сравнительно высокий уровень образования, еще и по-русски. Бацбийский язык нестабилен, поскольку сфера его функционирования неуклонно уменьшается.

Из 26 дагестанских языков ³⁰ судьба пяти не вызывает опасения, остальные (21) – это малые языки, и все они под угрозой.

Дагестанские языки могут быть сгруппированы следующим образом:

Аварская группа: аварский (единственный относительно крупный язык в группе);

Андийская подгруппа: ахвахский, каратинский, андийский, ботлихский, годоберинский, багвалинский, тиндинский, чамалалский (все под угрозой);

Цезская подгруппа: хваршинский, цезский, гинухский, бежтинский, гунзибский (все под угрозой);

Лакско-даргинская группа: лакский, даргинский (оба языка крупные) ³¹;

Лезгинская группа: лезгинский, табасаранский (два крупных языка в группе), агульский, рутульский, цахурский, будухский, крызский, хиналугский, удинский, арчинский (все под угрозой).

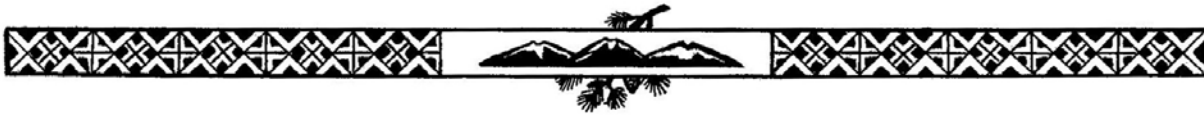
На дагестанских языках говорят в высокогорных районах Республики Дагестан в Российской Федерации; носители бежтинского и гунзибского языков проживают также в Грузии, а ахвахского, агульского, рутульского и цахурского – в Азербайджане; на будухском, крызском и хиналугском языках говорят только на территории Азербайджана, а носители удинского языка живут в двух селах, одно из которых расположено на территории Грузии, другое – на территории Азербайджана.

Многие дагестанские языки распространены на очень ограниченной территории, иные в одной-единственной деревне (арчинский, тиндинский, годоберинский, хиналугский, будухский). Как правило, горные села (аулы) расположены вдали от районных центров, и традиционный образ жизни, который ведут жители этих сел, способствует сохранению языков местного населения, интенсивно используемых в повседневной жизни в семейно-бытовой и производственной сферах. Дагестанские языки сегодня можно рассматривать как стабильные, однако наблюдаемая в последнее десятилетие довольно интенсивная миграция населения в предгорные

³⁰ Количество языков может определяться по-разному, в зависимости от точки зрения статуса ряда идиомов. Не всегда легко ответить на вопрос, является ли идиом отдельным языком или лишь диалектом.

³¹ Даргинский язык представлен несколькими диалектами, из которых четыре – кубачинский, кайтагский, чирагский и ицаринский – иногда рассматриваются как отдельные языки [27]. Некоторые аргументы в пользу рассмотрения кубачинского диалекта как отдельного языка приводятся, например, в [4].

аулы, в города, а иногда и в соседние страны, создает реальную угрозу сохранению этих языков в будущем. Так, исследование функционирования малых автохтонных языков Азербайджана, проведенное Международным летним лингвистическим институтом (SIL International) в 1998–2002 гг., показало низкую витальность будухского языка [43] и массовый переход крызов из предгорных аулов на азербайджанский язык [44].

Официальный язык школьного образования носителей дагестанских языков зависит от страны: в Дагестане это в основном русский язык (исключение составляют носители языков аварской группы, для которых в начальном образовании используется аварский язык), в Азербайджане – азербайджанский, в Грузии – грузинский. На самом деле автохтонные языки неофициально используются в качестве вспомогательного средства обучения в начальной школе в тех местах, где дети приходят в школу, зная только свой этнический язык.

Большинство дагестанских языков бесписьменные. Письменность существует только на шести языках: агульском, рутульском, цахурском, цезском, хиналугском и удинском. Система удинского письма базируется на латинице [46], для остальных пяти языков используется кириллица. Агульский, рутульский, цахурский, цезский и удинский языки преподаются в школах в качестве предмета. Хиналугский преподавался в школе с 1993 по 1999 г., в 1999 г. преподавание было прекращено [45].

Агульский, рутульский и цахурский языки преподаются в Махачкалинском государственном педагогическом институте. Эти три языка имеют статус государственных языков Дагестана. Помимо традиционных коммуникативных сфер они спорадически используются на радио и телевидении, в течение 1990-х годов на них было опубликовано некоторое количество книг (школьные учебники, поэтические сборники, рассказы [25].

Малые языки Кавказа довольно хорошо задокументированы. В течение последних десятилетий большая работа была проделана лингвистами Махачкалы, Тбилиси и Москвы, а также западными лингвистами. Для ряда языков были составлены подробные грамматические описания³².

Сибирь, Дальний Восток и север европейской части России

Сегодня в этом регионе еще в той или иной степени функционирует не менее 35 малых автохтонных языков³³, хотя сферы их использования постоянно сужаются, и объем функционирования неуклонно сокращается. Малые языки региона относятся к 6 семьям (уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, енисейские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские); кроме того, среди них имеются три генетически изолированных языка (ительменский, нивхский и юкагирский) (см. табл.). Народы, говорящие на этих языках, насчитывают от 34 000 до 100 человек³⁴, а число носителей языков колеблется от 25 000 (тундровый ненецкий) до 1–3 человек (керекский). Некоторые народы (долганы, коряки, манси, ненцы, ханты, чукчи, эвенки) имеют свои автономные территориальные образования: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Корякский автономные округа. Все эти округа были основаны в 1929–1932 гг., когда представители коренных малочисленных народов составляли большинство населения соответствующих территорий. Со временем промышленное развитие Севера и разведка полезных ископаемых потребовали дополнительных рабочих рук, что вызвало интенсивную миграцию в районы Севера из Центральной

³² См., например, грамматики хиналугского, арчинского, годоберинского, цахурского, багвалинского языков, составленные А.Е. Кибриком и его коллегами [2, 3, 20, 22, 24].

³³ Так же, как и в случае кавказского региона, точное число малых языков, функционирующих в этом регионе, назвать довольно сложно, поскольку многие из языков существуют как совокупность локальных диалектов, некоторые из которых иногда рассматриваются как отдельные языки [53, 55].

³⁴ Малые языки этого региона нередко называют языками народов Севера. Термин «народы Севера» был введен в 1920-е гг. во времена формирования языковой политики Советской России – СССР и до сегодняшнего дня остается общим обозначением для почти трех десятков коренных малочисленных народов региона. Когда-то официальный список включал 24 народа, причисляемых к народам Севера: алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, негидальцы, ненцы, нганасаны, нивхи, ороки, орочи, саамы, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры; со временем к списку было добавлено еще несколько народов.

России и из других республик бывшего Советского Союза. В настоящее время коренное население составляет в своих автономиях меньшинство (от 16% коряков в Корякском округе до менее 1% хантов и менее 0,5% манси в Ханты-Мансийском автономном округе). Тем не менее автохтонные языки на территориях автономных округов находятся все же в лучшем положении, чем языки территорий, не имеющих специального статуса.

Практически все носители малых языков этого региона говорят также по-русски. Представители коренных малочисленных народов Севера, совсем не владеющие русским языком, сегодня большая редкость. Их можно встретить только в старшем поколении или среди детей дошкольного возраста у оленеводов, ведущих кочевой образ жизни (у тундровых и лесных ненцев или у чукчей). Следует отметить, что старики, не говорящие по-русски, как правило, не являются монолингвами, помимо своего этнического языка они говорят на языке (или языках) своих соседей. Большинство малых народов региона традиционно были дву- или многоязычны вследствие постоянных контактов со своими автохтонными соседями задолго до того, как начали контактировать с русскими. Для наиболее малочисленных групп были типичны межэтнические браки.

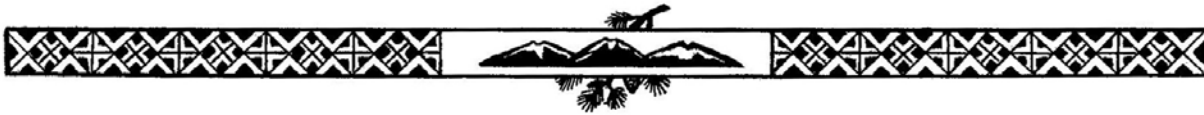
Ни один малый язык региона не может быть назван стабильным. Всего несколько языков еще передаются внутри семьи от родителей к детям. Это тундровый и лесной ненецкий, чукотский, долганский, эвенкийский, эвенский и хантыйский. В отдельных поселках все еще можно встретить детей, говорящих на своем этническом языке, также среди нганасан, селькупов, коряков, манси и шорцев. Все эти языки, по крайней мере в некоторых местах расселения этноса, могут быть отнесены к разряду *нестабильных*. Но в то же время существование большинства этих языков находится *в ситуации серьезной угрозы* или даже *в опасности* в других местах распространения³⁵. Все остальные малые языки в рассматриваемом регионе уже не передаются от родителей к детям. Только на некоторых из них еще говорит молодежь, и такие языки могут рассматриваться как языки *в ситуации серьезной угрозы*, по крайней мере, в некоторых местах их распространения (саамский, вепсский, сибирский юпик и нивхский). Для многих языков возраст младших носителей колеблется от 35 до 50 лет, и их положение можно охарактеризовать как промежуточное между *ситуацией серьезной угрозы* и *опасностью* (кетский, ульчский, орокский и нивхский) или как *в опасности* (ижорский, негидальский, нанайский, удэгейский, ороцкий, алюторский, язык науканских эскимосов, юагирский, ительменский). Некоторые языки, такие как керекский, водский или алеутский, находятся на грани исчезновения³⁶, имея всего по несколько носителей, возраст которых давно перевалил за 60 (языки *в критическом состоянии*) [1, 10, 11].

Самым сильным и жизнеспособным из малых языков региона является тундровый ненецкий (примерно 25 000 носителей). Отчасти это объясняется относительно большой величиной этнической группы (свыше 32 000 человек), отчасти тем, что основная масса тундровых ненцев не покинула привычную среду обитания, а по-прежнему живет в тундре и занимается оленеводством, сохраняя экономическую основу традиционной ненецкой культуры. Не последнюю роль сыграло и то, что большая часть территории расселения тундровых ненцев значительно удалена от районных центров и туда нелегко попасть. Территория расселения тундровых ненцев охватывает обширные пространства тундры от Кольского полуострова на западе до бассейна Енисея на востоке. Хотя во всех трех автономных округах, расположенных на территории их расселения, ненцы остаются сегодня в меньшинстве, в тундре имеются практически моноэтнические ненецкие поселки, где ненецкий язык функционирует как основной язык повседневного

³⁵ Например, северный диалект селькупского языка в с. Ратта, где сохраняется его передача от родителей к детям, *нестабильна*, его положение в пос. Толька Пуровская можно охарактеризовать как промежуточное между *нестабильным* и *под серьезной угрозой*, в с. Толька и Красноселькуп диалект *под серьезной угрозой*, и, наконец, в с. Фарково он *в опасности*. Все центральные и южные диалекты селькупского языка находятся *в критическом состоянии*.

³⁶ Существование керекского языка сегодня зависит от жизни последних трех его носителей, которые были весьма пожилыми людьми уже в 1991 г. Летом 2000 г. по крайней мере одна из носительниц, женщина примерно 80 лет, была жива (информация получена от Майкла Данна), а значит жив был и язык.

семейно-бытового и производственного общения³⁷. Ненецкий язык используется там также в качестве неформального средства обучения в начальной школе, поскольку еще сегодня в некоторых районах дети, выросшие в тундре, приходят в школу без знания русского языка. Как только школьники осваивают русский язык, он становится единственным языком обучения. При этом ненецкий язык преподается в качестве предмета в начальной и средней школе³⁸. К сожалению, школьные уроки ненецкого языка не оказывают существенного влияния на языковые предпочтения учащихся, которые остаются в школах-интернатах по 9–11 лет и навещают свои семьи только во время школьных каникул. Многие из выпускников средней школы предпочитают говорить по-русски и после возвращения домой. К счастью для сохранности языка, не все ненецкие дети оканчивают среднюю школу: некоторые уходят из школы, проучившись 4–6 лет, и возвращаются в свои семьи к традиционным занятиям. Безусловно, бывают исключения, но в целом приходится констатировать, что уровень образования оказывается обратно пропорциональным уровню использования этнического языка. Уровень образования носителя языка определяет если не уровень владения этническим языком для самого носителя, то почти наверняка уровень владения этническим языком для его/ее детей. Как правило, дети ненецких родителей с высоким уровнем образования (даже тех, чья профессиональная деятельность связана с развитием и сохранением этнического языка – школьных учителей ненецкого языка, исследователей языка и фольклора, писателей, журналистов, работников культуры) почти не говорят или совсем не говорят по-ненецки³⁹. С начала 1930-х гг. ненецкая письменная традиция не прерывалась: регулярно издавалась учебная литература, выходили оригинальные произведения ненецких писателей и поэтов, издавались фольклорные сборники. В каждом из трех автономных округов сегодня существует окружная газета, печатающая материалы на ненецком языке. Ненецкий язык используется также на радио и телевидении. Среди ненцев немало специалистов с высшим образованием. Ненецкие филологи немало делают для расширения функционирования языка в различных коммуникативных сферах. Но факт остается фактом: ненцы, живущие в больших поселках, районных центрах и в центрах автономных округов, переходят на русский язык, а их дети вырастают практически без знания своего этнического языка.

Ненецкий язык представляет самый сильный малый язык региона. По объему функционирования с ним может сравниться разве что чукотский язык. Долгане стабильно сохраняют внутрисемейную передачу этнического языка и с тех пор, как примерно 30 лет назад долганский был официально признан отдельным языком (до этого его рассматривали как один из диалектов якутского языка), активно расширяют сферы его функционирования, однако долган гораздо меньше, чем ненцев или чукчей (примерно 7000 человек, из которых 55 000 говорят по-долгански).

Степень сохранности эвенкийского языка, носители которого (не более 9000 при величине этнической группы почти в 30 000 человек) разбросаны по всей Сибири и Дальнему Востоку (от левых притоков Енисея на западе до о. Сахалин на востоке и от оз. Байкал на юге до заполярья на севере)⁴⁰, неодинакова на разных территориях и даже в разных поселках. Так, большая часть эвенков Якутии перешла на якутский или на русский язык, в то время как эвенки Амурской и Читинской областей или жители маленького эвенкийского поселка Советская Речка, расположенного на западной границе Красноярского края, используют эвенкийский язык в семье и в традиционном производстве, разговаривают на нем с друзьями и с соседями и передают язык своим детям [6, 19]. Таким образом, этот язык представляет почти полный спектр языковых ситуаций малых языков, находящихся в угрожаемом положении: от простой *нестабильности* до *критической ситуации*. Диалектная раздробленность создает серьезные трудно-

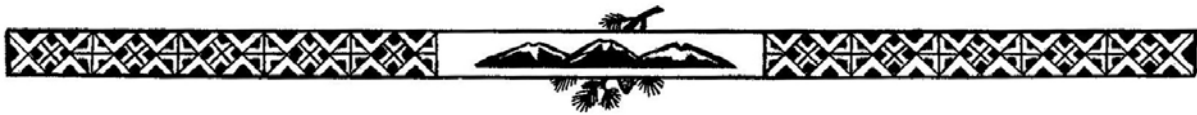
³⁷ Язык гораздо лучше сохраняется в Сибири, чем на европейской части России в Ненецком автономном округе, где примерно половина ненцев перешли на русский язык.

³⁸ В 2001/2002 учебном году ненецкий язык преподавался в 35 сельских и 4 городских школах 5484 учащимся (данные Министерства образования Российской Федерации).

³⁹ Следует сказать, что в больших поселках с полиэтничным населением ненецкие родители предпочитают говорить со своими детьми по-русски независимо от уровня своего образования).

⁴⁰ Только 11,5% эвенков России живет в Эвенкийском автономном округе, большая часть эвенков (48,3%) проживает на территории Якутии.

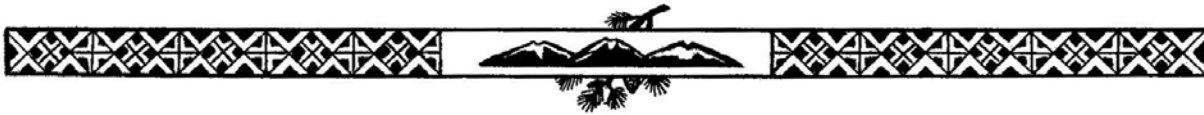

сти в школьном преподавании так называемого литературного эвенкийского языка там, где местные диалекты существенно отличаются от принятого стандарта.

К сожалению, ситуация с кетским языком (единственным сохранившимся представителем когда-то довольно многочисленной енисейской языковой семьи) гораздо более типична для рассматриваемого региона. Носителей кетского языка (не более 200 человек) можно найти в нескольких поселках Туруханского района Красноярского края и в одном поселке Эвенкийского автономного округа (величина этнической группы составляет 1100 человек). Социолингвистическое обследование шести кетских поселков, проводившееся в 1993, 1999 и 2003 гг., показало, что использование кетского языка в повседневной разговорной практике перестает быть чем-то естественным и превращается в нечто экзотическое. Самым молодым носителям кетского языка сегодня за 30, но даже те, кто владеет кетским языком, используют его крайне редко. Кетские родители не говорят со своими детьми по-кетски, так как и сами уже не владеют своим этническим языком: естественная передача языка от родителей к детям прекратилась в 1970–1980-е гг. В некоторых семьях родители (или бабушки с дедушками) пытаются учить своих детей (или внуков) кетскому языку, но все это обычно ограничивается небольшим набором слов (названия частей тела, животных, предметов домашнего обихода и т. д.). Образцы кетской речи, записанные во время обследований, демонстрируют частые переключения кода (переход с кетского на русский язык). Отношение к этническому языку среди кетов не однозначное: примерно 70% опрошенных считают, что кетский язык нужен им в их повседневной жизни в родном поселке, однако 30% полагают, что их этнический язык абсолютно бесполезен. При этом большинство из тех, кто провозглашает бесполезность кетского языка, родились в 1950-е гг. и в той или иной степени владеют кетским языком. Экономическая ситуация в обследованных кетских поселках не радует: большинство кетов живут в бедности и не видят никаких реальных перспектив улучшить жизнь ни для себя, ни для своих детей. К несчастью для кетских языковых сообществ, активная часть кетского населения в основном старается переселиться в райцентр, где процессы утраты языковой ассимиляции протекают с гораздо большей скоростью, чем в небольших поселках. В районе практически ничего не делается для сохранения (или ревитализации) кетского языка. Преподавание кетского языка в школах некоторых поселков, начатое в 1990-е гг. и вызвавшее поначалу подъем энтузиазма у кетской интеллигенции, кое-где прекратилось отчасти потому, что не слишком поддерживалось районным отделом образования, отчасти из-за отсутствия подготовленных учителей кетского языка и как следствие малой эффективности преподавания.

Почти во всех обследованных поселках пожилые кеты рассказывали о поселках своей юности, окруженных богатыми охотничьими и рыбными угодьями, где люди жили счастливо до того времени, когда им предложили переселиться «в более удобное место» и частично убедили, частично вынудили сделать это. Массовые переселения происходили в основном в 1970-е гг. Это были годы ликвидации малых деревень по всей стране ликвидацией, инициированной центральной властью. Представляется, однако, что в Туруханском районе эти переселения имели и дополнительные местные причины. Во время Великой Отечественной войны Туруханский район (наряду с некоторыми другими районами Западной и Центральной Сибири и Казахстана) был местом депортации немцев Поволжья, армян, греков, латышей и представителей других «репрессированных народов». Тысячи людей были привезены на берега Енисея и его притоков. В начале 1950-х гг. депортированные составляли значительную часть населения некоторых поселков района. Они выполняли самую разную работу: рыбачили, охотились, разводили скот, выращивали овощи. Работали они на совести, и колхозы, а затем совхозы, в которых они работали, процветали. К началу 1970-х гг. депортированным было, наконец, разрешено уехать из мест своей долгой ссылки. Многие уехали, и совхозам и фермам, где они раньше работали, стало не хватать рабочих рук. Похоже на то, что переселение автохтонного населения из дальних поселков в полуопустевшие поселки на берегах Енисея нередко преследовало цель обеспечить хозяйства рабочей силой. В результате кетские переселенцы были оторваны от привычной среды обитания и оказались вдали от своих родовых охотничьих угодий в полиэтническом русскоязычном окружении. Все это способствовало разрушению традиционного хозяйства и культуры кетов и ускорило процесс утраты этнического языка.

Когда знакомишься с историей жизни отдельных групп автохтонного населения Сибири на протяжении XX века, начинаешь удивляться не тому, что их языки и традиционная культура сегодня находятся под угрозой исчезновения, а скорее мужеству и стойкости некоторых групп, вопреки всему еще и сегодня сохраняющих свои традиции и язык. Вот только один пример подобной стойкости – история жителей маленького селькупского поселка Толька Пуровская, расположенного в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Пуровский район сегодня известен как один из богатейших по запасам нефти и природного газа, которые были открыты в 1960-е гг. и интенсивно разведывались начиная с 1970-х. В настоящее время коренные жители района – тундровые и лесные ненцы, ханты и селькупы – составляют лишь 5% всего населения, большая часть населения – приезжие из разных частей России и стран СНГ, работающие в нефте- и газодобывающих компаниях или обеспечивающие развитие районной инфраструктуры.

Толька – единственный селькупский поселок в районе. Сейчас там живет около 100 человек, только четверо из которых – приезжие, все остальные здесь родились. На протяжении XX в. жителей дважды переселяли с традиционной территории и дважды люди возвращались. Первое «вавилонское пленение» произошло в начале 1940-х гг. Оно последовало за последним аккордом «полной ликвидации шаманов» в районе, когда около 10 жителей поселка – взрослых мужчин, отцов семейств – обвинили в том, что они шаманили «против советской власти», арестовали и увезли туда, откуда они уже никогда не вернулись. Остальные жители верхнего течения реки Толька (поселок назван по реке, на которой он стоит) были переселены на 500 км к югу, поближе к тогдашнему райцентру (в те времена верховья Тольки относились к Ларьякскому району Ханты-Мансийского автономного округа), чтобы властям легче было наблюдать за родственниками шаманов. Людей переселили на реку Сабун (правый приток Ваха), и там был организован колхоз. На Сабун люди привели своих оленей. Но ни люди, ни олени не могли привыкнуть к новому месту: их охотничьи угодья и пастбища были далеко отсюда. Детей забрали в школу-интернат, где от непривычной пищи и отсутствия витаминов (каша и макароны вместо обычных мяса и рыбы) они начали умирать от цинги. Вдали от своих охотничьих угодий родители не могли толком ни охотиться, ни рыбачить, и многие умерли от голода. Олени также не могли освоиться на новом месте, не находили достаточного количества пищи, стали убегать и гибли в тайге. Во время войны мужчин призвали в армию, многие погибли, некоторые вернулись искалеченными. После войны выжившим людям позволили вернуться в верховья Тольки. В 1947 г. на высоком правом берегу начали заново строить поселок со школой и клубом. Жизнь продолжалась. В реке было много рыбы, а в лесу дичи. У людей все еще были олени. Постепенно жизнь стала налаживаться. В 1957 г. верховья Тольки были переданы из Ханты-Мансийского автономного округа в Ямало-Ненецкий и стали частью Пуровского района. В начале 1980-х гг. Пуровская Толька оказалась в центре территории, где проводилась разведка месторождения природного газа. Районная администрация решила расчистить путь прогрессу, убрав с дороги мешающий развертыванию фронта работ поселок. На этот раз жителям предложили выбор: на собрании им объяснили, что новая лучшая жизнь ждет их в рыбацком поселке Быстринка на Чертовых озерах, в селе Халясовая или в районном центре. Большинство сделало выбор и уехало, однако три семьи уезжать отказались и остались в опустевшем поселке со своими оленями. Начало 1990-х гг. было временем больших надежд. Для коренных малочисленных народов Сибири оно стало периодом возрождения и укрепления их этнического и культурного самосознания. Рассеянные по району селькупы Пуровской Тольки на общем собрании приняли решение возродить свой родной поселок. Идея была поддержана районной администрацией – такое это было время, – и в Пуровскую Тольку начали возвращаться ее прежние жители. «Нас тянуло сюда, как магнитом», – объяснял один из вернувшихся. Люди вернулись. Они счастливы, что живут в своем родном поселке, хотя их здешняя жизнь трудна и далека от процветания. В рассеянии люди сохранили свой язык, и сегодня он используется

в качестве языка семейно-бытового общения и как средство коммуникации между жителями поселка. Им владеют все, кому за тридцать и примерно половина молодежи (от 16 до 30 лет)⁴¹. Дошкольники по-селькупски почти не говорят.

Демографическая ситуация в небольших сибирских поселках с автохтонным населением характеризуется сегодня двумя специфическими чертами: там мало стариков (мужчин и женщин старше 60 лет) и много неженатых мужчин от 18 до 50 лет. Жизнь на Севере тяжела, и люди умирают рано, попросту не доживая до старости, поэтому в поселках так мало пожилых людей. Что касается преобладания в поселках мужского населения, то сегодня многие женщины – представительницы автохтонного населения, оказавшись перед выбором между традиционным образом жизни и современными жизненными стандартами, выбирают последние стандарты и стараются переселиться в районные центры, где нередко выходят замуж за приезжих. Среди выходцев из Пуровской Тольки, живущих в районном центре Тарко-Сале, подавляющее большинство составляют именно женщины⁴², а вот в самой Пуровской Тольке молодые семьи – редкость, и соответственно там мало детей дошкольного возраста. К тому же в поселке нет школы, поэтому с семилетнего возраста детей отправляют учиться в райцентр. Многие из толькинских детей, кто учится сейчас в школе-интернате Тарко-Сале, понимают селькупский язык, некоторые говорят по-селькупски. Но сохраняют ли они свой этнический язык к окончанию школы, не очевидно. Вернутся ли они в свой поселок или останутся в райцентре? Будут ли они говорить по-селькупски со своими будущими детьми? К сожалению, для оптимистического ответа на последний вопрос нет никаких оснований.

Процесс утраты малых автохтонных языков региона существенно ускорился за последние два-три десятилетия с приходом в самые глухие уголки тундры и тайги телевидения. Как-то мы спросили молодого жителя Тольки, хорошо владеющего своим этническим языком, почему молодежь и дети в его маленьком, практически моноэтническом поселке переходят с селькупского языка на русский. Молодой человек указал на телевизор в углу единственной комнаты его дома и ответил: «Все из-за этого ящика!» И с ним нельзя не согласиться. На сегодняшний день средства массовой информации вместе с системой образования являют собою два наиболее мощных инструмента, объективно способствующих уничтожению малых языков. Могут ли эти инструменты быть использованы для сохранения языков, находящихся в опасности?

В ходе проведения социолингвистических обследований [16–19] выявляется устойчивое противоречие между тем, что люди говорят об отношении к своим этническим языкам и реальной практикой использования этих языков. И здесь оказывается, что рынок диктует свои правила не только в экономике, но и в выборе языка. Большинство представителей автохтонного населения региона сегодня выказывает позитивное отношение к своим этническим языкам, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях⁴³, за редким исключением оказывается русский: если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным⁴⁴, и именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учебу в школе⁴⁵.

⁴¹ Многие жители поселка рассматривают свой этнический язык как ценное достояние, доставшееся от предков. Так, сорокалетний мужчина, отец семейства, рассказывал нам, как во время службы в армии он пел селькупские песни и разговаривал сам с собою по-селькупски, боясь без практики забыть родной язык. Он хорошо помнил, как в детстве, проведя два года в больнице, а затем в туберкулезном санатории, вдали от родных мест, он вернулся домой, разучившись говорить по-селькупски, и ему потребовалось время для восстановления прежней языковой компетенции. Поэтому, став взрослым, он делал все, чтобы не потерять свой язык снова.

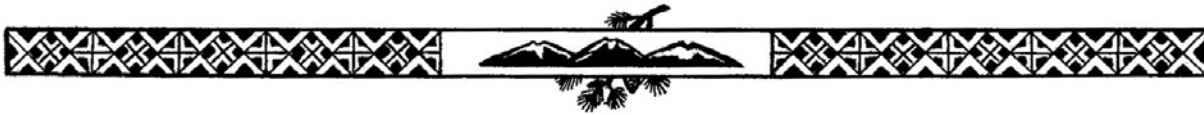
⁴² У всех коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока уровень образования женщин существенно выше, чем мужчин, а среди получивших среднее специальное или высшее образование женщин подавляющее большинство.

⁴³ Среди автохтонного населения региона сегодня очень распространены полиэтнические браки (более 50%). Языком детей в полиэтнических семьях, независимо от национальности и родного языка каждого из супругов, как правило, становится русский.

⁴⁴ С середины 1990-х гг. некоторые родители стали высказывать пожелание, чтобы их дети научились также говорить на английском или еще каком-нибудь европейском языке.

⁴⁵ Некоторые родители помнят, с какими трудностями они столкнулись, придя в школу без знания русского языка, и не хотят, чтобы их дети повторили этот горький опыт.

Вместо заключения

Таким образом, круг замкнулся, и мы возвращаемся к роли школы в судьбе малых языков. Как мы уже говорили, школа оказывается одним из самых мощных инструментов, способствующих вымиранию малых языков. Может ли она стать инструментом сохранения этих языков? В начале 1990-х гг. полагали, что преподавание языков коренных малочисленных народов в школе может помочь сохранить эти языки. С тех пор в этом отношении был получен некоторый положительный опыт, но по большей части опыт оказался отрицательным. Важно наконец понять: сам факт, что какой-то язык преподается в школе, не ведет автоматически ни к повышению его статуса в обществе, ни к его сохранению; очень многое зависит от личности преподавателя, от его квалификации, от отношения к занятиям со стороны школьной администрации, от наличия и качества учебных материалов и, наконец, от языкового варианта, который преподается. Правильный выбор языкового варианта чрезвычайно важен для обеспечения успешного результата. Опыт показывает, что если преподавание малых языков в школе всерьез рассматривать как способ сохранения этих языков, детям следует преподавать локальный вариант языка, на котором говорят в их поселке. Только в этом случае дети получают поддержку со стороны жителей поселка, еще владеющих языком, и прежде всего со стороны их собственных родителей и старших родственников.

Необходимость подготовки учебных материалов на разных диалектах одного и того же языка на сегодняшний день вряд ли можно считать непреодолимым препятствием, поскольку современные технологии существенно облегчают и удешевляют издательский процесс. Сегодня практически все малые языки постсоветского пространства в той или иной степени задокументированы: для каждого существует, по крайней мере, некоторое грамматическое описание [36–41], для многих изданы словари и тексты. Однако ввиду реальной перспективы утраты ряда языков в ближайшее десятилетие, а значительного количества оставшихся – в ближайшие полвека крайне желательно провести целенаправленное документирование всех имеющихся локальных вариантов малых языков. Внутренние процессы, происходящие в этих языках и во многом ускоренные внешними обстоятельствами, различными у разных локальных групп, превращают каждую из локальных групп в идеальную лингвистическую лабораторию для исследования типологии языкового развития и языковых изменений и для лучшего понимания истории «больших» и на сегодня «абсолютно жизнеспособных» языков. При этом обязательным побочным продуктом программы документации локальных вариантов малых языков постсоветского пространства могли бы стать учебные материалы на каждом из задокументированных диалектов.

Литература

1. *Агранат Т.Б., Шошитайвили И.* Водский язык: в конце пути // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. – М., 1997.
2. *Алексеев М.Е.* (Ред.) Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 1999а. – С. 156–166.
3. *Алексеев М.Е.* Нахо-дагестанские языки // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 1999b.
4. *Алексеев М.Е., Перехвальская Е.А.* Кубачинцы и кубачинский (урбугский) язык // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М., 2000.
5. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000.
6. *Булатова Н.Я.* Эвенкийский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002.
7. *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XXI веке. – СПб., 2001.
8. В центре // Советский Север. – 1935. – № 2. – С. 87–88.
9. *Виноградова С.П.* Ягнобский язык // Языки мира: Иранские языки. – Том 3. – М.: Индрик, 2000.
10. *Володин А.П.* Керекский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1997.

11. Головкин Е.В. Алеутский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002.
12. Додыхудоева Л.Р. Социолингвистическая ситуация Горного Бадахшана // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. – М., 1997.
13. Закон Республики Таджикистан о языке. – Душанбе, 1993.
14. Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994.
15. Казакевич О.А. Языки малочисленных народов России // Человек. – М., 1996. – № 4.
16. Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. – М., 1997. – С. 64–74.
17. Казакевич О.А. Северные селькупы: язык и самоидентификация // Социальная лингвистика в Российской Федерации (1992–1998). – М., 1998. – С. 15–17, 63–66, 111–113.
18. Казакевич О.А., Парфенова О.С. Языковая и этнокультурная ситуация в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М., 2000а. – С. 370–303.
19. Казакевич О.А., Парфенова О.С. Этнические и языковые общности поселка Советская Речка Туруханского района // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М., 2000б. – С. 304–308.
20. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Фрагменты грамматики хиналугского языка. – М.: МГУ, 1972.
21. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Опыт структурного описания арчинского языка. – Т. 1–3. – М.: МГУ, 1977.
22. Кибрик А.Е. (Ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. – М.: Наследие, 1999.
23. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алюторцев. – М.: Наследие, 2000.
24. Кибрик А.Е. (Ред.) Багвалинский язык. – М.: Наследие, 2001.
25. Колесник Н.Г. Функционирование государственных языков в Дагестане // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М., 2000.
26. Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. – Красноярск, 1998.
27. Мусаев М.С. Даргинский язык // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 1999.
28. Назарова З.О. Система ишкашимского глагола. – М., 1998.
29. Оранский И.М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. – М.: Наука, 1977.
30. Оранская Т.И. Парья язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. – Т. 2. – М.: Наука, 2001.
31. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1, 2. – М.: Academia, 2000, 2003.
32. Симонов М.Д. Языковая ситуация у хорских удэгейцев // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М., 2000.
33. Старостин С.А. Северокавказские языки // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 1999. – С. 75–79.
34. Эдельман Д.И. Язгулямский язык // Языки мира: Иранские языки. – Т. 3. – М.: Индрик, 2000. – С. 274–290.
35. Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л.: Учпедгиз, 1937.
36. Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993.
37. Языки мира: Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1997.
38. Языки мира: Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997.
39. Языки мира: Иранские языки. Т. 1–3. М.: Индрик, 1997–2000.
40. Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 1999.

41. Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 1, 2. – М.: Наука, 1997, 2001.
42. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002.
43. Clifton J.M., Deckinga G., Lucht L., Mac J., Tiessen C. The sociolinguistic situation of the Budukh in Azerbaijan. In: Studies in Languages of Azerbaijan. – Vol. 1. – Grand Rapids, 2002a.
44. Clifton J.M., Mac J., Deckinga G., Lucht L., Tiessen C. The sociolinguistic Situation of the Kryz in Azerbaijan In: Studies in Languages of Azerbaijan. – Vol. 1. – Grand Rapids, 2002b.
45. Clifton J.M., Lucht L., Deckinga G., Mac J., Tiessen C. The sociolinguistic situation of the Khinalug in Azerbaijan In: Studies in Languages of Azerbaijan. – Vol. 1. – Grand Rapids, 2002c.
46. Clifton J.M., Clifton D.A., Kirk P., Ljujkjell R. The sociolinguistic situation of the Udi in Azerbaijan // Studies in Languages of Azerbaijan. – Vol. 1. – Grand Rapids, 2002d.
47. Clifton J.M., Deckinga G., Lucht L., Tiessen C. The sociolinguistic situation of the Tats and Mountain Jews in Azerbaijan // Studies in Languages of Azerbaijan. – Vol. 2. – Grand Rapids, 2003.
48. Kazakevitch Olga A. The Education of the Selkups in Russia: Teaching the mothertongue as a foreign language. In: International review of education. 1996. – Vol. 4. – № 4.
49. Kazakevitch Olga A. Minor aboriginal peoples of Russia: Language and ethnic self-identification. In: Proceedings of the international congress «Ethnicity and language community: an interdisciplinary and methodological comparison». – Udine: Forum, 1998.
50. Kazakevitch Olga A. Education of indigenous minorities of Russia in the 1930s and in the 1990s: mother tongue at school // Matsumura, Kazuto (ed.) Lectures on Language Situation – Russia, Estonia, Finland. – Tokyo, 2002.
51. Kibrik Aleksandr E. 1991. Les langues en voie de disparition en U.R.S.S. In: Diogenes. – № 153.
52. Kibrik Aleksandr E. (ed.) Godoberi. – München: Lincom Europa, 1996.
53. Krauss Mikhael. The indigenous languages of the North: a report on their present state // Northern minority languages: problems of survival. – Osaka: National museum of ethnology, 1997.
54. Mikhilchenko Vida Yu. Endangered languages of Russia: an informational database // Studies in Endangered languages. – Tokyo: Hituzi Syobo, 1998.
55. Salminen Tapani. Ecology and Ethnic Survival among the Nenets. In: Northern minority languages: problems of survival. – Osaka: National museum of ethnology, 1997.

УДК 81:39

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЯЗЫКИ И ЗАДАЧИ ЛИНГВИСТОВ-СЕВЕРОВЕДОВ

Н.Б. Вахтин,

д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН

Е.В. Головки,

к.филол.н., старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН

Одним из постулатов советской языковой политики 1920–1930-х гг. было представление о том, что каждый народ должен иметь право пользоваться своим родным языком во всех общественных ситуациях. Это представление, выработанное народами Европы в XIX – начале XX вв. в ходе борьбы за национальное самоопределение, автоматически распространялось на все народы и языки, в том числе и на те, которые находились в совершенно других, «не-европейских» условиях, и которые «еще надо было доводить» до уровня, когда такой подход мог бы быть уместным [1, с. 195]. В последнее время на западе получили распространение идеи лингвоэкологии, согласно которым каждый язык и каждая традиционная, не затронутая цивилизацией культура – непреходящая ценность, которая должна сохраняться во что бы то ни стало [1, с. 198]. Однако это не только часто невозможно, но и не всегда нужно: прежде всего, необходимо учитывать мнение самих людей, поскольку «принудительное обучение непристойному языку ничуть не лучше принудительной русификации» [1, с. 200]. Вывод, который

автор не формулирует напрямую, но который, тем не менее, легко вычитывается из текста статьи – лингвоэкологический подход, декларирующий абсолютную ценность всех языков и требующий борьбы за их сохранение и развитие во всем многообразии их функций, является не научным, а политическим (или как минимум политизированным) подходом и не может (а часто и не должен) быть воплощен в жизнь.

С другой стороны, вся современная языковая политика европейских государств построена на иных основаниях. В 1992 г. Советом Европы была принята Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств, которая признает языки меньшинств «в качестве выразителя культурного богатства», призывает к активным действиям по их поддержке в целях их сохранения, обязывает европейские государства – члены Совета соблюдать языковые права меньшинств и создавать условия, позволяющие лицам, не говорящим на них, изучать эти языки, если они того пожелают [8, с. 304–305].

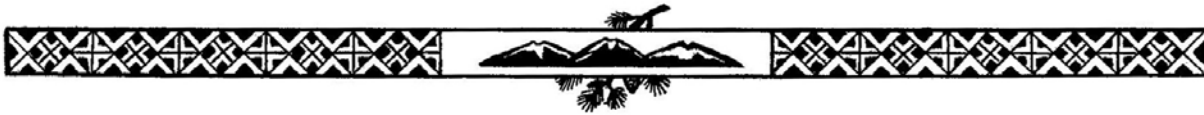
Российская законодательная база также строится на этой идеологии: в статье 10 федерального закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ предусмотрено право коренных малочисленных народов на сохранение и развитие родных языков, а в статье 5 (пункт 2) предусмотрено, что Российская Федерация имеет право принимать федеральные программы, направленные на сохранение и возрождение языков этих народов [8]. В.П. Нерознак разбирает эти положения российских законов в предисловии к Красной книге и пишет – довольно резко: «Язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием всего человечества... вот почему все разговоры, суждения и даже теории о том, что процесс умирания языков якобы носит "естественный" характер и что ему не надо препятствовать, обнаруживает попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида» [9, с. 7]. И далее: для этих языков «должна быть создана особая программа ревитализации, возрождения языков к жизни, их сохранения и развития. А если языки исчезают необратимо, то необходимы срочная научно-исследовательская программа фиксации памятников их речи, издание уже собранного материала. Проблема лингвоэкологии и ревитализации языков малочисленных народов должна стать одной из самых насущных при разработке и реализации Государственной программы по сохранению и развитию языков Российской Федерации...» [8, с. 10].

Существует, таким образом, две точки зрения на обозначенную выше проблему. В соответствии с одной из них исчезновение языков является неизбежным, естественным и необратимым процессом; современная тенденция языкового развития неизбежно приведет к унификации и резкому сокращению культурного и языкового разнообразия. Этот процесс, который, по мнению некоторых лингвистов, идет с неолитического периода и который в наше время явно ускоряется, рано или поздно должен привести к исчезновению большинства языков, которые существуют на земле [19, 29]. Хотя сторонники этой точки зрения также выступают за максимально полное документирование исчезающих языков, мотивируют они это, прежде всего, интересами лингвистической теории [19, с. 135–138].

В соответствии со второй позицией [25, 26] развитые государства должны приложить все силы для того, чтобы остановить процесс языкового сдвига, «вернуть» этот процесс в противоположную сторону. В языковом сдвиге видят последствия колониализма и неоколониализма, и борьба с ним рассматривается в рамках того же дискурса неравенства и угнетения, который привел к появлению антиглобалистских идей. В основе позиции лингвистов, выражающих сегодня эту точку зрения, лежат идеи Ф. Боаса и Э. Сепира. Как отмечает Д. Хаймс [23, с. 67], именно в работах этих «ориентированных на антропологию» исследователей (такая ориентация отражала набиравшую в то время силу тенденцию к «методологическому релятивизму») ясно сформулировано положение о принципиальном равенстве всех языков как «инструментов познания в науках о человеке» [12, с. 260]. Сокращение числа таких инструментов – всегда трагическое следствие «политики исключения и доминирования» [23, с. 67]. Известный американский социолингвист Дж. Фишман пишет в своей книге, посвященной процессам, противоположным языковому сдвигу: «Однообразие (то есть когда все говорят на одном языке) никогда не составляет для людей оптимального решения. Оно неизбежно подразумевает подавление слабого сильным, малочисленного – многочисленным; короче, это всегда закон джунглей» [21, с. 31].

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось писать в другом месте, что такой подход неполон [4], хотя и базируется на фактах. Возвращение языков малых народов может

произойти только тогда, когда возникает *мотивация* его использования, когда вырастает его престиж и, соответственно, укрепляется приверженность народа своему языку (language loyalty). Эта мотивация может быть идеологической, социально-психологической, даже экономической. Человек может захотеть говорить на титульном языке для того, чтобы получить определенный социальный капитал, чтобы подчеркнуть свою этническую идентичность, чтобы отделить себя от соседних народов, просто «в знак протеста». Именно этот процесс происходил в 1990-е гг. и происходит сейчас повсеместно на Крайнем Севере РФ, и не только на Севере.

Неудивительно, что отношение самих коренных народов к процессу утраты титульных языков – точнее, отношение «элит», то есть образованной и активной части этих народов – примыкает ко второй позиции. Резолюции об опасности утраты национальной культуры и родного языка принимались на многочисленных конференциях и съездах, начиная с Первого съезда народов Севера (НС), прошедшего в 1991 г. в Москве. Не без давления этих общественных структур и не без влияния лингвистов в России были приняты законы, в том числе и федеральные [8, 11, 13, 30], целью которых было защитить народы Севера (НС) экономически и социально, защитить их культуры и языки от гибели, от перехода НС с титульных языков на русский.

Вопрос о статусе языка часто действительно вопрос политический и экономический. Яркий пример – дискуссия о статусе идиомы небольшой группы населения северной Швеции, живущей на границе с Финляндией, в области Torn Valley. По всем лингвистическим признакам эта группа говорит на северно-финском диалекте. Однако признание за этим идиомом статуса финского диалекта означало бы, что на него не распространяются принципы языковой политики, закрепленные в упомянутой выше Европейской Хартии о региональных и миноритарных языках и Конвенции по защите национальных меньшинств – то есть, например, что государство, подписавшее эти документы, не обязано тратить на его преподавание в школах. В 2000 г. Швеция ратифицировала эти документы; активисты в течение нескольких лет боролись за право считать идиомой Torn Valley языком, и в 2001 г. шведское законодательство закрепило за ним статус языка. Сменили и имя: теперь этот язык – не Tornedalen Finnish, а Meänkieli, букв. ‘наш язык’.

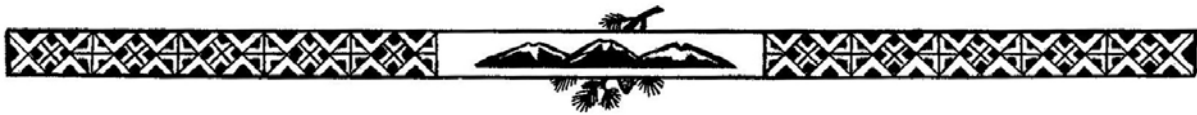
Очевидно, что обе обозначенные выше точки зрения – как требование защитить малые языки, так и констатация неизбежности процессов языкового сдвига и бессмысленности борьбы с ним, получают особую остроту, будучи перенесены в политическую плоскость. Во введении к недавно вышедшему второму тому энциклопедии «Письменные языки мира» (Письменные языки. II. 2003) языковая политика государства прямо увязывается с его «гуманностью и цивилизованностью»; «правильное» решение национально-языковых проблем является ярким показателем плодотворности функционирующих в государстве принципов национальной и языковой политики. То есть, иными словами, сторонники поддержки малых языков объявляют (вряд ли обоснованно) своих оппонентов негуманными и нецивилизованными; противоположная сторона – хотя бы в лице процитированного выше В.М. Алпатова – также приписывает (без особых на то оснований) своим противникам принудительное навязывание малым народам изучения своих «родных языков».

Конечно, государственная языковая политика, политика в области школьного образования и издательского дела должна всемерно поддерживать усилия местных элит по сохранению миноритарных языков, поскольку языковое разнообразие – как и любое разнообразие – является благом само по себе. С другой стороны, правы и те, кто говорит, что принудительное обучение не-престижному языку ничуть не лучше принудительной русификации. Однако представляется, что отставание тех или иных политизированных позиций для профессиональных лингвистов – хотя иногда и неизбежное, но далеко не оптимальное поведение. И несмотря на то, что вся современная дискуссия по этой проблематике была инициирована именно лингвистами и лишь позднее подхвачена местными элитами, а также политиками на национальном и международном уровнях, в сегодняшней ситуации лингвисты должны, по-видимому, вновь обратиться к этой проблеме.

Хотя отдельные лингвисты заговорили о проблеме сокращения числа языков достаточно рано [3, 28], первый симпозиум по исчезающим языкам⁴⁶ был организован лишь в 1991 г. в рамках 65-й ежегодной конференции Американского лингвистического общества; годом поз-

⁴⁶ Понятие «исчезающий язык» (endangered language) заимствовано лингвистами у биологов: с биологической точки зрения «исчезающими» являются те виды, которые по каким-то причинам потеряли способность самовоспроизводства. Переноса этот принцип на язык, можно было бы сказать, что исчезающими являются языки, носители которых потеряли способность (или желание) передавать их следующим поколениям [25, 26].

же вышел номер журнала *Language*, посвященный этой проблеме [26], и тогда же – книга [20]. Прогнозы ведущего специалиста в этой области профессора М. Краусса достаточно пессимистичны: если ничего не изменится и темпы исчезновения языков сохранятся прежними, то из существующих сегодня в мире примерно 6500 языков через столетие останется примерно 10%, а 90% языков мира пропадут безвозвратно [25, 26].

Это положение лингвистами вполне осознается. В последние годы возникло несколько международных программ, в названии которых присутствует слово *endangered*. Так, в 2002 г. в Лондонском университете (факультет восточных и африканских исследований, *School of Oriental and African Studies*) была образована *Endangered Languages Documentation Programme* (Программа документирования исчезающих языков). В задачу этой программы входит способствовать развитию лингвистических исследований исчезающих языков и поддерживать документирование максимального числа этих языков ради сохранения культур и языков (циркулярное письмо SOAS от 2 августа 2002) [33]. Одна из заявленных целей этого документирования – «создание банков лингвистических данных для лингвистики и социальных наук и, конечно, для общин коренного населения». Это документирование должно включать «не только описания формальной структуры языков, но и различных социально-культурных контекстов, в пределах которых эти языки функционируют» [33].

На два года раньше начал действовать *Endangered Language Fund*, базирующийся в департаменте лингвистики Йельского университета (США). Задачи фонда аналогичны: поддержка исследований языков, находящихся на грани исчезновения, поддержка научных и прикладных публикаций, которые могут оказаться полезными для общин, говорящих на этих языках.

В России также существуют организации, которые ставят своей задачей, среди прочих, поддержку изучения и документирования исчезающих языков в полевых условиях (например, РГНФ). Среди лингвистов всего мира и, в частности, лингвистов-североведов осознание важности и неотложности этой задачи можно, по-видимому, считать состоявшимся фактом. Как замечает О.А. Казакевич, работа «полевого» лингвиста в некоторых регионах Севера «приобретает сходство с аварийными археологическими раскопками»: языковой материал, не документированный сегодня, завтра может перестать существовать [7, с. 44].

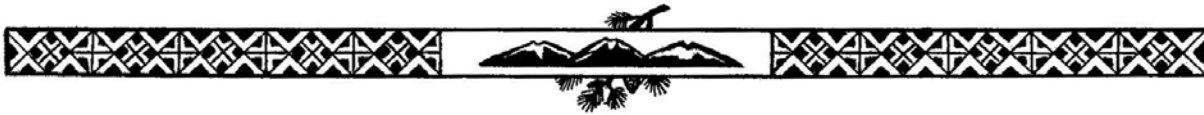
Какова основная мотивация большинства профессиональных лингвистов, однозначно принимающих сторону тех, кто озабочен сокращением языкового разнообразия на планете? Если оставить в стороне их естественное нежелание оказаться в положении простаков, «проморгавших исчезновение 90% того самого объекта, который они призваны изучать» [26], а также вполне понятное сожаление профессионала, чей объект исследования тает у него на глазах, остается еще как минимум одно соображение.

Это соображение базируется на (осознанном или нет) телеологическом подходе к явлениям природы, к которым, несомненно, относятся и естественные языки, а именно – на идее, что структуры естественного языка должны быть *целесообразны*. Тот факт, что различные языки кодируют одну и ту же грамматическую и лексическую информацию различными способами; что различные языки членят действительность по-разному, предлагают различные наборы разнообразных грамматических категорий – составляющие, может быть, «самые яркие и глубокие из различий между естественными языками» [10, с. 109] – должно иметь, в соответствии с этим подходом, не только объяснение («как» и «почему»), но и цель («зачем»). Действительно, мы еще слишком мало знаем об устройстве системы Языка, чтобы рисковать потерять пусть даже не 90, но и 50% языкового разнообразия прежде, чем мы сумеем ответить на вопрос, *зачем* естественным языкам это грамматическое разнообразие⁴⁷. Одного этого соображения было бы достаточно для того, чтобы лингвисты единодушно поддержали необходимость сохранения языкового разнообразия.

Каковы же задачи лингвистики в отношении «малых языков» в настоящий момент – именно лингвистики, отвлекаясь от задач политиков? Мы постараемся предложить вариант ответа на этот вопрос применительно к той области, которая известна нам лучше других – североведческим исследованиям языков коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

⁴⁷ Эта идея неоднократно высказывалась А.Е. Кибриком.

Первая и главная задача – это по-прежнему документирование, описание этих языков с целью максимально сохранить подробную информацию о них. Работа по документированию языков коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока началась в первые годы XX в., не в последнюю очередь благодаря участию классиков североведения В.Г. Богораза, В.И. Йохельсона и в какой-то мере Л.Я. Штернберга в знаменитой Тихоокеанской экспедиции Джесупа [31, 32]. В 1930-е гг. и позже эта работа сосредоточилась в Ленинграде, вначале вокруг Института народов Севера, а с конца 1940-х гг. – в Институте языкознания⁴⁸; исследования начались под руководством академика И.И. Мещанинова и продолжились силами его учеников и преемников. Эта работа интенсивно шла на протяжении 40 с лишним лет и дала существенные результаты: были опубликованы тексты, подготовлены монографические описания и словари чукотского, корякского, керекского и ительменского, эскимосского и алеутского, кетского, нивхского и юкагирского, эвенского и эвенкийского, удэгейского и орочского, тувинского, ненецкого, энецкого, хантыйского и других языков коренных малочисленных народов Сибири и Севера. Изучались и тюркские языки Сибири, причем не только в дескриптивном, но и в сравнительно-историческом аспекте⁴⁹.

Можно сказать, таким образом, что почти все, что известно сегодня о языках тунгусо-маньчжурской, самодийской, палеоазиатской групп, известно благодаря работе сотрудников Института лингвистических исследований РАН, а также уже упомянутых Томского и Новосибирского лингвистических центров, сотрудники которых сыграли определяющую роль в описании

⁴⁸ В 1960-е гг. и позже в нашей стране возникли и другие центры изучения и документирования языков Сибири и Севера, прежде всего – в Томском и Новосибирском университетах, которыми руководили, соответственно, А.П. Дульзон и М.И. Черемисина; многие сотрудники этих центров прошли стажировку и защитили диссертации в ленинградском Институте языкознания.

⁴⁹ Здесь приводится только часть публикаций: полный список их занял бы слишком много места. Публикации сгруппированы по десятилетиям, внутри десятилетий расположены в алфавитном порядке: Крейнович Е.А. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. М.; Л., 1937; Аврорин В.А. О категории времени и вида в маньчжурском языке // Изв. ОЛЯ, 1949. Т. 8. С. 60–66; Аврорин В.А. О категории времени и вида в нанайском языке // Язык и мышление. Т. 11. 1948. С. 29–55; Аврорин В.А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948; Пырерка А.П., Терещенко Н.М. Русско-ненецкий словарь. М., 1948; Скорик П.Я. Русско-чукотский словарь для чукотской школы. Л., 1941; Скорик П.Я. Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация. Л., 1948; Суник О.П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. М., 1947; Цинциус В.И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947; Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949; Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 1–2. М.; Л., 1959–1961; Вдовин И.С., Терещенко Н.М. Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959; Инэнлиэй П.И., Молл Т.А. Чукотско-русский словарь. Л., 1957; Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.; Л., 1958; Руцова Е.С. Эскимосско-русский словарь. Л., 1954; Суник О.П. Курурмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958; Суник О.П. Русско-нанайский словарь. Б. м., б. г.; Терещенко Н.М. Краткий очерк лексики и грамматики ненецкого языка // Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. Л., 1955; Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. М., 1952; Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские сказки и мифы. Новосибирск, 1966; Древнетюркский словарь (ред. Насилов Д.М.). Л., 1969; Древнетюркский словарь (ред. Щербак А.М., Насилов Д.М.) Л., 1969; Жукова А.Н. Русско-корякский словарь. М., 1967; Крейнович Е.А. Глагол кетского языка. Л., 1968; Меновицков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. 1. М.; Л., 1962; Ч. 2. М.; Л., 1967; Меновицков Г.А. Язык сиренеческих эскимосов. М.; Л., 1964; Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. М.; Л., 1960; Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. 1–2. М.; Л., 1961–1977; Суник О.П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966; Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. М.; Л., 1961; Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962; Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961; Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей. Ч. 1–2. М., 1965–1975; Володин А.П. Ительменский язык. Л., 1976; Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972; Исследования в области этимологии алтайских языков (ред. В.И. Цинциус). Л., 1979; Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973; Цинциус В.И. (Ред.) Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1–2. Л., 1975–1977; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977; Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970; Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987; Вахтин Н.Б., Емельянова Н.М. Практикум по лексике эскимосского языка. Л., 1988; Емельянова Н.М. Классы глаголов в эскимосском языке. Л., 1982; Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988; Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982; Меновицков Г.А. Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов. Л., 1988; Меновицков Г.А., Вахтин Н.Б. Эскимосский язык. Л., 1983; Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989; Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках: В сравнении с др. алт. яз. Л., 1982; Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи). Л., 1987; Maslova E. An Approach to Typology of Sentence Topics // Eurotyp. The-matic Group I: Pragmatic Organization of Discourse. St. Petersburg, 1994; Golovko E., Vakhtin N. Aleut in Contact: the CIA Enigma. In: Acta Linguistica Hafniensia. Vol. 22, 1990: 97–125; Nedjalkov I. Evenki. Routledge: London, 1997; Асиновский А.С. Консонантизм чукотского языка. Л., 1991; Вахтин Н.Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб., 1995; Головки Е. Алеутско-русский и русско-алеутский словарь. СПб., 1994; Кормушин И.В. Удэгейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998; Мальчиков А.Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке. СПб., 1999; Недялков И.В. Глагольные категории в эвенкийском языке (залог и вид). Л., 1990; Чариков С.Л. Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими. Л., 1990; Щербак А.М. Введение в сравнительно-историческое изучение тюркских языков. СПб., 1994; Вахтин Н.Б. Язык сиренеческих эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. [LINCOS Studies in Asian Linguistics, 33]. LincomEuropa: München, 2000; Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига // СПб.: Дмитрий Буланин, 2001; Хасанова М., Певнов А. Мифы и сказки негидальцев. Исследования по тунгусоведению 21. ELPR Publication, 2003.

таких языков, как кетский, селькупский и некоторые тунгусо-манчжурские. В ситуации, когда многие из этих языков оказываются в категории исчезающих, значение этой работы трудно переоценить.

Далее, лингвисты должны, по-видимому, вернуться к рассмотрению основных концептов и терминов, прежде всего в области социолингвистики, поскольку ситуация языкового сдвига ставит под сомнение применимость многих привычных понятий. Приведем только один пример: понятие и термин «родной язык». «Родной язык» не является точным социолингвистическим понятием, и проблемы, порождаемые использованием этого термина, оказываются более серьезными, чем выгоды от его применения. Большинство советских лингвистов интерпретировали этот термин как эквивалент *основного разговорного языка*; при этом многие носители «северных» языков явно понимают его как нечто иное – возможно, как язык, использовавшийся в семье, когда они были детьми, или как язык, на котором говорила мать, или просто как титульный язык, и т. п. Исследования показывают, что люди могут называть своим родным язык, который они обычно не используют или не используют в семье, или знают хуже других, или даже вообще не знают [2, с. 566; 14, с. 67–79; 24, с. 419; 27, с. 88].

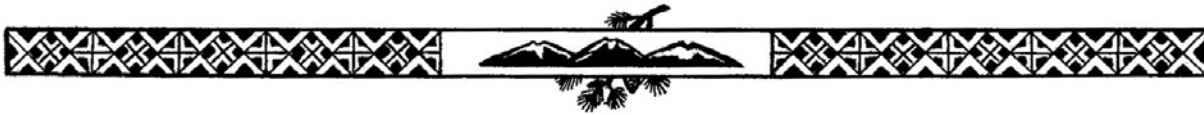
Вот несколько выписок по языкам народов Севера, взятых наудачу из справочника [8], которые подтверждают это положение. В 1989 г., в ходе переписи, 24% удэгейцев назвали удэгейский родным языком, при этом по наблюдениям исследователей, реально владеет этим языком около 4% (А.Х. Гирфанова). Кетский язык назвали в 1989 г. родным 48,3% кетов, реально им владеет не более 15–20% (О.А. Казакевич, Е.А. Хелимский). Корякским языком реально владеет примерно 5,4% коряков, при этом перепись 1989 г. дает цифру 46,8% (А.А. Бурькин).

По данным Д.М. Насилова, лишь 1,9% телеутов реально говорит на телеутском языке, при этом 85,1% телеутов назвали этот язык родным. Энецкий язык назвали в 1989 г. родным 46% энцев, реально носителей «буквально единицы среди тундровых и несколько десятков среди лесных» (Д.С. Болина, Е.А. Хелимский). Как и во многих других случаях, при определении того, что считать «родным языком», решающими оказываются политические факторы. Обобщая данные об использовании термина «родной язык» (*mother tongue*) в переписях, одним из самых эффективных инструментов, используемых государством для утверждения своей власти [15, с. 163–164], Д. Арел отмечает [16, с. 115], что в националистическом дискурсе ситуация с «родным языком», наподобие описанной выше, как правило, интерпретируется следующим образом: результаты переписи – следствие порочной государственной политики, направленной на изменение «нежелательной» идентичности тех или иных групп населения. Поэтому, с точки зрения националистически ориентированной части общества, для того чтобы выяснить «истинную идентичность», необходимо обратиться к ситуации, которая предположительно имела место до начала процесса ассимиляции, и интерпретировать вопрос о «родном языке» как языке родителей. Такая концепция языковой идентичности, «направленная в прошлое», не является единственно возможной. В качестве иллюстрации противоположной позиции Д. Арел приводит пример брюссельских фламандцев, которые во время проведения переписи 1947 г. протестовали против включения в список вопроса о «родном языке», поскольку не хотели ассоциировать себя с непрестижным фламандским языком, и тем самым выбирали опережающую стратегию, «направленную в будущее» [16, с. 105–106].

Наконец, лингвистам-североведам предстоит, видимо, выработать новые подходы, обратить внимание на некоторые теоретические положения, необходимые для описания сегодняшней языковой реальности. Интенсивное документирование языков народов Севера идет уже полвека, и за эти полвека сама ситуация с этими языками изменилась кардинальным образом. Если сегодня молодежь и говорит на «родном языке», то ее язык по своим лингвистическим характеристикам существенно отличается от того языка, который был в ходу 30–40 лет назад. Практически для всех территорий проживания народов Севера реальностью стало изменение демографической ситуации: компактное проживание одного народа при малой степени языко-

вых и культурных контактов с другими народами отошло в прошлое даже там, где это можно было наблюдать некоторое время назад. Наконец, важной характеристикой современной языковой ситуации является осознание языковых проблем, прежде всего, местной интеллигенцией и учеными-североведами, и, как следствие, высокая степень политизированности объекта изучения.

Естественно, что столь кардинальные изменения объекта исследования не могут не повлиять на направление работы ученых-североведов. Стоявшая в предыдущий период задача изучения языков методами полевой лингвистики, задача сбора и введения в научный оборот материала по языкам народов Севера, конечно, не теряет своей актуальности; напротив, в новых условиях она приобретает, как уже говорилось, сходство с «аварийными археологическими раскопками». Однако наряду с ней возникают и новые задачи.

Прежде всего, это – обработка и введение в научный оборот тех богатейших материалов, которые были собраны за предшествующие десятилетия, в том числе – и в современной электронной форме. За полвека работы были не только подготовлены и изданы лингвистические описания этих языков, но и собраны значительные пока не опубликованные материалы: многое еще находится в картотеках, рукописях и магнитофонных записях. Достаточно упомянуть Словарь западно-хантыйских диалектов Н.И. Терешкина или Ительменский словарь А.П. Володина – бесценные картотеки, которые в течение многих лет существуют в единственном рукописном экземпляре.

Вторая задача – это изучение реальных языковых ситуаций, прикладных социолингвистических аспектов функционирования языков, языковых контактов, процессов упрощения и изменения языковых систем в условиях языкового сдвига, переключения и смешения кодов и подобных проблем. Эта проблематика является для североведения сравнительно новой; ее появление связано не только с демографическими и социальными изменениями реальной ситуации на Севере, но и с осознанием того, что в масштабах Земли одноязычие вообще встречается существенно реже, чем дву- или многоязычие. Как пишет Роберт Аустерлиц, «возможно, мы, люди Запада, смотрим на двуязычие и многоязычие как на исключение, в то время как они, по сути, являются правилом во многих частях света» [17, с. 56]. По подсчетам Дэвида Кристалла, примерно две трети детей мира рождаются и живут в двуязычном окружении и научаются свободно говорить на двух языках [18, с. 14; 22].

Это означает, по-видимому, что языковые явления, вызванные контактами между языками – заимствования, интерференция, переключение кодов, креолизация и смешение языков, языковой сдвиг, возникновение и закрепление новых кодов [5, 6] и многие подобные, которые занимали (и продолжают занимать) периферийное положение в североведении, вправе претендовать на большее внимание со стороны лингвистов. Материал, собранный по двуязычию, переключению кодов и другим сходным темам, не должен оставаться за пределами внимания тех, кто занимается традиционными лингвистическими сюжетами – «чистой» фонологией, морфологией или синтаксисом. Исследуя какой-либо грамматический вопрос, лингвист, если он при этом строит свои выводы на материале речи только одноязычных носителей (или тщательно «вычищает» все следы второго языка), рискует сильно ограничить применимость своего анализа или своей теории.

Вряд ли усилия лингвистов, даже объединенные, помогут спасти большое число исчезающих языков. Нас слишком мало, и слишком несопоставимы средства и ресурсы, которые человечество тратит, например, на изучение экологических проблем и поддержание окружающей среды и тех, которое оно готово расходовать на проблемы лингвоэкологические. Однако перед нами – уникальный в истории этап развития языкового ковра планеты: сокращение численности составляющих его языков, массовый переход народов с одного языка на другой, резкие изменения лингвистической карты мира, когда цветочные пятна и пятнышки, обозначающие разные языки, начинают шевелиться, сливаться, менять форму, цвет и размеры. Кажется, что было бы непростительной расточительностью для лингвистики упустить этот момент, не изучить эти процессы, не заметить новый и крайне интересный объект исследования, который сам идет в руки.

Суммируя, можно сказать, что новая ситуация с языками народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, как и вообще новая ситуация, характеризующаяся распространением явления языкового сдвига в масштабах планеты, ставит перед североведением – и шире, перед лингвис-

тикой в целом – совершенно новые и крайне интересные задачи, решать которые предстоит как нынешнему, так и следующему поколению лингвистов. Рискнем высказать мысль, что эта новая ситуация существенным образом меняет баланс между различными областями лингвистики, выдвигая на первый план полевые описательные исследования, что означает смену лингвистической парадигмы, изменение привычного течения жизни десятков исследовательских институтов и университетов, самой природы работы лингвиста.

Литература

1. *Аллатов В.М.* О будущем языков народов Севера // Лингвистический беспредел: Сб. статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. – С. 194–201.
2. *Беликов В.И.* Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка: от описания к объяснению: К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. – М.: Яз. рус. культуры, 1999.
3. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1–2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. *Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
5. *Головко Е.В.* Переключение кодов или новый код? // Тр. факультета этнологии. Вып. 1. – СПб.: Европейский ун-т, 2001.
6. *Головко Е.В.* Языковые изменения и конструирование групповой идентичности [Мастер-класс] // Вестник молодых ученых, 2001. – Т. 1 (Серия: Филол. науки, 2001. № 1). – С. 3–10.
7. *Казакевич О.А.* Специфика полевой работы в условиях языкового сдвига // I Международный симпозиум по полевой лингвистике: Тез. докл., Москва, 23–26 октября 2003 г. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2003.
8. Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002.
9. *Нерознак В.П.* Языки малочисленных народов России: проблемы экологии и ревитализации // Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002.
10. *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
11. Северо-восток России: проблемы экономики и народонаселения. Коренные малочисленные народы и этнические группы Северо-востока. – Магадан: Администрация Магаданской области, 1999.
12. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Под ред. и с предисловием А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1993. – С. 259–265.
13. Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы. – М.: Юридическая лит., 1994.
14. *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения // Ист. зап. Т. 6 (124). – М.: Наука, 2003.
15. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – New York: Verso, 1991.
16. *Arel D.* Language Categories in Censuses: Backward- or forward-looking? // Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses / Ed. by D. I. Kertzer and D. Arel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 92–120.
17. *Austerlitz R.* Three Thoughts on Dr. Kreindler's Thoughts // International Journal of American Linguistics. – 1982. – Vol. 33.
18. *Crystal D.* English as a Global Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
19. *Dixon R.M.W.* The Rise and Fall of Languages. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
20. Endangered Languages / Ed. by Robert H. Robins and Eugenius M. Uhlenbeck. – Oxford and New York: Berg, 1991.

21. *Fishman J.* Reversing Language Shift: Theory and Practice of Assistance to Threatened Languages. – Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
22. *Grosjean F.* Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism. – Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 1982.
23. *Hymes D.* Speech and Language: On the Origins and Foundations of Inequality among Speakers // Language as a Human Problem / Ed. by M. Bloomfield and E. Haugen. – New York: W.W. Norton and Co., 1973. – P. 45–72.
24. *Karklins R.* A Note on «Nationality» and «Native Tongue» as Census Categories in 1979 // Soviet Studies. – 1980. – Vol. 32. – № 3. – P. 415–422.
25. *Krauss M.E.* The World's Languages in Crisis. Paper presented to symposium «Endangered languages and their preservation». Meeting of the Linguistic Society of America. Chicago, 1991.
26. *Krauss M.E.* The World's Languages in Crisis // Language. – 1992. – Vol. 68. – № 1. – P. 4–10.
27. *Silver B.D.* The Ethnic and Language Dimension in Russian and Soviet Censuses // Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Ed. by R.S. Clem. Ithaca and London: Cornell University Press. – 1986. – P. 70–97.
28. *Swadesh M.* Sociologic Notes on Obsolescent Languages // International Journal of American Linguistics. – 1948. – Vol. 14. – P. 226–235.
29. *Taylor A.R.* Introduction // International Journal of the Sociology of Language [Special issue]: Language Obsolescence, Shift, and Death in Several Native American Communities. – 1992. – Vol. 93.
30. *Vakhtin N.* Indigenous People of the Russian Far North: Land Rights and the Environment // Polar Geography. – 1998. – Vol. 22. – № 3. – P. 79–104.
31. *Vakhtin N.* Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / Ed. by Igor Krupnik & William W. Fitzhugh. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History. – Smithsonian Institution: Washington D.C., 2001. – P. 71–89.
32. *Vakhtin N., Krupnik I.* The aim of the expedition... has in the main been accomplished: Words, Deeds, and Legacies of the Jesup Expedition, 1897–1902 // Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by L. Kendall and I. Krupnik. Arctic Studies Center. National Museum of Natural History. – Smithsonian Institution: Washington, 2003. – P. 15–31.
33. [http www. eldp. soas. ac. uk.](http://www.eldp.soas.ac.uk)

УДК 81(571.66)

PRESERVING ENDANGERED LANGUAGES OR LOCAL SPEECH VARIANTS IN KAMCHATKA

*Dr. Erich Kasten (Independent scholar Uferweg 4,
D-16798 Fürstenberg/Havel Germany, kasten@snafu.de)*

Introduction

In 1993, a first project to preserve the endangered Itelmen language in Kamchatka was initiated by me together with ethnolinguist Michael Dürr and local language expert Klavdiia Khaloimova, for which I could bring in my expertise as a social and cultural anthropologist. A number of teaching materials had been produced since then that employed new methodologies and modern electronic techniques. The main strategy for these materials has been to pick up and to present local contents, i.e. themes and environments that local people can more easily identify with, in order to tie language and cultural learning together.

Since 2000, the project has been extended to preserve the Koryak and Even languages spoken in the central and the northern parts of Kamchatka. According to formal standards, these languages are not (yet) considered to be endangered as they might currently have sufficient numbers of speakers. Although, similar trends have been identified that might lead – with a time lag of about one generation – to a similar situation of language endangerment, as it is the case for the Itelmen language now, if not immediate and appropriate measures are to be taken to preserve these languages. First, I will present our experience from our Itelmen Language and Culture project, and then expand to our current activities to preserve in particular local speech variants of the Koryak and Even languages – as this is seen as a key approach to stimulate necessary interest among community members to keep their native languages alive.

Itelmen Language and Culture

The main goal of the project is to preserve the Itelmen language in connection with local culture, i.e. the way specific natural environments, traditional worldviews and spatial boundaries between communities are reflected or emphasized and expressed in Itelmen language and in specific local variants of it. This corresponds to the project team's philosophy that presenting language data in connection with local culture can most efficiently stimulate interest and contribute to the preservation of endangered languages.

One might have to accept that in the future, the Itelmen language will hardly ever be used again as a general means of communication in everyday practice. It seems unlikely for it to become revitalized for such a purpose – although this is still a prevalent but perhaps not very realistic long-term hope of some. Others have pointed out that it is also very worthwhile to preserve the Itelmen language at least in some of its restricted functions, domains, and meanings.

One of the domains in which people are most motivated and where the use of Itelmen language (or fragments of it) is still encouraged are ceremonial settings and traditional feasts, i.e. activities and occasions that center around the expression or celebration of Itelmen ethnic identity, as underlined by the existence and the use of the native language. Furthermore, the performing arts such as traditional Itelmen songs (together with dances) and respective staged performances appear to be a potential domain of continued use of the Itelmen language. Fragments of Itelmen speech are also preserved in greetings and some general chatting, although code switching sets in as soon as terminology becomes more specific, where people use Russian more comfortably now. This applies also to ecological terminology, although this may be a domain where the revitalized use of native language could set in first, due to the highly localized nature of the subject.

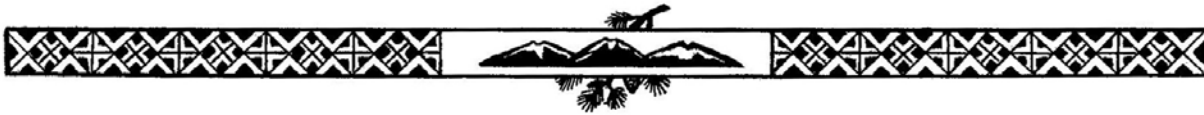
From extensive consultation with local residents, then, the project team learned that the preservation (if not full revitalization) of Itelmen language or even parts of it would help many people to maintain their particular and local identities, and to provide them with broader access to other forms of traditional – such as ecological – knowledge. This motivated the project team to direct particular attention to quite specific aspects of language preservation and to design specific activities of the project accordingly.

The Project's Strategies and Activities

The main strategy of the project has been to produce and disseminate new language learning tools (in addition to and complementing existing ones). Importantly, these new materials now pick up local contents, i.e. themes and environments that local people can more easily identify with, in order to tie language and cultural learning together, to make language learning more meaningful, and thus to increase personal motivation.

The first product coming out of the project was an Itelmen language learning textbook (with Russian translations) - *Istoriko-etnograficheskoe uchebnoe posobie po itel'menskomu iazyku* (1996) [Historical-ethnographical teaching materials for the Itel'men language]. The book is directed primarily at younger school children and those at pre-school and kindergarten level. It addresses relevant Itelmen

cultural themes and refers to local social and natural environments, and thus stimulates native language maintenance in combination with preserving the cultural heritage and traditional knowledge and practices of Itelmen people in general. The book is set up according to thematic blocks drawn from life in the local communities. The thematic sections focus mostly on vocabulary and its use in simple expressions/sentences. There are no grammar lessons in this book, as a simple grammar (in a similar style) is planned for later.

As mentioned at the outset, the project team recognized that for Itelmen language to be passed on to younger generations, language learning would have to take place even prior to pre-school age. Thus, the new materials were in particular geared to facilitate learning situations where elders (grandparents) explained their local environment and culture to very young children (even at pre-kindergarten age), with the help of the illustrations and using the Itelmen words found in the new textbook. Such language learning situations proved most effective and rewarding for both 'teacher' and 'learner'; and this way, the very young could be provided at least occasionally with a native language environment at this crucial age for language acquisition, and in their home environment at that, where otherwise the Itelmen language was not used anymore. The illustrations of local scenes in the book furthermore serve to trigger remembrances on the part of the elders who explain these situations to the young. And the identification with local content was also seen as a key to providing incentives and motivation for picking up and using the teaching materials in the first place.

In the compilation process, the project team tried as much as possible to record local variants and to include them in the teaching materials, as this was the expressed wish of many local residents. Extensive consultations with local people were carried out, to identify and utilize such local content, as they considered important from their own point of view. For example, the topic of toponyms was given considerable attention, as it was obviously an important issue for local residents to keep memories alive of those places from where they had been relocated into central settlements in the 1960s, against their will (again, it would probably not have been 'politically correct' to include such an issue in schoolbooks during the Soviet period).

In the course of the project, Itelmen people (and those who felt their roots to lie in Itelmen culture) who live in the central parts of the Kamchatka peninsula (Milkovo district) – they are also known as Kamchadals – and some Itelmen residing in the main capital Petropavlovsk-Kamchatski also started to actively take part in the effort. This led, among other things, to the inclusion of the particular Kamchadal vernacular and vocabulary into the teaching materials produced.

A multimedia CD-ROM *Itelmen Language and Culture* followed the textbook in 2001. The project team recognized that electronic learning tools (like a CD for computer use) add prestige to the project materials in the eyes of the youths, who were particularly targeted in the preservation effort, and that these tools make it more attractive for young people to devote energy to the endeavor. Also, the identification with local and well-known Itelmen personalities and traditional activities could be enhanced by enabling students to listen to actual speakers and to watch the activities in video clips.

The CD-ROM is based on the textbook, but in addition it also aims at more adult user groups, providing information such as scientific terms of local plant and animal species. The CD follows the same thematic structure as the textbook and can be used in parallel. On the CD, all vocabulary and sentences of the book are spoken (i.e. in the form of sound files), and many of them by various speakers. Thus, the listener can choose between different variants (such as e.g. one once spoken in his/her particular ancestral home village), a feature that has become very popular. To provide such a number (i.e. up to 8) variants for local pronunciations of a certain expression would have been quite confusing in the printed textbook, whereas in the electronic edition of the CD that was easily accomplished.

The CD also contains recordings and texts of some Itelmen stories and songs (although their number is rather small, as by the time of recording the formerly rich Itelmen oral tradition was only mastered by about 2-3 individuals). Further, the CD contains children's art work, collected for an exhibition project in Germany, which further illustrates the language data in their given contexts; and it provides short video clips on relevant local activities, such as dancing and staged ceremonies at the Alkhalalalai festival, setting up a fish weir, digging roots in the tundra with a special tool, etc.

Besides Russian translations, an English version was added to the CD, as some of the content was considered of interest for other Native peoples of the circumpolar North outside Russia, and for linguists and other scholars who are not in full command of the Russian language. (In particular, this concerns the natural environments and related harvesting/procurement activities, which are very similar all across the circumpolar north.)

In addition to the above-mentioned publications that had been produced jointly by the team members, Klavdiia Nikolaevna Khaloimova also published the book *Metodicheskie rekomendatsii (materialy) uchitel'iu itel'menskogo iazyka* [Methodical recommendations (materials) for the teacher of Itelmen language]. This book is directed mainly at future Itelmen teachers and is considered as a particularly useful teaching tool at the Institute for Advanced Teachers' Training in Palana. The book is a guide for teachers on how to systematically explain the rather intricate Itelmen grammar to schoolchildren of different levels, with the help of short examples. This had also been neglected so far in the textbooks of the 1980s.

Outcomes

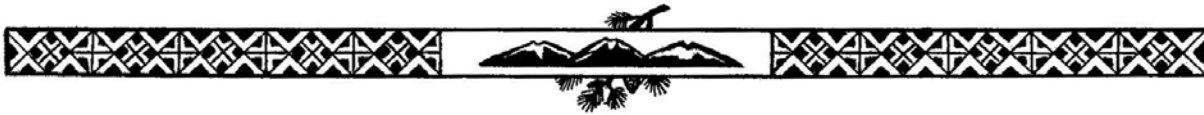
The materials produced in this project are widely used in the communities. Most importantly, the 1996 textbook is, as intended by its producers, in use even in extra-school-curricular contexts such as in homes in the villages, in special courses at kindergarten level in the regional center Tigil, and in courses arranged by the head of the local library in Milkovo, that is, in places where Itelmen language is not part of the regular school curriculum and where people can choose materials based on what is most appealing to them. The same applies in the city of Petropavlovsk-Kamchatski, where both the textbook and the CD have been extensively used; even in the very efficient courses that had been conducted there by the late Valentina Uspenskaia this new set of learning tools was given clear preference over the old materials.

Thus, an important goal was achieved, i.e. to introduce appealing language materials, and in particular in those areas where Itelmen people would otherwise hardly ever have become interested or involved in revitalizing their language with so far existing conventional school textbooks. Many local residents have voiced the opinion towards the project team that the project materials have contributed substantially in raising more interest and helping to preserve the Itelmen language at different levels. This became most evident regarding the CD, which has given Itelmen activists of the younger or middle generation (those between 20 and 50 years old) the chance and incentive to revitalize (parts) of their language, as they were already used to such new technologies. For them it would have been difficult and outmost boring to learn from types of already existing schoolbooks and according to the methodologies used there, which had been designed for school classes and children between age 7 and 12. The CD has also become quite popular in particular within the urban Itelmen community in Petropavlovsk-Kamchatski, where it has helped Itelmen activists to restore and substantiate their revitalized Itelmen identity by strengthening their native language competence.

Conclusions

Learning Itelmen first at school under the same methodology as for learning 'foreign' languages (such as English) seems to be not so effective, as, among other things, it requires particular justifications and motivations in answer to the question 'what for?' – especially when other options such as English classes provide young Itelmen with the prospect of better professional career opportunities. Thus, unless there is a specific native language pedagogy, the motivation of students is usually low, which then results in insufficient outcomes such as those produced by the Soviet native language programs in the 1980s, and the schoolbooks introduced therein. In the Itelmen context, coupling cultural with language learning in the textbook was one way the project team attempted to counter this effect. Also, a summer workshop ('Deti severa / Children of the North') was held in 2000 (Kasten, 2002), where scientists, local community school teachers, and other native educators discussed new concepts of 'bicultural education' and prospects and first experiences of its implementation in local communities. Another attempt to encourage Itelmen language training beyond the regular school curriculum (and to provide learning tools for that) led the project team to conceptualize the CD *Itelmen Language*

and Culture in a very culture-specific way, addressing even adults who are concerned about revitalizing their Itelmen language competence (and identity). In short, native language learning tools require a specific methodology and accompanying efforts beyond the regular school curriculum – and that had obviously been neglected in the past.

Koryak and Even Language and Culture

Since 2000 the project has been extended on Koryak and Even language preservation, and in particular on the endangered local variants of these languages. Language data is presented now on DVD in video films with full subtitles of spoken text and optional Russian / English translation, with additional bilingual booklets. These multimedia learning tools on native languages provide the great advantage to present text within an authentic local context. That makes it more appealing to the youth and easier for them to identify with the material – which clearly enhances their motivation to preserve their unique cultural and linguistic heritage.

The well-known and – for school children as well as for elders – confusing divide between standardized language in most textbooks and actual local speech variants can easier be bridged by multimedia learning tools. Especially here, however, a number of problems still remain unsolved and well-balanced compromises have to be found. Therefore, one of the biggest challenges is to make such new teaching tools – that contain local language variants – at the same time compatible with already established standards for grammar and orthography that have been in use already for the past 20 years, but still differ from the original speech of the elder generation.

Some of the more basic questions that resulted from our work in Kamchatka and that should be addressed are about the specific functions that native languages can have in the local context. This might explain and meet to the expressed wish of native community members to preserve its local variants. Having always been multilingual, the native peoples of Kamchatka were in command of foreign languages for the communication with others. At the same time, however, it has always been important for them to differentiate themselves from others, by means of a common local language or dialect of their own. Therefore specific language can link people to their particular local history and cultural heritage and can make it more attractive to them to preserve it.

Outcomes and Future Plans

For both languages, over 100 hrs. of spoken texts have been recorded on digital video during the past 10 years that are going to be structured for publication on DVD according to local speech variants and according to various themes. For the Even language spoken in Kamchatka, we have chosen two main dialect groups, those who live in the Bystrinski district and those who live in the most northern areas of the peninsula, namely the Penzhinski and the Oliutorski districts. In a similar way the Koryak materials are structured according to the more southern and northern Chavchoven (Reindeer herder Koryaks) and the two coastal Koryak groups, the Nymylans of the northern Tigilski district, and the Oliutors, living on the opposite northeastern coast in the Karaginski and Oliutorski districts.

Each of the DVDs of both the Koryak and Evens series, and subdivided according to the mentioned dialect groups, are devoted to particular themes, such as:

- the remembered past;
- traditional ecological knowledge;
- clothing and decorative arts;
- ritual practices and worldview;
- expressive forms of human-environment relations (tales, songs and dances).

The main collaborators in this project are Aleksandra Urkachan from the Center for native crafts and folklore in Palana (Koryak language expert) and Raisa Avak, director of the Advanced Teachers' Training Institute in Palana (Even language expert).

The first 3 volumes (DVD with Russian/English subtitles and booklets with full transcript of the original text and Russian or English translations) had been presented this year (2008) at a special conference in Ossora and at other places in Kamchatka. They had received considerable attention, as they are seen as a most appropriate means to not only preserve endangered dialects of these two languages,

but also to document and memorize for future generations the cultural heritage and traditional knowledge of the elders. It is hoped that most of the 60 volumes of both series will be finalized within the next three years, and to be provided to local communities in Kamchatka for their school and cultural enhancement programs.

References

www.siberian-studies.org/Publications.html for downloads of print edition Community-oriented language learning tools

Community-oriented language learning tools

1. *Khaloimova K.N.; Dürr M., Kasten E.; Longinov S.* (1996). Istoriko-etnograficheskoe uchebnoe posobie po itel'menskomu iazyku. [Historical-ethnographical teaching materials for the Itel'men language]. Petropavlovsk-Kamchatski: Kamshat.
2. *Dürr M.; Kasten E.; Khaloimova K.N.* (2001). Itelmen Language and Culture. Multimedia CD-ROM. Ethnographic Library on CD, vol 3. Münster, New York: Waxmann.
3. *Khaloimova K.N.* (1999). Metodicheskie rekommendatsii (materialy) uchitel'iu itel'menskogo iazyka [Methodical recommendations (materials) for the teacher of Itelmen language]. Petropavlovsk-Kamchatski: Izdadel'stvo Kamshat.
4. *Kasten E.* (Ed., 2007). Songs and Dances. Evens of the Bystrinski district. Even Language and Culture, ELC5-02-04. DVD with Russian & English subtitles and a booklet.
5. *Kasten E.* (Ed., 2007). Songs and Dances. Coastal Koryaks of the Karaginski district. Koryak Language and Culture, KLC5-02-06. DVD with Russian & English subtitles and booklet.
6. *Kasten E.* (Ed., 2007). Tales. Evens of the Bystrinski district. Even Language and Culture, ELC5-01-01. DVD with Russian & English subtitles and booklet.

Selected articles relating to the project

1. *Kasten E.* (2004). Ways of Owning and Sharing Cultural Property. In E. Kasten (ed.), *Properties of Culture – Culture as Property: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* (p. 9–32). Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
2. *Kasten E.* (2005a). The Dynamics of Identity Management. In E. Kasten (Ed.), *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* (p. 237–260). Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
3. *Kasten E.* (2005b). Culture as Property: Returning Knowledge to Native Communities. In C. Hann (Ed.), *Property Relations: The Halle Focus Group 2000–2005* (p. 54–57). Halle: Max Planck Institute for Social Anthropology.
4. *Kasten E.* (Ed., 1998). *Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhancing Indigenous Peoples' Languages and Traditional Knowledge*. Münster, New York: Waxmann.
5. *Kasten E.* (Ed., 2002). *Deti Severa: Uroki kul'tury. Kul'turnye nasledie Kamchatki – budushchim pokoleniiam* [Children of the North, lessons of culture. The cultural heritage of Kamchatka – for next generations]. Petropavlovsk-Kamchatski: Kamchatski pechatelni dvor.

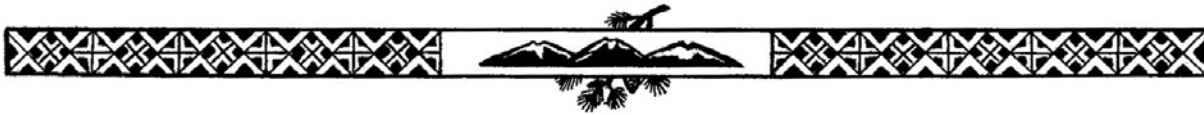
УДК 81:39

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО РАЗРЕШЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В ЖИЗНИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ

И.В. Грицай,
к.и.н., доцент кафедры истории и философии КамчатГТУ

Языковая проблема в жизни малочисленных народов Камчатского края сегодня так же актуальна, как и в прошлом столетии. Об этом, например, свидетельствует активная работа краевого Законодательного Собрания над проектом закона «О языках коренных малочисленных

народов Камчатского края», в котором, в частности, говорится о том, что эти языки находятся под угрозой исчезновения и включены в Красную книгу языков народов России. Известно, что язык исчезает, если нет носителей языка. Поэтому если языки коренных народов Камчатки находятся сегодня на грани исчезновения, значит, на грани исчезновения находятся и сами народы...

В начале прошлого века языковая проблема коренных северян имела совсем другое содержание: коряки, ительмены, эвены, алеуты не знали русского языка, а потому не вписывались в систему мероприятий советской власти по ликвидации неграмотности и организации просвещения. Так, начальник Камчатского ГПУ И.Я. Ломбак, обследовавший в конце 1923 г. политическую обстановку в северных национальных уездах, писал в своем докладе: «...коренное население далеко от понимания государственного устройства, общественного права. К ним неприменим тезис о том, что незнание закона не освобождает от его применения. Чукчи и эскимосы не знают русского языка» [1]. Карагинский райвоенком в резолюции по докладу заведующей избой-читальней от 9 января 1928 г. отметил: «Справочный стол в избе-читальне не работает по причине отсутствия вопросов, задаваемых населением, а проводимые беседы и доклады с туземным населением из-за незнания корякского языка имеют слабый успех, и даже показ кинолент не представляет для населения никакого интереса» [2]. Для работы с коренными жителями не хватало учителей, знающих местные языки. В 1930–1931 учебном году в Корякском национальном округе работали лишь 13 учителей из числа северных народов [3].

Огромное значение для развития малочисленных народов Камчатки имело создание письменности. В середине 1932 г. была создана бригада окружного исполнительного комитета по выбору диалекта – основы национального литературного языка. Ведущим диалектом был выбран чавчувенский. Основанием для этого послужили следующие обстоятельства: численное преобладание кочевого населения (4295 кочевых хозяйств и 3361 – оседлых), территориальное их расположение, давшее возможность общения со всем оседлым населением округа [4]. В июле – августе 1932 г. был составлен национальный букварь на основе русского текста, выработанного в Институте народов Севера. В 1932–1933 учебном году корякский язык был введен во всех школах округа.

Создание письменности, составление алфавита должно было значительно облегчить процесс обучения детей коренных северян в школах. Однако национально-языковая политика государства была довольно непоследовательна. Уже в 1937 г. на октябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) было решено начать работу над законом об обязательном изучении русского языка в школах страны. Через пять месяцев, 13 марта 1938 г., СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное Постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

Нельзя, разумеется, отрицать большого значения русского языка в развитии малочисленных северных народов. Знание русского языка позволило им приобщиться не только к русской культуре, но и посредством этого языка знакомиться с творчеством других народов мира. Благодаря русскому языку вышли на всероссийскую арену представители северных младописьменных культур. Однако равных условий для функционирования русского языка и языков малочисленных народов создано не было. Это вовсе не означало неравенства прав языков. Между тем равноправие языков не гарантировало им равных возможностей в любых социальных условиях. С точки зрения лингвиста все языки потенциально способны к бесконечному развитию. Однако эти возможности могли превратиться в действительность только при наличии определенных социальных условий, в которых находятся носители языка.

Практически же работа по языкам северных народов сфокусировалась на «дотягивании» родного языка до возможностей русского. Северные языки с течением времени становились второстепенными, так как они не могли в короткий срок отразить всю новую нетрадиционную информацию. Начался активный процесс перехода народов Севера на русский язык.

Неверная ориентация языковой политики привела к свертыванию деятельности ряда институтов и учреждений. Ликвидация Института народов Севера способствовала сокращению числа учителей, владеющих северными языками. К тому же полное исключение родных языков из учебных планов школ в значительной степени обусловило падение престижа родного языка

и привело к резкому сокращению его социальных функций. Многие коряки, ительмены, эвены, особенно молодежь, стеснялись говорить на своем родном языке в школах и интернатах, стали стыдиться своей культуры.

С 1959 по 1979 гг. языки малочисленных народов Камчатки не преподавались в школах. В тот период перестали издаваться книги на корякском, ительменском, эвенском языках, рушилась языковая и традиционно-бытовая среда коренных северных народов. Этому в значительной мере способствовала и патерналистская политика государства. В 1960-е гг. в крупных селах открылись детские сады и ясли, в том числе круглосуточные. Дети охотников и оленеводов принимались в них на полное государственное обеспечение. Воспитателями работали в основном приезжие. С пеленок ребенок слышал только русскую речь. Затем он учился в интернате, где все тоже говорили по-русски. Закончив интернат, молодой человек становился чужим в собственном доме и, возвращаясь к родителям, не понимал ни одного слова из диалекта, на котором говорили его родственники. Утрате языков сопутствовал разрыв связи между поколениями и взаимное отчуждение детей и родителей.

За те годы северные языки почти совсем исчезли. Согласно статистическим данным 1990 г. родным языком владели лишь 6% коряков, 2,6% эвенов, 2,2% ительменов, 1,8% алеутов [5]. Подробнее распределение коренного населения Камчатки по родному языку представлено в таблице [6].

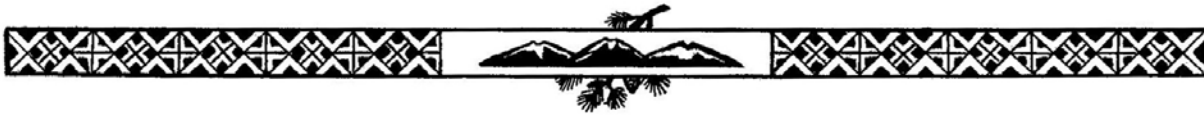
Наименование	Всего				Итого чел.
	В т. ч. считают родным языком язык своей национальности		В т. ч. владеют родным языком своей национальности		
	чел.	%	чел.	%	
Коряки	3733	51,9%	444	6,2%	7190
Чукчи	1095	71,6%	26	2,6%	1530
Ительмены	158	11,0%	77	5,3%	1441
Эвены	922	61,9%	39	2,6%	1489
Алеуты	43	11,0%	7	1,8%	390

О последствиях преподавания всех предметов школьного курса только на русском языке и русификации обучения коренных северян заговорили в 70-х гг. прошлого века. Значительную роль в переоценке основных принципов обучения в северных школах Камчатки сыграли итоги работы, проведенной в 1974 г. научной экспедицией НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР по исследованию возможностей изучения родного языка как учебного предмета в школах Корякского национального округа. В отчете экспедиции говорится, что основной причиной слабой успеваемости коренных северян является недооценка роли родного языка в умственном развитии детей, в воспитании и овладении русским языком. Специалисты пришли к выводу о невозможности сокращения числа второгодников в связи с недостаточным знанием детьми русского языка. Кроме того, отметила комиссия, преподавание русского языка велось без учета интерферирующего влияния корякского языка, так как ни в педучилище, ни в педагогическом институте учителя не знакомились с методикой обучения русскому языку в корякской национальной школе. Единицы учителей начальных классов в округе работали по программам и учебникам национальных школ [7].

Попытка выбраться из тупика была предпринята в 1979 г., когда в школах ввели факультативное изучение родных языков северян. Но это нововведение не увенчалось успехом. На развитие северных языков влиял ряд специфических факторов, таких как малочисленность их носителей и значительная диалектная раздробленность. Как показала практика, надежды языковедов, ожидавших, что произойдет быстрый переход обучения на опорные диалекты, для которых была разработана письменность (на Камчатке – чавчувенский диалект), во многих случаях не оправдались. Большинство диалектов и даже говоров продолжает существовать, письменность на опорных диа-

лектах использовалась главным образом носителями этих диалектов, а все другие диалекты оставались бытовыми, семейными. Поэтому нередко дети, изучавшие в школе родной язык на основе базового диалекта, в дальнейшем пользовались не им, а распространенным в данном поселке или селе местным говором. Поэтому родители, владевшие родным языком, зачастую не понимали языка, на котором учились их дети. Восприятие северного языка в школе для учащихся коренных жителей было аналогично восприятию иностранного языка. Искусственное, оторванное от жизни обучение обуславливало его низкую эффективность. Как и в 30-е гг. прошлого века, остро ощущалась нехватка учителей. Только в то время учителя из числа местной коренной национальности хорошо знали язык, но их было просто мало. В 80-х гг. педагогов-северян было намного больше, но они не знали родного языка. Учить детей родным языкам было некому. Местные органы народного образования пытались решить эту проблему, требуя качественной подготовки специалистов от Санкт-Петербургского и Камчатского педагогических институтов, педучилищ. Но требования не выполнялись, поскольку и в педагогических учебных заведениях не было подготовленных преподавателей.

Вообще в конце 80-х гг. работа по внедрению родного языка в обучение северных народов значительно активизировалась. Этому во многом способствовала лаборатория НИИ национальных школ, созданная в 1986 г. в Корякском автономном округе. В результате сформировался авторский коллектив, занимавшийся подготовкой необходимой учебной литературы. Так, если в 1980 г. в распоряжении учителя было одно-единственное пособие – факультативный курс корякского языка, то в 1988 г. были переизданы букварь для 1-го и подготовительного классов и книга для дополнительного чтения «Северянин» на корякском языке, впервые изданы учебники корякского языка для 1-го и 2-го классов, первый русско-корякский словарь. И все же учебников не хватало. Например, в 1989 г. на 768 учебников для 1–3-го классов национальных школ Корякского автономного округа приходилось 600 букварей на корякском языке [8]. Не было книг, содержащих сведения по истории и культуре народов Севера. В окружной библиотеке хранилось всего 35 экземпляров национальных книг, да и те выпуска 30–40-х гг. прошлого века. Существовал острый дефицит художественной литературы писателей народов Севера, что, в свою очередь, затрудняло пропаганду их творчества. Только 7% библиотек Корякского автономного округа владели книжным фондом на языках народов Севера. Это был самый низкий в то время показатель среди всех северных округов [9].

В заключение следует отметить, что истоки языковой проблемы коренных малочисленных народов Камчатки заключаются в непоследовательности национально-языковой политики советской власти, недостаточном внимании к подготовке педагогических кадров, знающих и могущих преподавать северные языки. Почти два десятилетия коренные народы Севера, как и все другие народы, живут уже в другой, обновленной России. Хочется надеяться, что обновление политики по развитию и упрочению языков коренных народов Камчатки станет реальностью.

Литература

1. Госархив Камчатского края. – Ф. 19, оп. 1, д. 43, л. 6.
2. Госархив Камчатского края. – Ф. 222, оп. 1, л. 59.
3. Корякский национальный округ в 1969 году. – Палана, 1970. – С. 84.
4. Госархив Камчатского края. – Ф. 164, оп. 1, д. 14, л. 31.
5. Национальный состав населения области. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 1991. – С. 25–34.
6. Об изменении численности и состава населения малых народностей Камчатской области. – Петропавловск-Камчатский, 1990. – С. 11, 12.
7. Отчет об итогах работы научной экспедиции НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР в Корякском национальном округе по исследованию возможностей изучения родного языка. Ноябрь. 1974 года. – С. 11.
8. Об изучении родных языков в школах Корякского автономного округа. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 1989. – С. 5.
9. Народы Советского Севера. – М.: Наука, 1991. – С. 110.

УДК 81

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*В.Н. Добрынин,
алеут, член семейной общины «Акалух»*

Проблемы сохранения языков коренных малочисленных народов Камчатского края в настоящее время зеркально отражают само состояние этих народов.

Всем понятно, что основой сохранения и развития языка является экономический базис. Состояние традиционных видов хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае известно всем. Могу пояснить ситуацию на примере Алеутского района.

Традиционными видами хозяйственной деятельности алеутов были морской зверобойный промысел, прибрежное рыболовство и ведение островного звероводства. Использование алеутского языка в процессе хозяйственной деятельности и ведения промыслов являлось одним из важных факторов его сохранения. Разрушение системы традиционного хозяйствования, привлечение в эти сферы деятельности большого числа пришлого населения самым непосредственным образом сказались и на состоянии национального языка.

Не следует забывать и о политике интернационального воспитания всего населения нашей страны. Ведь доходило до того, что работники партийных и советских органов ходили по домам и запрещали использовать родные языки в бытовом общении в присутствии детей. Также было запрещено использование национальных языков в школах и интернатах. А через эту систему воспитания прошло около 90% нынешнего поколения коренных малочисленных народов Камчатского края.

Отсутствие условий для занятия традиционной хозяйственной деятельностью и промыслами коренных малочисленных народов Севера также является причиной ограничения использования национальных языков.

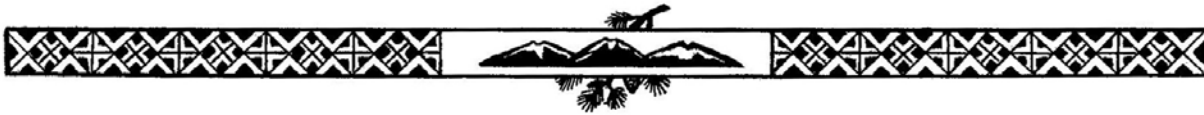
Что касается состояния алеутского языка, ярким примером может служить медновский диалект. Практически до конца 60-х годов прошлого столетия медновская группа алеутов проживала изолированно на о. Медный. Сохранялся традиционный уклад жизни и промыслов.

Алеутское население составляло большинство среди жителей с. Преображенское. Контакты с внешним миром были ограничены сроками навигации. Дети получали начальное образование и проживали в семье. По этим причинам данной группе алеутов удалось в большей мере сохранить свой национальный язык и культурные традиции. Даже переселение их на о. Беринга не было столь губительно для языка. При колебании общей численности населения района от 700 до 1400 человек численность алеутов, проживающих в районе, составляла 250–320 человек. Именно в годы наибольшей численности населения района произошло уменьшение числа лиц местной коренной национальности, использующих алеутский язык в повседневном общении.

У каждого языка коренных малочисленных народов Севера своя история, и можно приводить еще много примеров и обоснований их нынешнего состояния. Самое главное – это отсутствие четкой государственной политики в отношении этих народов. Исключение из паспорта гражданина Российской Федерации (основного документа, удостоверяющего личность гражданина) графы, в которой указывалась национальность, стало одним из факторов, ухудшающих положение этих народов. Конституция и нормативные правовые акты предусматривают права и гарантии для этих народов, но вот реализовать их сегодня практически невозможно. Если инвалиды, ветераны и другие категории населения получают государственные льготы и гарантии на основании удостоверений, то у коренных малочисленных народов такого документа нет. А это не только создает трудности для коренных малочисленных народов, но и позволяет не совсем порядочным гражданам пользоваться их правами и гарантиями.

Второй момент – традиционная хозяйственная деятельность этих народов. Если заняться оленеводством и северным скотоводством большого количества желающих нет, то рыболовство и морские зверобойные промыслы, так же, как и промысел пушного зверя, стали прерогативой пришлого населения. Имея законодательно определенное право первоочередного пользования объектами животного мира для целей обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, коренные малочисленные народы не имеют ни территорий, ни охотничьих угодий для этих целей.

Не является секретом и то, что некоторые представители этих народов сегодня живут как рантье. Они получают в приоритетном порядке и бесплатно природный ресурс и «продают» его другому пользователю. Само понятие традиционного образа жизни сведено к получению бесплатной рыбы для питания и других льгот. Не совсем положительную роль в этом играют и общественные организации этих народов, которые заявляют, что они эту рыбу выловят и раздадут населению. Где же здесь традиционный образ жизни? Такой деятельностью мы только растим новое поколение потребителей, которые ждут, когда кто-то им что-то сделает и даст дополнительные привилегии.

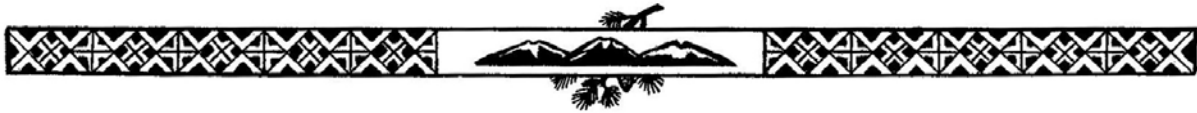
Принимаемые законы в большей степени носят декларативный характер и не имеют механизмов их реализации. Целевые программы государственной поддержки и развития коренных малочисленных народов Севера по своей сути являются решетом, в котором переносят воду. В этих программах нет целостного и комплексного подхода. Программа рассчитывается не из необходимости развития и поддержки того или иного вида традиционной хозяйственной деятельности, а исходя из количества средств, выделенных на ее реализацию. Вот и получается, что регион заявляет о необходимости приобретения средств и орудий лова рыбы, транспортировки ее до потребителя, а из Москвы приходит выделение средств на приобретение льдогенератора для транспортировки охлажденной продукции. И никого не волнует, что нечем ловить рыбу. Деньги есть только на охлаждение – так считает чиновник в Москве. Можно ли в таких условиях вести разговор о сохранении и развитии этих народов? Может быть, пока не поздно, надо снаряжать научные экспедиции, делать аудио- и видеозаписи, для того чтобы потом говорить, что такие народы жили на нашей земле, что у них были свой язык и своя культура?

Решение проблемы сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера следует начинать с решения вопроса об основе существования этих языков – возрождении и развитии традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности этих народов. Следует определиться и с понятиями, которые мы будем применять. Или мы говорим конкретно о коренных малочисленных народах Севера, или о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока, или о коренных малочисленных народах Российской Федерации? Все эти понятия схожие, но каждое имеет свои специфические особенности, в частности в практике их применения. Невозможно одним федеральным законом решить проблемы всех народов.

На уровне Камчатского края предпринимаются определенные меры по созданию нормативной правовой базы, обеспечивающей реализацию прав и гарантий для этих народов. На правовой экспертизе находятся проекты законов «О регистрации граждан, относящихся к коренным малочисленным народам Севера в Камчатском крае», «О гарантии прав коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае». Комиссия при администрации Камчатского края проводит анализ действующих законов Камчатской области и Корякского автономного округа для разработки и принятия на их основе законов Камчатского края. По результатам работы этой комиссии те законы, которые реально работают, будут доработаны и приняты для распространения их действия на территории Камчатского края. Законы, которые не работают и имеют декларативный характер, будут или отменены, или направлены на переработку.

Пока в государстве не будет четкой политики по отношению к коренным малочисленным народам Севера, пока законодательство будет иметь декларативный характер, любые попытки региональных и муниципальных органов власти не будут приносить желаемого результата.

УДК 39

ИТЕЛЬМЕНЫ И КАМЧАДАЛЫ: КТО ОНИ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Л.Ф. Спешнев,

ительмен, пенсионер, ветеран войны и труда (с. Соболево)

Вот уже более 15 лет муссируются различные мнения по проблеме возникновения и существования так называемых камчадалов. В научной литературе каких-либо подтверждений по этой теме нет, тем не менее она часто всплывает при разговорах, а иногда и на собраниях.

В 1991 г. в печати появилась статья С.И. Вахрина под названием «Камчадалы: прошлое, настоящее, будущее» [1], в которой впервые официально заявлено, что «камчадалы – особая этническая группа коренных жителей Камчатки, образовавшаяся... в результате ассимиляции...».

В том же году П.П. Косыгин (к сожалению, ныне покойный) обратился в письменной форме в Правительство РСФСР, где он старался убедить правительство, что «камчадалы как самостоятельный народ образовался от смешанных браков...».

А вот Н.Н. Орехова в письме управлению по делам национальностей Камчатской области (1999 г.) доказывала, что «...такая национальность, как камчадалы, была, есть и ...». Но в 2006 г. она заявила на собрании совершенно другое: оказывается, по ее понятию, слово «камчадал» означает не национальность, а этнос, и произошли камчадалы от ительменов.

Вот такой разброс мнений по этой проблеме. Но авторы друг друга не критикуют и не опровергают. При этом все их утверждения ничем не обоснованы и историческими фактами не подтверждены. В связи с этим очень трудно разобраться, кто из них прав и кому верить. Непонятно и то: камчадалы были всегда или они произошли от ительменов?

Не вдаваясь в подробности, напомним лишь о том, что новый народ не может произойти ни в результате ассимиляции, ни от смешанных браков. Это совершенно исключено.

Однако, к сожалению, Д.В. Бережков также утверждал, что «камчадалы – потомки от смешанных браков», хотя многим известно, что от родителей разных национальностей ребенок третьей национальности появиться не может.

Не соответствует исторической действительности и его утверждение, что «коренные народы Камчатки – это камчадалы, коряки, алеуты, эвены, есть эскимосы, нанайцы, удэгейцы» [2].

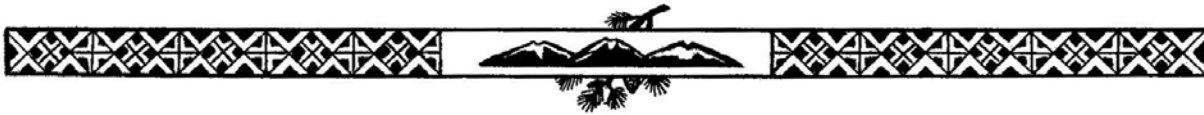
Все перечисленные народы действительно являются «малыми народностями Севера», и я это не оспариваю. Но не все из этих народностей относятся к коренным жителям Камчатки. Ведь к коренным народностям относятся только те, кто живут на данной территории издавна, изначально, то есть испокон веков. Значит, в нашем случае к таковым относятся только ительмены и коряки. А все остальные, в том числе камчадалы, к коренным жителям Камчатки не относятся, так как они живут на Камчатке не более 200 лет.

Я категорически отвергаю и утверждение Д.В. Бережкова, что «признание камчадалов народностью для России стало уникальным решением».

На самом деле Правительство Российской Федерации совершило грубейшую ошибку в области национальной политики. Признав камчадалов национальностью, оно официально на государственном уровне узаконило национальный раскол ительменского народа. Это, несомненно, приведет к другим тяжелым последствиям и в конечном итоге может привести к исчезновению этого уникального народа.

Такого исхода мы допустить не можем. Спасти свой народ – это наша прямая обязанность. Мы должны бороться, прежде всего, против фальсификации истории нашего народа. Для этого

необходимо использовать только достоверные и только научно обоснованные исторические факты. К нашему счастью, такие факты в научной литературе есть.

А теперь ознакомимся с некоторыми страницами истории народа по имени ительмены. Этот народ – один из древнейших народов Камчатки. И он действительно относится к коренным жителям полуострова. Подтверждение этому – древняя стоянка на Ушковском озере, где горели костры около 15 000 лет назад [5].

В настоящее время мы располагаем и многими другими историческими фактами ученых, изучавших Камчатку и ее народы, начиная с периода присоединения к России и до наших дней.

Первым, как известно, изучал Камчатку С.П. Крашенинников, который посвятил ей почти четыре года (с октября 1737 г. по июнь 1741 г.). На основании этого он написал научную работу «Описание земли Камчатки». До него в течение 40 лет осваивали Камчатку казаки В.В. Атласова. За это время они переименовали значительную часть географических названий, а коренных жителей южной части Камчатки – в камчадалов. И, естественно, к приезду С.П. Крашенинникова слово «камчадалы» укоренилось настолько прочно, что оно уже воспринималось как национальность этого народа. Однако следует подчеркнуть, что камчадалами называли именно ительменов, а не новый народ. В связи с этим так называл их и С.П. Крашенинников.

А потом, когда Степан Петрович познакомился с коренными жителями южной части Камчатки и достаточно подробно изучил их историю, он сделал такое заключение: «Камчадалов по разности языка, – пишет он, – можно разделить на два народа: на северный и южный».

Как видите, делит он их не по национальности, а чисто географически. А после этого следует уточнение: «Камчадалы, как северные, так и южные, называют себя ительмень» [3].

Подобный факт зафиксировал и Г.В. Стеллер. В его научной работе «Из Камчатки в Америку» есть такие строки: «Обитатели Лопатки (южная оконечность полуострова) вплоть до Тигиля называют себя ительменами» [6].

Совпадение настоящих выводов вполне закономерно. Иначе не могло и быть, так как они были сформулированы на основании живых исторических фактов, полученных непосредственно из уст тех коренных жителей, среди которых ученые жили и работали. Поэтому по отношению к этим выводам никаких сомнений не должно быть. Если коренные жители сами себя называли ительменами, значит это так и есть.

Ительмены – это действительно историческое имя коренных жителей южной части Камчатки. Этому есть подтверждение и у других известных ученых.

Прежде всего, следует обратить внимание на разъяснение этнолога Е.П. Орловой. В научной работе «Ительмены» она пишет: «Древнее самоназвание камчадалов «ительмены» к XX веку было совсем забыто, но этот термин застал еще на Камчатке С.П. Крашенинников» [4]. Здесь мы еще раз убедились, что настоящее, древнее самоназвание местных жителей – ительмены, но казаки называли их камчадалами. Однако это не значит, что камчадалы – новый народ.

Настоящее разъяснение Е.П. Орловой полностью опровергает и утверждение весьма солидных руководителей архива и ЗАГСа о том, что изначально коренных жителей называли камчадалами, а имя ительмены появилось в 1930-х гг. На самом, деле, оказывается, все было наоборот.

Имя ительмены упоминается учеными и там, где говорится, какие народы заселяли Камчатку в древности.

Так, например, историк И.И. Огрызко отмечает, что «на Камчатке в конце XVII века обитали лишь ительмены, оседлые и кочевые коряки» [7].

Такое же подтверждение есть и у доцента кафедры истории КГПУ В.Д. Сергеева. Он пишет: «Древнейшее население Камчатки составляли ительмены, коряки, чукчи» [8].

Думаю, комментарии к этим доводам излишни.

Археолог Н.Н. Диков и кандидат исторических наук А.К. Пономаренко добыли из глубины веков вещественные доказательства. Во второй половине XX в. они провели археологические раскопки почти на всей территории Камчатки. В результате раскопок было обнаружено и вскрыто много древних стоянок (кострищ, городищ). Из этих кострищ извлечены обсидиано-

вые наконечники для стрел, скребки, отщепы, ножевые пластинки и другие предметы. После изучения и анализа древних стоянок, форм жилищ, приочажных ям с камнями и других материалов они пришли к следующим выводам:

1. Все древние кострища относятся к древнеительменской этнической общности.
2. Каменные орудия труда и другие этнографические материалы подтверждают древнеительменскую культуру.
3. Все древние стоянки – городища всех районов Камчатки вместе составляют ительменское этническое единство.

Выводы лаконичны и убедительны. В них отражена вся историческая действительность. Они логично дополняют все выводы, разъяснения и утверждения всех ранее упоминавшихся ученых. Это дает нам право утверждать, что ительмены – это не только исконный народ, но и живой существующий народ. Народ, сохранивший все свои основные духовные ценности, с их национальными особенностями и чертами, которые в корне отличают его от других народов.

Дальше нам необходимо установить истину о так называемых камчадалах. Найти ответы на вопросы: Кто такие камчадалы? Кто к ним относится? Существует ли такой народ на территории Камчатки?

А помогут нам ответить на эти вопросы ученые, уже упомянутые в этой статье.

Так, например, Е.П. Орлова, как бы отвечая на наши вопросы, пишет в своей работе так: «...к камчадалам относятся и русские сторожилы, и русские, 10–15 лет прожившие на Камчатке, и обрусевшие ительмены».

Аналогичное заключение есть и у В.Д. Сергеева.

«Камчадалами именовались, – пишет он, – разные группы населения: собственно ительмены, потомки русских казаков и крестьяне, переселенные на Камчатку в XVIII веке, и смешанное русско-ительменское население».

Из этих разъяснений видно, что камчадалы – это вовсе не «новый» и не «особый» народ, а всего лишь смешанное население, в составе которого есть и значительная группа самых настоящих ительменов, что и подтверждается самой жизнью.

А слово «камчадал» вполне сопоставимо с такими словами, как «сибиряки», «москвичи», «алтайцы», «дальневосточники» и т. д., которые обозначают не национальность, а всего лишь место жительства. Поэтому путать понятия «национальность» и «место жительства» недопустимо.

Читателям, видимо, интересно знать и о том, кто и когда переименовал ительменов в камчадалов.

Вот несколько исторических фактов, в которых утверждается, что инициаторами изменения имени ительмены на имя камчадалы являются казаки В.В. Атласова.

Например, Г.В. Стеллер по этому поводу заявил очень коротко и даже несколько категорично: «Казаки назвали туземцев камчадалами».

Своеобразное разъяснение есть и у Е.П. Орловой. «Название “камчадалы”», – пишет она, – дано туземцам Камчатки первыми русскими пришельцами – завоевателями казаками».

И.И. Огрызко констатирует этот факт так: «Ительменами называло себя местное население южной части Камчатки. А русские поселенцы называли его камчадалами – по имени реки Камчатки, где казаки впервые встретили их селения».

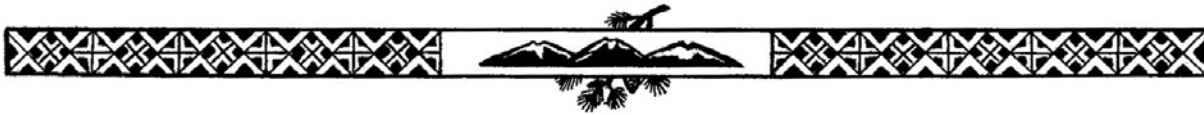
Интересное разъяснение имеется у Б.П. Полевого: «Название этой стране после ее завоевания, – пишет он, – русскими казаками присвоено... и поэтому они называли также всех жителей, живущих на ней, камчадалами».

Согласно этим фактам ительменов переименовали именно казаки. Вместе с этим проходит и четкая мысль, опровергающая существование камчадалов. Эта мысль проявляется в том, что в каждом из этих фактов упоминается весь народ, которому присвоено новое имя. Это означает, что имя камчадалы относится непосредственно к ительменам, а не к «новому» и не «особому» народу.

Есть еще один факт, вызывающий самое настоящее недоумение.

Все народы мира, как я полагаю, присваивали своему народу соответствующее имя только тогда, когда они начинали говорить и появлялась потребность называть всех членов своего общества одним общим именем. Это был естественный и вполне логичный процесс.

А вот у так называемых камчадалов, если их считать за «особый» народ, получилось все наоборот. Сначала появилось слово «камчадал», а потом появился сам народ. Но когда он возник, никто не знает.

Однако нам не следует задумываться над этой головоломкой. Есть исторические факты и на эту тему.

В 1696 г. (за год до похода В.В. Атласова на Камчатку) у коряков побывал некий Дмитрий Потапов, который и предоставил в Якутск новые сведения о Камчатке и ее жителях, на основании которых Семен Ремезов сделал «Чертеж якутского города», где еще нет полуострова Камчатка, но есть река Камчатка, над которой написано: «А живут на ней неясашные камчадалы...».

Согласуется с этим и факт, зафиксированный у Б.П. Полевого. «Известно, – пишет он, – что в 1700 году Семен Ремезов встретился в Тобольске с Владимиром Атласовым. Явно с его слов этноним «камчадалские люди» был заменен на «камчадалы» – этноним, впервые введенный в оборот лишь В.В. Атласовым» [9]. Как видите, слово «камчадал» уже появилось, и оно как этноним уже введено в оборот, а самого народа еще нет.

А наш анализ настоящей проблемы показывает нижеследующее:

1. Камчадалы – это не «новый» народ и не особая этническая группа, а всего лишь смешанное население из разных национальностей, в составе которого есть и значительная часть самых настоящих ительменов.

2. Ительмены – это древнейший народ Камчатки с многовековыми традициями и обычаями, сохранивший свой язык, культуру и другие духовные ценности.

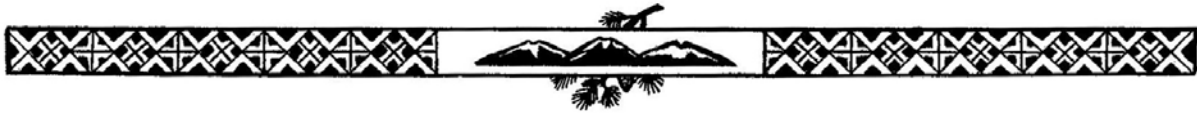
3. Существуют и наследники от смешанных браков ительменов с русскими (а кем они будут значиться по национальности – по материнской линии или по отцовской – это их право и личное желание).

4. Собственно ительмены и та часть ительменов, которые утратили свои родные национальные духовные ценности, в том числе и национальное самосознание, и ошибочно считают себя камчадалами, – это на самом деле один и тот же народ. А настоящее историческое имя этого уникального народа – ительмены.

Литература

1. Вахрин И.С. Камчадалы: прошлое, настоящее и будущее // Рассвет. – 1991. – № 46. – 8 июня.
2. Бережков Д.В. Настоящие камчадалы // АиФ Камчатка. – 2006. – № 24. – Июнь.
3. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – М.; Л.: Изд-во Главсеверморпути, 1949.
4. Орлова Е.П. Ительмены. – СПб.: Наука, 1999.
5. Диков Н.Н. Древние костры Чукотки и Камчатки. – Магадан, 1969.
6. Стеллер Г.В. Из Камчатки в Америку. – Л., 1928.
7. Огрызко И.И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — нач. XX вв.) / Под ред. И.С. Вдовина. – Л., 1973.
8. Сергеев В.Д. Страницы истории Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издание, Камчатское отделение, 1992 г. – 191 с.
9. Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КПД, 1997.

УДК 81:39

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ИТЕЛЬМЕНСКОГО ЯЗЫКА. ПОЛЕВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ОБУЧЕНИЕ ⁵⁰

В.И. Успенская,

редактор газеты «Абориген Камчатки» в 1995–2004 гг.

Ительмены в настоящее время представляют небольшую народность из группы северо-восточных палеоазиатов. Они занимали почти всю Камчатку от мыса Лопатка на юге до реки Тигиль на севере. В.В. Атласов – первый землепроходец Камчатки – насчитывал до 20 тысяч ительменов.

Ительменский язык входит в чукотско-камчатскую группу палеоазиатских языков. Ученые С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер в 1743 г. констатировали, что все оседлые коренные жители говорят на камчадалском языке, который распадается на несколько наречий. Они выделили три диалекта: восточный (тихоокеанское побережье, долина р. Камчатка), южный (район Петропавловска, Усть-Большерецка) и западный (западное побережье Камчатки). Ученые отметили, что хотя камчадалы все говорят на разных диалектах, но они хорошо друг друга понимают.

Во время освоения Камчатки русскими на юге ительменский язык быстрыми темпами исчезал.

В 1908–1909 гг. В.Н. Тюшев встретил только одного старика – Феоктиста Пермякова, который понимал и говорил по-камчадалски.

На западе язык был жив. В.И. Иохельсон (1910–1911 гг.) записал 40 ительменских сказок.

К середине XX в. южный и восточный диалекты полностью исчезли.

Почему так быстро, довольно в короткий срок исчезает ительменский язык? Что повлияло на эти процессы?

Резкое сокращение численности ительменов произошло во время интенсивной колонизации русскими Камчатки. Насильственная христианизация, эпидемии оспы, гнилой горячки... Большой приток русского населения усилил ассимиляционные процессы.

В 1925 г. губревком Камчатской губернии принял решение, где было записано: камчадалов, проживающих в южных районах Камчатки, не считать туземцами, а записать их в паспортах русскими из-за того, что они утратили язык и по хозяйственной деятельности, быту мало отличались от русских.

Этим решением было значительно сокращена численность ительменов (камчадалов). Официально стали считать ительменами только тех камчадалов, которые жили на западном побережье, в Тигильском районе. Повлияло на сокращение численности и утери языка закрытие так называемых неперспективных сел, где испокон веков жили ительмены (камчадалы).

Во время освоения Камчатки усилился приток русского населения. Жизнь в селах с преобладающим русским населением не способствовала сохранению ительменского языка. На работе, в быту, в общественных местах говорили только на русском языке. Ительменские семьи стали в основном смешанными.

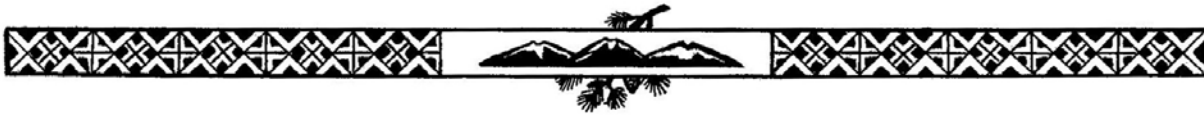
По переписи 1989 г. ительменов насчитывалось 1441 человек.

Ительменский язык – западное наречие – делится на два диалекта: ковранский и седанкинский. Ительменский язык не воспроизводится, то есть не передается от родителей к детям, вот уже более 50 лет.

Изучали ительменский язык, делали записи слов такие ученые, как С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер (1743–1744 г.), Б. Дыбовский (1878 г.), В.Н. Тюшев (1908–1909 г.), В.И. Иохельсон (1910–1911 г.), В.Г. Богораз и др.

⁵⁰ Из материалов газеты «Абориген Камчатки».

С 1956 г. стал изучать ительменский язык А.П. Володин. До настоящего времени он остается одним из авторитетных знатоков ительменского языка. Им написана фундаментальную работу «Ительменский язык».

К.Н. Халоймова (ительменка), 1934 г. р., окончила Хабаровский пединститут. В соавторстве с А.П. Володиным составила ительменский алфавит, «Букварь», «Ительменский словарь», самостоятельно составила учебники для 1–4-х классов, книги по внеклассному чтению для 1–2-х классов. В настоящее время разрабатывает методическую литературу по ительменскому языку.

На сегодняшний день ительменский язык изучается в начальных классах в Ковранской и Седанкинской школах, факультативно в Ковранской. В Корякском педучилище язык изучается студентами-ительменами.

Прежде чем говорить о небольшом опыте работы нашей школы «Лач» в Петропавловске, я коротко расскажу о себе.

Я, В.И. Успенская (Беккерова), родилась в с. Седанка-Оседлая Тигильского района в 1941 г. До 10 лет говорила только на ительменском, русского языка не знала. В семье говорила только на родном языке. Русский язык с трудом усваивала в начальной школе. Но когда в 1953 г. наше село закрыли как неперспективное, жителей переселили в с. Тигиль, где преобладало русское население. Родной язык стал уходить из обиходной речи, стали забываться слова.

Окончила Петропавловск-Камчатское педучилище, Хабаровскую высшую партийную школу, 12 лет работала учителем начальных классов в школах Корякского автономного округа, 17 лет на партийной, советской работе, 9-й год работаю ведущим специалистом регионального центра Госкомсевера РФ, теперь преобразованного в территориальный орган Минэкономразвития РФ.

За многие годы после закрытия родного села Седанка-Оседлая я стала забывать свой язык. В советское время мы не всегда осознавали себя ительменами. Но вот после 1990 г., когда стало возрождаться национальное движение, стало просыпаться и национальное самосознание, мы стали возвращаться к своим ительменским корням, интересоваться своей историей, появилась потребность больше знать о своем языке, культуре, передавать традиции будущим поколениям.

Ко мне обратились из двух родовых общин Елизовского района с просьбой учить ительменскому языку в их семейных школах. Уроки я у них проводила, но через год школы закрылись из-за множества возникших проблем.

С 1999 г. работает школа «Лач» при Ассоциации народов Севера в г. Петропавловске-Камчатском. Это группа ительменов из 15–18 человек. Полтора года мы занимались в маленьком помещении ассоциации, с февраля 2001 г. стали заниматься в здании Камчатского педуниверситета. Там была организована Северная академия, где наряду с изучением родных языков, учатся танцу, прикладному творчеству, праву.

Уроки провожу один раз в неделю по 1,5 часа. Посещают их взрослые и дети, приезжают несколько человек из Елизовского района.

Опыта работы общественной школы нет, мне приходится самой разрабатывать программу, методику преподавания. Составляю план каждого урока, сама делаю наглядные пособия, копирую учебную литературу.

Ительменский язык – один из самых трудных языков, особенно по произношению. Многие специфические звуки с трудом осваиваются современными ительменами, и поэтому много времени я уделяю правильному произношению звуков и правописанию букв.

На занятиях заучиваем слова по темам. Начинаем с самых обиходных слов, таких как *лач* – ‘солнце’, *сэмт* – ‘земля’, *кист* – ‘дом’, *чамзаньл,х*, – ‘человек’ и т. д.

Изучаем темы: «Тынун» – ‘родственники’, «Увик» – ‘тело’, «Ктын» – ‘голова’, «Вырник» – ‘звери’, «Номном» – ‘пища’ и др.

Небольшое время уделяем морфологии: существительное, глагол, местоимение, числительное.

Проводим занятия по разговорной речи, учимся говорить о себе, о своей семье, об окружающей природе.

Занимаемся чтением по букварю. Работаем по методическому пособию «Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку». Заучиваем загадки, стихи, песни, ходилы, готовим к праздникам инсценировки.

Моими слушателями являются люди разных возрастов, разной подготовки, различных национальностей. У них различные мотивы изучения ительменского языка и разные успехи. Например, лучшим учеником я считаю русского – В.В. Рыжкова, который очень много работает самостоятельно, чтобы выучить ительменский язык, сам преподает. Многие слушатели запомнили по два-три десятка слов, научились читать и писать. Но большинство усваивают язык с трудом, как иностранный.

Главной проблемой в изучении ительменского языка я считаю отсутствие языковой базы. В настоящее время в быту никто не говорит на ительменском языке.

Некоторые посещают уроки для того, чтобы действительно знать родной язык, другие – чтобы глубже знать культуру ительменов. Молодые люди, возможно, хотят в дальнейшем посвятить себя этнографии, лингвистике. Но есть такие, кто хочет просто пообщаться в своей родной атмосфере, встретиться с ительменами.

Занимаемся по книге «Букварь» под редакцией А.П. Володина и К.Н. Халоймовой, методическому пособию «Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку» (авторы К.Н. Халоймова, Э. Кастен, С. Лонгинов). Используем «Ительменский словарь» (авторы К.Н. Халоймова, А.П. Володин), ительменские загадки «Детям Кутха», а также газету «Абориген Камчатки».

Занятия проходят всего один раз в неделю по 1,5 часа. Этого очень мало. От одного урока до другого проходит много времени, слушатели успевают забыть пройденное на предыдущем уроке. Нет методики преподавания языка в подобных семейных школах. Учю, как сама считаю нужным, опыт перенимать не у кого. Я сама владею седанкинским диалектом, но мне приходится преподавать ковранский диалект, так как все учебники написаны на нем.

Моя основная работа – редактор газеты «Абориген Камчатки». Много времени уделять разработке методики преподавания не могу. Преподавала все годы бесплатно, как у нас говорится – на общественных началах. Лишь в последнее время достигнута договоренность, что за 1 урок (1,5 часа) будут платить 50 рублей (примерно 1,5 доллара США). Это символическая оплата труда. Нет денег на покрытие транспортных расходов приезжающих на учебу из сел Елизовского района, на изготовление наглядных пособий, покупку учебников.

Одна из главных проблем, которую надо незамедлительно решать, – это сохранение и запись материала у информантов, владеющих ительменским языком, знающих много ительменских слов, фольклор, ходилы. По нашим подсчетам осталось примерно 35 информантов, проживающих в девяти селах Камчатки. У меня есть их подробный список. Самому пожилому носителю языка 77 лет, самому молодому – 51 год. В основном информанты – люди 60–66-летнего возраста. Они все больные, в настоящее время проживают в тяжелых экономических условиях.

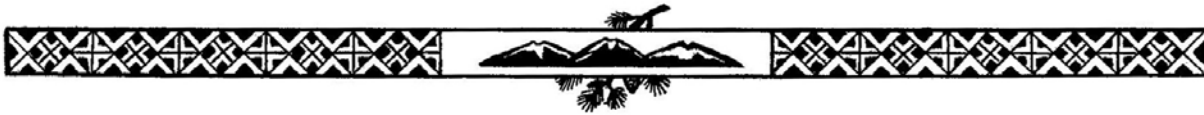
Необходимо срочно записывать все, что знают информанты, особенно обратить внимание на мужчин (три человека), так как они знают специфические термины, связанные с традиционной деятельностью северян, с топонимикой.

Цена авиабилетов в Тигильский район очень высокая, мы не можем позволить себе даже съездить туда в отпуск. Нет видеоаппаратуры, фотоаппарата, современных диктофонов, личного компьютера.

Надо срочно записывать ительменский язык у информантов, так как через пять-шесть лет их количество значительно сократится. Российские ученые-лингвисты в последнее время не занимаются на месте изучением ительменского языка. А.П. Володин последний раз приезжал в г. Петропавловск-Камчатский в 1995 г., но почти ежегодно приезжает из Японии лингвист Чикако Оно, знает и изучает ительменский язык канадец Джонотан Бобалик.

Необходимо срочно организовать полевую экспедицию в Тигильский район, собрать рабочий семинар ительменов-информантов (35 человек) в Тигиле. Сделать видео-, аудиозаписи. Главное – внушить информантам мысль, что они последние носители ительменского языка, чтобы они передали свои богатые языковые и этнографические знания народу, науке. Если ка-

ждый информант передаст свои знания хотя бы одному внуку – это уже будет значительный вклад в развитие родной культуры.

В летний период 2003 г. я вместе с аспирантом Камчатского государственного педагогического университета Т.А. Голованёвой была в Тигиле в полевой экспедиции по записи ительменских и камчадалских текстов. Проезд нам оплатил КГПУ. Командировка была очень содержательной. Встретились с носителями языка, провели с ними семинар, записали более 25 текстов на аудио-, видеопленку.

Предварительно мы договорились с информантами о том, чтобы они подготовили тексты. Уточнили, что им надо привезти из города, так как в Тигиле высокие цены. Многие заказали лекарства, продукты. Перед работой необходимо было всех собрать, чтобы ознакомить с целью приезда, еще раз уточнить, что от них требуется и, по возможности, ознакомить с графиком работы. Я записывала материал в форме рассказов, сказок, легенд, ходил. Больше было воспоминаний о прежней жизни. Запись шла в основном в форме беседы на ительменском языке, ответов на вопросы, а также уточнений ительменских слов, выражений. Проводили семинар с информантами ительменского и камчадалского языков. Для нас был показан небольшой концерт, на котором мы записывали ительменские тексты.

Обязательно надо проводить с информантами итоговую встречу, по возможности показывать видеозаписи, благодарить за активную работу, давать рекомендации по дальнейшей работе. Считаю, что необходимо планировать заранее средства на оплату труда информантов, так как сейчас в основном они малообеспеченные, больные, и их осталось очень мало.

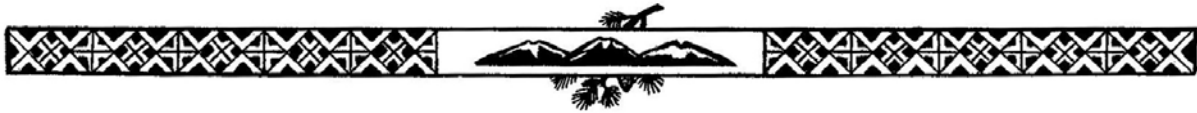
В настоящее время ведется работа по обработке материала, готовится к выпуску сборник, но пока не решены до конца финансовые вопросы. Необходимо выпустить уже подготовленные к печати ительменский букварь «Будем учиться», составленный Е.П. Орловой и студентами, сборник стихов, загадок В.В. Рыжкова, ходилы Т.Е. Гуторовой, материалы по полевой экспедиции 2003 г. А также возобновить выпуск приложения к газете «Абориген Камчатки» на ительменском языке «*Итэнмэнин крвэлхатас*», который уже выходил (и получилась хорошая газета), но из-за отсутствия средств выпуск прекратили.

Одна из проблем – это отсутствие оргтехники. Необходимы компьютер, видео-, аудиотехника, фотоаппараты, диктофоны, современные программы для издательства литературы на ительменском языке. Надо изыскивать средства на современную оргтехнику.

Для возрождения и развития ительменского языка на Камчатке должны быть решены следующие задачи:

- 1) совершенствование методики преподавания ительменского языка в семейной школе;
- 2) организация семейных школ в районах проживания ительменов, камчадалов;
- 3) разработка программ, методических и наглядных пособий;
- 4) выпуск страницы в газете «Абориген Камчатки» на родном ительменском языке;
- 5) проведение полевой экспедиции в Тигильский район с целью сделать видеозаписи информантов ительменского языка;
- 6) проведение двухнедельного семинара информантов ительменского языка, преподавателей ительменского языка в Тигиле;
- 7) выпуск литературы на ительменском языке;
- 8) проведение специализации по ительменскому языку у ученых: К.Н. Халоймовой в Палане, у А.П. Володина в Санкт-Петербурге;
- 9) распространение опыта по преподаванию родного языка.

УДК 81:39

ВЫМРУТ ЛИ ИТЕЛЬМЕНЫ? ВЫЖИВЕТ ЛИ ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК?

*А. Киле,
ительмен, житель с. Ковран (Тигильский район)*

По данным ЮНЕСКО в ближайшие столетия выйдет из обихода или, проще говоря, умрет, более 3000 языков. Останутся только «сильные» языки, такие как английский, русский и др. Конечно, лингвисты, этнографы всего мира бьют тревогу, опасаясь этого явления, но, может быть, это закономерный процесс, и борьба за вымирающие языки – сизифов труд? Печальная участь ждет, конечно, и ительменский язык, если его уже сегодня нельзя признать мертвым языком.

Для начала – краткий экскурс в историю. Со времен развития человечества при слабых связях между племенами насчитывались сотни тысяч языков. Но с улучшением орудий войны и труда, приручения лошадей, с увеличением популяции гомо сапиенс стали наращиваться торговые связи, участились завоевательные походы, одни народы завоевывали другие, принуждая более слабые народы говорить на их языках. Иногда постепенное отмирание языков происходило в результате «тихих» войн или ассимиляции, как это произошло и с ительменским языком.

В настоящее время отмирание языков, на которых говорят малочисленные группы людей, происходит в результате быстрого развития цивилизации с высоким уровнем коммуникаций, когда дети и молодежь не желают разговаривать на языке предков, предпочитая язык, на котором говорит большинство. Но без истории нет народа, и каждый уважающий себя человек должен знать историю и язык, на котором говорили многие поколения его предков.

В 50-е гг. прошлого столетия советская власть решила привить повальную грамотность местному населению. Стали закрывать небольшие селения для того, чтобы построить школы, сжигали учебники по ительменскому языку, разработанные в 30-е гг., преподавание шло только на русском языке. Все это и привело к тем печальным последствиям, которые мы сейчас имеем: родной язык знают только старики, да и то не все.

Иногда можно слышать подобные высказывания: мы, дескать, вас сделали цивилизованными, и если вы так недовольны, откажитесь от всего, что мы вам дали, и живите, как раньше. На это я могу ответить, что никто не просил делать нас такими, какие мы есть, и никто уже не откажется от всего, к чему мы привыкли, да и по-старому уже мы жить просто физически не сможем, так как утеряны все связи между поколениями. Я не призываю к национальной вражде, а наоборот, призываю к миру и согласию, тем более что только сообща, всем миром мы сможем решить наши проблемы. Я с детства горд тем, что родился в нашей великой стране. Может быть, во мне говорит менталитет прошлой коммунистической эпохи.

К нам приезжали американские ученые – этнографы и лингвисты, чтобы изучить ительменскую культуру и язык. Сейчас в Америке собраны знания, наверное, обо всех ныне существующих и некоторых мертвых языках. Этим американцы, возможно, компенсируют недостаток своей истории, пополняя свой научный фонд знаниями о других народах.

Нашему государству, с одной стороны, выгодно, чтобы на окраинах России, богатых различными природными ресурсами, проживало как можно меньше коренных народов, дабы не платить компенсаций за пользование землей, да и северный завоз забирает из бюджета немало денег.

С другой стороны, мы все же являемся частью огромного Российского государства. История открытия и освоения Камчатки вписана большими буквами в историю России, и никуда от этого не деться.

К слову сказать, некоторые американские и канадские аборигены, получающие компенсации за пользование природными ресурсами, спиваются. Казалось бы, все у них есть: дома, ма-

шины, каждый месяц на счет поступают деньги. Живи – не хочу. В чем же причина пьянства? Я думаю, что главная причина, как у них, так и у нас, в том, что люди оторваны от земли, нет прежних занятий, разрушены устои, традиции, прежний уклад жизни.

Если бы экономическое положение нашей страны не было таким плачевным и государству было бы выгодно возродить ительменскую культуру и язык, то, я думаю, возрождение культуры стало бы возможным. А реалии сегодняшнего дня таковы: рождаемость низкая, смертность высокая, народ спивается, ничего не строится, и сколько это будет продолжаться – никому не известно. Все это ведет к вымиранию ительменов как нации. Не правда ли, мрачноватая картина? Но не будем отчаиваться. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Не будем ждать манны небесной. Нам необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы возродить родной язык, культуру и наш народ.

УДК 39

О ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ ИТЕЛЬМЕНОВ КАМЧАТКИ

*В.И. Ковейник,
ительменка, председатель родовой общины «Пимчах»*

Поддержанию и распространению культурного наследия древнейших национальных традиций уделяется недостаточное, несвоевременное внимание со стороны сильных мира сего. Обиды от того, что малые народы теряют свою культуру из-за экспансии более мощных народов, хранятся многие века. В связи с тем, что не создаются достаточные условия для осуществления этнокультурной деятельности, происходит деградация или уход основных носителей культуры и желающих сохранять, распространять ее.

Проблема заключается в том, что в нашей стране основное внимание в программах развития малых народов Севера уделяется экономической составляющей жизни этих народов. А культурное развитие малых народов Севера, сохранение и распространение культурных ценностей этих народов финансируется по остаточному принципу. Хотя многие благотворительные фонды всего мира свою финансовую помощь направляют, прежде всего, на сохранение знаний, языка и наследия древних культур, на распространение и интеграцию в мировое наследие опыта, так ценимого во всем мире.

Внимание к национальной культуре приведет к осязаемым результатам как в культурной, так и в экономической сферах не только территорий, на которых сохраняется и пропагандируется этнокультура, но и далеко за их пределами. Обогащение и многообразие культур приводит к снятию социальной напряженности и установлению принципа справедливости и мирного существования многокультурного общества. Когда на высоком уровне существуют культуры различных народов, тогда у простого гражданина имеется выбор в реализации своих талантов, приобщении будущих поколений к наследию малой и большой Родины. Знания и ценности, культура малых народов Севера привлекают туристов и ученых со всего мира, что позволяет поддерживать и сохранять как сами культуры, так и их носителей. Происходит культурный обмен, который позволяет народам занять достойное место в мировой культуре.

Духовное богатство, которое хранит память народа, утрачивается с каждым годом. Уходят люди старшего поколения – носители глубинной информации, что самое дорогое на этой Земле. Уходят из жизни, так и не передав другим поколениям свои знания, а ведь они даются тяжким трудом, через многие страдания и потери. Постепенно многие культуры исчезли с лица Земли и унесли с собой свои секреты, которые копились многими поколениями предков.

То же самое происходит с ительменским народом: огромная боль утраты некогда великого народа заставляет думать о нем с уважением и искать пути для сохранения того, что осталось. Родным ительменским языком владеют единицы, хотя все знают, что наличие языка – главный признак индивидуальности народа, в нем сокрыта вся культура и история. Происхождение че-

ловческого языка такая же загадка, как и происхождение человечества. Язык и обычаи каждого народа столь тесно переплетены, что в отдельности их познавать нельзя. В них заключена таинственная душа народа. Маленькая надежда на сохранение языка есть, но она очень призрачна: отсутствуют педагоги, но есть еще представители старшего поколения, которые смогли бы передать будущим свои знания. Для этого нужна четкая программа.

В 1998 г. в нашей общине была создана школа «Возрождение ительменских традиций», где дети обучаются ительменскому языку, прикладному искусству, национальному танцу. Первым учителем была В.И. Успенская, которая, несмотря на огромную занятость, один раз в неделю приезжала к нам. Какие это были замечательные встречи!

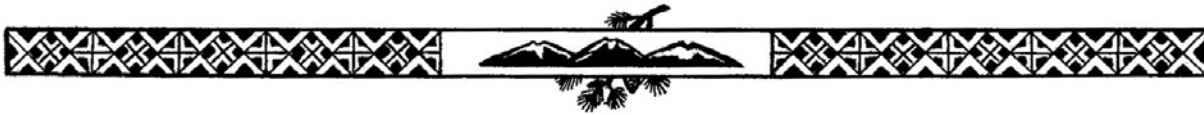
Для нас она была человеком из другого мира, потому что знала то, чего не знали мы. Два года ительменский язык преподавал В.В. Рыжков – человек многих дарований: он и гончар, и художник, резчик по дереву; может выделывать шкуру любого зверя и сшить сумочку, национальный костюм. Нет ничего, что он не смог бы сделать.

Все эти годы велась просветительская работа: проводились встречи с камчатскими поэтами и писателями. 29 апреля 2000 г. община устроила свадьбу, да не простую – с национальными обрядами. Что такое ительменская свадьба? Это удадь, мастерство, зажигательный танец и протяжные песни. Но главное, наверное, это притяжение к своей земле, возвращение к своим истокам, даже если предки твои пришли на Камчатку всего каких-нибудь сто лет назад и певучий язык этого удивительного народа тебе не знаком. Традиционно мы проводим праздники – День священного огня, День Земли, дни культуры, посвященные С.П. Крашенинникову, организуем детские лагеря, фестивали. За одиннадцать лет работы нашей общины мы многое смогли сделать.

В 2001 г. начали строить этнокультурный центр, музей ительменской культуры под открытым небом у священной горы Острая, хотим доказать ошибочность мнения о невозможности массового возврата к истокам национальных традиций. И главным строителем, архитектором этого проекта является В.В. Рыжков, который вложил в него все свои знания, силу, энергию. С появлением на свет ительменского стойбища возведение зимних и летних жилищ стало явью, но на сегодняшний день большой проблемой остается отсутствие средств на дальнейшее строительство стойбища, развитие народных промыслов, на охрану от варварских посягательств и на сбережение единственного в своем роде музея ительменского зодчества и быта под открытым небом.

9 сентября 1997 г. впервые на юге Камчатки в с. Сосновка, стартовал первый древнейший обрядовый праздник благодарения природе «Алхалалалай», который проводится осенью по окончании всех заготовительных работ. «Алхалалалай» – праздник последнего осеннего солнца. Как гласит легенда, много дней и ночей жарко горел ритуальный костер, вокруг которого совершались обрядные танцы, а языческому богу Кутху подносили дары и благодарили его за удачную охоту и рыбалку. Из толстого бревна делали идола и, прежде чем он занимал положенное почетное место на поляне, его кормили и украшали, с песнями и танцами три раза обносили вокруг костра. Идол оберегал аборигенов от всяких напастей и посылал удачную охоту и рыбалку. Гвоздь же программы праздника – многочасовой танцевальный марафон, участники марафона не выходят из круга, танцуют все, кто умеет и не умеет. Танцуют даже те, кто совсем не знаком с ительменской культурой. Вслушиваясь в первобытный звук бубна, подчиняясь его ритму, люди становятся ближе друг к другу, лесу, реке, земле. В древности человек знал, что в обряде, в торжественном единении он приобретает новые силы, и каждый звук, слово и движение есть порождение природы. В этом году одиннадцатый раз

зажигались священные костры в ительменском стойбище, они собрали множество людей, любящих свою неповторимую родину – Камчатку.

Сойдемся все в одной семье, где звездный хоровод споет нам песню:
«Я – Сириус, а ты – Венера, ты – Орион, а он – пересечение галактик новых.
Но все вы здесь сейчас собрались. Вместе на вас мы уповаем,
Гонцами вас послала наша мысль. И ей одной служить себя заставить
Должны своею волей, зажать себя в кулак, всей силою Любви
И несказанной мощью вы пронести обязаны туда, где жизнь остановилась,
И дать толчок для новой жизни.
Вы – это мы, вы наш кулак, в котором все-все-все».

УДК 81:39

О ЗНАЧЕНИИ ИТЕЛЬМЕНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НАУКИ

*Д.Д. Бобалик,
профессор лингвистики Университета штата Коннектикут (США)*

(Перевод Ирины Монич)

Как и сотни других языков малочисленных народов мира, ительменский язык стоит на пороге вымирания. Осталось крайне мало людей, владеющих ительменским языком, и с сокращением их числа исчезают возможности для его употребления и надежда передать его будущим поколениям.

Что теряется, когда умирает язык? Много написано о чувстве потери, испытываемой людьми, когда они утрачивают связь со своими исконными языками. Без сомнения, авторы статей в этом издании прокомментируют красноречивее, чем я, культурный аспект потенциальной потери коренных языков Камчатки. Со своей стороны, я хотел бы предложить здесь свои краткие профессиональные выводы относительно важности ительменского языка для лингвистики и родственных научных дисциплин. В особенности, надеюсь, я смогу дать представление о том, что будет потеряно не только ительменским народом, но и всем научным сообществом далеко за пределами Камчатки и России. Для этой цели сначала обрисую в общих чертах, что представляет собой лингвистика как наука, а затем отмечу, какой вклад ительменский язык привнес в научную дискуссию. Хотя я фокусируюсь на том, что уже было сделано, должен отметить, что описание и документация ительменского языка далеки от завершения и еще много остается сделать. Деятельность по записи, сохранению и возрождению этого уникального языка тем более не терпит промедления, поскольку он потенциально способен предоставить важную научную информацию в будущем. В настоящее время этот почти нетронутый научный пласт находится под угрозой.

Способность освоить сложный язык – задача, успешно выполняемая самыми маленькими детьми даже при отсутствии формального обучения, отличает нас от остального животного мира. Природа этой способности занимала некоторые из величайших умов от античных философов до современных ученых. В середине XX в. американский лингвист Ноам Чомский выдвинул знаменитое предположение, что языковые способности человека имеют генетический компонент, так называемую **универсальную грамматику**. Под этим термином понимается общая схема, которой интуитивно следуют дети всего мира, осваивая родной язык. По существу, универсальная грамматика – это совокупность законов, которым подчиняются все языки, хотя в деталях их грамматики могут отличаться друг от друга. В соответствии с этой гипотезой, несмотря на то, что внешне языки мира в высшей степени разнообразны, в глубине все они

имеют общую структуру. Применяв музыкальную метафору, можно сказать: все языки – это вариация на одну и ту же тему.

За полвека, прошедшие с того времени как была предложена универсальная грамматика, сторонники и оппоненты этой теории пытались оценить доказательства в ее пользу. Если эта идея правильна, тогда можно ожидать, что мы найдем закономерности, повторяющиеся в разных, даже неродственных и удаленных друг от друга языках. Эти закономерности во многих случаях малозаметны и абстрактны, но при правильном подходе мы обнаружим, что они действительны без исключений. И действительно, имеется широкий круг доказательств того, что это предложение, в общем, правильно. У языков мира есть общие абстрактные характеристики, для которых трудно найти функциональные объяснения. Лучшее объяснение для них – это врожденное ограничение на возможные формы, которые могут принимать грамматики отдельных языков.

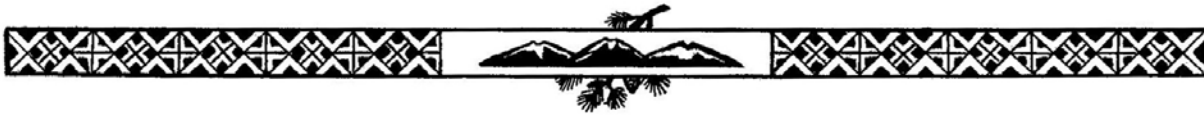

Мы можем проиллюстрировать эту идею примером универсального принципа, который кажется простым на первый взгляд, но, как можно легко убедиться, требует формальной модели и, таким образом, демонстрирует абстрактность этого начинания. Европейская грамматическая традиция распознает три лица, например, во множественном числе: 1-е лицо (*мы*), 2-е лицо (*вы*), 3-е лицо (*они*). Этого разделения на лица достаточно для описания грамматик большого количества языков, включая ительменский (в котором соответствующие местоимения – это *муза*, *тузза* и *итх*). Но этого недостаточно для того, чтобы описать все языки: приблизительно треть языков мира делают еще одно различие во множественном числе 1-го лица. Вместо одного местоимения, эквивалентного по значению местоимению *мы*, они имеют в своем распоряжении два местоимения, одно означающее ‘мы с тобой’, а другое означающее ‘мы без тебя’ [1, 6]. Хотя в русском и ительменском языках местоимение *мы* само по себе двусмысленно и согласуется с обоими этими значениями (усиление различия может быть сделано посредством добавочных слов, таких как ‘с тобой’), в других языках двусмысленности не существует и используется та или другая форма местоимения, достаточная для включения 2-го лица.

Подходя к языку как к науке, вопрос, который мы должны задать на данный момент, это – как мы можем смоделировать лингвистические различия? Надо ли нам распознавать 4-е лицо? Если так, то можем ли мы ожидать, что 5-е или 6-е лица также будут найдены? И что могут они означать? И можем ли мы предложить признак «включительное», который разделяет 1-е лицо на «подлица»? Если так, то можно ли ожидать, что 2-е и 3-е лица тоже могут быть разделены таким же образом? Эти вопросы рассматривались на протяжении более полувека. Оказалось, что все известные системы личных местоимений определяются только двумя бинарными признаками: один относится к говорящему, а другой к слушающему. «Включительные» местоимения имеют оба признака, в то время как традиционное 3-е лицо точнее характеризуется отсутствием какого бы то ни было лица. Единственные лингвистические категории лица – это говорящий и слушающий, третье лицо не имеет личных признаков. Этот теоретический подход (который, в частности, основывается на идеях русского лингвиста Романа Якобсона) постулирует абстрактную формальную систему лиц, находящуюся в основе всех человеческих языков, и дает объяснение полному диапазону вариаций, которые наблюдаются по всему миру. Эта абстрактная система представляет собой часть универсальной грамматики.

Сказав это, важно отметить, что мы только затронули поверхность языкового многообразия мира. В настоящее время в мире функционирует около 6000–7000 языков, но из них менее 10% подробно описаны. И даже для них уровень документации недостаточен для полной оценки большинства научных предположений (за или против) относительно универсальности. По мнению многих экспертов, половине языков мира угрожает исчезновение к концу столетия. Если они умрут незадокументированными, то колоссальное собрание человеческих знаний исчезнет и будет невосполнимо утрачено в песках времени. Зная о бесчисленных деталях этих языков, мы теряем важную доказательную базу для разрешения вопросов об универсальности лингвистической

тических законов и принципов. В свою очередь, эти вопросы находятся в центре научного понимания природы языка, который является ключевым аспектом человеческого состояния. В то время как лингвистическое многообразие сокращается с нарастающей скоростью, также уменьшается возможность того, что мы сможем решить эти фундаментальные вопросы.

Возвращаясь к проблеме камчатских языков, картина, которую я только что обрисовал, является отчаянной. В современное, постколониальное время языки вымирают (со смертью их последних носителей) со средней скоростью около одного каждые две недели⁵¹. Несмотря на повышение внимания к этой проблеме и вместе с этим скромное увеличение в финансировании из различных источников по всему миру, работа по документации, поддержке и возрождению вымирающих языков – это гонка со временем. Около 3000 или более языков считаются находящимися под угрозой исчезновения и отчаянно нуждаются в документации. Эти усилия особенно не терпят промедления в отношении языков-изолятов и маленьких языковых семей, таких, к каким принадлежат коренные языки Камчатки. Ительменский язык, родственник только своим северным соседям: корякскому, алutorскому, керекскому и чукотскому, являет собой богатство типологически редких, даже уникальных черт, которые могут сыграть важную роль в нашем понимании диапазона и пределов лингвистической вариации. Таким образом, он напрямую имеет отношение к природе универсальной грамматики, как это обсуждалось выше.

Например, в ительменском языке, как и в родственном чукотском, существует феномен редупликации. Редупликация – это процесс, не существующий в европейских языках, но распространенный в языках мира. В результате этого процесса новые лексические формы образуются посредством удвоения слова или его части. Ительменские слова, означающие ‘зуб’ и ‘коготь’, соответственно *кэпкэп* и *к’уфк’уф*, иллюстрируют этот процесс. Иногда высказывается мнение, что редупликацией движет функция. Тем не менее ительменский язык представляет ключевое доказательство, что это не всегда так: ительменская редупликация характеризуется тем редким качеством, что она имеет место только в единственном числе существительного, в то время как во множественном числе эти существительные имеют форму *кпэ’н* и *к’фу’н* соответственно. В большинстве языков с этим типом редупликации удвоение происходит во множественном числе, а не в единственном. Без документации таких языков, как ительменский, этот факт мог бы остаться незамеченным, что могло бы привести к ошибочным теоретическим выводам.

Ительменская редупликация предлагает нашему вниманию еще более поразительные факты о природе языка и универсальной грамматики. Несмотря на то, что ительменская редупликация является редкостью с функциональной точки зрения (в единственном числе, а не во множественном), говоря языком формальных абстрактных структур универсальной грамматики, ительменский язык дает ключевую, хотя и косвенную, поддержку мнению, что существуют универсальные ограничения формальным характеристикам этого процесса. Факты, относящиеся к нему, довольно сложны, но, возможно, я смогу выразить суть в нескольких немного упрощенных примерах [2]. Среди выдвинутых законов универсальной грамматики есть так называемый закон смежности, который является частью более широкого комплекса законов, управляющих копированием и тому подобными процессами. Относительно редупликации эта гипотеза равнозначна требованию, что при копировании части слова скопированные части должны соприкасаться. Поверхностная форма должна содержать фрагмент, который состоит только из редулицированного материала, без промежуточного. Так, из гипотетического слова *тоби* закон смежности может сделать *то-тоби*, *тоби-би* или даже *тоби-тоби*, но не *тоби-то* или *би-тоби*. Похоже, что ительменский язык нарушает закон смежности, поскольку в нем имеются такие слова, как *мисху-мисх* ‘лебедь’ и *понта-понт* ‘печень’, где гласный звук стоит между двумя копиями. Но законы универсальной грамматики, как и все естественные законы, абстрактны и взаимодействуют сложным образом. То, что воздушный шар, наполненный гелием, поднимается, когда ребенок его отпускает, является не нарушением закона гравитации, а результатом сложного взаимоотношения между гравитацией и соотношением плотностей воздуха и гелия. Таким же образом закон смежности,

⁵¹ Международные СМИ постепенно начинают замечать эти потери; например, недавно в прессе (журналах *Time*, *National Geographic*) сообщалось о смерти последнего известного носителя языка Бо Андаманских островов (Индия). Тем не менее подавляющее большинство таких событий проходит незамеченным.

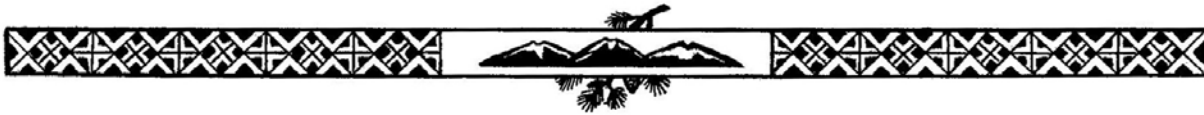
содержащийся в универсальной грамматике, как и все естественные законы, взаимодействует определенным образом с другими процессами. В случае ительменского языка предполагается, что такие формы, как *понта-понт* могут существовать только в том случае, когда в языке имеет место другой процесс, взаимодействующий с копированием. Таким процессом, например, может быть апокопия (термин заимствован из музыкальной теории для описания выпадения последних гласных в слове). И действительно, факты показывают, что именно этот процесс имеет место в ительменском языке. В абстрактном смысле *понта-понт* – это в действительности *понта-понта*, но с произнесенной последней *a*. Таким образом, ительменский язык, так же как и его чукотские родственники, дает замечательное подтверждение детальной и запутанной паутине правил, которые составляют универсальную грамматику. И опять я хочу подчеркнуть, что наука, стоящая за этими открытиями, нуждается в максимально широкой эмпирической базе, которая включает в себя подробную документацию и изучение географически и генетически разнообразных языков. Каждый язык проливает свет на загадку универсальной грамматики. Когда языки умирают, огоньки света гаснут до той поры, когда нам придется проводить исследования в тусклом свете нескольких основных языков.

В подтверждение этой идеи я подчеркнул важность лингвистической документации для изучения человеческого языка. Для этой цели все языки важны, и тем больше их важность, чем дальше они от основных языков, которые уже хорошо исследованы на сегодняшний день. Именно историческая изоляция Камчатки делает ее языки такими значительными для науки. В то же время ительменский язык может многому нас научить относительно истории Камчатки и ее первых жителей [3, 4]. Как многочисленные заимствования в русском языке свидетельствуют о разных периодах межнациональных контактов (от заимствований из тюркских языков во времена монголо-татарского ига, сквозь период заимствования из германских языков времен Петра Великого, до возрастающего количества английских слов в эпоху Интернета), так и закономерности заимствований в ительменском языке рассказывают нам историю межнациональных контактов на Камчатке. Многочисленные русские заимствования колониального периода представляют собой очевидные примеры, но в ительменском языке также имеются узнаваемые корякские заимствования с различием в географическом распределении. Например, в Седанско-Тигильской диалектной области существует намного больше узнаваемых корякских заимствований, чем в соседних ительменских диалектах к югу вокруг сел Ковран и Хайрюзово. Но, как и все факты, изложенные выше, имеющиеся на текущий момент знания представляют собой только верхушку айсберга, в то время как подавляющая часть данных заключена в более абстрактных структурах, сплетенных историей в богатую ткань, которую представляет собой любой язык. Я бы хотел позволить себе еще один такой абстрактный пример, прежде чем закончить эти заметки.

Как люди, говорящие на европейских языках, мы большей частью привыкли к таким грамматическим категориям, как подлежащее и прямое дополнение. В русском языке эти категории совпадают с разными падежами: подлежащее с именительным падежом, а прямое дополнение с винительным. Тем не менее не все языки мира функционируют таким образом. Примерно четверть всех языков мира имеют характеристику, известную как эргативность. В соответствии с этой характеристикой подлежащее непереходного глагола стоит в таком же падеже, как и объект переходного глагола; для подлежащего переходного глагола существует особенная падежная форма. Чукотский, корякский и алюторский числятся среди эргативных языков, но даже они проявляют некоторые отличительные особенности в своих эргативных конструкциях. Ительменский язык не имеет эргативного строя (что было наглядно продемонстрировано А.П. Володиным) [5]. Тем не менее ительменская грамматика владеет комплексом особенных глагольных форм, возможно, представляющих собой промежуточную стадию в развитии эргативной структуры. Точнее эти формы поразительно схожи, деталь к детали, с эргативными формами соседних чукотских языков. Отталкиваясь от этих форм, можно с высокой точностью реконструировать историю того, как эргативные структуры развились в чукотском языке⁵².

⁵² Майкл Фортескую (Michael Fortescue) [4] выдвигает предположение, что влияние эскимосского языка также сыграло роль в развитии эргативности.

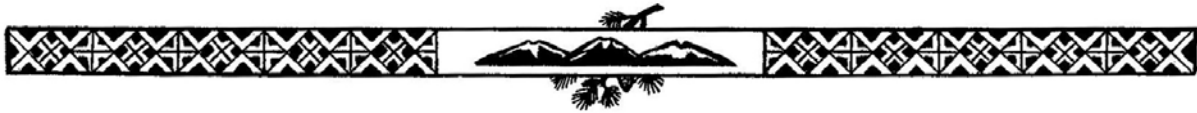
Все сказанное выше – это только небольшая выборка примеров того, как прогресс в лингвистике (науке о языке) находится в глубокой зависимости от качественной документации широкого набора языков. В этой статье я старался концентрироваться на позитивных сторонах, на том, как ительменский язык, в пределах степени его документации на текущий день, смог предоставить данные для разрешения важных лингвистических вопросов. И тем не менее я должен еще раз подчеркнуть, что документация этого языка далека от завершения. Значительные достижения прежних лет включают в себя народные сказки, собранные В.И. Иохельсоном в начале XX столетия, работы С.Н. Стебницкого и прочих, сделанные после. Основоплагающее описание, сделанное А.П. Володиным в 1976 г., остается важной вехой в документации ительменской грамматики, а также некоторая дополнительная работа была проведена мной и другими лингвистами последующего поколения. Вдобавок бесценные усилия были предприняты для создания педагогических материалов, особенно К.Н. Халоймовой и ее коллегами. И тем не менее собрание всех материалов ительменского языка, завершенное на данный день, особенно в отношении аудио- и видеозаписей, – это всего лишь фрагмент того, что нужно, чтобы создать исчерпывающее описание. Хотя уже проделанная работа предоставляет основу для дальнейших усилий, вопросы, на которые мы твердо знаем ответы, все еще малочисленны по сравнению с вопросами, которые не находят ответа в уже задокументированных данных. Еще многое предстоит сделать. В этих заметках я ограничился только областью моей профессиональной деятельности. Задача представляется еще более грандиозной, если учесть существование многих других аспектов языка в его культурном контексте. Это необходимо для того, чтобы наиболее полно задокументировать язык и культуру, не говоря уж о том, чтобы остановить или хотя бы замедлить движение на пути к забвению. Тем не менее каждая капля поддержки может помочь этому начинанию, и даже сейчас все больше лингвистов, ученых и, что крайне важно, этнических активистов обращаются к решению этой проблемы тем или иным способом. Четверть тысячелетия назад С.П. Крашенинников писал, что ительменский язык вымрет в следующем поколении. Десять последующих поколений, говорящих по-ительменски, оказались удивительно упорными, за что им следует отдать должное.

Я выражаю благодарность многим членам ительменской общины, оказавшим мне гостеприимство во время моего пребывания на Камчатке, и особенно тем людям, говорящим по-ительменски, которые щедро поделились со мной своими знаниями и временем. Финансовая поддержка этих исследований была предоставлена различными учреждениями, в самое последнее время – Институтом гуманитарных наук при университете шт. Коннектикут.

Литература

1. *Cysouw M.* Inclusive/Exclusive Distinction in Independent Pronouns // Haspelmath Martin & Dryer, Matthew S. & Gil, David & Comrie, Bernard. The World Atlas of Language Structures Online. – Munich: Max Planck Digital Library, 2008. – Chap. 39.
2. *Bobaljik J.D.* Itelmen reduplication: Edge-In association and lexical stratification // Journal of Linguistics. – 2006. – № 42. – P. 1–23.
3. *Володин А.П.* *Ительмены*. – М.: Просвещение, 1995.
4. *Fortescue M.* Language Relations Across Bering Strait: Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence. – Continuum, 1999.
5. *Володин, А.П.* *Ительменский язык*. – Л.: Наука, 1976.
6. <http://wals.info/feature/39>

УДК 81:39

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК: ЗАМЕТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

*В.В. Рыжков,
специалист по ительменскому языку (г. Елизово)*

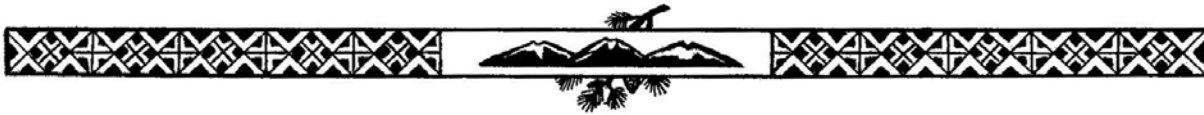
Ительменский язык относят к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков (куда входят чукотский, корякский, алуторский и керекский), но имеет ряд существенных отличий. Причина тому – фонетическое своеобразие ительменских языков. Состав гласных почти не отличается от такового в других чукотско-камчатских языках, состав согласных обнаруживает резкие отличия. В ительменских языках имеются несвойственные другим чукотско-камчатским языкам звуки. Количественные различия в составе согласных определяют качественные различия в системе: в ительменском языке выявляют ряды смыслоразличительных позиций, которых нет в других чукотско-камчатских языках. Ительменский язык относится к числу консонантно насыщенных и в этом отношении занимают исключительное положение среди других чукотско-камчатских языков. Что касается выражения атрибутивных отношений, то в ительменском оно вообще отличается своеобразием. Во всяком случае аффикс *-лах* совершенно чужд чукотскому и корякскому. Ительменский язык склонен к аналитизму в отличие от чукотских и корякских, которым присущ в большей степени синтетизм. Словарный состав ительменского языка имеет больше отличий от словаря чукотских и корякских языков, чем сходства. Да и те сходства обусловлены, скорее, заимствованием. Но вместе с тем грамматический строй почти одинаков, за исключением некоторых важных структурных расхождений. Идентичны также система спряжения глаголов и показатели субъекта.

В свою очередь, как писал С.П. Крашенинников, ительменский язык распадается на три языка: северный (долина р. Камчатка и восточное побережье от р. Ука до р. Налычева), южный (от р. Налычева до м. Лопатка и по западному побережью от м. Лопатка до р. Хайрюзова) и западный (западное побережье между р. Хайрюзова и Тигилем). Причем С.П. Крашенинников указывал на то, что язык северных камчадалов «нигде почти никакой не имеет отмены. Напротив того, у прочих в каждом остроге особое наречие примечается». Г.В. Стеллер также отмечал, что язык западных камчадалов распадается на 8–10 говоров. К.М. Дитмар, посетивший Камчатку в 1852 г., указывал примерно те же границы расселения основных групп ительменов: «В Седанке, в Аманино, ближайшем местечке от Тигиля, и по западному берегу к югу от Тигиля до Колпаковой говорят на одном и том же камчадалском языке; по тому же берегу, от Колпаковой до самого юга, в ходу другое, а от Еловки к югу по долине Камчатки до Авачи – третье наречие того же языка».

В настоящее время так называемые северный и южный языки исчезли как результат ассимиляции и полного вымирания (восточное побережье) аборигенного населения. Произошло это в конце XIX – начале XX вв. Е.П. Орлова указывала, что «у современных ительменов в 1926 г. бытовали три наречия: южное – в селении Морошечном; северное – в селениях Ковран и Напана. Наречия ительменов селений Хайрюзово и Белоголовое являлось промежуточным между северным и южным. Особняком стоит северо-восточное наречие, встречающееся только в одном селении – Седанке. Причем южный говор, как отмечает Е.П. Орлова, произносится с ударением почти на каждом слоге каждого слова, по направлению к северу становится постепенно быстрее и быстрее. Существенных различий между южным и северным наречиями нет, поэтому люди этих селений могли свободно понимать друг друга. В этом отношении седанкинское наречие настолько отличается, что при встрече ительменов южных селений с седанкинцами взаимопонимание происходит не сразу.

С.Н. Стебницкий в современном западном языке выделил два диалекта: седанкинский (северный) и южный (хайрюзовский). А.П. Володин (1962–1973) подтвердил вывод С.Н. Стебницкого о существовании двух диалектов современного ительменского языка: седанкинского и напанского (в который входят также говоры утколокских, ковранских, хайрюзовских, сопочновских ительменов). Седанкинский диалект отличается от напанского темпом речи.

«Они как будто замерзли», – шутят ительмены южных селений, когда говорят о седанкинском диалекте. А седанкинцы, говоря о южных, называют их спящими или засыпающими, имея в виду медленность и как бы напевность их речи. Седанкинский диалект звонче южного. А также есть различия в морфологии и лексике в основном за счет большего влияния корякского языка. Говоры же южных ительменов практически не отличаются по сути, лишь на диалектном уровне есть небольшие различия. Все современные учебные пособия написаны на южном диалекте, который иногда называют хайрюзовским, сопочновским или напанским.

Первые сведения об ительменском языке нам оставил С.П. Крашенинников в ходе второй экспедиции Беринга (1733–1743 гг.). В его капитальном труде «Описание земли Камчатки» наряду с описанием природных условий полуострова, с этнографическими сведениями о жизни, быте, нраве, правах населения даны сведения и о языках, в том числе и об ительменском.

С конца XVII и в течение XIX вв. посещавшие Камчатку путешественники (Ж. Лессепс, М. Зауэр, А. Эриан, К. Дитмар) делали записи отдельных слов и географических названий, но серьезно никто из них изучением ительменского языка не занимался. Бывший политический ссыльный Б. Дыбовский в 1879–1883 гг. сделал довольно значительные записи ительменских слов на всех трех диалектах (словарь языка камчадалов, живущих на р. Камчатка, словарь языка южных камчадалов, словарь языка камчадалов, живущих на западном побережье Камчатки). Но, делая записи слов, он не указывал места, откуда собирал материалы. Записи не были выверены носителями языка.

В конце XIX – начале XX вв. на Камчатке жил и работал русский врач В.Н. Тюшов, который написал замечательную книгу «По западному берегу Камчатки». В ней он подробно дает описание жизни и быта ительменов в XIX в. В книге есть глава «Заметки о камчадальском языке», в ней даются как отдельные слова, записи топонимов, так и целые фразы из ительменского языка.

В 1910–1911 гг. В.И. Иохельсон, находясь на Камчатке в составе экспедиции Русского географического общества, записал 41 текст на ительменском языке. Первой специальной лингвистической работой, в которой были даны сведения о грамматическом строе ительменского языка, является книга В.Г. Богоразы «Чукчи», опубликованная в 1922 г. в США. В ней дано сопоставление фонетики и морфологии чукотского, корякского и ительменского языков.

В начале 30-х годов XX в. Е.П. Орлова совместно со студентами Дальневосточного техникума народов Севера, ительменами по национальности Флором Слободчиковым, Георгием Садовниковым, а также (отчасти) Н. Ласточкиной и М. Павлуцкой, написали букварь «Ntanselgzaalkicen» и «Arifmetika». Это были первые учебные пособия по ительменскому языку.

В 1934 г. опубликован очерк С.Н. Стебницкого «Ительменский (камчадальский) язык».

В 1960 г. преподаватель Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена Т.А. Мол написала работу об ительменском языке на основании материала, собранного студентами-ительменами на Камчатке. Работа представляет собой краткое описание фонетики и морфологии. Работа важна тем, что она расширила представления об ительменском языке.

В 1968 г. была опубликована монография К.М. Браславца «Диалектологический очерк Камчатки». Наряду с вопросами положения русской диалектологии автор рассматривает вопросы ительмено-русского двуязычия. В книге даны тексты на ительменском языке обоих диалектов – северного и южного.

В 1969 г. вышел в свет словарь ительменского языка, в основу которого были положены тексты В.И. Иохельсона. Также были использованы записи Б. Дыбовского, С.П. Крашенинникова и некоторые другие источники.

В ходе пяти лингвистических экспедиций с 1962–1973 гг. вышла в свет монография А.П. Володина «Ительменский язык» (1976 г.). Эта работа является первым подробным научным описанием ительменского языка. Основное внимание уделено описанию морфологической структуры слова и части речи. Дан богатый текстовый материал на ительменском языке. В основе описания лежит напанский диалект. В нашей стране изучение ительменского языка не ведется уже более 30 лет. Только К.Н. Халоймова под руководством А.П. Володина ведет работы по распространению и изучению ительменского языка. Ею написаны учебные и методические пособия.

В течение последних пятнадцати лет ученые из стран Западной Европы, США и Японии ведут серьезные исследования в этой области.

В настоящее время вышла в свет книга под названием «Ительменский язык и культура» (2001 г.). Авторы: М. Дюр, Э. Кастен, К. Халоймова. Данная книга является первым пособием по ительменскому языку из серии учебных пособий, методически и дидактически взаимосогласованных между собой.

В 2003 г. опубликован «Тематический словарь и разговорник северного диалекта ительменского языка». Содержание этого разговорника составлено на основе работы Е.М. Пименовой и Л.Г. Тынель «Русско-чукотский разговорник» (Магадан, 1991 г.)

В 2004 г. вышел сборник «Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь». В него включены материалы, собранные в результате экспедиции 2003 г., а также материалы, записанные в 2004 г. В книге нет комментариев научного характера. Книга состоит из 4-х разделов (1-й – записи фольклорных ительменских текстов, 2-й – переводы А.Д. Запороцкой поэтических произведений Г.Г. Поротова, 3-й – христианская молитва, переведена А.Д. Запороцкой и 4-й раздел состоит из записей воспоминаний, рассуждений о жизни). Авторы этого сборника – В.И. Успенская и Т.А. Голованёва. Ительменская речь переведена на русский язык В.И. Успенской, носительницей ительменского языка седанкинского диалекта.

Начиная с XVIII в. ительменский язык неуклонно исчезает. По данным на 1994 г. численность ительменов составляла 1320 человек, среди них говорящих на ительменском языке 9%. В 2004 г. знающих ительменский язык обоих диалектов насчитывалось всего 35 человек. Все носители языка преклонного возраста. На сегодняшний день эту цифру необходимо уменьшить еще на порядок за счет естественной убыли носителей языка. Теперь с нами нет Т.Е. Гуторовой, написавшей прекрасную сказку-легенду «Эльвель» на ительменском языке, исполнительницу ходил собственных и своих бабушек. Она стояла у истоков создания национального ительменского ансамбля «Эльвель», который знает теперь весь мир. Ушла из жизни В.И. Успенская, создавшая газету «Абориген Камчатки» и являвшаяся ее редактором до последних дней. Она вела уроки родного языка, проводила праздники на ительменском языке, была активным пропагандистом не только ительменской культуры, но и всего аборигенного населения Камчатки.

Выборочный словарь ительменского языка

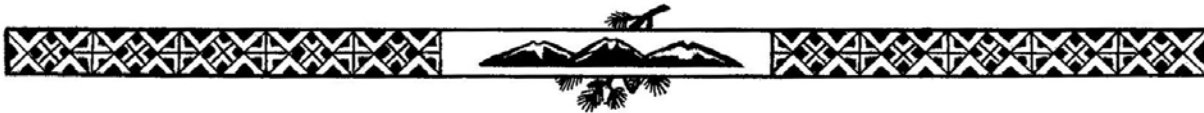
А

<i>асхма'ль; асхмачу</i>	возвышенность, сухая тундрочка	< <i>асх</i> – 'высота'
<i>атхнэньчк</i>	утром	< <i>атх</i> 'атх' – 'свет'
<i>атэлзом</i>	стон	< <i>аталкас</i> – 'стонать, охать'

В

<i>ванэ'лкас</i>	вышивать
<i>вахак'ыл</i>	краситель
<i>вэнкэ элэс</i>	нежить, холить

И

<i>ивланкэлы'ин</i>	полосатый	<i>ивлы + кэлы</i> – ‘длина и пестрота’
<i>ила'н</i> (ед. ч. <i>илачх</i>)	водоросли	
<i>илук'э'н</i>	мох на камнях	
<i>инчкдэтэс</i>	погружать в воду	
<i>ич'ин пакольма'ньч</i>	березовые почки	

Й

<i>йа'ам</i>	особенно
--------------	----------

К

<i>касхчом, касхэл</i>	вдвоем	< <i>касх</i> – ‘два’ в сопроводительном п. I и II
<i>кахтан</i>	весной	В словаре приведена словоформа <i>анок</i>

Слово *кахтан* не ительменского происхождения, заимствовано из корякского языка. С.П. Крашенинников записал *кахтан* как название одного из весенних месяцев и перевел его – ‘настовый месяц’. Для обозначения понятия ‘весна’ у него есть *уа'галь*. Это название весны более нигде не встречается и не упоминается. В сказке «Казарочка», записанной Е.П. Орловой от В.И. Пономаревой, есть такие слова «*Кунэл'ин кахтанк қсы'н кк'олкнэн* – ‘Однажды весной гуси прилетели’; «*Қа'т кахтанк к' лэқзукнэн...*» – ‘Уже весна наставала (становилась) ...’; «...и кахтанк мызанх'ал пэскызытисч» – ‘...и весной над нами пролетает (всегда, постоянно)’». И нигде она, В.И. Пономарева, не употребляет корякское *анок*. А вот слова из ходилы той же Пономаревой: «*Йақйақ атхлах к'одинэ. Да йақ да әңқан улььуқ кахтанзосч?*» – ‘Чайка белая прилетела. Да ведь, да почто мало весновала?’ Как мне кажется, это собственно ительменские названия весеннего периода (или какого-то временного отрезка из всего весеннего периода), впоследствии вытесненные корякским словом *анок*. В корне слова *кахтан* можно выделить, по моему мнению, морфему *ахт* в значении ‘свет’. Слова для сравнения: *атх' атх* – ‘свет’; *атхқ* – ‘светло’; *атхлах* – ‘светлый, белый’; *тхсаном* – ‘рассвет’ и т. д.

Словоформа *кахтан* – переходный глагол, по моему мнению, характеризуется циркумфиксом *к- -ан*. И значение этого слова можно определить как ‘высветивший (осветивший) его’, что собственно согласуется с процессом наступления весны – дни становятся длиннее, снег слепит глаза. Все вроде бы хорошо, но, возможно, я пошел по ложному пути, пытаюсь объяснить это слово. Во-первых, смущает перестановка [х]. В словоформе *кахтан* [х] стоит перед [т], а должно быть – *атх*.

Во-вторых, если все-таки допустить, что *кахтан* – переходный глагол в III инфинитиве (для III инфинитива I субъектно-объектное спряжение показатель циркумфикса *к- -ин (ан)*, то в I инфинитиве он полностью совпадает с *ахтэс* – ‘разделять рыбу’. *Ахтэс* в III инфинитиве – *к' ахт' ан* – ‘он (она) разделявал (рыбу)’.

<i>кқамза'энькас</i>	важничать, гордиться
<i>кқамза'энь'ин</i>	важный, гордый
<i>кқэлт'ин</i>	беременная < <i>кэлтқ</i> – ‘живот’
<i>клэ'луңиңэ</i>	жалко, < <i>лэ'луңлах</i> – ‘жалкий, несчастный’
<i>кдһызы</i>	смешно, < <i>линлин</i> – ‘смех’
<i>кдуһатл</i>	в одиночку
<i>кдхчикас</i>	жадничать
<i>кдхчику</i>	жадный, жадина

<i>кҕалх'ан</i>	женатый < <i>һыч</i> – 'жена'
<i>ковоч</i> (мн. ч. <i>ково'н</i>)	бородавка
<i>кпаһравэҕнан</i>	ленивый < <i>пэһикас</i> – 'лениться'
<i>ксха'һракнэн</i> (<i>к'имлач, хк'имтакнэн</i>)	взьерошенный (волосатый, лохматый)
<i>куьч</i>	впадина, падь, долина
<i>кхаҕа'нэкас</i>	возмущаться
<i>кчинз'ин</i>	острый
<i>кчинсы'ин</i>	отточенный
<i>кчэл'ан</i> (<i>фиһьһатл'ан, к'алвалакнэн</i>)	подобный, похожий, одинаковый
<i>кч'эһы'ин</i>	злой
<i>кэзмамч</i> (<i>кэзмамчэ'н</i>)	медвежонок

В словаре 'медвежонок' – *мэт'эчх*, < *мэт'ск' ай*. Интересно отметить, что С.П. Крашенинников в своем «Описании земли Камчатки» приводит название медведя как *касса*; собаки мифологического персонажа Туила – *козей*, Г.В. Стеллер в «Описание земли Камчатки» название медведя записал как *гаас* или *газа*; собаки – *кожа* или *коха*; щенка – *кожамчич*. В современном ительменском языке (сопочновский диалект) такие слова, как *қос* – 'олень', *қосх* – 'собака' и приведенные примеры, взятые у С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера и словоформа *кэзмамч* – 'медвежонок' восходят к одному древнему корню **кор* или **кос*. Отсюда и современное название коряков ('оленные' в основе **кор*) и слова коряков-оленьеводов *к'оян'а* – 'олень', *к'оямку* – 'эвен' (дословно 'оленный'). В других диалектах корякского языка, например, эвен – *корарамку* и в названии диких оленей Северной Америки *карибу*, также в основе слова – **кор*.

В речи камчадалов р. Камчатка сохранилось слово *кузмишки* – 'медвежата'. Что касается слов *мэт'ск'ай* – 'медведь' и *мэт'эчх* – 'медвежонок', то нам кажется, что они заимствованы из русского языка и ассимилированы ительменским языком.

<i>кэнкал'ин</i>	пленник (пойманный) < <i>энккас</i> – 'ловить'
<i>кэйук</i>	чага
<i>кэлэном</i>	воплъ, крик < <i>кэлкас</i> – 'кричать'
<i>кэринэс</i>	ушибить (кого-либо)

К'

<i>к'алвалакнэн</i> (<i>кчэл'ан, офиһһатл'ан</i>)	похожий, подобный, одинаковый < <i>алвалэкас</i> – 'быть похожим'
<i>к'ваалакнэн, к'вакнэн</i>	печеный, жареный, обгоревший
<i>к'ваалакнэн</i>	следует понимать как 'слегка печеный, слегка обжаренный и т. д.'
<i>к'имлач</i> (<i>ксха'һракнэн, хк'имтакнэн</i>)	волосатый (взьерошенный, лохматый)
<i>к'имлэ'ин</i>	волосяной
<i>к'эсх.лкас</i>	вянуть

Қ

<i>қамзантэкас</i>	выходить замуж
<i>қлэлх</i>	жених
<i>оқнинэл</i>	во-первых
<i>қунакит</i>	впервые; <i>қунукит тэлчкусчен</i> – 'впервые вижу (его)'
<i>қэһт'лх</i>	вполовинку; <i>қэһт'лэнэ'н</i> – 'раздели всем'
<i>қэтх фэсх</i> (<i>эвэн фэсх, лэм фэсх</i>)	вероятно
<i>қэлтэкас</i>	беременеть < <i>қэлтқ</i> – 'живот'

Л

ЛҘЛЫНКЭ
ЛҘЫЛҘЭНК
ЛУССЭЖАС
ЛУУС
ЛЭ'ЛУҘЛАХ

зима (зимой)
мороз < ЛҘАҘ – 'холодно'
жадничать, зажалеть
вдруг
жалкий (невинный, несчастный)

Љ

ЉАҘАДХАС

женить (дословно 'одевичить его' < ЉАҘЭ
'девушка')

Њ

ЊАСТЭЭН

ЊИНВЭЙУ ЭДЭС
ЊИНҘАМЗАНТЭС
ЊЭНЭЛВЭЗАЛАС

саднит (болит, ноет); ҚТХАҘ ЊАСТЭЭН – 'ногу сад-
нит'
осмеивать (его) < ЊИНЊИН – 'смех'
выдавать замуж < ҚАМЗАН – 'муж'
воротить; Т.ЊЭНЭЛВЭЗАЛАЧЭН – 'я вернул его'

М

МАТРУДКАС

МЭЛМЭЛ

обманывать; МАТРУСЧ – 'обманывать'. В словаре
ЊЭНМАЙАҘЭС, МАЙАКАС – 'обманывать, лгать'
вошь

Н

НИСТЗОКАС
НИСТКАС

попрошайничать
проситься

Ң

ҢАДХКАЛ
ҢАДКАС
ҢЭТКАС

женитьба
жениться < ҢЫЧ – 'жена'
совершать половой акт

П

ПАЙСАТЭЭН
ПОК'ДКАС
ПЭҢИКАС

воняет, смердит; КЭҢЛ ПАЙСАТЭЭН – 'навозом воняет'
справлять естественную нужду (большую)
лениться

П'

П'К'АНОЧУ (П'К'АНО'ҢЧ)

семечко (семечки), то что набухает, расцветает
< П'К'АКАС – 'расцветать'

Р

РИВАТЭЗНОМ

восторг, радость

С

<i>ск'ал</i>	гной
<i>ск'алтикас</i>	гноится
<i>ск'алэмч</i> (мн. ч. <i>ск'алэ'ьч</i>)	нарыв
<i>снэзахлэс</i>	насмеяться; <i>снэзахсэн</i> – ‘он насмехается’
<i>состпаллэс</i>	выпороть (кого-либо)
<i>статэс</i>	волочь; <i>қстатх</i> – ‘отволоки’. В словаре <i>стэллэс</i> – ‘волочь’
<i>схкңан</i>	золовка
<i>схлэңсхлэң</i> (мн. ч. <i>схлэ'н</i>)	нарта
<i>схэллазоң</i>	вперегонки
<i>схытлэс</i>	прясть (нитки из спинных жил оленя) < <i>схытл</i> – нитка (жильная)
<i>сч'анэң</i>	игольное ушко
<i>сч'ас</i>	вдевать (нитку в игольное ушко); <i>қсч'ах</i> – ‘вдень’
<i>сэ'ң'ксникас</i>	икать; <i>сэ'ң'кснизэн</i> – ‘он икает’

Т

<i>тафлон</i>	коряк (грязный, вонючий)
<i>тафлэкас</i>	брезговать; <i>тэнақ тафлэсч?</i> – ‘опять брезгуешь?’ <i>зак тафлкақ!</i> – ‘не брезгуй!’
<i>тқэнскас</i>	кривляться
<i>тмэлкалх</i>	невестка
<i>тнумьон</i>	южный < <i>тнум</i> – ‘низ’ (о тех, кто живет южнее р. Облуковино)
<i>тхилном</i>	память < <i>тхэлкас</i> – ‘помнить’
<i>тхнэлкас</i>	чесаться; <i>тхнилэзен</i> – ‘он чешется’; <i>қтхнилх!</i> – ‘почеши!’
<i>тхснэлэс</i>	ковырять
<i>тхуналк, тхунаңчк</i>	вечером /
<i>тхунэм</i>	вечер \
<i>тхолкэнэңлаҳ</i>	<i>тхунтхун</i> – ‘темнота’ милый. В словаре <i>хихнэңлаҳ</i> – ‘милый’ (о детях)

Т'

<i>т'энаңлом, т'энңэзем</i>	вешалка < <i>т'энңэкас</i> – ‘висеть’
-----------------------------	---------------------------------------

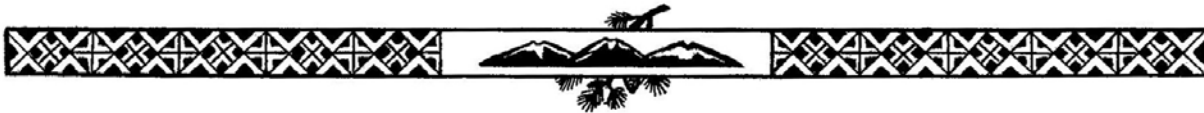
У

<i>усхк'эл</i> (мн. ч. <i>усхк'э'л</i>)	щепка
<i>у'алсхк</i>	валежник (считаемое количество)
<i>у'усхквал</i>	валежник (в общей массе)

Ф

<i>фал, фалла</i>	ведь
<i>фалан пनावом</i>	пила
<i>ффиңьатл'ан</i> (<i>кчэл'ан, к'алвалакнэн</i>)	одинаковый, подобный, похожий < <i>фиңьат'л</i> – ‘совсем в одиночку’ < , <i>фнэва</i> – ‘он сам’ < <i>энна</i> – ‘он’

Х

<i>хил'эңк</i>	весело
<i>хил'эңлаһ</i>	веселый, смешливый
<i>хкрэжнэн</i>	прогорклый, старый жир
<i>хк'имтакнэн (ксха' һракнэн, к'имлач)</i>	лохматый (взъерошенный, волосатый)
<i>хэн'вум (мн. ч. хэн'ву'н)</i>	гнида
<i>хэрвэром</i>	гром
<i>хэ эйақ, эйа</i>	очень пасмурно, ненастно

Х

<i>хэқа'рэткас</i>	бредить (видеть плохой сон)
<i>хэкаһдэс (эһпэрвэтэс)</i>	мучать (делать кому-либо плохо)
<i>хэқэвэйпэс</i>	ненавидеть кого-либо
<i>хэдоһалом</i>	проклятие, заклятие, наговор
<i>хэ'й, экэ'нэзэкақ</i>	не думать, не принимать близко к сердцу

Ч

<i>чансэс</i>	точить
<i>ча'мраджас</i>	шалльной
<i>чхил'экас</i>	безумствовать
<i>чэнзокас</i>	блуждать
<i>чэнкас</i>	злиться то и дело
	злиться

Ч'

<i>ч'алэһ</i>	в прикуску
<i>ч'амзаккадж (кч'амлај' ан, ныхтхэджкијх, кнытхэј' ин)</i>	шаман, колдун

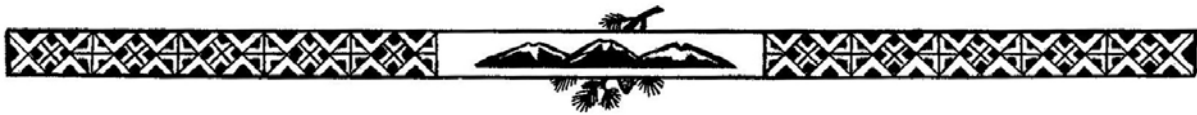
Все эти слова производные от: *ч' амзаңдж* – ‘человек’; *ныта* – ‘душа’. Кстати, современное *нустахчау* – ‘Бог’ также производное от *ныта*; дословно его можно перевести как ‘душечка’ или ‘душонка’. С.П. Крашенинников и В.Г. Стеллер понятие ‘Бог’ записали как *дустехчич* и *дустэтчич* соответственно. Легко заметить схожесть с современной словоформой.

<i>ч'аптк'олсхэнэс</i>	стегать (кого-либо)
<i>ч'ирук</i>	вор
<i>ч'ирэкас</i>	воровать
<i>ч'ирэжэчү</i>	воришка (вид кулика)
<i>ч'ирэс</i>	похитить, украсть кого-либо
<i>ч'овакас</i>	чесаться; <i>к'авач ч'овазэн</i> – ‘спина чешется’
<i>ч'увидкас</i>	шевелиться < <i>увик</i> – ‘тело’
<i>ч'эхч'элан</i>	бестолочь < <i>ч'эхч'эј</i> – ‘напрасно, зря’

Ө

<i>эзлыкас</i>	воскресать, оживать, Христос;
<i>эзлыкэнк, эзлэнк</i>	<i>к'эзлыкнэн</i> – ‘Христос воскрес’
<i>энксэс</i>	‘воскресение’
<i>энк'эзвэс</i>	избавлять (вызволять, освобождать)
<i>эһлматэс</i>	вялить
	делить

э́нмэч'к'элас
э́нпханом

э́нпэрвэтэс (хэ́қаһьдэс)

э́нскзалос

э́нсьэзалэс

э́нткэлэс

э́нтхас

э́нчнэс

э́нчолэс

э́ньди'нэкас

э́ньчит'мэн

э́ньч'уви'элэс

э́ньч'эвэс

э́нч'эвэсэс

э́схдикэ

надоедать кому-либо < *клэмч'к'элы* – 'надоело'
прорубь (дословно 'прорезано'). В словаре
'прорубь' – *к'ык'*

мучать

дубить

смешить

возрождать

поджигать; *чэхи́л к'энтхэх!* – 'разожги живей!'

греть; *кэ́нчнэх* – 'нагрей'. В словаре 'греть' – *номас*

обогревать

воспаляться, опухать

рыбак

взбудоражить, расшевелить кого-либо < *увик* –
'тело'

ворочать, ворошить, шевелить

насластить < *ч'эвэск* – 'сладко'

впросонках

Э

э́йа (хэ́ э́йақ)

э́львэрчом

э́скдалэс

э́ч'эмэчү

ненастно (пасмурно)

молния

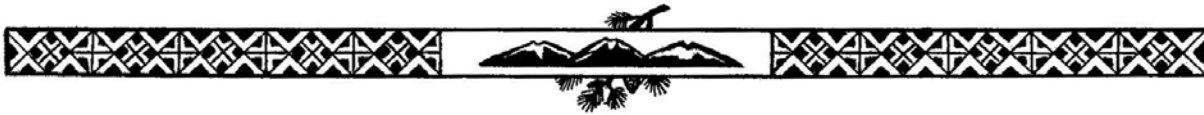
кастрировать

искра

Литература

1. *Браславец К.М.* Диалектологический очерк Камчатки. – Южно-Сахалинск: Изд-во Хабаровского гос. пед. ин-та, 1968.
2. *Володин А.П.* Ительменский язык. – Л.: Наука, 1976.
3. *Дюр М., Кастэн Э., Халоймова К.Н.* Ительменский язык и культура. – WAXMANN, 2001.
4. *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. В 2 т. – СПб., 1994.
5. *Дыбовский Б.* Словарь ительменского языка. – Warszawa, 1998.
6. *Мом Т.А.* Очерк фонетики и морфологии седанкинского диалекта ительменского языка // Ученые записи Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Л.: ЛПИИ им. Герцена, 1960. – С. 193–222.
7. *Стебницкий С.Н.* Ительменский (камчадалский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. – М.; Л., 1934. – С. 85–104.
8. *Тюшов В.Н.* По западному берегу Камчатки // Записи РГО по общей географии. – 1906, Т. 37. – № 2.
9. *Орлова Е.П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб.: Наука, 1999.
10. *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.
11. *Старкова Н.К.* Ительмены. Материальная культура XVIII–60-е годы XX века // Этнографические очерки. – М.: Наука, 1976.
12. *Оно Ч.* Тематический словарь и разговорник северного (седанкинского) диалекта ительменского языка. – ELPR, 2003.
13. *Успенская В.И., Голованёва Т.А.* Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь. – Петропавловск-Камчатский: КГПУ, 2004.

УДК 81

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ИТЕЛЬМЕНСКОГО ЯЗЫКА С ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИМИ ЯЗЫКАМИ НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Ч. Оно,
Университет Чиба (Япония)

О генетических связях чукотско-камчатских языков

Считается, что чукотско-камчатские языки включают чукотский, корякский, алюторский, керекский и ительменский языки, используемые в ареале Чукотского и Камчатского полуострова. Однако споры о генетической связи чукотско-камчатских языков продолжаются среди лингвистов до сих пор: алюторский язык раньше считали диалектом корякского языка, керекский – сначала диалектом корякского, а позднее чукотского языка, тогда как в настоящее время эти языки рассматриваются как самостоятельные. Как бы то ни было, тесная генетическая связь чукотского, корякского, алюторского и керекского языков не вызывает сомнений. Эти языки вместе можно назвать «чукотско-корякская группа» или «чукотско-корякские языки».

Относительно генетического положения ительменского языка существует две точки зрения: согласно одной из них, ительменский язык имеет генетическую связь с другими чукотско-камчатскими (чукотско-корякскими) языками, а согласно другой – он не имеет такой связи и представляет собой отдельный, изолированный язык.

В настоящей работе мы рассмотрим лексику ительменского, корякского и чукотского языков для того, чтобы внести посильный вклад в разрешение вопроса о генетических связях ительменского языка.

О диалектах в ительменском языке

Крашенинников указал, что на Камчатке было три ительменских языка: западный, восточный и южный. Все языки, кроме западного, исчезли еще до начала XX века. В настоящее время в западном языке выделяют северный и южный диалекты. На северном диалекте говорят ительмены, которые переехали в с. Тигиль из Седанки-Оседлой, где они родились. На южном диалекте говорят ительмены из Напаны, Утхолока, Белоголового, Морошечного, Сопочного, Коврана и Верхнего Хайрюзова. Школьные учебники и словарь написаны на основе южного диалекта, который раньше был более распространен среди ительменов.

Северный и южный диалекты различаются лексикой, фонетикой, и кроме этого некоторые различия наблюдаются в аффиксах. В результате более близкого общения с коряками в северном диалекте наблюдается больше заимствованных слов из корякского языка, чем в южном.

Сравнение лексики диалектов ительменского языка с чукотско-корякскими языками

В рамках изучения связей ительменского языка с корякскими и чукотскими языками мы намерены рассмотреть лексический состав ительменского языка, найти общие лексические единицы для северного и южного диалектов и сравнить их со словами чукотско-корякских языков. В качестве пробного материала в настоящей работе мы использовали первую 1000 слов из нашего полевого исследования «Сравнительный базовый словарь языков чукотско-камчатской языковой семьи: 1» (ред. Курэбито, Осака-Гакуин Ун-т, 2001).

Общая лексика в диалектах ительменского языка

Из общей лексики северного и южного диалектов ительменского языка было отобрано 325 слов, не имеющих сходства с соответствующими по семантике словами чукотско-корякских языков.

1) название частей тела человека: *ʃəsx* 'рот', *kəpkəp* 'зуб', *k'uk* 'горло', *kumx* 'зад';

2) природные понятия: *sys* 'трава', *ʃux* 'море', *u* 'вода', *səmt* 'земля', *ʃufʃuf* 'дождь', *lach* 'солнце';

3) имена числительные: *бъиу* 'один', *касх* 'два', *ч'оу* 'три', *ч'ау* 'четыре';

4) наименование родства: *бэмзан* 'муж', *исх* 'отец', *лахсх* 'мать', *п'эч* 'сын';

5) многие глаголы и имена прилагательные: *эльчукэс/эльчкокас* 'смотреть', *лакэс/лакас* 'сказать', *илкэс/вэлкас* 'пить', *плах* 'большой', *уьуьах* 'маленький', *ч'инэулах* 'красивый' и т. д.

Эти слова имеют одни и те же формы или общее происхождение в северном и южном диалектах, однако морфологического сходства с чукотско-камчатскими языками не найдено. Иначе говоря, эти слова представляют собой лексику, свойственную только ительменскому языку.

Помимо этого, были найдены слова, имеющие сходство с чукотско-корякскими языками (58 слов). Среди них 19 слов подходит к чукотскому, корякскому и алюторскому языкам: *понтанонт* (ит.), *понты* (чук. и кор.), *пунта* (алют.) 'печень'; *нэньч/эньч* (ит.), *ыннээн* (чук.), *ынныгын* (кор. и алют.) 'рыба', *манк/манкэ* (ит.), *миуқыры* (чук.), *миуқые* (кор.), *мауқыт* (алют.) 'как' и т. д.; 16 слов к корякскому и алюторскому: *вэтит/вэтивэ* (ит.), *вэтитын* (кор.), *витгыруын* (алют.) 'работа'; *коказос/кокас* (ит.), *кукэйвык* (кор.), *кукэвык* (алют.) 'варить'; *икэмьах* (ит.), *никмыбын* (кор. и алют.) 'короткий' и т. д.; пять слов к чукотскому и корякскому: *айтатэс* (ит.), *агтатык* (чук.), *айтатык* (кор.) 'гнать'; *э* (ит.), *иш* (чук.), *ээ/иш* (кор.) 'да'; *ба'м/ба'ма* (ит.), *бырым* (чук.), *быйым* (кор.) и т. д.; семь слов только к корякскому: *була* (ит.), *буллу* (кор.) 'другой' и т. д.; пять слов только к алюторскому: *ктвол/кэтвол* (ит.), *китгыль* (алют.) 'лед' и т. д.; четыре слова только к чукотскому: *тэбэм* (ит.), *тэркыбымыл* (чук.) 'радуга'; *омтэс* (ит.), *эноматык* (чук.) 'связывать' и т. д.; одно слово имеет сходство с алюторским и чукотским: *нэньэкэч* (ит.), *нэнэны* (чук.), *унюню* (алют.) 'дитя'.

Лексика, различающаяся в диалектах ительменского языка

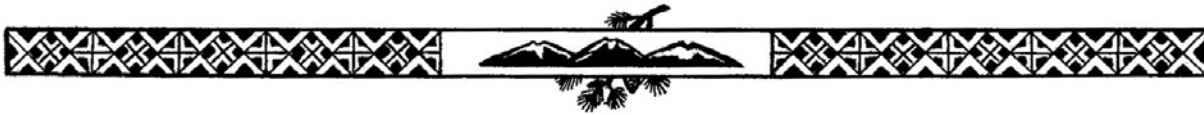
При рассмотрении лексики, которая морфологически отличается в северном и южном диалектах, выяснилось, что 91% слов не имеет сходства с соответствующими по семантике словами чукотско-корякских языков: *голова*, *лук*, *петь*, *плакать*, *высокий*, *много* и т. д. Возможно, эти слова свойственны только северному или южному диалектам ительменского языка.

22 слова в северном диалекте ительменского языка имеют морфологическое сходство со словами чукотско-корякских языков. Среди них восемь слов подходит к корякскому и алюторскому языкам: *митэ/митэф* (сев. ит., см. юж. *азоск*), *митив* (кор. и алют.) 'завтра'; *мдавокэс* (сев. ит., см. юж. *эстэлкас*), *мылавык* (кор.), *мылявык* (алют.) 'танцевать' и т. д.; пять слов к чукотскому, алюторскому и корякскому языкам: *вилакэйэлүэн* (сев. диал. ит., см. юж. *фэт'дфэтл*), *вишдвигл* (чук.), *вийиллю* (кор.), *вийиллы* (алют.) 'тень'; *йэлкэс* (сев. ит., см. юж. *уэклкас*), *йылкэтык* (чук. и кор.), *йылкэтык* (алют.) 'спать' и т. д.; два слова к корякскому и алюторскому языкам: *энат* (сев. ит., см. юж. *энкэном*), *энат* (кор.), *инят* (алют.) 'ловушка'; *йавнас* (сев. ит., см. юж. *чавакас*), *йитгэтык/йинак* (кор.), *югывылнык* (алют.) 'встречать'; два слова только к корякскому: *нмэдхнобэн* (сев. ит., см. юж. *ч'инэулах*), *нымэлқин* (кор.) 'любимый, милый'; два слова только к чукотскому: *нрэн* (сев. ит., см. юж. *чақадном*), *гэрэн* (чук.) 'песня'.

Давно отмечают, что в северном диалекте ительменского языка больше заимствованных слов из чукотско-корякских языков, чем в южном диалекте. Как показано выше, указанная лексика демонстрирует результат контактирования с соседними языками.

В южном диалекте ительменского языка найдено девять слов, имеющих морфологическое сходство со словами чукотско-корякских языков. Среди них три слова подходят к чукотскому, корякскому и алюторскому языкам: *пваткэс* (юж. ит., см. сев. *викэс*), *пыгылькэвык* (чук.), *пыгатык* (кор.), *пыгылькэтык* (алют.) 'плавать'; *мэлах* (юж. ит., см. сев. *тэулах*), *нымэлқин* (чук. и кор.), *нымалқин* (алют.) 'хороший'; два слова к корякскому и алюторскому: мумвум (юж. ит., см. сев. *хихэзич*), *мыгын* (кор.), *мумыг* (алют.) 'волна'; *рэваткас* (юж. ит., см. сев. *вэукэйкэс*), *йигэтык* (кор.), *ригатык* (алют.); два слова только к чукотскому: *митх* (юж. ит., см. сев. *дэдючх*), *миргын* (чук.) 'дедушка'; *митх* (юж. ит., см. сев. *бабучх*), *миргыкэй* (чук.) 'бабушка'.

Как показывают результаты исследования, по сравнению с северным диалектом, в южном диалекте ительменского языка насчитывается вполнину меньше слов, имеющих морфологическое сходство с чукотско-корякскими языками.

Заключение

В результате сравнения слов из диалектов ительменского языка с чукотско-корякскими языками состав лексики ительменского языка оказался следующим:

Лексика, которая:

- 1) имеет общее происхождение в северном и южном диалектах и не имеет сходства с чукотско-корякскими языками: 64,5%;
- 2) имеет общее происхождение в северном и южном диалектах и имеет сходства с чукотско-корякскими языками: 11,4%;
- 3) отличается в обоих диалектах и не имеет сходства с чукотско-корякскими языками: 17,9%;
- 4) отличается в обоих диалектах, при этом лексика северного диалекта имеет сходства с чукотско-корякскими языками: 4,3%;
- 5) отличается в обоих диалектах, при этом лексика южного диалекта имеет сходства с чукотско-корякскими языками: 1,8%.

Общая для двух диалектов ительменского языка лексика составляет 75,9% (1 и 2), а остальная лексика морфологически отличается (3, 4 и 5).

Среди общей для обоих диалектов лексики 84,9% занимают слова, свойственные только ительменскому языку, а 15,1% – лексика, демонстрирующая морфологическое сходство с чукотско-корякскими языками.

Среди лексики северного диалекта, которая отличается от южного, 80,5% занимают слова, свойственные только северному диалекту, и 19,5% – слова, которые имеют сходство со словами чукотско-корякских языков. В лексике южного диалекта, которая отличается от северного, 91,0% занимают слова, свойственные только южному диалекту, и 9,0% – слова, которые имеют сходство с чукотско-корякскими языками.

В заключение следует отметить, что слова, свойственные только ительменскому языку, составляют большую часть лексики. Поэтому на вопрос о генетической связи ительменского языка с чукотско-камчатскими языками нельзя ответить однозначно, поскольку языки с различным составом лексики вряд ли могут иметь общее генетическое происхождение.

УДК 81

О ДИАЛЕКТНОМ РАЗНООБРАЗИИ КОРЯКСКОГО ЯЗЫКА

Е.Т. Гиль,

заслуженная артистка России,

руководитель Центра национальных культур ЦК и Д «Сероглазка»

(г. Петропавловск-Камчатский)

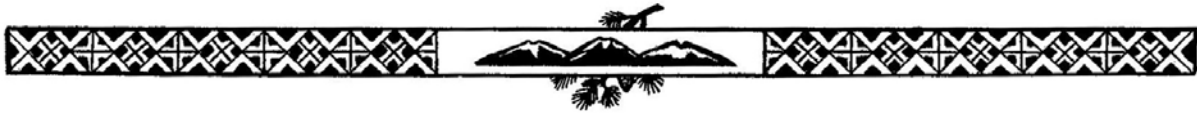
Амто, мэй, тумгутую! Здравствуйте, друзья!

Сразу хочу перевести вам суть моего приветствия. В корякском языке при встрече здороваются сначала с мужчинами – *амто*, затем с женщинами – *мэй*. *Тумгутую* состоит из двух слов: *тумгу* – ‘друзья’, *тую* – ‘вы’, причем слово *тую* – на чавчувенском диалекте, на нымыланском же звучит как *туру*. Слово *мэй* может относиться ко всем, с кем здороваются, по-нымылански оно будет звучать *мэвэ*.

В корякском языке выделяют восемь диалектов. Откуда такое многообразие?

Я помню с детства, что на нашем дворе останавливалось множество разных, красиво одетых людей. В начале 60-х гг. прошлого столетия аборигены Камчатки интенсивно передвигались как на собачьих, так и на оленьих упряжках. Порой дома у нас собиралась масса народа,

детей отправляли в специальный дом, где малыши были под присмотром старших сестер и тетушек.

Но я была в гуще событий и слышала много разных говоров, я произносила каждое новое слово и отмечала различие. Мама мне говорила, что гости были сверху – *вайкыналгу*, значит из Пенжинского, Олюторского районов, иногда мама говорила о *Караниналгу* – значит из Караги.

Еще одним отец звал уважительно – *кайтумгу*. Это означало, что приезжали гости из Седанки, Коврана.

Таким образом, слыша многообразие говоров, я поняла, что есть как бы основа языка, и в каждой такой основе составляющим является отличительный набор слов с характерным окрасом того или иного места.

Однажды мне пришлось переводить древний корякский вперемешку с чукотским языком. Я получила огромное удовольствие при разгадке этого текста.

В апреле 2008 г. в Караге проходила международная научно-практическая конференция «Фольклор и художественное творчество народов Севера Камчатки: традиции, современность и будущее».

Учредителями этого форума были Камчатский центр народного творчества, Корякский округ, пгт Палана и профессор этнологии Эрих Кастен (Германия, Берлин).

В один из дней работы конференции мы буквально окунулись в исконный язык аборигенов – карагинский, отличающийся многими диалектами. Говорили и проводили мастер-классы старожилы Карагинского района из сел: Карага, Оссора, Рекинники, Тымлат, Кострома, Анапка, Ивашка. Вот где участники конференции вволю услышали весь колорит говоров корякского языка, пения родовых (собственных) мелодий! Мы увидели уникальные движения, характерные для карагинцев, любовались орнаментами на коже, вышивкой бисером и цветными нитками. На практических показах мы почерпнули ценные, дотоле неизвестные знания о жизни аборигенов.

Участники конференции углубленно вникали в смысл

происходящего, ведь мы увидели и ощутили *юнэт* – жизнь северянина.

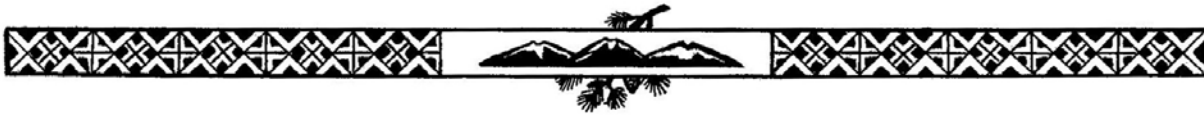
Такие знания еще можно получить в глубинных селах, на рыбалках. К сожалению, приходится констатировать, что в ближайшее время сохранять будет нечего. Люди моего поколения уже на 80% не говорящие на родном языке. Из истории прошлого века вы знаете, что происходило с нашими племенами, что родной язык был под запретом, вплоть до наказания. Вопрос о сохранении аборигенных языков сейчас особо актуален, несвоевременное осознание этой проблемы отодвинуло ее решение на многие годы.

Корякский язык относится к числу древнейших языков, ведь сам язык и смысл жизни коряка были неразделимы. Может, сегодня интерес к корякскому языку возник как к ключу разгадки жизни всего мира? Именно так. Великие учения аборигенов передавались из поколения в поколение, но в начале 60-х гг. прошлого столетия я услышала из уст старейшин, как они сказали друг другу: «Все. Дальше не передавать знания жизни. Это поколение и далее не нуждаются в нас, они будут жить по законам пришлых». Вот так произошел тот самый разрыв, и мы с каждым разом острее ощущаем некий вакуум. Так кто же мы на самом деле?

Я благодарна самой себе, что, выстояв в детстве под напором обидчиков, я смогла сохранить в себе любовь к своим двум наречиям корякского языка – чавчувенскому и нымыланскому.

P.S. В 1998 г. в Нью-Йорке на выставке, приуроченной к 100-летию Морриса Джесупа, нам дали послушать запись 1928 г. Говорила женщина-корячка. Уже тогда мы почувствовали грань безвозвратно ушедшего времени, а с ним и потерю красивого, богатого языка.

УДК 81:39

О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРЯКСКОГО ЯЗЫКА

*В.Р. Дедык,
к.филол.н., методист Корякского филиала
КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК» (пгт Палана)*

Коряки – один из коренных народов, проживающих в Камчатском крае. По хозяйственным особенностям и образу жизни коряки делятся на кочевников-оленовцов – *чав'чывав'* и оседлых жителей побережий – *нымылг'у*.

Сохранение языков, находящихся под угрозой исчезновения, является важным элементом бережного отношения ко всему разнообразию человеческих культур и наследия. Благодаря языку существуют традиции, пробуждается интерес к познанию мира. Язык способствует проявлению уважения к нашему прошлому, а также к планете, которую мы населяем, и является элементом, объединяющим людей независимо от места и времени их проживания.

Как и исчезающие виды животных, языки стремительно вымирают, и для того чтобы выжить, нуждаются в нашей поддержке и заинтересованности. Язык – это не только средство общения. Он позволяет дать определение культуре, природе, истории, роду человеческому и его родословной. Язык и культура неразделимы.

В 1930-х гг. начинается изучение и принимаются меры по сохранению корякского языка. Изучение чукотско-камчатских языков было начато В.Г. Богоразом и продолжено его учениками, одним из которых был С.Н. Стебницкий. Так С.Н. Стебницкий участвовал в создании письменности, когда в начале 30-х гг. был создан алфавит корякского языка. В основу корякской письменности был положен чавчувенский диалект, на котором коряки-оленовцы говорят во всех четырех районах.

Мы гордимся большим наследием книг, изданных в начале прошлого столетия. К ним относятся:

- Книга для чтения / Сост. К. Кеккетын, пер. С.Н. Стебницкого (ксерокопия);
- С.Н. Стебницкий. Перевод корякского языка для школ взрослых (ксерокопия);
- С.Н. Стебницкий. Букварь для начальной школы (на корякском языке);
- С.Н. Стебницкий. Наша книга: Учебник для 2-го класса (ксерокопия);
- С.Н. Стебницкий. Красная грамота;
- К. Кеккетын, С.Н. Стебницкий. Книги для чтения (для 2-го класса) / Пер. С.Н. Стебницкого (ксерокопия);
- Г.М. Корсаков. Книга для чтения. Ч. 3. (для 3-го класса);
- Н. Никитина, Г.Б. Поляк, Л.Н. Володина. Сборник арифметических задач и упражнений;
- Н.С. Попова. Сборник арифметических задач и упражнений для начальной школы. Ч. 2 / Пер. Г.М. Корсакова;
- Н.А. Богданова, В.Ф. Панкарин. Обучение грамоте в корякской начальной школе;
- В.Ф. Панкарин. О фонетических ошибках в речи учащихся и приемах исправления их;
- Наша речь: Учебник корякского языка для 1-го класса;
- С. Вдовин, А.И. Яйлеткан. Родная речь: Книга для чтения (для 2-го класса).

Прекрасный лингвистический материал предоставляют произведения наших первых писателей: Л. Жукова («Нотайме») и К. Кеккетына («Эвнито-пастух», «Последняя битва», «Хоялхот»), а также его переводы А.С. Пушкина («Метель», «Станционный смотритель»).

Коряки, как и многие другие народы Севера, возрождают язык, свои обряды, праздники, передают детям традиционные навыки и знания. Они занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности: весной и осенью некоторые живут в ярангах, летом занимаются рыбалкой, носят национальную одежду, говорят на родном языке. Зимой коряки живут в домах, носят европейскую одежду, в общении чаще используют русскую речь, но присутствует и корякская. В некоторых местах коряки ведут только поселковый образ жизни: носят европейскую

одежду (традиционный корякский костюм надевают только по праздникам), используют русскую речь. При этом корякский язык вводится искусственно, так как нет среды общения.

В настоящее время сохранение языка, культуры и традиций коряков осуществляется с помощью изучения родного языка, эфирного вещания на родном языке, но, к сожалению, такие передачи ограничены во времени. Кроме того, в газете «Народовластие» издаются публикации и переводы на корякском языке.

Родной язык является хранилищем всего разнообразия накопленных знаний, жизненного опыта, обычаев, которые можно сохранить во времени и передать следующему поколению.

Нами был проведен опрос по изучению состояния корякского языка с 1991 по 2008 гг. (возраст респондентов составлял от 16 до 70 лет). Результаты статистического анализа были опубликованы в статье «Факторы идентификации коряков в современных условиях» [1].

Современное состояние родного языка и перспективы его развития анкетированные оценивают по-разному. Необходимость сохранения корякского языка осознается и обосновывается респондентами желанием сохранить культуру своего народа. Они считают, что в современных условиях язык является основой сохранения этноса.

Часть молодежи не смогла дать оценку современному состоянию родного языка, но высказала следующие предложения относительно перспективы его развития:

Этот язык обязательно надо изучать, так как он пригодится в дальнейшей жизни.

Родной язык нужно знать. Мы – малочисленный народ и поэтому как-то должны сохранить немного прошлого в настоящем. Очень грустно будет, если этот язык совсем исчезнет.

Считаю, что каждый житель полуострова Камчатки должен знать этот язык.

Развивать корякский язык необходимо, для того чтобы люди, живущие на Камчатке, знали свои истоки. Этот язык нужен, так как он интересен.

Мне кажется, надо изучать корякский язык, потому что нам это может очень помочь, особенно в работе социального педагога. Мало ли что... Вдруг мы будем работать с бабушками, которые разговаривают только на корякском языке.

Многие высказались по поводу необходимости преподавания родного языка:

Я думаю, корякский язык нужно преподавать везде на Камчатке: в школах, институтах.

Некоторые респонденты выделяют слабость этнического самосознания:

Часть моих сверстников не стремится изучать свой родной язык, у них нет национального самосознания. Причиной этого было отсутствие общения с говорящими на родном языке.

Некоторые анкетированные ответили так:

На мой взгляд, корякский язык сейчас малопродуктивен.

Несмотря на происходящий процесс изменения отношения молодежи к родному языку, прогнозы большинства старшего поколения остаются весьма неутешительными. Оценка перспектив развития корякского языка информантами в возрасте от 37 до 75 лет пессимистична. Старшее поколение считает, что корякский язык на грани исчезновения:

Состояние языка близко к критическому, он ассимилирует с русским языком. Необходимо введение хотя бы консультативного изучения родного языка во всех классах округа.

Необходимо преподавание языка в семье.

Нужно создать языковую среду в местах традиционного хозяйствования.

Только при наличии автономии национальных округов возможно развитие языков народов Севера.

Корякский язык находится на грани исчезновения. Необходимо решить проблему подготовки преподавателей корякского языка в вузах Российской Федерации.

Подготовкой кадров для преподавания корякского языка традиционно занимается Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), педагогическое училище в пгт Палана, а переподготовкой кадров – Корякский филиал КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК». Задача филиала – сохранение и развитие языков и культур коренных малочисленных народов Севера.

Ученые и методисты в области изучения корякского языка внедряют разработанные учебные программы, учебники, пособия, предметы; стараются обеспечить учащихся словарями, методической и художественной литературой.

В настоящее время существует несколько программ: программа для 1–4-х классов (М.Ф. Ушакова), экспериментальная программа по корякскому языку для 5–9-х классов (Е.П. Пронина), программа факультативного курса по корякскому языку для 7–8-х классов (А.И. Яйлеткан), рабочая программа для педучилищ (В.Р. Дедык), рабочая программа по дисциплине: «Корякский язык и литература» для специальности «Преподаватель начальных классов» (В.Р. Дедык, Т.К. Заева, Р.Н. Авак).

Кроме того, изданы букварь для 1-го класса (к сожалению, пока этот букварь не переиздан), прописи № 1, № 2 к учебному пособию Л.М. Сафонова «Корякский язык в картинках».

Переизданы учебники по корякскому языку для 2-го класса (авторы – М.Ф. Икавав, М.И. Попов) и для 3-го класса (авторы – М.Ф. Икавав, М.И. Попов, И.С. Агинь). К сожалению, нет методических рекомендаций к этим учебникам. Переиздана книга для внеклассного чтения для 1–3-х классов (авторы – Е.И. Дедык, В.И. Икавав).

Вышел в свет учебник по корякскому языку для 4-го класса (автор – В.Р. Дедык).

Есть прекрасный материал для факультативного курса по корякскому языку для 7–8-х классов (автор – А.И. Яйлеткан) и методические рекомендации к факультативу по корякскому языку для 7–8-х классов (автор – А.И. Яйлеткан).

В течение многих лет используется учебник для педучилища «Корякский язык для педучилища» (автор – А.Н. Жукова). На основе этой книги был составлен «Корякский язык в таблицах для старших классов», ч. 1, 2 (авторы – А.Н. Жукова, В.Р. Дедык).

Наши учителя работают по следующим методическим рекомендациям: «Развитие речи учащихся подготовительного класса в добукварный период» (автор – Г.Н. Харюткина), «Методические рекомендации к преподаванию родного языка» (автор – В.А. Ключек).

Доступны дидактический материал по развитию корякской речи для 5–7-х классов (авторы – М.П. Пен, Г.К. Аев) и о дикорастущих растениях Корякского округа, их применении в повседневной жизни коряков (автор – Г.К. Аев).

Есть дополнительная литература для чтения на корякском языке.

В данное время в плане разработки стоят учебники для 5–6-х, 9–11-х классов.

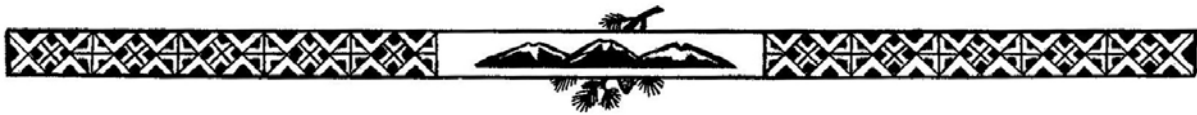
Говоря о родном языке, мы говорим и «о познании мира, развитии мышления, становлении творческой личности. Становление человеческой личности невозможно в отрыве от культурного воздействия. Человек становится личностью в процессе воспитания через воздействие родного языка и национальной культуры».

Роль родного языка в жизни народа очень велика. Это и форма передачи народного опыта, и источник формирования национального характера, и одно из средств воспитания детей. Вот поэтому особое внимание в школе, в вузе, учебных заведениях уделяется изучению корякского языка как основе развития интеллекта, формирования духовных и нравственных качеств.

Литература

1. Дедык В.Р. Факторы идентификации коряков в современных условиях // Реальность этноса: Сб. науч. ст. – СПб.: Феникс, 2008. – С. 692–696.

УДК 81:39

**«МЫ НЕ ТАКИЕ, КАК ВЫ»:
ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКА**

*А.А. Мальцева,
к.филол.н., ведущий сотрудник сектора языков народов Севера
Института филологии СО РАН (г. Новосибирск)*

Алюторский язык и его статус

Лингвоним *алюторский язык* объединяет диалекты нескольких локальных групп (полу)-оседлых коряков: алюторцев, рекинниковцев, паланцев и карагинцев, которые исконно жили в северной части полуострова Камчатка, как на западном, так и на восточном побережьях. По-русски они называют себя коряками, а на родном языке – *нымыльу* ‘жители поселка’ (от *нымным* ‘поселок’), в русифицированном виде *нымыланы*, а также по названиям поселков: *вывныльу* ‘жители Вывенки’, *к’аранэныльо* ‘жители Караги’ и пр.

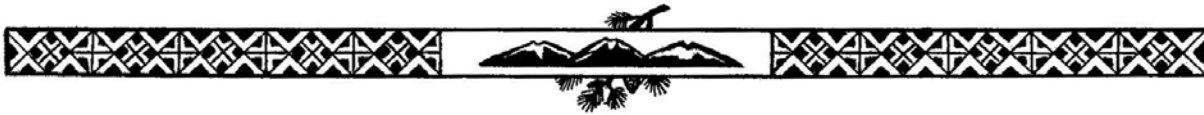
Не все диалекты оседлых коряков относятся к алюторскому языку. Некоторые *нымыланские* диалекты и субдиалекты (итканский, паренский, каменский, апукинский) по лингвистическим критериям рассматриваются в рамках корякского языка, основным диалектом которого является чавчувенский (табл. 1).

Таблица 1

Коряки: этнические и языковые группы

Этнос	Этнические группы	Этнические подгруппы	Основной вид деятельности	Численность на 1926 г.	Говоры	Диалекты	Языки
Коряки (Перепись 2002 г. – 8743 чел., в т. ч. алюторцы, алутальу, апокваямыл’о, апукинцы, войкыпал’о, воямпольцы, каменцы, карагинцы, каран’ыныльо, коряки, нымыланы, олюторцы, чавчувены, чавчыв)	Кочевники – чавчувены (самоназвание <i>чав’чывав</i> ‘кочевники’)	Чавчувены	Оленеводство	3700	–	Чавчувенский	Корякский (Перепись 2002 г. – 3059 носителей, в т. ч. 2966 коряков)
	(полу)-оседлые – нымыланы (самоназвание <i>нэмэл’у</i> ‘живущие в поселке’)	Итканцы	Морской зверобойный промысел	100	Итканский	Каменский	
				150	Паренский		
				750	Каменский		
		Паренцы					
		Каменцы					
		Апукинцы	Рыболовство	200	Апукинский	Апукинский	
		Алюторцы		2000	Алюторский	собственно алюторский	
			Култушинский				
			Вывенкский				
	Анапкинский						
	Кичигинский						
				Тымлатский			
	Карагинцы		300	Карагинский	Карагинский		
	Паланцы	Охота на пушного зверя	450–500	Паланский	Паланский		
				Лесновский			
	Рекинниковцы			Рекинниковский	Рекинниковский		
				Подкагерновский			

Точное число носителей алюторского языка неизвестно, так как во время переписей населения после 1926 г. они фиксировались как коряки. В 1930-е гг. общее число алюторцев (алюторцы (включая рекинниковцев), паланцы и карагинцы) составляло 2550–2800 человек, все они владели родным языком [22, с. 290]. В 1990-е гг. насчитывалось около 2000 говорящих на алюторском языке [16, с. 15]. В настоящее время число носителей алюторского языка оценивается в интервале от одной-двух сотен человек [12, с. 9] до 470 человек [18]. Это, в основном, люди в возрасте старше 50 лет, составляющие около 15% коренного населения.

Алюторский язык долгое время считался диалектом корякского языка, и эта точка зрения до сих пор сохраняется в некоторых исследованиях [6, 21, 23]. Статус самостоятельного языка алюторский язык получил в конце 1950-х – 1960-е гг. [5, 20], однако лингвоним *алюторский язык* оказался востребованным только лингвистами как условное объединение группы корякских диалектов, обладающих сходными фонетическими, морфологическими и синтаксическими характеристиками. Точно так же не приживается и этноним *алюторцы*, введенный «сверху», чтобы включить носителей алюторского языка в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Коренные жители считают алюторцами только уроженцев с. Олюторка⁵³, закрытого в 1975 г.

Выделение алюторцев в отдельный народ и внесение его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации существенных изменений в самосознание носителей алюторского языка не внесло, что и отразилось на результатах Переписи 2002 года, которая выявила всего 40 носителей алюторского языка, в том числе 2 коряков (табл. 1), все остальные носители алюторского языка назвали себя коряками, нымыланами или выбрали самоназвание по названию поселка.

Изменение территориального членения алюторского языка

Экономическая политика на Камчатке в советский период шла рука об руку с национально-языковой политикой, направленной на создание «единого корякского народа» [10, с. 213].

Территориальное членение алюторского языка, сложившееся в течение нескольких веков, просуществовало до середины XX в. В период укрупнения колхозов, в 1950-е – 1980-е гг., когда многие мелкие поселки были закрыты, а их жители насильственно переселены в более крупные населенные пункты, ареал проживания носителей алюторского языка сузился, традиционный уклад их жизни нарушился.

Пожилые люди вспоминают переселение как трагическое событие своей жизни: им пришлось покинуть родные места, бросить дома и значительную часть имущества, а потом с нуля налаживать жизнь на новом месте. Но главное – многие из вынужденных переселенцев до сих пор не понимают, почему их лишили родины. «Мы ведь не похожи на русских, – сказала в беседе уроженка с. Анапка Мария Иннокентьевна Притчина (1918–2007), – это вам хочется жить всем вместе, а мы никогда не были большим народом, привыкли жить в маленьких селениях и ездить друг к другу в гости».

В результате такой неестественно интенсивной миграции населения за короткий период стерлись и перемешались ареалы диалектных групп, поэтому в настоящее время выделение *территориальных диалектов* алюторского языка как таковых невозможно. Более того, «очень

⁵³ По исторической случайности название поселка, а вслед за ним и Олюторский район, и сельдь олюторская, закрепились в таком написании, хотя оно не соответствует произношению этого названия (*алюот*) носителями алюторского языка.

многие (коряки), особенно среди молодежи, уже не в состоянии определить свою принадлежность к той или иной локальной группе» [10, с. 10].

Бывшие территориальные диалекты ныне представлены разрозненно, в них группируются говоры *выходцев* из тех или иных населенных пунктов, многие из которых уже не существуют.

По лингвистическим критериям и географически возможно выделение четырех групп говоров, или четырех диалектов, алюторского языка: собственно алюторского (северо-восточного), рекинниковского (северо-западного), паланского (юго-западного) и карагинского (юго-восточного).

Собственно алюторский (северо-восточный) диалект объединяет говоры выходцев из населенных пунктов восточного побережья северной части полуострова Камчатка, от залива Корфа до с. Тымлат (карта 1 и табл. 2): с. Олюторка, с. Култушное, с. Ветвей, с. Тиличики, с. Вывенка, с. Ильпырское, с. Анапка, с. Кичига, с. Тымлат. В настоящее время из этих населенных пунктов сохранились с. Тиличики, районный центр Олюторского района, где проживают также бывшие жители закрытых сел Олюторка и Култушное, коренное корякское село Вывенка, которого не коснулось укрупнение, и с. Тымлат, в котором население коренной национальности состоит в основном из уроженцев западного побережья Камчатки (сс. Рекинники и Подкагерная), исконных жителей с. Тымлат и переселенцев из с. Кичига и с. Анапка осталось лишь несколько семей. Кроме того, бывшие жители сс. Анапка и Кичига проживают в с. Ильпырское, которое, вероятно, в ближайшем будущем также будет закрыто из-за нерентабельности, в с. Хаилино вместе с носителями чавчувенского диалекта корякского языка и в пгт Оссора, районном центре Карагинского района. Несмотря на то, что носители собственно алюторского диалекта расселены по многим населенным пунктам, местом их компактного проживания является только с. Вывенка, где в 2004 г. проживало около 200 коряков старше 18 лет.

Карта 1

Территория проживания носителей алюторского языка ⁵⁴

Рекинниковцы в лингвистической и этнографической литературе отдельно никогда не рассматривались. Их причисляли либо к алюторцам [23, с. 9], либо к паланцам [3, с. 112–113]. Носители рекинниковского диалекта являются уроженцами части западного побережья Камчатки (сс. Рекинники, Подкагерная и Пусторецк). Их территория непосредственно контактировала на севере с ареалом каменцев, локальной группы оседлых коряков, диалект которых относится к

⁵⁴ Данная карта выполнена на основе карты, опубликованной в [18]. Кружочками с заливкой обозначены нежилые населенные пункты, крестиками – поселки, в которых в настоящее время нет носителей алюторского языка.

корякскому языку, на юге – с территорией, где проживали паланцы. Кроме того, через эти же места проходили пути кочевых коряков.

Таблица 2

Места проживания носителей алюторского языка

Населенные пункты Диалекты	Исконное проживание (с севера на юг)	Современное проживание (с севера на юг)	Современное компактное проживание	
			Населенный пункт	Число жителей старше 18 лет
Собственно алюторский (северо-восточный)	с. Олюторка с. Култушное с. Ветвей с. Тилички с. Вывенка с. Ильпырское с. Анапка с. Кичига с. Тымлат	с. Тилички с. Вывенка с. Хаилино с. Ильпырское с. Тымлат пгт Оссора	с. Вывенка	278 чел.: коряков – 211 русских – 67 (данные 2004 г.)
Рекинниковский (северо-западный)	с. Рекинники с. Подкагерная с. Пусторецк	с. Тымлат пгт Оссора	с. Тымлат	554 чел.: коряков – 416 русских – 138 (данные 2005 г.)
Паланский (юго-западный)	с. Лесная с. Кинкиль пгт Палана с. Кахтана с. Воямполка	с. Лесная пгт Палана	с. Лесная	301 чел.: коряков – 249 русских – 52 (данные 2006 г.)
Карагинский (юго-восточный)	с. Карага с. Ивашка с. Хайлюля с. Ука	с. Карага с. Тымлат	–	633 чел.: коряков – 182 русских – 451 (данные 2000 г.)

Это единственный диалект алюторского языка, который был полностью перемещен с исконной территории: все поселки рекинниковцев в период укрупнения были закрыты, их жителей переселили с западного побережья Камчатки на восточное. В результате рекинниковцы перешли с полукочевого на практически полностью оседлый образ жизни, у них существенно изменился рацион питания: если на западном побережье значительную долю рациона коренных жителей составляло мясо домашнего оленя, морские млекопитающие, съедобные моллюски и другие дары моря, то на восточном побережье местные жители живут почти исключительно на рыбе.

В настоящее время большие группы носителей рекинниковского диалекта проживают в с. Тымлат и в пгт Оссора. Местом их компактного проживания является с. Тымлат, где в 2005 г. насчитывалось около 400 жителей коренной национальности, большую часть из них составляли рекинниковцы. За последние 10 лет именно у носителей этого диалекта менее всего снизился уровень владения родным языком: люди старшего (старше 55 лет) и среднего (от 40 до 55 лет) поколения сохраняют спонтанность речи на родном языке, разнообразие лексического состава языка, традиции устного народного творчества. Имеются семьи, где все поколения, в том числе и дети, говорят на родном языке. Это связано тесными социальными контактами внутри данного субэтноса, даже вне мест компактного проживания. Отличительной чертой рекинниковцев, которую отмечают представители других локальных групп, является активная жизненная позиция, что также способствует сохранению их родного языка.

На паланском (юго-западном) диалекте говорят выходцы из населенных пунктов части западного побережья полуострова Камчатка на севере Тигильского района, до устья р. Воямполка (с. Лесная, с. Кинкиль, пгт Палана, с. Кахтана, с. Воямполка). Жители закрытых сел Кинкиль и Кахтана были перевезены в Палану, окружной центр Корякского автономного округа, где большинство населения русскоязычно и, кроме носителей разных диалектов алюторского языка, существенный процент коренного населения составляют носители чавчувенского диалекта корякского языка. Местом современного компактного проживания паланцев является коренное

корякское село Лесная, расположенное в северной части западного побережья полуострова Камчатка в нескольких километрах от устья р. Лесная. По свидетельству Е.П. Батьяновой, в 1995 г. в Лесной проживало 3781 чел., в том числе 1064 коряка [2, с. 203]. По данным комплексной фольклорно-этнографической экспедиции Института филологии СО РАН, в начале 2006 г. в с. Лесная проживал 301 чел. старше 18 лет, в том числе: коряков – 249 чел., русских – 52 чел. Жителей старшего поколения (старше 60 лет) – 28 чел.

В настоящее время владение родным языком у уроженцев с. Лесная, как оставшихся на родине, так и переехавших в пгт Палана, в целом очень слабое: представители среднего поколения (40–60 лет) и, тем более, младшего, родным языком не владеют, никто из них не может выступить ни в качестве исполнителя фольклорных произведений, ни в качестве консультанта по родному языку при расшифровке текстов. Речь многих представителей старшего поколения представляет собой результат интерференции русского и родного языков, они демонстрируют черты смешанного, или совмещенного, билингвизма [25, с. 170; 17, с. 171–173], при котором продуцирование связной речи на одном языке затруднено: и речь на русском языке, и речь на родном языке содержит большое количество вкраплений из второго языка.

Это связано, прежде всего, с тем, что западное побережье со времени открытия Камчатки подвергалось массивной русификации. Оседлые коряки западного побережья были полностью христианизированы. Сейчас у них нет собственных корякских имен, как у коряков восточного побережья, только фонетически освоенные русские имена: Олѣккий (Алексей), Микифлю (Никифор), Чепан (Степан), Кэчеринэ (Катерина), Лития (Лидия) и др. Утрачены также многие элементы традиционного хозяйственного уклада: традиционным средством передвижения считаются не олени или собаки, а лошади, они используются и для верховой езды, и как вьючные животные, забыты навыки изготовления одежды из шкур. Так, в с. Лесная нам не удалось найти даже образцов меховой одежды, которую шили когда-то из шкур, привозимых с севера.

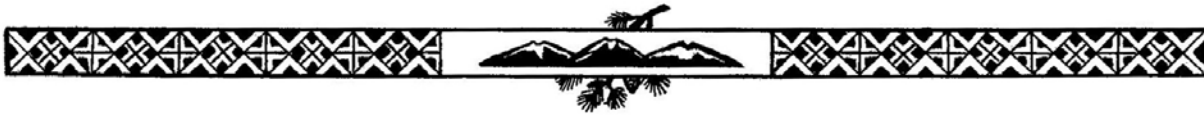
На карагинском (юго-восточном) диалекте говорили в населенных пунктах, находившихся южнее пгт Оссора (с. Карага, с. Ивашка, с. Дранка, с. Ука, с. Хайлюля, с. Озерное), и на острове Карагинский. Карагинцев в литературе иногда называют также укинцами [9, с. 40]. Еще в 1970-е гг., по свидетельству И.С. Вдовина [3, с. 18] несколько семей карагинцев жило на о. Карагинском, в сс. Дранка и Ука. Сейчас карагинцы в основном сосредоточены в с. Карага, где проживают как потомки коренных жителей этого села, так и потомки переселенцев с о. Карагинский, который сейчас необитаем. Жители закрытых сел Дранка, Ука и Хайлюля были перевезены в с. Ивашка и быстро ассимилировались, утратив родной язык. Несколько семей карагинцев живет в с. Тымлат. В настоящее время ситуация с этим диалектом является критической. Из 182 жителей коренной национальности старше 18 лет в с. Карага родным языком в 2000 г. владели не более 10 человек. Это, вероятно, объясняется недостаточной изоляцией этого села, ведь Карага – единственное национальное село, в которое можно добраться из районного центра наземным транспортом.

Влияние демографических и социальных факторов на состояние алюторского языка

Некомпактное проживание представителей коренной национальности, особенно в административных центрах, таких как Палана, Тиличики и Оссора, где население в основном пришлое и нестабильное, несомненно, приводит к снижению уровня владения родным языком, в том числе и у представителей старшего поколения; людей среднего поколения, говорящих на своем языке, – единицы, дети не говорят по-алюторски совсем.

В таких поселках при значительном количестве смешанных браков большое число людей, и в первую очередь это представители коренной национальности, не создают семей, что существенно снижает возможность передачи родного языка. Например, в пос. Тиличики, по данным отдела соцзащиты, на 2004 г. в браке (и официальном, и неофициальном) состояло лишь чуть более 30% коряков старше 18 лет. 70% браков являются смешанными. В подавляющем большинстве случаев (87%) это браки с русскими, причем чаще всего (80% случаев) в смешанные браки вступают женщины коренной национальности. Сходная демографическая ситуация наблюдается и в других северных поселках с автохтонным населением [11, с. 32].

Сохранению родного языка не способствует и специфический возрастной состав коренного населения: из-за высокой смертности представители старшего поколения составляют настолько незначительную долю населения, что просто физически не способны выполнять своей роли в трансляции культуры. Так, в 2004 г. в с. Вывенка проживало 260 человек старше 18 лет, из них 200 – коряки, что составляет 77% от общего числа жителей. Возрастной состав взрослого коренного населения с. Вывенка таков: до 30 лет – 30%, 30–40 лет – 24%, 40–50 лет – 26%, 50–60 лет – 15%, старше 60 лет – всего 5%. Знатоками родного языка в селе считаются примерно 20 чел., все они из двух последних возрастных групп.

В поселках Корякского автономного округа в последнее десятилетие отмечается существенный рост так называемых социально значимых заболеваний, таких как туберкулез и алкоголизм. Туберкулез все чаще выявляется уже в открытой форме, опасной для окружающих. Диспансеризация больных не всегда бывает своевременной из-за отсутствия оборудования. По заболеваемости хроническим алкоголизмом Корякский автономный округ стоит на втором месте после Таймырского АО. Алкоголизм в северных поселках, помимо прочего, страшен еще и тем, что приводит к высокой смертности молодежи, особенно молодых мужчин, от неестественных причин: убийств и самоубийств [19, с. 13, 16].

Процессы, происходящие в стране в последние десятилетия, существенно влияют на структуру населения камчатских поселков, так как в них происходит значительная ротация населения, также не способствующая стабилизации языковой ситуации.

По данным, полученным во время экспедиций, с. Тымлат в 2000 г., после того как в течение 1990-х гг. значительная часть русскоязычного населения переехала «на материк», было практически моноэтничным корякским селом: там проживало 483 человека старше 18 лет, из них 475 коряков. За пять следующих лет из села выбыло 322 человека, все коренной национальности, из них 48 человек умерло, остальные, преимущественно молодежь, уехали в более крупные населенные пункты. Прибыло 159 человек, и только 30 из них коряки. В 2005 г. в селе проживало 554 человека старше 18 лет, из них 416 человек коренной национальности (75% взрослого населения). Таким образом, всего за пять лет произошла существенная перестройка национального состава, и село стало на четверть русским. Причем пришлое русскоязычное население, имея более высокий уровень образования, оказалось более конкурентоспособным и заняло почти все бюджетные места (около 30) в различных организациях поселка (администрация, школа, больница, библиотека), индивидуальные предприниматели (около 10 человек) открыли частные магазины.

Формирование литературного языка

Одним из инструментов национально-языковой политики, предполагавшей консолидацию разрозненных групп коряков в единый этнос, было формирование корякского литературного языка, начавшееся в 1930 г., сразу после создания Корякского автономного округа. Базой для нормирования корякского литературного языка был выбран наиболее распространенный и многочисленный диалект коряков – чавчувенский, на котором говорили кочевые коряки на всей территории округа. С 1930 по 1937 гг. существовала письменность для корякского языка на графической основе латиницы, разработанная С.Н. Стебнищим. В 1937 г. эта письменность была переведена на кириллическую базу. В начальный период нормирования на чавчувенском диалекте начала выходить учебная и художественная литература, и были опубликованы тексты нескольких типов: 1) оригинальные произведения Кеция Кекектына: повести «Эвныто батрак», «Последняя битва» и «Хоялхот» (написана под псевдонимом Х. К.); 2) выполненные тем же автором переводы на корякский язык нескольких классических произведений русской литературы; 3) переводы с русского языка С.Н. Стебнищского и Г.М. Корсакова – лингвистов, активно работавших в 30-е гг. над созданием норм корякского литературного языка; 4) переводы тех же лингвистов с разных диалектов алюторского языка; 5) переводы носителей алюторского языка (Л. Жукова, И. Баранникова) с алюторского и русского языков; 6) переводы носителей других диалектов корякского языка (К. Нутевына) на чавчувенский.

Тексты последних трех типов содержат многочисленные факты интерференции исходного диалекта и диалекта-нормы (чавчувенского) и, к большому сожалению исследователей, не могут служить достоверным источником языкового материала, а ведь, будучи опубликованными в оригинальном виде, они могли бы составить представительный корпус текстов на диалектах оседлых коряков.

Так, почти все сказки из сборника «Лымн'ыло» 1938 г. были записаны С.Н. Стебницким в конце 20-х г. в с. Кичига, говор которого относится к собственно алюторскому диалекту алюторского языка. Автор сборника «Сказки об Эмэмкуте» (1940) И. Баранников родился в с. Тымлат, где в то время также жили оседлые коряки, которые говорили на собственно алюторском диалекте алюторского языка. О Л. Жукове, написавшем повесть «Нотаймэ», известно, что он родился в с. Кахтана, где до закрытия этого села жили оседлые коряки, говор которых относился к паланскому диалекту алюторского языка. «Сказки коряков реки Апуки», собранные К. Нутевыным, также не отражают специфики апукинского диалекта, впервые описанного самим С.Н. Стебницким [24].

Показательно то, что из всех корякских писателей 1930-х гг. чавчувенский был родным только для Кеция Кекектына, и, возможно, поэтому, освоив письменность, он смог написать несколько действительно талантливых повестей, активно участвовал в переводческой деятельности, создании букварей и книг для чтения. Лев Жуков и Иван Баранников, которые были носителями разных диалектов алюторского языка, смогли «написать» на чавчувенском только по одной книге, потому что фактически занимались переводом с одного языка на другой.

Широкомасштабная деятельность по нормированию корякского языка, развернувшаяся в 1930-е гг., в послевоенный период (конец 1940-х – 1950-е гг.) постепенно была приостановлена. Ослаблением жесткого государственного контроля над качеством публикаций на языках народов Севера в значительной степени было связано с отсутствием квалифицированных кадров, которые могли бы осуществлять редактирование литературы на этих языках. Многие специалисты, в том числе те, которые начинали деятельность по нормированию корякского языка в 30-е гг., – корякский писатель К. Кекектын, лингвисты С.Н. Стебницкий и Г.М. Корсаков, – погибли во время войны. Корякский язык этого периода представлен только в переводах носителей корякского языка с русского, оригинальной литературы в это время создано не было, не публиковались фольклорные записи. В 1960-е гг. вообще не было издано ни одной книги на корякском языке.

Публикации возобновились с 1970-х гг., и с того времени были изданы тексты нескольких типов:

1) оригинальные фольклорные и бытовые тексты на корякском и алюторском языках, как правило, опубликованные в научных изданиях [1, 7, 8, 12, 18];

2) оригинальные художественные произведения: книга Кириллы Килпалина «Аня», которая написана им на ветвейском говоре, но была издана сначала на чавчувенском диалекте в переводе М.Ф. Ивкавава [14]; только после смерти автора она увидела свет на алюторском языке, правда, тоже не в оригинале, а на собственно алюторском диалекте под редакцией М.И. Попова [13]; небольшая повесть Владимира Косыгина (Коянто) «Рог вожака», написанная и опубликованная на чавчувенском диалекте [15];

3) переводы носителей корякского языка с русского: различные художественные и фольклорные произведения, политическая и учебная литература;

4) перевод А.Н. Жуковой, специалиста по корякскому языку, с русского языка на чавчувенский диалект корякского языка отрывков из Евангелия от Луки [4];

5) переводы носителей корякского языка с разных диалектов корякского и алюторского языков на чавчувенский, в основном фольклорных текстов.

Тексты переводов на чавчувенский диалект через посредство алюторского или других диалектов корякского языка не могут рассматриваться как достоверный источник языкового материала по ранее указанной причине.

Энтузиастами, как из числа местной интеллигенции, так и лингвистов, предпринимались попытки создания письменности для алюторского языка, отличной от корякской (чавчувенской): М.И. Попов, выступивший как редактор национального текста в издании повести К. Килпалина «Аня», использовал особую графику, вариант алюторской орфографии предложен японским исследователем Ю. Нагаямой, но ни один из них пока не был стандартизован, поскольку алюторские диалекты рассматриваются как корякские.

Таким образом, почти 80 лет, прошедших со времени начала эксперимента по созданию корякского литературного языка на основе одного, хотя и самого многочисленного, диалекта, показали, что этот путь был ошибочным. Коряки не являются единым этносом, а их диалекты – единым языком. Искусственно созданный литературный язык оказался невостребованным, корякская литература не развивается. Несмотря на наличие принятого алфавита, в настоящее время он употребляется непоследовательно, устойчивых норм орфографии нет. Для алуторского языка отсутствие письменности является одним из важнейших отрицательных факторов, не позволяющих носителям языка фиксировать свои диалекты и создавать тексты.

Проблемы обучения и оценка престижности родного языка

Школьное обучение на русском языке никогда не приветствовалось коряками, они неохотно отдавали детей в школы, часто это сопровождалось принуждением и угрозами. В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (Фонд Института народов Севера, 1025, опись 1, № 22) хранится несколько писем выпускника Института народов Севера М. Обухова из с. Карага, присланных им С.Н. Стебницкому. В одном из писем рассказывается, как в 1930-е гг. активисты, в том числе и автор письма, проводили работу по убеждению коряков в необходимости отдавать детей в русские школы. Вот фрагмент этого письма: *Тыгвоп ивѣк: – Асг мыттанѵасqатгѵт мѵттивгѵт катаван аѵун тагѵсавуѵл'ен натаѵиллатѵк, ѵавак асѵгъ аѵаломка тѵтъѵ, мѵтив мыттанѵогѵт судѵтѵк ту аттѵјаq таѵвоѵѵ ѵетатѵк...opta амгънан гънѵанѵс таѵвоѵѵн skola тѵмтѵк.* 'Я начал говорить: «Сегодня мы в последний раз с тобой будем говорить, все равно ученика нам отдашь, если сегодня не послушаешься, завтра мы тебя будем судить, и после этого будешь работать, ... одна всю школу будешь мыть»'.

В памяти многих носителей алуторского языка, родившихся в 1950-е гг., черной полосой остались интернаты, где они жили в отрыве от своей семьи и привычного уклада и где разрешалось говорить только по-русски, а за использование родного языка было предусмотрено наказание. Именно поэтому многие коряки среднего поколения владеют родным языком на уровне понимания, но утратили навыки спонтанной речи.

Преподавание корякского языка всегда велось с использованием учебников и пособий на чавчувенском диалекте. Для носителей алуторского языка это равносильно освоению дополнительного иностранного языка и вносит дополнительные сложности в процесс трансляции культуры от старшего поколения к младшему. Мало того, что внуки плохо владеют родным диалектом, считая его непрестижным, они ставят под сомнение языковую компетенцию бабушек и дедушек: «Ты неправильно говоришь по-корякски. В школе нас учат не так».

Надо отметить, что и носители алуторского языка старшего поколения постепенно приходят к убеждению, что их родной язык теряет свои коммуникативные функции. Когда в самом начале 1990-х я познакомилась с Екатериной Ивановной Чечулиной (1938–2001), прекрасным знатоком родного языка, фольклора, музыки, традиций, местной флоры, она начала учить меня анапкинскому диалекту и предложила использовать его как тайный язык, потому что коряки, по ее наблюдениям, чаще всего пользуются родным языком для предупреждения своих друзей и родственников об опасности со стороны русских. В моей первой экспедиционной тетради записаны фразы, продиктованные Екатериной Ивановной, которые, по ее мнению, уместно применять в таких ситуациях:

Бѵкѵуысѵлѵын бѵѵавгын. 'Позови милиционера (букв.: кокардоносца).'

Быллягын инанлѵтаѵысѵу каликал. 'Отнеси управляющему письмо.'

Гѵммы натанмыѵткынигѵм. 'Меня хотят убить.'

Натольаллямык. 'Нас обокрали.'

Мургин рараѵа гамилгѵплин. 'Наш дом подожгли.'

Ратумга нанѵпгѵльбѵвалламык. 'Соседи нас затопили.'

* * *

Таким образом, итогом неадекватной национальной политики в регионе является современное состояние диалектов алуторского языка: из нескольких тысяч оседлых коряков родным

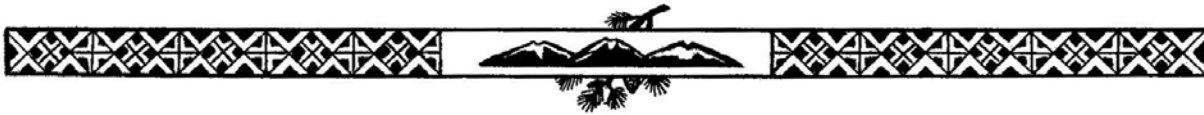

языком в разной степени владеют лишь несколько сотен человек преклонного возраста. Южные диалекты алюторского языка (паланский и карагинский) оказались на грани исчезновения. В настоящее время их ревитализация вряд ли возможна. Возвращение северных диалектов (собственно алюторского и рекинниковского) во все сферы социального функционирования также маловероятно. Для их поддержания хотя бы на нынешнем уровне необходимо принять срочные меры для возрождения интереса оседлых коряков к их родному языку и культуре: нужно создать новое поколение диалектных учебников, словарей и книг для чтения, организовать подготовку квалифицированных учителей родного языка и преподавание этих диалектов в местах проживания их носителей: собственно алюторский диалект должен преподаваться в с. Вывенка, рекинниковский – в с. Тымлат. В поселках со смешанным коренным населением, где проживают и носители корякского, и носители алюторского языков, нужно преподавать оба языка. Кроме того, необходимо более интенсивно вовлекать носителей языка в проекты, направленные на документацию корякской культуры – сокровищницы уникальных знаний о мире, сохранившихся в традициях, мифологии и, конечно, в языке, – и обеспечение доступа к ней как для мирового сообщества, так и для самих коряков разных локальных групп и разных поколений.

Литература

1. *Авев Г. К.* Черемшинка. Сказки для детей (Маёк'лапэль). – Петропавловск-Камчатский, 2002. – 26 с.
2. *Батьянова Е.П.* Коряки рассказывают о себе (по материалам полевых исследований на Камчатке в 1995 году) // Соц.-эконом. и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. – М., 1995. – С. 203–235.
3. *Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. – Л., 1973. – 304 с.
4. Евангелие от Луки (Ег'ат-пыңыл Луканин. Яңъя-чвэпто ег'атпыңлыкэнав') / Пер. на корякский язык А.Н. Жуковой. – Стокгольм, 1995. – 32 с.
5. *Жукова А.Н.* Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. 5. – Л., 1968. – С. 294–309.
6. *Жукова А.Н.* Корякский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М., 1997. – С. 39–53.
7. *Жукова А.Н.* Материалы и исследования по корякскому языку. – Л., 1988.
8. *Жукова А.Н.* Язык паланских коряков. – Л., 1980. – 288 с.
9. *Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб., 1997. – 233 с.
10. История и культура коряков. – СПб., 1993. – 237 с.
11. *Казакевич О.А., Кибрик А.Е.* Малые языки на постсоветском пространстве // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика В.В. Иванова. – М., 2005. – С. 13–39.
12. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А.* Язык и фольклор алюторцев. – М., 2000. – 469 с.
13. *Килпалин К.* Аня. Сказки Севера / Под ред. М.И. Попова. – Петропавловск-Камчатский, 1993.
14. *Килпалин К.* Здравствуй, солнце (Г'амто, тийкытий). Пер. на корякский язык М.Ф. Ив-кавав. – Петропавловск-Камчатский, 1986. – 31 с.
15. *Коянто В.В.* Рог вожака (Йыннылнын инэллечг'ин). – Петропавловск-Камчатский, 1988. – 32 с.
16. Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. – М., 1994. – 120 с.
17. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М., 2000. – 206 с.
18. *Нагаяма Ю.* Очерк грамматики алюторского языка. – Kyoto, 2003. – 314 с.
19. *Пивнева Е.А.* Современная этнодемографическая ситуация и состояние здоровья коренных малочисленных народов Севера // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. – 2002. – № 28. – С. 5–19.
20. *Скорик П.Я.* К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – 1958. – Т. 17. – Вып. 6. – С. 534–546.
21. *Стебницкий С.Н.* Нымыланский (корякский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. – М.; Л., 1934. – С. 47–84.

22. *Стебницкий С.Н.* Основные фонетические различия диалектов нымьланского (корякского) языка // Сборник памяти В.Г. Богораза. Л., 1937. – С. 285–306.
23. *Стебницкий С.Н.* Алюторский диалект нымьланского (корякского) языка // Советский Север. – Л., 1938. – № 1. – С. 65–102.
24. *Стебницкий С.Н.* Апукинский диалект корякского языка // С.Н. Стебницкий. Очерки по языку и фольклору коряков. – СПб., 1994. – С. 102–184.
25. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика. – М., 2003. – 316 с.

УДК 81

О СТАТУСЕ АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКА

*В.М. Нутаюлгин,
корреспондент газеты «Абориген Камчатки»*

Язык алюторцев относится к чукотско-камчатской языковой семье, которая делится на две ветви. Одна из них включает в себя корякский, чукотский, керекский и алюторский языки. Только два из этих языков имеют письменность. Язык керекцев уже исчез. Если не предпринять необходимые меры, такая же участь ожидает и алюторский язык. Недоработка этнографов, дававших обоснования по созданию и названию национальных автономий, или недалёковидность лингвистов и управленцев от образования, ратовавших за выбор одного преподаваемого родного языка – корякского литературного – это не главная тема данного выступления. Как появилась проблема и как надо исправлять ошибку – вот о чем следует вести речь.

В литературе отказ от преподавания родного языка в корякских школах в 1950-е гг. объясняется тем, что в результате ликвидации малых сел и укрупнения существующих населённых пунктов в школах оказались учащиеся – носители разных диалектов корякского языка и преподавать родной язык стало затруднительно. Вызывает сомнение, что та же картина была и в школах алюторских (нымьланских) сел восточного побережья: Култушино, Олюторке, Анапке, Тымлате, Рекинниках. Сюда носителей другого языка, кроме алюторского и его говоров, не переселяли. Дети вывенкских чавчувенов говорили на алюторском. И к моменту возврата родного языка для преподавания в школах моноэтническая среда в школах приморских национальных сел сохранялась. Но решили учить детей корякскому литературному – и получили весьма плачевный результат.

С.Н. Стебницкий отнес язык алюторцев к южным диалектам корякского языка. В эту же группу входят паланский (лесновский) и карагинский диалекты. По Стебницкому алюторский диалект имеет «ряд довольно существенных морфологических, в меньшей степени также синтаксических и лексических отличий» от других диалектов, особенно северных (куда входит чавчувенский). По своей численности алюторцы стояли на втором месте после чавчувенов (кочевых коряков) – 1800–2000 чел. (25% от численности корякского народа). Они населяли восточный берег Камчатки от Корфского залива на севере до села Тымлат на юге. На западном берегу к алюторским относили село Рекинники, жители которого говорили на диалекте, изменённом влиянием языка паланцев. Более половины алюторцев занималось оленеводством, их кочевья занимали весь камчатский перешеек и даже земли севернее.

Более ранние письменные источники о Камчатке («Скаска» Владимира Атласова, «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова) обитателей северной части этой территории делят на коряков, олюторов и чукчей. В рапортах российских служивых людей того же времени исследователи встречают такие перечисления: оленные и сидячие коряки и олюторцы; олюторы, оленные коряки, сидячие коряки, чукчи. Как писал С.Н. Стебницкий, работавший на севере Камчатки в 20-х гг. прошлого века, алюторцев относили «к особому племени».

Остается загадкой, почему за общее название говорящих на восьми диалектах и алюторском языке коренных жителей севера Камчатки сначала было взято «нымьланы», а не «чавчувены». Ведь чавчувены и до нынешних дней составляют половину от численности корякского народа. Только позже этнические группы объединили под общим названием «коряки». Но

внутри своей среды алюторцы называли себя нымыланами, и первые же общекорякские учебные пособия, написанные на основе чавчувенского диалекта, назывались учебниками... по нымыланскому языку. Это приводило к путанице. Кочевые коряки, не считавшие себя нымыланами, при выдаче паспортов записывались чукчами. Путаница с национальностью при выдаче документов не обошла и нашу семью. В детстве, просматривая родительские паспорта старого образца, с фотографией 3×4, я обратил внимание на то, что отцу и матери дана национальность чукотская. Не совсем грамотные, они не особо придавали этому значения. К тому же жили они в алютороязычной среде и должны были чем-то отличаться от нымыланов. В моем свидетельстве о рождении родители записаны уже нымыланами. Хотя это тоже не соответствует действительности. Наши родители были по национальности коряки, причем коряки-чавчувены, и говорили на их языке, алюторский стал их вторым языком общения с сородичами.

К середине прошлого века после потери частных оленей в результате реквизиций и обобществления и последовавшем переводе на оседлость кочующего населения стали появляться села со смешанным населением. Даже на юге Олюторского района существовали (позже закрытые) алюторские селения с небольшим процентом чавчувенов – на р. Альховаям (колхоз имени 18-й партконференции), у бухты Гека (колхоз имени Ленина). Там чавчувены стали говорить на языке аборигенов – алюторском. Однако и сегодня жители с. Вывенка, среди которых много переселенцев из тех закрытых сел на юге района и их потомков, знают, кто из них нымылан, а кто – сосыв (чавчувен).

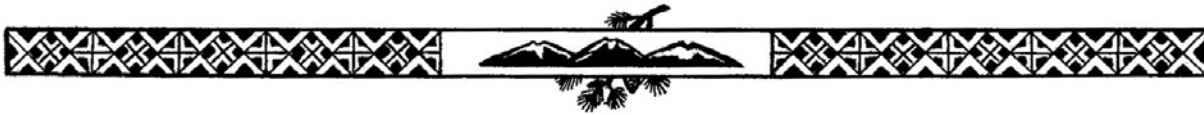
Могу привести примеры, как, несмотря на укоренившееся общее название народа «коряки», алюторцы не идентифицируют себя с ним как одно целое. Вряд ли дело в ошибке, в неведении. Парадокс в том, что алюторцы восточного побережья, называя себя коряками, не считают таковыми чавчувенов. Алюторцы чавчувенов называют чукчами. Несколько лет назад я имел разговор с алюторцем 50 лет, уроженцем с. Анапка. Рассказывая о нашем общем знакомом (кстати, чавчувене), анапкинец сообщил, что тот говорит только по-чукотски. «Вина» же старого оленевода состояла в том, что за годы жизни с нымыланами он так и не освоил алюторский язык. Школьники в нымыланских селах, возвратившись из школы, рассказывали родителям, что их учат на уроках чукотскому языку.

А в Ачайваяме, считающемся по населению чукотским, представители молодежи корякскую чавчувенскую речь – язык общения подавляющей части коренных жителей этого села – считают... чукотской. Агитационные материалы на нымыланском (алюторском) языке они сочли за корякские тексты. Там же бригадир-оленеvod, по национальности чукча, поведал мне, что у них работает пастух из настоящих коряков (на самом же деле «настоящий коряк» оказался родом из закрытых нымыланских сел на берегу Корфского залива).

Чавчувены (кочевые коряки) и чукчи всегда выделяли южных соседей – алюторцев – из других этнических групп. К северу от камчатского перешейка кочевые коряки нымыланов восточного берега называли *элутэлю* (алюторцами). На этой территории деление на разные этносы, отмеченное еще несколько столетий назад российскими первопроходцами, существует и сегодня. С одной стороны, соседствующие с алюторцами чавчувены (коряки) и камчатские чукчи рассматривают алюторцев как «чужаков», т. е. другой народ. Алюторцы, в свою очередь, осознают свою самостоятельность, и языковое отличие является одним из главных, хотя формально они входят в корякский этнос.

Проблема отнесения языка алюторцев к диалекту либо к отдельному языку долго не решалась. Исследователь северных языков Корсаков предлагал выделить его в отдельный язык. Другие авторы, заняв ту же позицию, впоследствии от нее отступились. По этой причине долгое время не было описаний языка алюторцев. Опубликованные в поздний период исследования подтверждают точку зрения, высказанную некоторыми учеными советского периода: язык алюторцев следует выделить в отдельный язык. Публикации авторов из Московского университета им. М.В. Ломоносова (особенно монография «Язык и фольклор алюторцев»), научные

работы А.А. Мальцевой из Новосибирского НИИ («Морфология глагола в алюторском языке»), Ю. Нагаяма (Университет г. Хоккайдо, Япония) «Очерк грамматики алюторского языка» стали важнейшими событиями в изучении этого языка, ослабили позиции тех, кто не желал и не желает принятия языка алюторцев как отдельного от корякского литературного.

В России есть примеры, когда у одного народа официально применяются два языка. Для алюторцев же проблема выбора изучаемого языка приобрела драматичные формы. То же самое происходило и в школах с учениками – носителями других южных диалектов, паланского и карагинского. Родители не могли ничем помочь детям, приступившим к изучению малознакомого чавчувенского, принятого в качестве литературного корякского. Вместо приветствуемого нововведения (когда изучение родного языка вернули в школы в 1970–1980-е гг.) педагоги получили непонимание родителей, потерю интереса со стороны учащихся, а то и вовсе отказы посещать уроки родного языка. Выход из положения учителя находили в том, что учили детей алюторской, или нымыланской, речи, взяв за основу программы по корякскому языку. Некоторые преподаватели, являясь носителями алюторского языка, вели уроки на основе самостоятельно подготовленных алюторских материалов.

Одной из важных задач сохранения речевой культуры коренных народов становится признание за рассматриваемым ранее в качестве алюторского (нымыланского) диалекта статуса самостоятельного языка. В этом может и должна принять участие общественность. Ее голос в защиту легализации изучения этого языка в учебных заведениях необходим. Власть сказала «да», когда появилось постановление Государственной Думы о регистрации народа алюторцев, а вслед за ним постановление Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. о едином перечне коренных малочисленных народов, куда вошли и алюторцы. Еще в конце 1980-х гг. появился документ, подписанный председателем Корякского окрисполкома, разрешающий вести преподавание в школах нымыланского языка. Однако письменность для алюторцев до сих пор не утверждена. Тексты на этом языке пишутся с использованием корякского алфавита, который не полностью отражает звуковой строй алюторского.

Практическое значение приобретает ввод в алфавит сверхкраткого гласного, потому как в алюторских словах гласные *и* и *ы* встречаются во всех позициях, в отличие от чавчувенского, у которого гласная *ы* выполняет только функцию сверхкраткого гласного. При расшифровке, переносе записанной алюторской речи из звуковых носителей на бумажные приходится пользоваться необходимой буквой из ительменского алфавита. В ранее опубликованных текстах на алюторском языке («Аня» Кирилла Килпалина) отсутствие нужного знака затрудняет чтение. Надо ввести в алфавит знак *г* с особым значком, потому что буква *г* русская оставлена в корякском алфавите для написания заимствованных из русского языка слов. Потребность в новом знаке очевидна с давних пор, но к его введению разработчики учебных пособий на родном языке для корякских школ до сих пор не подошли. Представители старшего поколения, не усвоившие звуки русского языка, слова с буквой *г* из этого языка коверкают до неузнаваемости: вместо *грязный* произносят *красный*, *Гагарин* – *Кагарин* и т. д. Как же должны произносить родные слова молодые представители народа, если в своем национальном алфавите они не видят знака, передающего нужный звук?

Представители алюторцев внесли огромный вклад в копилку культурного достояния коренных народов Камчатки. Богатейший фольклор этого народа зафиксирован и стал доступным миру благодаря сказителям и знатокам родного языка. Алюторцы, прекрасно освоив территорию своего исконного проживания, составили топонимику всех без исключения местностей. Их богатая терминология по упряжному собаководству, оленеводству, сухопутной и морской охоте, почти не имеющая заимствований из других языков, не должна быть потеряна. Алюторцы, много столетий назад достигнув морского побережья, изучили его животный и растительный мир и дали свои названия альбатросу и дельфину, обитателям морских глубин: морскому ежу и медузе, ламинарии и крабу, не говоря уже обо всех видах тюленей. Эти термины, имеющие специфическое звучание, еще и не входили в словари корякского языка, диалектом которого долгое время считался нымыланский (алюторский) язык.

Алюторцы дали Корякии и Камчатке много славных имен в общественной деятельности, образовании, культуре. Добрая половина мастериц, получивших членские билеты Союза художников СССР, являются представителями алюторского народа. Корякский округ, Россию на международных фестивалях представляют танцоры и песенники из алюторских сел. Всем из-

вестно имя самобытного художника и писателя Кирилла Килпалина. Нымыланы Макар Обухов (Тунню), Григорий Ойнвид и Михаил Попов (Татха) представляли Корякию в Верховном Совете СССР, Совете Федерации и Государственной Думе современной России. Нымылан Иван Тапанан создал на корякском окружном радио национальную редакцию. Владая своим родным языком, он, тем не менее, делал передачи на чавчувенском – языке оленных коряков, для которых вещал на специальные оленеводческие темы. Имея большие заслуги перед корякским этносом, алюторцы сами теряли свой родной язык, и их попытки сохранить его для будущих поколений не всегда встречались с пониманием. Настало время эту несправедливость устранить.

В 1989 г. я пришел работать в Корякскую окружную радиоредакцию. Передачи, мной созданные и мной читаемые, сразу вызвали положительные отклики, причем не за их содержание, а за то, что я говорил в эфире на алюторском языке. Радиослушатели в Оссоре, Ильпырском, Вывенке, Тиличихах и других селах восточного побережья округа наконец дождались вещания на их родном языке. Знаки одобрения поступали и от носителей южных диалектов из сел Лесная, Карага и из Паланы. Это служило подтверждением моих мыслей о неправильности использования одного языка – корякского – для информирования населения и пропаганды национального радиовещания вообще. В школьные годы было даже досадно слышать по радио одну чавчувенскую речь, ведь и алюторская аудитория имела право на звучание в эфире своего языка.

Литература

1. *Стебницкий С.Н.* Нымыланы-алюторцы (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков) // Советская этнография: Сб. ст. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
2. *Стебницкий С.Н.* Очерки этнографии коряков. – СПб.: Наука, 2000.
3. *Стебницкий С.Н.* Коряцкие дети. – Палана: Бат, 1992.
4. *Кибрик А.Е. и др.* Язык и фольклор алюторцев. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000.
5. *Мальцева А.А.* Морфология глагола в алюторском языке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
6. *Нутаюлгин В.М.* Рыболовство у коряков. Орудия и способы лова // The Proceedings of the 14th International Abashiri Symposium. – 2000.
7. *Шаталов В.С.* Заря над Камчаткой. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1984.
8. О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон // СЗ РФ. – 2000. – № 14.
9. *Нагаяма Ю.* Очерк грамматики алюторского языка. – Киото, 2003.
10. Comparative Basic Vocabulary of the Chukchee-Kamchatkan Language family: 1 (Сравнительный базовый словарь языков чукотско-камчатской языковой семьи: 1. – Kurebito M. ed. Kyoto, 2001.
11. *Нутаюлгин В.М.* О яйцах курячьих и о коллективном плаче // Народовластие. – 2003. – 15 января.
12. *Нутаюлгин В.М.* Регистрируя национальность, будьте бдительны // Карагинские вести. – 2002. – 20 сентября.
13. *Попов М.И.* Олюторы. Как Гавалы победил Ивылкамака // Народовластие. – 2002. – 20 февраля.

УДК 81:39

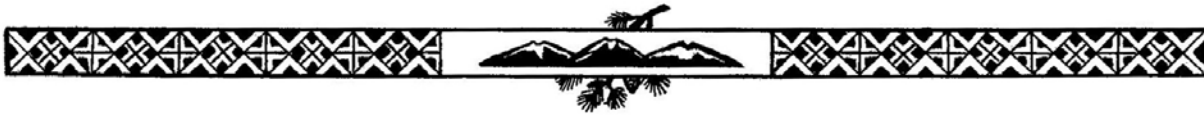
ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА КАК ХРАНИЛИЩА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Р.Н. Авак,

директор КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК» (г.т Палана)

Как мы уже знаем, эвены, не имея единой территории расселения, несмотря на разобщенность и удаленность отдельных групп друг от друга на тысячи километров, говорят на языке, понятном для всех эвенов.

В районах, населенных эвенками, проживают еще и якуты, эвенки, коряки, чукчи, юкагиры. На всей территории своего расселения эвены живут в тесном общении с русским населением, которое с давних времен оказывало прогрессивное влияние на их хозяйство и культуру.

Языки и культура соседних народов влияли и влияют на эвенский язык, главным образом на его лексику и фонетику.

Но так как речь идет о лексической стороне языка, то давайте подробнее остановимся на данной теме.

Словарный состав эвенского языка подразделяется на семантические лексические группы: производственную, бытовую и социальную. Каждая из этих групп содержит тематическую группу, а в ней выделяются лексико-семантические группы. Давайте же проследим наполнение лексики на конкретном примере, самой интересной и замечательной области традиционной жизни народа: словами, связанными с духовной культурой эвенов, составляющими особый пласт лексики эвенского языка.

Тематическая группа слов, связанных с народными танцами

Народные танцы эвенов привлекли внимание многих ученых-исследователей еще в дореволюционный период, но они стали предметом самостоятельного изучения в середине 60-х гг. XX в. Исследователи, которым довелось наблюдать танцы эвенов XVIII-XIX вв., к сожалению, тоже не оставили сколько-нибудь подробных описаний. Потребовалось более трех десятилетий кропотливого экспедиционного труда, чтобы из отрывочных сообщений информантов, многочисленных наблюдений за исполнением танцев в различных районах проживания эвенов сложилась относительно цельная картина их традиционных танцев.

Само название танца обозначается в эвенском языке целым рядом слов, выступающих синонимами: *хэде* – *нөргэлэн* – *нургэнэк* – *көллэчин* – *ниргэн*.

Каждое из этих слов, несмотря на общность основного значения, имеет свой семантический оттенок, например: *хэде* – ‘танец-хоровод’; *нөргэлэн*, *нургэнэк* – ‘пляска с пением’; *ниргэн* – ‘пляска, сопровождаемая хрипением – подражанием хорканью оленя’.

«*Нөргэли*» – хороводный танец эвенов Камчатки. По сведениям информантов из Быстринского района, существует эвенский парный танец, исполняемый под аккомпанемент бубна с хрипением-подражанием хорканью оленя, который называется «*Нөргэли*». Варианты этого танца зафиксированы были в селах Камчатки: Аянке, Хаилино, Ачайваяме, Тигиле. Как пояснил И.Р. Солодяков: «Это был танец-соревнование за право танцевать с выбранной девушкой. Она отдавала предпочтение тому, кто выходил победителем». По рассказам информантов, «*Нөргэли*» танцевали и в юрте. 10–12 человек становились полукругом перед очагом. Если юрта была большой, исполнители располагались спиной к выходу, танцевали почти стоя на одном месте, сначала потихоньку, затем чуть подпрыгивая. В танце каждый из участников исполнял свою импровизацию. Объединял всех исполнителей ритмический звукоподражательный по своему характеру запев. Мужчины исполняли резкие, четкие движения, женщины, наоборот, мягкие, спокойные. Основу танца составляли толчкообразные движения бедер, плеч и головы.

Этот эвенский танец позднее был заимствован всеми малыми народностями Камчатки: ительменами, коряками, чукчами. Об этом пишут Г.Г. Поротов и В.В. Косыгин [5]. *Нөргэли* переводится как ‘пляши, танцуй’. Танец с названием «*Нөргынэк*», в котором участвует неограниченное количество исполнителей, записан от камчатских эвенов Т.Ф. Петровой-Бытовой [6].

Тематическая группа слов, связанных с песенным творчеством

Чрезвычайно богата и по-своему уникальна песенная культура моего народа. Например, в песне, посвященной любимой девушке, воспевалась не сама девушка, а молодая важенка, при этом она сравнивалась с тальником. Если речь шла о женщине, то ее сравнивали со взрослой важенкой. Мужчину воспевали обычно в образе пятилетнего оленя, юношу – трехлетнего оленя.

В конце 1950-х гг. В.Д. Лебедевым были записаны свадебные песни от момской группы эвенов, а в конце 80-х – и сам обряд сватовства (Ж.К. Лебедевым). Сватовство обычно проходило в первые дни лета, когда эвены собирались на праздник «*Хэбдек*». Здесь молодые парни выбирали себе будущую жену. Если парень делал окончательный выбор, он подавал особый знак – ка-

сался девушки рукой. После этого мать жениха приглашала на разговор отца невесты: «У вас есть самка, – говорила она, – самка понравилась нам, поэтому я дарю вам верхового оленя».

По возвращении отец говорил дочери: «Мне подарили верхового оленя, взамен хотят самку. Что ты скажешь?» Если девушка была согласна выйти замуж, она шила кисет, который затем передавали в знак согласия. Через год приезжали сваты и начинали разговор: «Скоро погаснет очаг, некому его разжечь». Если девушка не могла сразу ответить, то говорила: «Не могу, у меня есть другой, еще не разгоревшийся очаг». Сватовство откладывалось на следующий год.

Через год разговор возобновлялся: «У вас есть самка горного барана?» Отец невесты отвечал: «Есть, кажется, бегают, но ее невозможно поймать». Это означало, что со сватовством следует повременить. Наконец, отец, обращаясь к дочери, сам принимал решение: «Я помогу, чтобы тебя поймали». Если дочь молчала, значит, она согласна принять сватов. В ходе сватовства обычно исполнялись песни свата и ответная песня родителя невесты.

Большой популярностью пользуются у эвенов песни, которые очень мелодичны и разнообразны по ритмике. Песни-импровизации в основном лирические и сатирические. Особый раздел песенной лексики занимают запевные слова хоровода, шаманские песни и слова песен-заклинаний, связанных с обрядовыми действиями. К сожалению, музыкальная культура в целом слабо изучена.

Тематическая группа слов, связанных с устным народным творчеством

Традиционная духовная культура народов Крайнего Севера немыслима без устного и музыкального фольклора. Основу научного сбора и публикации фольклорных текстов на эвенском языке заложил В.Г. Богораз. Им впервые были записаны (1895 г.) от 70-летнего омолонского сказителя А. Балаганчика уникальные образцы обрядовой поэзии, изданные затем на эвенском и русском языках. В конце 80-х гг. в Якутском институте языка, философии и литературы для серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» были подготовлены два тома эвенского фольклора, в которые вошли героический эпос, жанры сказочной и несказочной прозы, а также лиро-эпическая поэзия. К сожалению, тома пока не изданы.

Таким образом, большая часть накопленного фольклорного наследия эвенов по-прежнему пока хранится в архивах страны, в личных портфелях собирателей. Весьма скромными следует признать и фольклористические исследования. Являясь прекрасным источником для лингвистической науки, эвенский фольклор по существу остается малоизученным с точки зрения самой фольклористики. В настоящее время, когда я занимаюсь обработкой материалов воспоминаний носителей языка, почти все рассказчики редко не вспоминают о сказках.

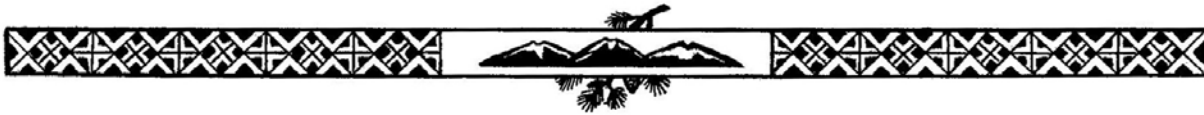
Для эвенского фольклора характерны следующие жанры: заклинание, мифы, сказки, эпос, легенды и предания, песни-импровизации, загадки, поговорки, обереги и запреты. Например, заклинание *ниувки* – древнейший жанр обрядовой поэзии. В эвенском фольклоре он представлен обращениями к Солнцу, Луне, Земле, духам – хозяевам стихий и природы. Впервые на этот жанр обратил внимание В.Г. Богораз, высказав мысль, что обряд древнее мифа и заклинание как фольклорный жанр является промежуточным звеном между обрядом и мифом.

Интересно коснуться космологических мифов, которые отражают стройную концепцию мироздания, основа которой лежит в мировом дереве, соединяющем три мира – верхний (небо), средний (землю) и нижний (подземный). Сообщаются миры между собой через «отверстия». Одним из них считается Полярная звезда. В некоторых мифах эту функцию выполняет Утренняя звезда, которая заходит к восходу солнца, и Вечерняя звезда, заходящая к закату. По «отверстию» Утренней звезды люди попадают в верхний мир, а по «отверстию» Вечерней – в нижний. Согласно другим версиям, люди могут попасть в нижний мир также через речное дно. Произведения устного народного творчества эвенов включали такие жанры: *нимар* – сказки, эпические повествования; *тэлээл* – бытовые рассказы, легенды и предания исторического характера; *икэл* – песни; *энукар* – загадки. Все они отличаются самобытностью, разнообразием тем и художественной образностью, в них много народной мудрости, фантазии, юмора.

Тематическая группа слов, связанных с декоративно-прикладным искусством

Все прекрасное, подмеченное в природе, эвены переносили в свой быт, создавая свое народное искусство. Многие путешественники и ученые восхищались нарядным костюмом эве-

нов. А.Ф. Миддендорф характеризовал шитье охотских эвенов как «великолепнейшее», «блистательнейшее». Ламутский кафтан сравнивали с испанским камзолом. По некоторым данным, наряд невесты-эвенки оценивался в XIX в. суммой в 500 рублей.

Действительно, пристально вглядываясь в эти старинные кафтаны, полные изыска и легкости, нельзя не подивиться высокому мастерству и безупречному вкусу их создателей. В.Г. Богораз в бедном жилище колымского эвена был поражен увиденным: «Вся одежда ламутов сверкала красными и голубыми узорами вышивок, как цветы на каменных склонах... На шапках, на огнивых и табачных мешках, на меховых сапогах и кожаных штиблетах, даже на колыбели, в которой лежал грудной младенец, на маленьком седле, выходявшем из-за полога и походившем на игрушечное, – везде и всюду сверкали затейливые узоры ламутских украшений». Наблюдения В.Г. Богораз подтверждают музейные экспонаты МАЭ РАН г. Санкт-Петербурга.

Особое развитие получило важное направление декоративного искусства – создание орнамента, в котором раскрывались художественные способности любого народа, его эстетические вкусы, понимание формы и цвета, чувство ритма. Например, особой популярностью пользуется у эвенов мотив круга, символизирующий у всех северных народов образ Солнца. Его почитали как источник тепла, как творца всего живого на Земле.

Лексика, отражающая народные обряды эвенов

Лексический материал эвенского языка представлен эвеноведом А.А. Петровым двумя разделами. В первый выделена обрядовая лексика, связанная с основными этапами жизни человека, во втором разделе представлена обрядовая лексика, связанная с производственной деятельностью. В силу того, что эвенские обряды тесно связаны с теми или иными верованиями и представлениями, правомерно описать лексику, связанную с религиозными верованиями эвенов. Многие информанты-эвены утверждали, что духи-хозяева вызывают у людей лишь почтительное отношение, но не страх; духи не стремятся следить за каждым шагом человека или наказывать его за какие-то «грехи» – они считают неприятными или опасными для себя действия, которые могут причинить неприятность людям.

Представления эвенов о происхождении Вселенной и человека довольно противоречивы. В.А. Роббек и Х.И. Дуткин записали интересный миф о происхождении окружающего мира из тела восьминог оленя: «Девушка, изгнанная с неба, на восьминогом олене спускается на поверхность моря. По совету оленя она раскидала по воде клочки шерсти, которые сразу превратились в *брэнна*, из которых она сделала плот – *тэм*. По настоятельной просьбе оленя она убивает его и разделывает так, как он завещал. Тут же шкура оленя превратилась в землю, череп и кости – в горы, шерсть – в леса, вши – в диких оленей. Когда она ломала кости, хруст от этого превратился в гром, предсмертный вздох стал ветром. Сердце его превратилось в богатыря, легкие – в мальчика и девочку». Записанный миф можно считать общеэвенским: он характерен для эвенов Камчатки, Магаданской области, Якутии.

Как и у других народов Северо-Востока Азии, у эвенов существовало представление о реинкарнации – бессмертии человеческой души и ее возвращении после смерти человека в мир живущих в новой ипостаси – в виде новорожденного младенца, причем таким образом к живущим людям возвращаются непременно их умершие родственники. Как полагали, мать или кто-либо из родственников могли увидеть во сне, кто именно из умерших сородичей возвращается в виде новорожденного. Позднее это можно было определить также по внешнему виду, характеру, привычкам и склонностям человека. Существовал также запрет называть детей именами старших родственников, если те живы: нарушение этого запрета неодобрительно встречалось людьми старшего поколения.

Тематические группы слов, связанных с обрядом рождения ребенка

Во время ожидания появления на свет ребенка беременная женщина не должна была заплетать волос, сучить нитки, должна была воздерживаться от тяжелой работы и переступать через палку, а утром раньше всех вставать. Ламуты утверждали, что если женщина этих обычаев не соблюдает, то плод во чреве повреждается. При родах многие женщины умирали. У них могло

быть от 6 до 20 детей. Все, кто посещал роженицу, дарили ей кто что может – бисер, камус или ровдугу. Когда молодая мать посещала своих родителей или родителей своего мужа, то ребенку дарили лук и стрелы – если это мальчик, соболя или лисицу – если это девочка.

Повивальные бабки оказывали помощь роженицам, как и у других народов. Если роды были трудные, приглашали шамана, который камлал и этим облегчал роды. Нитку, которой перевязывали пуповину, скручивали из жил. Богатые ламуты имели обыкновение после рождения ребенка приглашать шамана, чтобы он камлал, и при этом закалывали одну из лучших собак. После камлания роженицу обмывали кровью этой собаки.

По традиции имя ребенку дается не сразу после рождения, а когда он начнет ползать. Тогда всякий, кто первый придет в жилище, за исключением отца и матери, может дать ему имя. Бывает, что мать несет ребенка к другому человеку и сообщает, что ребенок еще не имеет имени, и тогда хозяин дома, куда она приходит, обязан дать ребенку подарок и имя. Но когда ребенок подрастет, это имя, как у мальчиков, так и у девочек, меняется. Обращают внимание на характер, развитость ребенка и дают имя по стране, реке, холму, горе, солнцу, луне, животному и т. д. Оно остается за ним неизменно. Когда кого-нибудь спросят, как его звать, он не отвечает, а за него отвечает другой, так как у эвенков не принято сообщать свое имя, которое может быть очень славным или постыдным.

Дети в первые годы жизни питаются не только молоком матери, но и другими продуктами, которые едят взрослые. Иногда мать кормит ребенка до пяти лет.

*Лексико-семантическая группа названий предметов,
имевших магический характер при рождении ребенка*

Увун – нож для строгания. Отцовским рабочим ножом для обработки деревянных предметов бабка обрезала пуповину новорожденного мальчика;

мавут – аркан. Не бывшим в деле мавутом обматывали живот роженице после рождения ребенка;

мят – шкура с головы оленя или другого животного. Шкура с головы олененка светлой масти с маленькими рожками приносилась в жертву *Хэвки* (богу). По сведениям информантов из Северо-Эвенского района Магаданской области, мят бросают в реку весной, когда трогается лед;

хэкэс – багульник. Ветками багульника бабка окуривала юрту роженицы;

и т. д.

Тематическая группа слов, связанных со свадебным обрядом и сватовством

Олдадак – сватовство, сговор;

дюлир – девушка, сговоренная к замужеству, просватанная, букв.: ‘к дому прикрепленная’;

анин – подарок, предназначенный кому-либо;

анимди – подарок, полученный от кого-либо; *калтачи* – приданое. У.Г. Попова упоминает в перечне приданого чуть ли не половину жилища, включая личную одежду, обувь, скребки и хозяйственный караван оленей [7];

манадь – сват, сваха;

ноанмай – имущество жениха, выставленное на обозрение. Обычай развешивания напоказ богатства жениха известен также у эвенков;

тори – калым, приданое;

тэунмэй – выставка приданого невесты для всеобщего обозрения;

хорун – приданое;

дьола – любимый, возлюбленный, жених, невеста;

мерэннэ, мерэнэ асаткан – невеста;

куптудяк – венчание;

чивадьба – свадьба;

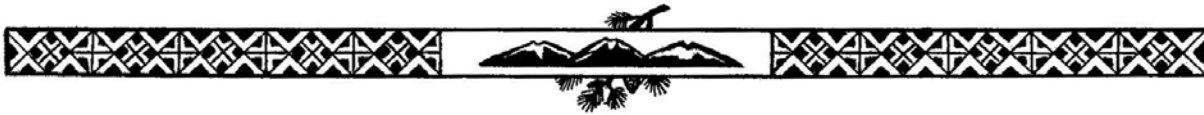
чивадьбамда – свадебный;

атикалбан – женитьба;

мирэн – брак, женитьба;

асилкан – женатый;

атыкан – жена;
гиркэ – жена, супруга, спутник;
гя – жена;
гялкан, этикэлкэн – замужняя;
олдадай – жениться;
и т. д.

Описывая свадьбы у ламутов, Я.И. Линденау пишет: «Мужчина может иметь две-три жены или столько, сколько он может содержать, но я никогда не встречал, чтобы имели больше трех жен. Дети шести – восьми лет бывают уже помолвлены. На родственниках они женятся редко, обычно берут девушку из другого рода. Два брата могут жениться на двух сестрах. Мужчина может жениться на вдове своего умершего брата, но предварительно надо выплатить калым».

Тематическая группа слов, связанных с промысловым обрядом

Уркачак – устаревш., этнограф., древний обычай поедания мяса, медвежий праздник;
анадык – обряд наряжения черепа (при обряде «*Уркачак*» на третий день праздника);
анамта – новый;
эткэ – тесть (обращение к медведю при обряде «*Уркачак*»);
атка – теща (при обращении к медведице при обряде «*Уркачак*»);
абага, амаа – иносказат. ‘дедушка’;
обалан – трескучий (о медведе);
көлээ, мэмэчэ, умэлээ – иносказ. ‘медведь’;
хөкэчэн – шатун.

Среди эвенских обрядов особое место принадлежит древнему коллективному промысловому обряду «*Уркачак*», который выполнялся без участия шамана, исключительно мужчинами-охотниками. Главным его руководителем, как правило, выступал самый опытный и уважаемый охотник. Соблюдалось множество ритуальных правил при разделке туши убитого медведя, варке, поедании мяса медведя и при захоронении его костей. Подробно с этим обрядом можно ознакомиться в специальной работе У.Г. Поповой «О пережитках культа медведя», а также в этнографической литературе.

В кратком изложении один из вариантов мифа о происхождении этого праздника выглядит так: «Однажды девушка провалилась в берлогу медведя. Зимой, чтобы не умереть от голода, она сосала его лапу. Весной медведь показал ей дорогу домой. Вскоре она забеременела и пропала. Нашли ее в пещере, где она родила сначала медвежонка, затем ребенка. Медвежонка, которого звали Накат, стала воспитывать бабушка. Когда он вырос, то ушел в лес. Мальчик по имени Торгани тоже вырос, и однажды человек и зверь стали драться. Торгани убил Наката. Умирая, медведь научил человека, как нужно проводить медвежий праздник – “*Уркачак*”». (Записи Н. Ткачика в с. Арка Охотского района, 1937 г.)

На сегодняшний день, судя по переводам рассказов и воспоминаний носителей эвенского языка Быстринского района, процесс соблюдения обычая проведения медвежьего праздника, на мой взгляд, полностью подтверждается. «*Уркачак*» был праздником исключительно мужчин.

Лексико-семантическая группа названий обычаев, традиции, запрета, табу, духов, вербальных магических действий

Итка – право, обычай, власть, закон, режим, строй, устав;
тома – порядок, привычка, традиция, обычай;
чэлуки – маскарад (ритуал);
нипкэн, нипкэнмэй – затвор, запор, закупорка, запрет, запрещение; *нёне* – религ. ‘нельзя, запрещено, грех, грешно’;
төнэкич – грех, запрет, табу;
хинимкин – грех, грешно, нельзя.

Общее название духа-невидимки *муран* (звук *а* – долгий) было известно только в ольском говоре. Однако слово *муран* в значении ‘дух’ (человека, местности) известно и в языке эвенов Якутии, встречается в этнографической литературе, а также подтверждалось носителями колымо-омолонского говора.

Места жертвоприношения духам являлись священными и назывались по-разному. Напр.: *дэлбургэ* (звук *э* – долгий) – обряд жертвоприношения.

Известны следующие названия духов:

тог муранни – дух огня;

мусун – дух, привидение;

хикын – хозяин любой таежной местности, ср.: *хикэн* – треск огня, предвещающий что-то плохое, недоброе;

ниивки – заклинание; проклятие;

гадай – ворожить, ср.: рус. ‘гадать’;

нурут, нугчи, нипкэт – запретить;

улэ – бросать, швырять, кидать, выбрасывать, религ. устаревш. ‘кидать в огонь (в виде жертвоприношения)’;

хумкэн, хумкэт – шептать, ворожить, колдовать;

хэун – испытывать суеверный страх, боязнь, ужасный, страшный;

и др.

Тематическая группа названий шамана и шаманских атрибутов

Хаман (второй звук *а* – долгий) – шаман;

кагана – старейший в роде, мудрейший шаман, провидец;

хэвук – олень – помощник шамана;

нимнан – камлат;

нимнандяк, нимнандидяк – общественный обряд камлания в случаях массовых заболеваний людей, их частых смертей;

тикэттэн – публичное гадание шамана, «разговор» с человеком, умершим скоропостижно;

унтун – бубен;

гисун – колотушка для бубна;

бэйкэн – кукла, устаревш. ‘шаманский божок, идол’;

чимэт – очки, защитные очки, устаревш. ‘очки-маска для шамана в виде полоски из серебра с прямыми узкими прорезями для глаз’;

хэкыс – багульник (для окуривания шаманского одеяния);

хамасак (второй звук *а* – долгий), шаманская одежда.

У магаданских эвенов в комплект шаманской одежды, помимо кафтана (*хамасак*), входят шапка (*авун*), перчатки (*хаир*), легкие летние торбаса (*олачик*), наглазники из серебра (*чимэт*).

Лексика, отражающая духовную культуру эвенов, является неотъемлемым компонентом культуры эвенского народа. Сложность и яркая специфика данной лексики обусловлены несколькими факторами: во-первых, отсутствием опыта специальных работ по данному вопросу в тунгусо-маньчжурских языках и, в частности, в лексикологии эвенского языка; во-вторых, национальной спецификой эвенского народного искусства, возникшего и развивавшегося в условиях, продиктованных особенностями жизни и быта оленеводов-кочевников, территориально разобщенных; в-третьих, сложным и противоречивым характером религиозных форм общественного сознания, на основе которых возникли обряды и обрядовая лексика эвенского языка.

Литература

1. *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири. – Магадан, 1983.
2. *Гурвич И.С.* Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера: Сб. ст. – М., 1960.
3. *Петров А.А.* Лексика духовной культуры эвенов. – Л., 1991 г.
4. *Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А.* Эвенский язык. – Л.: Просвещение, Ленинград-дние, 1991.
5. Песни Алнея. – Петропавловск-Камчатский, 1965. – С. 17–28.
6. Нюргынэк (эвенский танец): репертуарный сб. – Петропавловск-Камчатский, 1980. – С. 82–98.
7. Эвены Магаданской области. – М., 1981. – С. 150.

УДК 81

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК? (Ханни-гу хи эвэдыв төрэм?)

*Е.Е. Банаканова,
методист по эвенскому языку Корякского филиала КГОУ ДОВ
«Камчатский институт ПКПК» (пгт Палана)*

В последние пять-шесть десятилетий наблюдается утрата целым поколением родного языка. Представители старшего поколения эвенов поставили перед собой цель: возродить, сохранить и развить свою национальную культуру, язык, традиции, обычаи, т. е. все то, чем живет любой народ. Большой вклад в достижение этой цели вносят школа и учителя родных языков. Кроме того, издаются школьные учебники, пособия для национальных школ на русском и родных языках.

Так как в школе закладываются основы воспитания национальной гордости, знаний исторических традиций своего народа, уважение к родному языку, то корнем решения вопросов должно стать равноправие родного и русского языков. В некоторых школах заложены хорошие предпосылки для взаимодействия учителей по этим предметам.

Но имеются и некоторые недоработки, связанные с обучением детей родному языку, они объясняются скорее объективными трудностями. Многие молодые родители не владеют родным языком, а бабушек и дедушек уже нет. Дома дети не слышат родную речь. В детских садах проводятся занятия по родному языку, но не все дети их посещают. Все это оказывает негативное влияние на развитие разговорной речи, без которой невозможен переход к обучению родной грамоте. Этот недостаток можно восполнить тем, что предлагают нам некоторые учителя-методисты: основой данной работы должны стать разговорные (лексические) уроки, которые необходимо проводить в 1-м классе национальной школы в течение учебного периода (но не за несколько часов, определенных программами национальных школ). Задачи этих разговорных уроков – обучение детей быденному разговорному языку, очень нужному для ведения простых бесед на близкие детям темы, особенно детей, живущих годами на общинных угодьях родителей. При нехватке кадров на эту работу можно привлечь их матерей, имеющих среднее образование. Только необходимо предварительно снабдить их необходимой методической литературой и проводить с ними семинарские занятия перед каждым новым учебным годом. Занятия должны расширять их кругозор, поэтому необходимо преподносить детям знания на знакомом им материале. Так, дети, живущие на лесных усадьбах, в приоритетном положении: они знают природу изнутри. Вот этим и надо воспользоваться учителю: он должен нацелить своих учеников на *приобретение знаний из самой природы*.

Для дальнейшего развития двуязычия настало время предусмотреть подготовку учителей-билингвов для национальной школы – специалистов русского и родного языков. Соответствующий педагогический институт существовал в Хабаровске в 50-е гг. XX в., что было очень кстати для преподавания русского и родных языков в школах Крайнего Севера.

Исходя из «Новых технологий в преподавании русского языка в национальной школе», где говорится о связанном изучении русского и родного языков в национальной школе, даже о диалоге культур в курсе литературы в национальной школе и этнокультурных компонентах исторических образований как средствах формирования историко-культурных знаний и опыта обучающихся в многонациональной школе в соответствии с основной целью обучения и практической направленностью всего школьного курса в содержание обучения входят знания о языке и основные умения и навыки.

Систематический контроль за качеством обучения позволяет учителю вовремя пересмотреть свою систему работы, определить эффективность методики обучения, подбор дидактического материала и конкретных примеров, необходимых для коррекции знаний каждого обучающегося. Корректирующую деятельность учителя и ученика помогают осуществлять разнообразные формы контроля за уровнем знаний, умений и навыков школьников.

Контрольные (проверочные) работы включают в себя диктанты, контрольные списывания, грамматические задания и различные виды работ по развитию речи.

Диктанты и дополнительные задания к ним подаются в разных вариантах. Учитель может выбрать любой вариант, который соответствует особенностям его класса, и предложить свой. Особым способом контроля состояния ЗУН (знаний, умений и навыков) является тестирование.

По форме подачи тесты могут быть различными. Одни из них требуют просто вставить слово или словосочетание – это так называемые компенсирующие тесты. В других (альтернативных) необходимо выбрать из двух-трех продолжений одно.

Например: 1. Имя прилагательное – часть речи, которая: а) в предложении бывает определением (иногда сказуемым); б) обозначает признак предмета и отвечает на вопросы *какой?*; в) отвечает на вопрос *чей?*

Тесты могут быть выборочными, когда ученику предлагается несколько вариантов ответа – с помощью этого теста проверяется осознанность усвоения материала, что выражается в умении ученика выбрать правильный ответ.

Например, (краткие) имена прилагательные изменяются: а) по числам, падежам, родам; б) по числам, родам (в единственном числе); в) по родам, падежам, и т. д.

Тесты могут быть использованы на любом этапе обучения: при текущем и итоговом контроле (после изучения темы, в конце четверти, полугодия, года). Они являются экономной, целенаправленной и индивидуализированной формой текущего и итогового контроля.

Изложения и сочинения являются способами проверки навыков связного высказывания. Однако при написании самостоятельно составленного текста ученик показывает свое умение правильно писать слова, предложения и умение пользоваться знаками препинания.

Изложение и сочинение в большей степени, чем диктант, определяют уровень грамотности учащихся, потому что при их написании ученики концентрируют свое внимание на смысловой стороне текста, на средствах выражения своих мыслей и чувств, на более точных и выразительных средствах для их передачи, а навыки правописания (если они привиты) проявляются автоматически. Классификация орфографических и пунктуационных ошибок, допущенных в изложениях и сочинениях, проводится по тем же правилам, что и при написании диктанта. К текстам изложения могут быть даны дополнительные задания. По усмотрению учителя текст может быть дан только для пересказа. Текст изложения может быть свободным от какой-то определенной темы, но учитель может подобрать текст, включающий тот или иной грамматический материал, который изучен ко времени проведения изложения.

Таким образом, в пособии имеются разные виды контрольных работ, которые позволяют учителю своевременно выявлять пробелы в знаниях учащихся и в связи с их показателями координировать свою работу.

УДК 811:56

ОБ АЛЕУТСКОМ ЯЗЫКЕ И О СЕБЕ

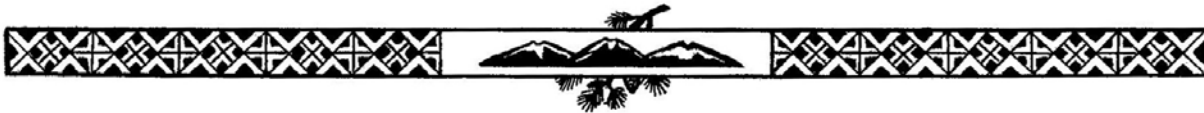
*Э.И. Гребзды,
алеут, пенсионер*

Тулумачи, агитаданин! Здравствуйте, друзья!

Моя тетя говорила: «*Коит умиумаш иляхтач-хужакук амгихиичхужагана. Куган тунух-талган агу чиганадах лидал йукух*», что по-русски означает: 'Как люблю я наш язык, такой красивый. Когда на нем говорят, кажется, что ручеек журчит'.

Как-то после родительского собрания (наверное, я был в третьем классе), мама, возбужденная, заявила нам с сестрой, что запрещает нам разговаривать на алеутском языке, так как этого требуют учителя. Я спросил: «Почему нельзя?» Мама сказала: «Когда вырастишь, у тебя будет акцент, как у Чипы. Никто тебя не будет понимать, и все будут над тобой смеяться».

И действительно, мы, ребята, чтобы подшутить над Степой, говорили ему: «Степа, скажи *цепь*». Он говорит: «Чеп». – «Степа, не *чеп*, а *цепь*». Он пытается сказать правильно. Но все равно получается *чеп*. «Степа, скажи *курица*». – «Курича». – «Скажи *слон*». – «Шлон». И многие наши старики говорили с таким «акцентом».

Кроме того, мне часто попадало от мамы из-за того, что я постоянно получал по русскому языку двойки и колы. И это объяснялось тем, что я пытался говорить на алеутском языке.

Когда мама умерла, нас растила бабушка. Она плохо говорила по-русски, и мы с ней всегда общались на алеутском. Только поэтому я более или менее знаю алеутский.

До прихода советской власти у алеутов не было своей письменности. Тогда умные люди решили создать алеутскую письменность. Трудность состояла в том, что многих звуков алеутского языка нет в русском. Тогда прибегли к алфавиту, в котором фонемное значение букв сходно с алеутскими звуками. Например:

Транскрипция алеутских букв	Фонемное значение	Написание слов и значение
Қ	kw	<i>кавах</i> 'сивуч'
Х	χ	<i>аанух</i> 'нерка'
а	аңа	
г	ŋga	<i>агайугих</i> 'баклан'

Такой алфавит хорошо соответствовал алеутскому произношению слов. Но печатать и составлять слова и тексты на Командорах не было возможности, так как в редакции местной газеты не было такого шрифта, и дело с печатью заглохло.

У аляскинских алеутов дело обстоит проще. Они используют английский алфавит с дополнением некоторых простых значков.

Командорская транскрипция, пример	Фонемное значение	Алеутская транскрипция, пример
Х	χ	h
г	ŋga	ḡ
<i>агайугих</i> 'баклан'		<i>аḡaiuḡih</i> 'баклан'

Когда мы с японским ученым Минору Отимой занимались языком беренговских алеутов, он предложил печатный алеутский алфавит представить так: χ – *x'*; ç – *z'*. Тогда слово *агайугих*, означающее 'баклан', выглядят так: *аḡ'aiuḡ'ih!*

Не очень удобно, но печатать можно. А когда его компьютер «забарахлил» (не выдавал знак «!»), Минору над знаком *x'* поставил штришок – *x'* (*x' = x'*). И оказалось очень удобно. Теперь можно печатать вместо *x'ax' – x'ax' – 'брюшко рыбы'*; *аḡ'aiuḡ'ih! – аḡ'aiuḡ'ih' 'баклан'*.

И для письменного и печатного написания слов удобно.

Хочу закончить свое небольшое сообщение следующими словами: «*Уважаемые организатораш ама участникаш ин'ан семинарах' камчаткам аборигенам умиун'иш ах'тачх'игутаган мал ты дих к'аг'ашакук'*», что означает: 'Уважаемые организаторы и участники семинара! Благодарю вас за работу по возрождению языков аборигенов Камчатки'.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ КАМЧАТКИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 94(571.9)

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ЗАСЕЛЕНИИ КРАЯ НАРОДАМИ КАМЧАТКИ, ИХ РАССЕЛЕНИИ И ЯЗЫКАХ

Н.В. Толкачёва,
к.и.н., доцент кафедры истории и философии КамчатГТУ

«Отписки» и «скаска» землепроходцев XVII в. содержат первые сведения о народах Камчатки. В 1651 г. М.В. Стадухин и его спутники на р. Пенжина впервые встретили коряков [1]. «Скаска» В.В. Атласова содержат первые сведения о расселении ительменов и курильцев, описание их хозяйства, общественных отношений, верований и быта [2].

В донесениях, челобитных, «скасках» служилых и промышленных людей и официальных документах содержались ценные этнографические данные – именные списки плательщиков ясака, с указанием их расселения, племенной принадлежности, занятий, имущественного положения.

Систематическое изучение Сибири и ее народов (а Камчатка долгое время была частью Сибирской губернии) научными экспедициями началось в правление Петра I. Среди их участников было много иностранных ученых на русской службе. Они внесли большой вклад в русскую и мировую науку, а Россия стала многим из них второй родиной.

Одним из итогов работы экспедиции Д.Г. Мессершмидта 1720–1727 гг. была классификация народов Сибири по языку, ительмены и коряки были отнесены к группе восточных (или северо-восточных) скифов [3].

Родоначальником изучения народов Сибири считается В.Н. Татищев. По его инициативе началась грандиозная работа по сбору разнообразных источников по истории сибирского края и коренных народов [4]. Он ввел новую классификацию народов – не только лингвистическую (по языку), но и по хозяйственно-культурным типам, т. е. по роду занятий [5].

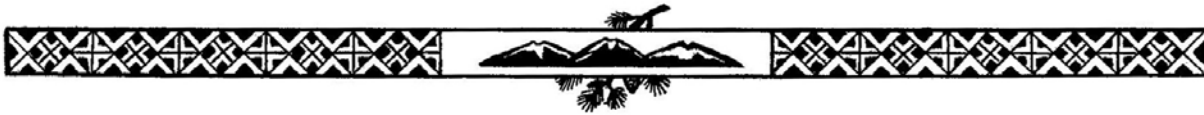
Участники Второй Камчатской экспедиции провели первые научные исследования народов Камчатки. В экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера вошли сведения о расселении и миграциях русского и аборигенного населения, о типах поселений, материалы по археологии, этнографии, лингвистике, топонимике. Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер на Камчатке не были, хотя и писали о ней в своих трудах [6], а Я.И. Линденау собрал сведения об охотских коряках [7]. Материалы студента А.П. Горланова, найденные ученым И.С. Вдовиным в советское время, ограничиваются небольшими статьями, остальные не обнаружены [8].

Непосредственно на Камчатке работали С.П. Крашенинников в 1737–1741 гг. и Г.В. Стеллер в 1740–1744 гг. Именно в их работах содержатся данные о расселении народов Камчатки в 40-х гг. XVIII в., их языках.

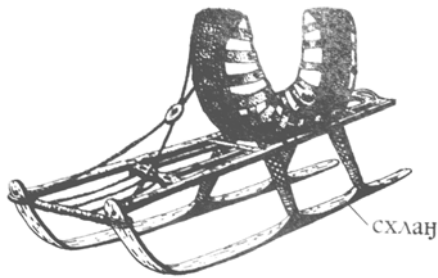
Прибыв на Камчатку осенью 1740 г., Г.В. Стеллер совершил первую поездку по полуострову, а в 1741–1742 гг. принял участие в плавании к берегам Северо-Западной Америки. Возвратившись в августе 1742 г. в Петропавловск-Камчатский, Г.В. Стеллер до 1744 г. продолжал изучение края. Но свои работы он не успел завершить, так как умер, возвращаясь из экспедиции, в 1746 г., и первое издание его книги на немецком языке вышло в 1774 г. [9].

В монографии Г.В. Стеллера «Описание земли Камчатки» большинство глав посвящено ительменам. Ученый считал, что этот народ с глубокой древности населяет Камчатку [10]. Он подробно изучил их верования, язык, выделил диалекты ительменского языка – 1) шантальский, который был распространен в долине р. Камчатка и по восточному побережью, 2) от мыса Лопатка до Тигиля – язык жителей (западного) побережья, отличавшийся в каждом острожке и 3) ближе к Тигилю – диалект, включавший корякские слова. Г.В. Стеллер писал о том, что ительмены из различных острожков, не умея разговаривать на разных диалектах, друг друга хорошо понимали, а толмачи (переводчики) знали по 8–10 наречий. Первым среди ученых

Г.В. Стеллер записал ительменский фольклор. В работе Г.В. Стеллера имеются отдельные данные о коряках, им составлен первый словарь корякского языка. По мнению ученого, существовало три диалекта корякского языка: первый был распространен среди кочевых коряков и оседлых жителей побережья Пенжинской губы, второй – среди коряков-олюторцев, третий – среди чукчей [10].

Г.В. Стеллер писал, что язык жителей Курильских островов не изучен.

В дневнике Г.В. Стеллера впервые упомянуты алеуты, которых он встретил во время путешествия на пакетботе «Св. апостол Петр» [11].

Студент С.П. Крашенинников за годы работы во Второй Камчатской экспедиции вырос в крупного исследователя в разных областях науки – географии, ботанике, зоологии, ихтиологии, этнографии, истории, лингвистике. Содержание его работы на Камчатке определялось его подготовкой к исследованиям на полуострове, харак-

тером и направлениями исследований его «командиров» – профессоров Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина и полученными от них инструкциями.

Большое место в книге С.П. Крашенинникова занимает этнографический раздел, в котором подробно описаны народы, проживавшие на Камчатке в 30–40-е гг. XVIII в.: камчадалы (ительмены), коряки (оседлые и кочевые) и курилы [12]. Касаясь проблемы этногенеза ительменов, С.П. Крашенинников (как и Г.В. Стеллер) предположил, что это самое древнее население Камчатки, и что ительмены могли мигрировать на Камчатку из Монголии [12]. Современные ученые этот факт доказали [13], как и гипотезу Г.В. Стеллера и С.П. Крашенинникова о заселении Америки выходцами из Азии [10, 12, 14].

Айны (курильцы) подразделялись на ближних и дальних. Курильцев, которые жили на юге Камчатки и на ближайшем к ней острове – Шумшу, С.П. Крашенинников считал не аянами, а метисным ительмено-айнским населением [12].

«Описание поездок» С.П. Крашенинникова и его «журналы» содержат сведения о расселении местных народов, количестве жителей отдельных острожков. Словарные записи (вокабулярии) языков народностей Камчатки велись С.П. Крашенинниковым систематически. С.П. Крашенинников отмечал, что язык ительменов разделялся на три диалекта – северный, южный и тех, кто жил от реки Воровской на север до Тигиля. Оседлые и кочевые коряки имели такие разные диалекты, что почти не понимали друг друга. Составленные С.П. Крашенинниковым словари авачинских оленных коряков и островных карагинцев представляют большую ценность, так как обе эти группы корякского народа к настоящему времени исчезли. С.П. Крашенинников также составил словарь айнского языка [12].

Данные С.П. Крашенинникова свидетельствовали о том, что, оставаясь на стадии первобытнообщинного строя, не зная обработки железа и не имея письменности, местные народы создали материальную и духовную культуру, которая дала возможность им выживать в экстремальных условиях.

В российском обществе с самого начала освоения Сибири возник интерес к «человецам, неизвестным в восточной стране». Хотя ни один из коренных народов Сибири и Дальнего Востока не имел своей письменности на момент присоединения к России, учеными XVIII в. был накоплен большой материал по истории, археологии и этнографии, демографии и языкам аборигенных народов [15].

В XIX в. формируется целый пласт новых источников – описаний морских плаваний и сухопутных путешествий. Участники экспедиций зафиксировали интересные данные о Камчатке и современном состоянии ее народов. Путешествия и дневники имеют разную историко-культурную и научную ценность, отличаются по полноте приводимых сведений. Этнографические разделы показывают большую наблюдательность исследователей, сумевших подметить многие подробности культуры и быта, традиций народов полуострова.

Подробные данные о расселении ительменов, количестве жителей в отдельных острожках отражены в «Замечаниях о Камчатке и Русской Америке» [16] В.М. Головнина и в его книге «Путешествия на «Диане»...» [17], в «Новом путешествии...» О.Е. Коцебу [18], в воспоминаниях Ф.П. Литке [19].

В середине XIX в. сенатский чиновник И.Д. Булычев подробно описал положение и жизнь коряков Гижигинского и Тигильского краев, Охотского округа [20], в эти же годы К.М. Дитмаром была написана статья «О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах» [21].

В дневнике «Поездка и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг.» К.М. Дитмар описал жизнь русских, ительменов и камчадалов. Автор подробно описал ительменские острожки, количество жителей, их занятия и уровень жизни. В дневнике К.М. Дитмара впервые упомянуты эвены, мужчин-эвенов на Камчатке в середине XIX в. насчитывалось 35, женщин – 37 [22].

В 1881 г. положение алеутов на о. Медный описал В.Ф. Руднев [23], а в 1885 г. А.А. Ресин изучил камчадалов (ительменов), чукчей, ламутов (эвенов) и одним из первых описал чукмарей (кереков), отметив примеры взаимовлияния местных народов и русского пришлого населения. А.А. Ресин особо выделил вопрос об убыли населения, поддержав распространенный среди исследователей XIX в. тезис о том, что «...при столкновении двух народностей различной культуры низшая раса обрекается на вымирание, и для Камчатки это положение справедливо, по крайней мере, относительно камчадал» [24].

Врач В.Н. Тюшов изучил повседневную жизнь ительменов западного побережья Камчатки, составил словарь ительменского языка из 1300 слов, что было важно, так как под влиянием русской культуры ительмены постепенно забывали родную речь [25]. Книгу о жизни и быте местного населения под непосредственными впечатлениями от поездки по Камчатке написал В.П. Маргаритов [26]. Двухтомный труд Н.В. Слюнина посвящен экономико-географическому описанию Охотско-Камчатского края, расселению и положению его этносов [27].

Выдающийся этнограф В.И. Иохельсон в 1899–1902 гг. исследовал жизнь, быт и мифологию коряков, в основном населявших Пенжинскую губу. Для получения более точных данных ученый изучал язык того народа, который был объектом его научного внимания. До сих пор его двухтомник «Коряки» является основополагающим при изучении этого этноса [28]. Руководитель Анадырского отряда экспедиции В.Г. Богораз в 1900–1901 гг. посетил большинство корякских поселков западного побережья и карагинских и алыторских коряков восточного побережья, где им была проведена перепись населения, сделаны этнографические наблюдения. Особое внимание В.Г. Богоразом было уделено изучению диалектов корякского языка [29]. Впоследствии он сравнил грамматику чукотского, корякского и ительменского языков [30].

Этнографический отдел экспедиции П.Ф. Рябушинского во главе с В.И. Иохельсоном в 1910–1911 гг. собрал значительную коллекцию, в основном по быту кочевых коряков Тигильского района и сделал большое количество фотоснимков. Однако по итогам работы В.И. Иохельсоном были напечатаны только археологические материалы [31].

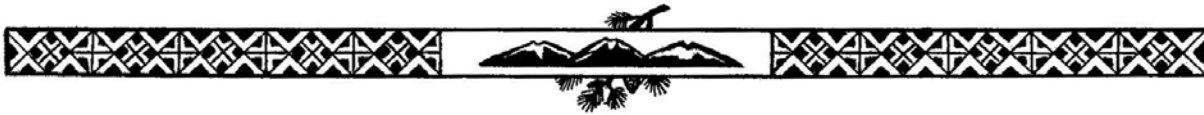
Выдающийся исследователь В.Л. Комаров в 1908–1909 гг. работал в Камчатской экспедиции ИРГО. В своих работах, в частности, он писал об ительменском и русском населении полуострова [32]. Он разделял понятия «камчадал» (метисное население) и «ительмен» (автохтонное население Камчатки), отметив, что ительменов осталось менее тысячи человек, и доказывал, что на Камчатке нет прироста аборигенного населения].

Таким образом, в XIX – начале XX вв. аборигенов Камчатки изучали в основном путешественники, научные исследования были редкими. Статистические данные о расселении и динамике численности населения содержатся в официальных отчетах начальников и губернаторов края.

В первые годы после установления советской власти изучение народов Камчатки не проводилось.

Политика царизма в отношении народов Севера в 20–30-е гг. XX в. марксистскими историками оценивалась только негативно. Примером таких работ являются статьи П. Васенко [33] и С.Л. Урсыновича [34], книга С.Б. Окуня «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае» [35] и подбор документов в сборнике «Колониальная политика на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» [36].

В докладе С.Л. Урсыновича «Русификация и христианизация камчадалов» автор писал, что эпидемии не только уменьшали население Камчатки, но и усиливали ассимиляцию ительменов [34]. Периодом окончательного слияния ительменов и русских С.Л. Урсынович считал первую половину XIX в. По его мнению, ительменов на Камчатке больше не существовало. Оценка эта ошибочна. На самом деле нужно различать ительменов, знавших и пользовавшихся своим родным языком, ительменов, не знавших своего языка, метисное население – камчадалов и русских старожилов, образом жизни схожих с ительменами.

В монографии С.Б. Окуня приводится много архивных материалов о динамике численности народов Камчатки, степени их эксплуатации, им сделан вывод: «...в условиях царской России туземцы были обречены на гибель» [35].

В июне 1924 г. был создан Комитет содействия народностям Севера при Президиуме ВЦИК для их комплексного изучения. На места выезжали и работали историки, этнографы, лингвисты, археологи. На Камчатке в эти годы работала Е.П. Орлова, которая изучала этнографию ительменов [37], коряков [38] и эвенов (ламутов) [39]. Этнографией коряков в начале 30-х гг. занимался И. Билибин [40]. Многие работы этого периода отвечали задачам изучения, планирования и реализации социалистических преобразований хозяйства, культуры и быта у народов Севера.

Для народов Камчатки, как и всех бесписьменных народов России, началось создание письменности. Вначале ее разрабатывали на основе латинского алфавита, затем было решено использовать кириллицу [41]. В январе 1932 г. I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера утвердила проект создания письменности на 14 языках, в частности на эвенском (ламутском), нымыланском (корякском). По предложению дальневосточной делегации было признано возможным создание начальной литературы на ительменском и унанганском (алеутском) языках [42]. Созданная в КНО бригада окрисполкома по выбору диалекта остановила свой выбор на чавчувенском диалекте, так как им владело большинство корякского населения [41]. Создание корякской письменности неразрывно связано с именем известного лингвиста и этнографа С.Н. Стебницкого. Большую работу по созданию письменности на языках народов Камчатки вели Г.М. Корсаков, Е.П. Орлова, опытные лингвисты В.Г. Богораз, Н.И. Леонов, П.Е. Островских совместно со студентами из народов Севера, обучавшимися в Ленинграде, создали первые учебники на их родных языках.

В 1943–1944 гг. была организована группа этнографов, ставшая ядром созданного вскоре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ученые института В.В. Антропова, И.С. Вдовин продолжили изучение народов Камчатки [43].

На территории Корякского национального округа в 1956–1957 гг. работал Корякский отряд Северной экспедиции (И.С. Гурвич, К.Г. Кузаков). Затем в 1960–1964 гг. Камчатский и Корякский отряды той же экспедиции продолжили работу под руководством В.В. Антроповой.

Вопросы демографии и расселения народов Камчатки в историческом аспекте исследовали В.В. Антропова [44], И.И. Огрызко [45], В.М. Кабузан [46], Б.О. Долгих [47]. В монографии «Ительмены» Е.П. Орлова опубликовала карты их расселения, составленные по данным В.В. Атласова, С.П. Крашенинникова, К.М. Дитмара и полевым исследованиям, проведенным ею на Камчатке в 1926–1927 и в 1962 гг. [48]. Статистические данные показывают, что демографическая ситуация на Камчатке была неоднозначной – после периода сопротивления и эпидемий, когда численность населения (особенно оседлого) резко падала, наступали относительно благоприятные времена и шел рост аборигенного населения. Эти работы опровергали мнение, разделявшееся большинством ученых XIX в. о прогрессивном вымирании аборигенов Сибири [49].

В 1966 г. вышла в свет монография И.С. Гурвича «Этническая история Северо-Востока Сибири» [50]. Автор проанализировал процессы, которые шли в среде народов Камчатки в XVIII в.: сокращение территории и численности ительменов и береговых оседлых коряков, разорение оленных коряков. Ительмены пострадали от эпидемий, и только к концу XIX в. прекратился процесс их вымирания, но этническое развитие пошло по новому руслу – сближения и слияния с русским населением полуострова.

Сравнивая способы ведения хозяйства охотскими, паланскими, укинскими коряками, И.С. Гурвич отметил, что архаичное хозяйство сохранилось у пенжинских и олюторских и наиболее отсталое – у коряков Гижигинской округи [50]. Автор сделал вывод, что эти этнические группы так и не сложились в народы. Он изучил алеутов и эвенов, которые появились на Камчатке в XIX в.

В 1976 г. Н.К. Старкова (ительменка) написала этнографический очерк «Ительмены. Материальная культура XVII – 60-е годы XX вв.» [51]. Она обосновывала тезис о том, что присоединение и освоение русскими людьми Камчатки сыграло двоякую роль в исторической судьбе народов полуострова. Но в условиях царской России, по мнению Н.К. Старковой, взаимовлияние, культурный обмен были часто ограниченными и неполными.

С 1985 г. издаются коллективные монографии о народах Дальнего Востока СССР. Вначале была опубликована обобщающая работа «Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв. Историко-этнографические очерки» [52], затем труды об ительменах [53], коряках [54], эвенах [55], орочах [56].

Русская колонизация привела к появлению новой, камчадальской этнической группы [57]. Камчадалы добились, чтобы их занесли в список малочисленных коренных народов РФ и ЮНЕСКО и в настоящее время активно возрождают свою культуру и традиции.

Этногенез народов Камчатки, их древнее прошлое, кроме историков и этнологов, исследуют антропологи [58] и археологи.

Только со второй половины XX в. появились данные о древнейшем этапе заселения Камчатки и первых народах, населявших полуостров. С 1962 г. более 30 лет экспедицией под руководством Н.Н. Дикова изучалась Ушковская палеолитическая стоянка, находки которой доказали, что человек заселил Камчатку в 14–13-м тысячелетиях до н. э. В самом древнем, VII слое найден пережиточный фрагмент одной из сибирских протоамериканских культур [59–61]. Изделия VI и V слоев близки к дюктайской культуре Якутии и аляскинской протоэскимоско-алеутской культуре Денали. Шесть тысяч лет назад на Камчатке появилась раннеолитическая культура, которая этнически точно не определена и слабо изучена, но, возможно, она имела отношение к формированию ительменов. Во 2-м тысячелетии до н. э. неолитическая культура древних ительменов на Камчатке приобрела развитый вид [61], а ее пережиточный этап непосредственно наблюдали и описали Г.В. Стеллер и С.П. Крашенинников.

Древнеительменский археологический пласт, представленный памятниками, расположенными севернее с. Тигиль, предшествовал корякской культуре, получившей развитие с середины 1-го тысячелетия на северном побережье Охотского моря. Таким образом, коряки расселились на Камчатке гораздо позже ительменов – с V по XIII вв., постепенно проникая с севера на юг [62, 63]. Древнекорякская культура достигла расцвета к X–XIII вв.

Т.М. Дикова вела раскопки на юге Камчатки, где нашла стоянки ительменской культуры периода неолита. По ее мнению, влияние и проникновение немногочисленных айских элементов в культуру ительменов произошло, главным образом, у племен, обитавших в устьях рек на морском побережье, т. е. в местах, удобных для морской охоты [64].

На Командорах раскопаны следы культуры неолитических морских охотников [60, 65]. Отметим, что в 1741–1742 гг., когда там вынужденно зимовал экипаж пакетбота «Св. апостол Петр», остров Беринга был необитаем.

В настоящий период изучение народов Камчатки продолжается. На русский язык были переведены и опубликованы статьи и книги Г.В. Стеллера [10, 66], монография В.И. Иохельсона [67].

К объединению Камчатской области и Корякского автономного округа в 2008 г. на базе КамчатГТУ была проведена межрегиональная научно-практическая конференция. На секции «Коренные народы Камчатки в процессе интеграционных преобразований» рассматривались различные аспекты изменений в традиционном образе жизни аборигенов Камчатки, происходящие в процессе объединения территорий [68].

Изучение коренных малочисленных народов Камчатки ведут преподаватели и студенты университета им. Витуса Беринга [69]. На основе полевых исследований ими подготовлены к публикации монография о современном положении аборигенных народов Камчатки и пособие об их традиционных знаниях.

Лингвистические, исторические и этнологические исследования ученых и краеведов Камчатки отражены в публикациях ежегодных «Крашенинниковских чтений», «Краеведческих записках», материалах региональных научных конференций и других изданиях [70]. Сами представители коренных народов Камчатки все более активно участвуют в исследованиях своей культуры и родных языков [71], прикладывают усилия к их сохранению и развитию.

Литература

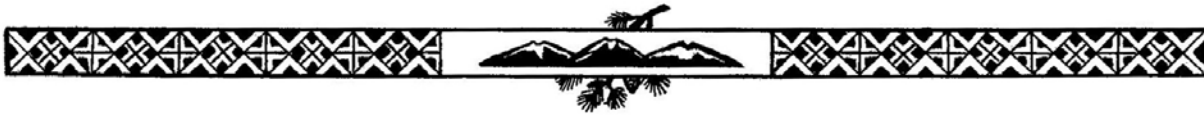
1. *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. – С. 85.
2. *Оглоблин Н.Н.* Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. Отд. 1. – М., 1891. – С. 5–18.
3. *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970.
4. *Иванов В.Н.* Историческая мысль в России XVIII – середины XIX в. о народностях Северо-Востока Азии. – М.: Наука, 1989. – С. 48.
5. *Татищев В.Н.* История Российская. – М.; Л., 1968. – Т. VII.
6. *Миллер Г.Ф.* География и устройство Камчатки на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 году // *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – С. 20; *Миллер Г.Ф.* О китовой ловле около Камчатки // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, 1757, май. – Ч. 3. – СПб.: При императорской Академии наук, 1757. – С. 470–479; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937; *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб., 1774.
7. *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири. Первая половина XVIII в. / Пер., подгот. текста, примеч. и предисл З.Д. Титовой. – Магадан, 1983. – 176 с.
8. *Вдовин И.С.* Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (по неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А.П. Горланова) // Страны и народы Востока. Вып. 17 – М.: Наука, 1975. – С. 57–66.
9. *Steller G.W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. – Frankfurt; Leipzig; J.G. Fleischer, 1774. – 384 P.
10. *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. – С. 27 – 28.
11. *Стеллер Г.В.* Дневник плавания с В. Берингом к берегам Америки. – М.: ПАН, 1995. – С. 69.
12. *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – С. 357–472.
13. *Вдовин И.С.* К проблеме этногенеза ительменов // Советская этнография. – 1970. – № 3; *Диков Н.Н.* Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов севера Дальнего Востока // Труды северо-восточного комплексного научно-исследовательского института. Вып. 17. – М.: Наука, 1967; *Диков Н.Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. – Магадан, 1969; *Диков Н.Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. – М., 1993.
14. *Дебец Г.Ф.* Антропология Сибири и проблема заселения Америки // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений. – Иркутск, 1960.
15. *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. – М., Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1960. – С. 106.
16. *Головнин В.М.* Записки о Камчатке и Русской Америке // В.М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 годах. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1961.
17. *Головнин В.М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 годах. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1961.

18. *Коцебу О.Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. Изд. 2-е. / Пер. с нем.; предисл. и коммент. Д.Д. Тумаркина; Отв. ред. Я.М. Свет. – М.: Наука, 1981. – С. 182.
19. *Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 гг. Изд. 2-е. / Ред., пред. и прим. д.г.н. Н.Н. Зубова и к.г.н. А.Д. Добровольского. – М.: Огиз; Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. – С. 196.
20. *Булычев И.Д.* Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева. Ч. I. Якутская область, Охотский край. – СПб., 1856. – С. 199.
21. *Дитмар К.М.* О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник Императорского Российского геогр. об-ва, 1855. – Т. 6. – Кн. 1.
22. *Дитмар К.М.* Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 годах. Исторический отчет по путевым дневникам. Ч. I. – СПб., 1901. – С. 156–184.
23. *Руднев В.* Из воспоминаний о плавании на крейсере «Африка» // Русская старина. 1909. – Март. – С. 188.
24. *Ресин А.А.* Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Известия императорского РГО. – Т. XXIV. – Вып. III. – 1888.
25. *Тюшов В.Н.* По западному берегу Камчатки. – СПб., 1906. – 521 с.
26. *Маргаритов В.П.* Камчатка и ее обитатели // Записки Приамурского отд. Российского географ. общ. – Т. 5. – Вып. 1. – Хабаровск, 1899. – 145 с.
27. *Слюнин Н.В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. – СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1900. – Т. 1. – 690 с.; Т. 2. – 166 с.
28. *Jochelson W.* The Koryak. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VI, pt. I, II. Leiden – N. Y. m 1905–1908.
29. *Vogoras W.* Koryak texts. Publications of the American Ethnological Society, vol. V. – Leyden, 1917.
30. *Vogoras W.* The Chukchee. Handbook of American Indian Languages. Bureau of Amer. Ethnology, bull. 40, pt. 2. – Washington, 1922.
31. *Иохельсон В.И.* Археологические исследования на Камчатке // Известия РГО. – Т. XII. – Вып. 3, 4. – Л., 1930.
32. *Комаров В.Л.* Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского, снаряженная при содействии Русского географического общества / Ботанический отдел. – Вып. I. – М., 1912. *Комаров В.Л.* Два года на Камчатке // Землеведение. – Т. XVIII. – Кн. 1–2. – М., 1911. – С. 144–188; *Комаров В.Л.* О русском населении Камчатки // Русский антропологический журнал. – 1912. – № 2, 3.
33. *Васенко П.* Из истории русского господства на Камчатке // Русское прошлое. – 1923. – № 3. – С. 154–156.
34. *Урсынович С.Л.* Русификация и христианизация камчадалов // Северная Азия. – 1925. – № 3. – С. 98–99.
35. *Окунь С.Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. – Л.: Огизсоцэргиз, 1935.
36. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. / Сб. арх. мат. – Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 211 с.
37. *Орлова Е.П.* Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки) // Стат. бюл. № 8, 9. – Хабаровск, 1927.
38. *Орлова Е.П.* Коряки полуострова Камчатки // Северная Азия. – 1929. – № 3 (27).
39. *Орлова Е.П.* Хозяйственный опыт ламутов Камчатки // Северная Азия. – 1928. – № 5–7.
40. *Билибин И.* Классовое расслоение кочевых коряков. – Хабаровск, 1933; *Билибин И.* Обмен у коряков. – Л., 1934.
41. *Бубнис Г.К., Нефедова С.П.* Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. – М.: Наука, 1981. – С. 89–91.
42. *Балицкий В.Г.* Великий Октябрь в судьбах малых народов Дальневосточного Севера СССР. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1984. – С. 224–225.
43. *Антропова В.В.* К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов Северо-Востока Сибири // КСИЭ. Т. 3 – М., 1947. – С. 64–65. Работы ин-та этнографии

РАН; *Антропова А.В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. Вып. 2. – М.; Л., 1957. – С. 99–245 (КСИЭ Нов. серия. Т. 35). Работы ин-та этнографии РАН; *Вдовин И.С.* Коряки-оленьеводы на Камчатке в XVIII–XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. 5. – Петропавловск-Камчатский, 1970. – С. 104–120; *Антропова В.В.* Культура и быт коряков. – Л.: Наука, ЛО, 1971. – 216 с. *Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, ЛО, 1973; *Вдовин И.С.* Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. – Л.: Наука, 1979. – С. 87–96.

44. *Антропова В.В.* Расселение ительменов в первой половине XVIII в. // ИВГО. – Т. 81. – Вып. 4. – 1949.

45. *Огрызко И.И.* Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII века // Вопросы истории Сибири. Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1961. – С. 171–208.

46. *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII–XVIII веков. / Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып. 1. – Новосибирск, 1962. – С. 139–157.

47. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав Сибири в XVII в. – М., 1960.

48. *Орлова Е.П.* Ительмены. – СПб.: Наука, 1999. – С. 163–167.

49. *Ширина Д.А.* Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725–1917. – Новосибирск: Наука; Сибирская изд. фирма, 1994. – С. 223–224.

50. *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири // Тр. ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН ССР. Н.С. Т. 89. – М.: Наука, 1966. – С. 188, 264.

51. *Старкова Н.К.* Ительменская материальная культура XVII – 60-е годы XX вв. Этнографические очерки. – М.: Наука, 1976. – С. 150, 153.

52. Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX веках. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. *И.С. Гурвич.* – М.: Наука, 1985.

53. История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. акад. *А.И. Крушанова.* – Л.: Наука, 1990. – 204 с.

54. История и культура коряков. Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. акад. *А.И. Крушанова.* – СПб.: Наука, 1993. – 235 с.

55. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. *В.А. Тураев.* – СПб.: Наука, 1997.

56. История и культура орочей. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. *В.А. Тураев.* – СПб.: Наука, 2001.

57. *Мурашко О.А.* Старожилы Камчатки в историко-демографической и социально-экономической перспективе // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. – М., 1985. – С. 77–88; *Мурашко О.А.* Ительмены и камчадалы: метаморфозы этнической идентичности // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. – М., 1996. – С. 358–377.

58. *Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области. ТИЭ, Нов. сер. – Т. XVII. – М., 1951. – 362 с.; *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. ТИЭ, Нов. сер. – Т. XXXVI. – М., 1958. – 356 с.; Этногенез народов Севера. – М., 1980.

59. *Диков Н.Н.* Древняя этническая история Камчатки, прилегающих областей Севера Дальнего Востока по археологическим данным // Краеведческие записки. Вып. V. – Петропавловск-Камчатский: Камчатское отделение Дальневосточного книжного изд-ва, 1974. – С. 157–162.

60. *Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности – М.: Наука, 1977. – 391 с.

61. *Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

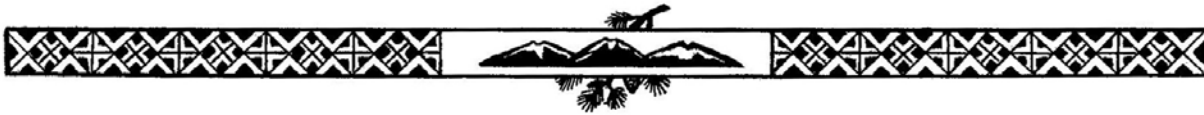
62. *Лебединцев А.И.* Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л., 1990. – С. 179, 224;

63. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 2000. – С. 189.
64. Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – С. 167–168.
65. Пономаренко А.К. Археологические разведки на острове Беринга // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 10. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1997. – С. 173–182.
66. Стеллер Г.В. Письма и документы. 1740 / Сер. Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. – Т. 1. – М.: Памятники исторической мысли, 1998; Титова З.Д. Историко-этнографическое описание народов Камчатки в трудах Г.В. Стеллера / Подгот. текста, пер., статья и примеч. З.Д. Титовой // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 11. – Петропавловск-Камчатский: КОКМ, 1999. – 87 с.
67. Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ. – СПб.: Наука, 1997.
68. Роль системообразующего фактора в процессе формирования и развития объединяющихся территорий. Сб. мат-лов. межрег. научно-практ. конф. 11–13 октября 2006 г. – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2006. – 289 с.
69. Культурно-историческое развитие народов Камчатки. Сб. докл. межд. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. пед. ин-та, 1999. – 259 с.; Успенская В.И., Голованёва Т.А. Ительменная разговорная речь в начале XXI века: экспедиция в село Тигиль в июле 2003 года // Вестник КРАУНЦ (Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»). Сер. Гуманит. науки. – 2003. – № 2. – Петропавловск-Камчатский; КГПУ, 2003. – С. 89–92; Кириллова А.И. Обряды, танцы, песни и мифы быстринских эвенов как способ сохранения уникальной культуры // Социально-этнические процессы в микро- и макроистории. Сб. мат-лов ежегод. науч.-теорет. конф. «Человек в истории» 22–23 декабря 2005 года / Под ред. Т.В. Воробьевой, Т.П. Минченко. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2005. – С. 208–218.
70. Новик Ю.О. Г.И. Лангсдорф о необычной «обуви» камчадалов // Ветер веков в парусах России. Мат-лы XX Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камчатская областная научная библиотека им. С.П. Крашенинникова, 2003. – С. 92–94; Чигоеввили М.А. Сакральные места ительменов: Кутхины баты // Веков связующая нить. Мат-лы XXII Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камчатская областная научная библиотека им. С.П. Крашенинникова. Информационно-издательский центр, 2005. – С. 204–207; Володарская Е.Е. Коллекция предметов по этнографии командорских алеутов из собрания Камчатского областного краеведческого музея (конец XIX в.) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 12. – Петропавловск-Камчатский: КОКМ, 2002. – С. 171–196; Шарахматова В.Н. Традиционные отрасли хозяйства ительменов западного побережья Камчатки (история развития и современное состояние) // Проблемы современной науки / Сб. науч. ст. Труды КамчатГТУ. Вып. 16. – Петропавловск-Камчатский, 2002. – С. 108–114; Вахрин С.И. Страна Уйкоаль // Куда плывет Камчатка? Сб. ст. – Петропавловск-Камчатский: РИО КОТ, 1993. – С. 25–30; Малокович В. Куткыннюку. Сказки и мифы карагинских, апукинских, алюторских, анапкинских коряков. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Белый шаман», 2001. – 184 с.
71. Петрашева В.В. Алхалалалай: из прошлого в будущее // Куда плывет Камчатка? Сб. ст. – Петропавловск-Камчатский: РИО КОТ, 1993. – С. 86–94; Нутаюлгин В.М. Традиционная рыбалка у береговых коряков: способы и орудия лова // Культурно-историческое развитие народов Камчатки. Сб. докл. межд. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. пед. ин-та, 1999. – С. 246–249; Михайлова В.З. Работа над фольклором клуба «Камчадалы» // «О камчатской земле написано...». Мат-лы XXIII Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камчатская областная научная библиотека им. С.П. Крашенинникова. Информационно-издательский центр, 2006. – С. 163–169.

УДК 39

О ЧЕМ ТРЕВОЖИТСЯ ШАМАН (заметки на полях культуры коренных народов Камчатки)

*В.Т. Кравченко,
заслуженный артист России, член Союза журналистов России,
преподаватель музыкального училища (г. Петропавловск-Камчатский)*

Эта странная и загадочная страна Уйкоаль (древнее название долины реки Камчатка) слишком долго ждала того часа, когда истинное искусство возникнет на ее дивных и суровых просторах. Веками рокочущий голос шаманского бубна несся к мерцающим звездам, веселя и тревожа душу. Из уст в уста летели поэтические легенды, сказки, родовые напевы. От стариков к детям тянулись традиции жарких празднеств, украшенных диковинными танцами и не менее удивительными нарядами. Однако даже в начале XX столетия культура земли камчатской (в нашем – современном – понимании) напоминала бескрайние белые снега со следами неразгаданных шаманских костров.

Но столь идеальное полотно по имени Камчатка, где лишь природа с бесконечным буйством создавала свои непревзойденные картины, словно давно готовилось впитать в себя живое сердце человека, его ищущую творческую душу. Настало время! И, подводя итоги ушедшему XX веку (преимущественно – второй его половине), мы вправе заявить: он, этот век (да, и трагичный, и такой разноликий), вошел в историю как время явления миру художественных ценностей, созданных именно на камчатской земле. Поэты, музыканты, артисты, танцоры,

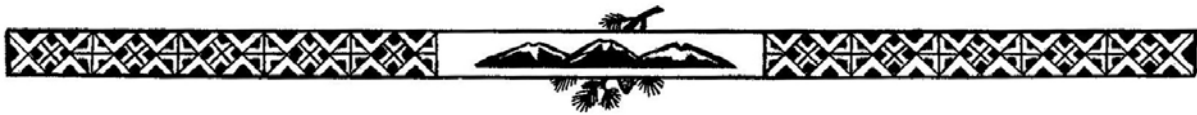
писатели, художники, родившиеся здесь или пришедшие на незнакомый берег издалека, сумели остро ощутить вечно меняющийся образ Камчатки, ее могучие стихии, которые, как гипноз, воздействуют на одаренную душу, и явить миру творения, достойные красавицы-земли.

Именно в этот же период непредсказуемого успеха добились и рожденные в разных уголках камчатского Севера национальные хореографические коллективы – «Мэнго», «Эльвель», «Энэр», «Факел» (вслед за ними – и еще десяток других). А восхитительные изделия местных народных умельцев, которые создавались ими для личного пользования, оказались востребованными в знаменитых музеях мира. Но если развитие светской культуры зависело и зависит от степени таланта и просвещенности ее носителей, то национальная культура коренных народов Севера, основанная на наследии предков и сумевшая – без письменных и иных документальных источников – дойти до наших дней, постоянно подвергалась и подвергается многим опасностям, которые способны ее, эту культуру, привести (и ведут!) к невозполнимым потерям.

К сожалению, и в наше время – в первом десятилетии XXI века – опасности не исчезают, а, напротив, множатся и усиливают свое влияние. Мнения редких ученых, озабоченных проблемами аборигенов, в провинции почти не слышны. Многочисленные совещания, научные конференции, круглые столы по сохранению и развитию древних традиций северян, которые проходят как в столице, так и в разных регионах России, включая Камчатку, в большей степени остаются лишь на бумаге. Создается впечатление, что огромный культурный пласт, которым в целом является духовное наследие малых народов России, вынужденно остается в руках энтузиастов-одиночек, число которых неизбежно сокращается.

Так происходит, к счастью, не везде. Некоторые северные регионы могут себе позволить (и позволяют!) с большим вниманием относиться к нуждам коренных народов, к изучению и сбережению национальных обычаев. Даже отдельные факты, выхваченные сегодня в Интерне-

те, удивляют нас, камчатцев, и вызывают откровенную зависть. В Якутии, к примеру, идут съемки 38 (!) неигровых научно-популярных видеофильмов «Мир традиций», призванных зафиксировать основы духовности коренных народов, их мифологию, фольклор, древние и современные празднества. В соседней Чукотке (с населением, замечу, в 55 тыс. человек, из которых коренных жителей всего-то 14,6 тыс.) реализуется региональная трехлетняя программа «Культура Чукотки», на которую выделено в общей сложности более 100 млн рублей! Там же мастера народных промыслов полностью освобождены от налогов.

А что же мы, камчатцы? Неужто столь бедны (при наших-то богатствах!), что только и думаем, как бы еще урезать («сиквестировать» – слово-то придумали!) мизерный бюджет культуры?! При этом мы абсолютно избавились от такого важнейшего для человека чувства, как угрызение совести. Приходят в кабинеты власти все новые и новые люди, и каждый из них (вероятно искренне) считает, что он не повинен в ошибках прошлого, а потому и исправлять их, каяться совсем не обязательно. Подобный путь не перспективен. На примере судьбы единственного на Камчатке – единственного в мире! – ительменского ансамбля «Эльвель» попробуем это увидеть.

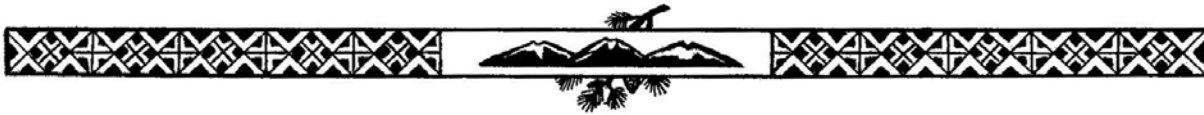
Поселку Ковран, что приютился у тихой речки на фоне загадочной сопки Эльвель, самой судьбой была уготована роль лидера. Ибо именно здесь сконцентрировались и пытались выстоять самые яркие творческие силы малочисленного ительменского народа. Историческая несправедливость, не оставившая для ительменов на карте Камчатки ни названия, ни территории, помноженная на цепь трагических событий трех последних столетий, привела народ на грань исчезновения. Достаточно взглянуть на карту русского землепроходца Владимира Атласова, отображающую места расселения камчадалов-ительменов в 1700 г. (от северной р. Тигиль до самой южной точки полуострова), сравнить ее с нынешней картиной – и в любых пояснениях нужда отпадает. Да и официальная сводка безжалостна: по данным Переписи населения 2002 г. численность ительменов, проживающих на территории России, составила около трех тысяч человек (кстати, все тот же Атласов насчитывал до 20 тысяч ительменов).

На фоне этой, увы, безрадостной картины во сто крат возрастает значение каждого шага, который мог бы помочь сохранению и развитию как жизнедеятельности ительменского населения, так и его культуры. И в этом смысле явление миру около сорока лет назад ительменского ансамбля «Эльвель» можно без преувеличения считать событием наиважнейшим.

Своим рождением ансамбль обязан удивительной и прекрасной ительменской мастерице, сказительнице, певунье – Татьяне Евстроповне Гуторовой (1930–2003). Именно она еще в 1967 г. попыталась встряхнуть односельчан-ковранцев, напомнить им об очаровании национальных мелодий, магической силе древних обычаев и танцев. Словно уже тогда она знала наставление известного русского археолога, академика А.П. Окладникова: «Сохранению подлежит прежде всего эстетическое восприятие мира, которое создавалось, укреплялось, росло в течение тысячелетий, не просто веков – тысячелетий. Вот этот оригинальный неповторимый эстетический мир и нужно охранять. Он очень нужен нам. Всем людям сегодняшнего дня».

Три года ушло на пробы, репетиции, обретение первых сценических навыков. Но когда в 1970 г. небольшой ансамбль Гуторовой пригласил земляков на премьеру музыкально-хореографической легенды «Эльвель», всем стало ясно: Камчатка обрела еще один дивный коллектив, которым можно гордиться. Она, Татьяна Евстроповна, сама сочинила сценарий, сама напела мелодии, которые обработали местный композитор Борис Заев и могучий талант Камчатки – поэт и фольклорист Георгий Поротов. Некоторые танцы к балету поставил тогда еще молодой солист «Мэнго» Борис Жирков. Мало кого из тех, первых, актеров можно увидеть сегодня на сцене, но их имена нельзя забыть, ибо каждый первопроходец оставляет след, по которому другим легче идти. Надежда Слободчикова, Любовь Притчина, Петр и Михаил Слободчиковы, Борис Киле, Яков Запороцкий, Алексей Садовников, Татьяна Левковская, Олег Оячек, Сергей Данилов – далекие от публичного искусства люди сумели объединиться на основе горячей любви к земле предков, услышать их голоса, проникнуться духом откровенного и возвышенного творчества. С момента премьеры сам ансамбль закрепил за собой имя «Эльвель». И, вероятно, потому возникла некоторая путаница с празднованием круглых дат. В 1988 г. (а почему не в 1987-м?) ансамбль отмечал свое двадцатилетие. А торжества по случаю 30-летия

прошли... в 2000-м. Но не станем придирааться. Главное в другом: создав ансамбль, поставив первый крупный спектакль, ковранцы попытались таким образом установить некую защитную преграду на тропе исчезновения своей крохотной, но необыкновенной цивилизации.

Татьяна Гуторова играла в спектакле «Эльвель» роль матери главной героини. Появляясь на сцене, исполняя проникновенные ительменские напевы (о, как она пела!), она сама стала олицетворением души ансамбля, его высоким постоянным символом. Спустя годы Татьяна Евстроповна перебралась в Петропавловск. Но сердце ее неизменно оставалось там, в Ковране. Выбираясь иногда в любимое село, принимая участие в празднике «Алхалалалай», Гуторова всегда воспринималась всеми как строгий бескомпромиссный судья, который не прощает фальши, но и всей силой души поддерживает все искреннее, настоящее.

В 1980 г. руководить ансамблем стал Борис Жирков, уникальный камчатский хореограф, оставивший яркий след в творческой судьбе «Мэнго». Именно он когда-то под руководством Александра Гиля играл роль богача Иныла в первом корякском балете. Именно он, побывавший в Париже и еще в десятке роскошных столиц мира, нашел в себе силы вернуться в свое крохотное полузабытое село, чтобы принять эстафету из рук Татьяны Гуторовой и с неизменным упорством и достоинством продолжать работу по художественному развитию ительменского фольклора.

Под руководством Бориса Александровича ительмены с. Ковран появились в 80-е гг. минувшего века на сцене Дворца съездов, на открытых площадках ВДНХ, участвовали в I (и, как оказалось, последнем) Международном фестивале фольклора. Весной 1988-го ансамбль «Эльвель» был включен в состав большой творческой делегации и на борту агитационного теплохода «Корчагинец» совершил свой первый зарубежный вояж – во Вьетнам. Последнее десятилетие века принесло всем нам, как известно, новые проблемы, непредвиденные сложности. Но ни распад великой державы, ни безумная скупость государства, давно считающего (такой уж вывод напрашивается) культуру делом второсортным, не смогли погасить патриотическую потребность людей сохранить свое лицо. Пережив немало бед, обид, разочарований, ансамбль «Эльвель» выжил. На смену бывшим артистам приходили новые. Появлялись спонсоры, которые находили немалые суммы, чтобы искусство ительменов смогли узнать в далеких странах мира. Благодаря участию акционерного общества «Иянин Кутх» (генеральный директор – Иван Михнов) «Эльвель» в 1996 г. посетил Германию, где отмечалось 250-летие со дня рождения Георга Стеллера. Чуть позже концертмейстер ансамбля и композитор Анатолий Левковский демонстрировал свое искусство в США и с помощью американских друзей сумел выпустить первый сборник своих песен и мелодий. С интересом знакомились жители Германии с родовыми песнями Елены Зуевой (1998 г.), а блистательный ительменский танцор Леонид Сысоев пленил Норвегию своим уникальным горловым пением (1999 г.). Четыре дальние поездки состоялись у ансамбля «Эльвель» в 2000 г., включая посещение норвежского фольклорного фестиваля «Риду-риду» и летние гастроли по югу Франции. В 2003-м ковранские танцоры выступали в США и Канаде.

Артисты гордятся своими успехами, возможностью периодически видеть культуру иных народов и во весь голос заявлять о себе. Однако наивысшая ценность творчества ковранцев заключается, конечно же, не в дальних заморских гастролях, а в том, что на родной земле, в самых неимоверно тяжелых условиях они стойко и преданно служат своему народу, не дают уникальной ительменской культуре исчезнуть навсегда.

В этом плане возрожденный в 1987 г. и получивший развитие ительменский праздник «Алхалалалай» занимает в деятельности ансамбля одно из центральных мест. На торжество стекаются не только односельчане. По возможности прибывают гости из отдаленных сел. Прилетают ученые, деятели культуры Петропавловска, Паланы, многочисленные иностранцы. Ительмен Олег Запороцкий, игравший многие годы первостепенную роль в решении организационных проблем празднества, добровольно брал на свои плечи доставку гостей, рекламу, поиск спонсоров, призов и наград. А в минуты вдохновения запросто выходил на сцену с гитарой, чтобы спеть родную мелодию.

Праздник «Алхалалалай» – действительно, далеко не прост, многослоен. Он длится несколько суток, стартуя в первой половине сентября, но непременно в период полнолуния.

В программу входят различного рода состязания. Женская половина села любит конкурс «Мимсах» («Лучшая хозяйка»), в котором можно проявить знания по кулинарии, краеведению, исполнить родовую мелодию на родном языке. Мужчины соревнуются на реке: кто лучше поставит запоры, чиручи, кто скорее и качественнее обработает морского зверя, пойманную рыбу... Неизменно красочным является конкурс «Дары страны Кутхи» на лучшее ительменское блюдо. Тут, действительно, глаза разбегаются. На огромных столах появляются сотни солений, выпечек, наливок, искусно оформленных и зачастую сделанных по личному рецепту. Не остаются в стороне и дети. Они, наравне со взрослыми, участвуют в выставках прикладного искусства, заранее оформляют традиционный показ своих рисунков.

Но ключевым моментом праздника является, конечно, обряд очищения. Это – целое магическое действо, в котором задействованы все присутствующие. Жаркий костер в центре Балаганной площади (на берегу р. Ковран) становится как бы главной точкой, вокруг которой движется бесконечная цепочка взявшихся за руки людей. Но вот Борис Жирков ударяет в бубен. Ему отвечают десятки других бубнистов. Артисты ансамбля «Эльвель» начинают действие. Ритуальные сюжеты сменяются современными фольклорными постановками. Сила и эмоциональная энергия танцоров действуют лучше любой команды. Темп нарастает, все жарче разгорается пламя. Вокруг почти не остается зрителей. Все пляшет, ликует, шумит... Внезапно пляска приостановилась. Расступаются люди, давая дорогу безмолвному шествию. Нового деревянного идола, олицетворяющего еще один, мелькнувший в бездне времен «Алхалалалай», торжественно доставляют на место и устанавливают в один ряд с его предшественниками.

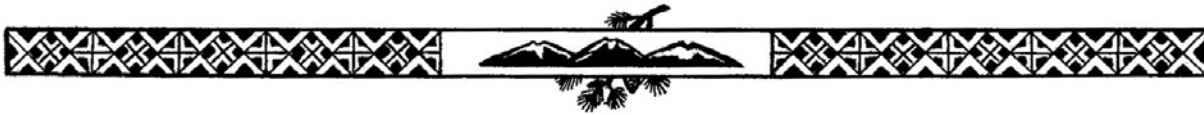
Потом начинается самое важное. Огромное кольцо, сплетенное из веток березы, всплывает над поляной. И каждый (!), волнуясь, проходит сквозь него. Каждый возносит руки к небу и радостно, облегченно восклицает: «Алхалалалай!»... А в девять вечера тут же, у костра, стартует танцевальный марафон. Пары-добровольцы, пройдя медицинский осмотр, пускаются в пляс, рассчитывая победить и уж, конечно, перекрыть прежние рекорды. Условия этого состязания не просты: ноги у танцоров – полусогнутые, отдых – три минуты медленных движений ежечасно. Разрешено пить воду и... целоваться.

Но оставим танцующих «марафонцев» близ ночного огня. Вернемся к прозе. Промчится праздник – разъедутся все гости. Потом снегами занесет Ковран... Ансамбль «Эльвель» будет вспоминать былое, мечтать о будущем... Им трудно! Одиноко! Их крайне мало! Когда еще в 2000-м году я попросил составить список артистов, на которых, по сути, держится культура ительменов, то увидел... 12 имен: Олег Слободчиков, Валерий и Юрий Мещеряковы, Ольга Ковалева и Алеша Соколов, Олеся Щупакова, Ольга Коваленко, Настя Сарычева, Татьяна и Анатолий Левковские, Леонид Сысоев, Борис Жирков. Сегодня, восемь лет спустя, их еще меньше. Уехал в 2003 г. Леонид Сысоев на один год в Соболево: создать там – по просьбе администрации – местный хореографический ансамбль. Да так и застрял в чужом селе. А в конце прошлого года случилось невероятное: незаменимый символ «Эльвеля» – уникальный мастер и танцор, художественный руководитель ансамбля Борис Жирков по совету друзей покинул родной Ковран и оказался вдруг в Сосновке (близ Елизово), где в этнокультурном центре «Пимчах» стал создавать новый коллектив «Ныта Айван» («Душа Севера»)...

Судьбу отдельно взятого человека, оставившего родные места, близких людей, можно объяснить. Но роль государевых мужей, ответственных за все, что происходит на вверенной им территории, понять и оправдать нельзя. Если судьба единственного в мире (буду подчеркивать это многократно!) ительменского ансамбля пущена на самотек, если никто не озабочен созданием нормальных условий для его артистов, не думает о подготовке кадров, если ни в каких планах даже нет обещаний на «светлое будущее» – откуда надежды, силы?! Да вдумайтесь: в 1998 г. (ровно 20 лет назад!) сгорел в Ковране крохотный сельский клуб, где размещался всемирно известный ансамбль «Эльвель», и с тех пор никто палец о палец не ударил, чтобы построить новый. Какая уж здесь перспектива!

А сколь много было надежд, порывов, высоких планов! Я хорошо помню конец 80-х, когда встрепенулся Ковран, увидел где-то в отдалении свет. 13 июля 1987 г. в сельском клубе прошел так называемый круглый стол редакции областной газеты «Камчатская правда» и интеллигенции села Ковран. Обсуждались вопросы сохранения языка, традиций, жизнеспособности на-

циональной культуры. Ровно год спустя в том же клубе прошла научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития ительменской культуры. На этот раз свыше 30 специалистов Коврана, области, округа попытались выработать конкретные и, как тогда казалось, реальные планы. Был даже объявлен публичный конкурс на проект многофункционального центра ительменской культуры в с. Ковран, и ряд архитекторов предложили свои варианты. Строительство предполагалось осуществить в 1991–1993 гг. Но – рухнуло государство по имени СССР. И новая «рыночная» жизнь мгновенно перечеркнула все надежды.

Какое-то время в ительменском (да и не только) краю царила растерянность. Но культура, как известно, сдаётся последней. Продолжал свою деятельность ансамбль «Эльвель». С достойным уважением упрямым проводился праздник «Алхалалай». Немногочисленные лидеры земли ковранской, создавшие в феврале 1989 г. Совет возрождения культуры ительменской народности, искали новые варианты спасения своего народа... Прошло еще десять лет. В 2000-м я вновь оказался в Ковране. Перемены? Они – налицо. Еще больше обветшали дома. Часть из них заброшена. На единственной улице (50-летия Октября!) – три фонаря. В квартире двухэтажного дома, где довелось жить, не работают водопровод и санузел: когда-то разморозили трубы, да так и не починили. Самое крупное строение села – ферма – стоит пустым и безмолвным памятником прошлому. Тяга к хмельным напиткам растёт. Но самое печальное – дух населения: никому не верят, ни на что не надеются.

Нельзя сказать, что ничего не предпринималось на высоком уровне для перелома ситуации. Еще в конце 1998 г. появилось Постановление губернатора Корякского автономного округа о создании так называемой территории «Тхсаном» («Рассвет») на юге Тигильского района. Но идея закрепления и охраны территорий традиционного природопользования в бассейнах рек: Ковран, Утхолок, Сопочная, Морошечная, Белоголовая – просуществовала недолго: в начале 2001 г. новый губернатор округа это постановление отменил, сославшись на «нестыковки» с федеральным законодательством. Появившийся в 1999 г. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» работает настолько вяло, что говорить о каких-либо существенных улучшениях в жизни аборигенов Камчатки не приходится...

Появление иностранных гостей на камчатской земле, думаю, можно только приветствовать. Наглухо закрытые до известного времени двери Камчатки внезапно распахнулись, явив миру и непревзойденные красоты полуострова, и все те дикие проблемы, которыми «богата» наша жизнь. В одном только Ковране успели побывать десятки иностранцев. Выяснилось, что и в далеких странах думают о нас, готовы поддержать и даже финансировать творческие начинания аборигенов. Дэвид Коэстер, Джонатан Бобалик, Ингрид Саммерс из США, Борис Шишло и Николя Эботнер из Франции, Питер Ернек из Канады, Тьян Заочная, Сергей Лонгинов и Эрих Кастен из Германии – эти имена уже вошли в летопись Коврана. При поддержке Всемирного фонда дикой природы (WWF) был создан этноэкологический центр, призванный вести в селах компактного проживания ительменов разъяснительную и просветительскую работу. И вот что интересно: зарубежные ученые акцентируют свое внимание на изучении и развитии творческого духа аборигенов, их традиций, родного языка, как бы напоминая нам, хозяевам земли российской, о том, что без культуры никакой прогресс невозможен. Американский профессор Дэвид Коэстер, прочитавший, по его признанию, в двенадцать лет книгу С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», со своими коллегами целый год прожил в Ковране. В результате издан небольшой ительменский словарь, сборники сказок, песен местного композитора и баяниста Анатолия Левковского. А в 2008 г. американский ученый представил электронный вариант исследования о жизни и творчестве Татьяны Петровны Лукашкиной (1918–1999). Доктор философских наук, профессор Свободного университета в Берлине Эрих Кастен с 1993 (!) г. изучает Камчатку. Им изданы книги и учебные пособия, четыре компакт-диска, один из которых – по изучению ительменского языка.

Программы, финансируемые иностранцами, конечно же, важны, полезны. Но все время возникает один и тот же вопрос: а где же мы, Россия? Нет денег? Разумения? Желания? Почему власть, бесконечно меняющаяся «условия игры», так и не выработала единой и верной стратегии, гарантирующей нормальное развитие государства на всех его пространствах и – во всех направлениях, включая культуры малых народов?!

История ансамбля «Эльвель», его критическое на сегодняшний день состояние – не просто свидетельство взлета и падения очередного творческого коллектива, каких по стране тысячи. Исчезновение единственного (подчеркиваю вновь!) ительменского ансамбля может поставить окончательную точку в судьбе его маленького народа. Допустить это невыносимо. Но, кажется, мы постепенно примирились с этим, расписались в собственном бессилии. Не бьем в набат, не принимаем экстренных мер.

Впрочем, отстаивая интересы культуры, я далек от мысли, что одно лишь (представим невыносимое) щедрое финансирование ансамбля «Эльвель» способно сберечь ительменов как этнос.

«Нужно охранять не культуру, – говорил выдающийся русский ученый Лев Гумелев, – а сами этносы и их ареалы, которые, как мы понимаем, часть их этнической истории». А другой «великий следопыт» прошлого, академик Алексей Окладников еще четверть века назад отмечал: «Для нас вопрос состоит не в том, сохранять или нет самобытную культуру северных народов, их драгоценное культурное наследие, а в том, как это сделать в условиях, с одной стороны, натиска научно-технической революции, и с другой, тенденции к интернационализации культур». Понятно, что речь здесь не идет о резервациях, созданных для индейцев в США. Вопрос в том, как, решая задачи экономического движения, одновременно комплексно содействовать изучению, сохранению языков и традиционного культурного наследия северян.

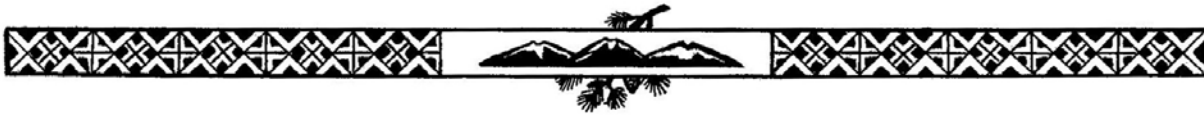
Впрочем, об этом уже так много сказано, написано, законодательно оформлено, что нет необходимости вновь «изобретать велосипед». По-прежнему на самом высоком государственном уровне признается нарастание негативных тенденций практически во всех областях жизни коренных жителей Севера. Вторично ООН объявила десятилетие коренных малочисленных народов, пытаясь привлечь мировое сообщество и, конечно же, Россию к социальным, правовым и духовным аспектам жизни аборигенов. Есть ли перемены к лучшему? Возможно, в некоторых регионах что-то и меняется. Но на Камчатке – если судить о жизни ительменов, безрадостной судьбе всемирно известного ансамбля «Эльвель» – причин для оптимизма мало.

Ну а как же работают другие национальные ансамбли Камчатки? Быть может, проблема ковранцев – горькое, но исключение?

Живут по-разному. Но все же, практически ко всем ближе определение не «живут», а выживают. Конечно (как и всегда) решающая роль принадлежит руководителю. Там, где умеют наладить тесный диалог с местным и «столичным» начальством да, к тому же, способны самостоятельно привлечь спонсоров, картина получше. Примеры тому – эвенкий ансамбль «Нулгур» из Эссо (художественный руководитель – заслуженный работник культуры России Галина Федотова), корякский «Ангт» под руководством народного артиста России Иосифа Жукова из Паланы. Им удастся вести активную творческую деятельность, часто выступать, а иногда бывать даже в дальних концертных поездках. Тем не менее даже эти два, на первый взгляд, благополучных коллектива имеют свои проблемы. В более выгодной ситуации находится «Ангт»: в его составе – многие прославленные хореографы, прошедшие профессиональную школу в ансамбле «Мэнго», а также молодежь – студенты и выпускники хореографического отделения Паланского педагогического училища. Но оторванность окружного центра от Петропавловска, неоправданная дороговизна авиаперелетов вынуждают коллектив по большей части находиться дома, не имея возможности бывать даже в национальных селах Корякии. Ансамбль «Нулгур» из Эссо и его соседи из Анавгая – детский ансамбль «Орьякан» и подростковый «Нургэнэк» – в этом плане более удачливы: автомобильная трасса помогает им чаще бывать на фестивалях, праздниках, которые проводятся в Петропавловске.

Крайняя изолированность жителей национальных сел Севера, вызванная, в первую очередь, экономическими проблемами, низкий уровень жизни местного населения несут и другую опасность. Молодежь, «хлебнувшая» (пусть примитивных) благ цивилизации, попав, скажем, в краевой центр, категорически не желает возвращаться домой. Примеров тому масса. Но на их фоне еще более тревожно выглядят факты бегства из родных мест деятелей национальной культуры и даже целых творческих коллективов. Самый яркий «образец» из этой сферы – переезд в 2003 г. Корякского государственного академического ансамбля «Мэнго» из пгт Палана КАО в г. Вилючинск. Выиграл ли от этого ансамбль, стало ли лучше культуре Корякского округа – ответ ясен. Коллектив покинули опытные мастера, воспитанные в ансамбле Алексан-

дром Гилем (многие из них предпочли остаться на родимой земле). Молодые танцоры, которым бы надо многому поучиться у ветеранов национальной сцены и у своих земляков, оказались в изоляции. Да, бытовые условия жизни артистов стали лучше. Но это совершенно не спасает коллектив от творческого застоя: с 2000 г. гордость Камчатки по имени «Мэнго» не представила публике ни одной новой концертной программы! Где уж тут развитие?

Но «Мэнго» аплодируют. Им по-прежнему восхищаются. Особенно – за границей, где ансамбль бывает постоянно. Но мы должны понимать: бесчисленное множество международных фольклорных фестивалей, проходящих ежегодно в самых разных странах мира, имеют целью порадовать и удивить зрителей многообразием и несхожестью культур больших и малых народов, обитающих на разных континентах. Но на этом их задача, как правило, исчерпывается. На фестивалях не звучит критическое слово специалистов. Не ведется серьезной научно-исследовательской работы. Все это порождает у участников фестиваля своего рода иллюзию творческого благополучия. Раз нам аплодирует Европа – значит, мы лучшие.

Потери велики. Но, к счастью, потенциал культуры Камчатки все еще заметен и многообразен. Об этом нам постоянно напоминает фестиваль творчества коренных народов Камчатки «Золотые родники», который с интервалом в два года проходит в Петропавловске (последний такой праздник состоялся в сентябре 2008 г. и привел на одну сцену около 200 участников из большинства районов Камчатского края). Фестиваль важен. Кроме ярких встреч с носителями традиционных культур, он служит сохранению единого культурно-информационного пространства, наглядно выявляет художественные резервы, но и зримо иллюстрирует творческие трудности, промахи, ошибки северян. Проблемы эти не новость. Некоторые коллективы застыли в развитии, предлагая зрителям давно представленные постановки. Некоторые (такие, как некогда знаменитый «Энэр» из Караги) вообще исчезли из поля зрения. Постепенно угасает дух поиска, а спасают эмоции, природный дар и энтузиазм. Еще в декабре 2001 г. на научной конференции по фольклору народов Севера в Санкт-Петербурге было заявлено: «То, что показывают полупрофессиональные ансамбли под руководством специалистов-хореографов или профессиональные коллективы наподобие чукотского ансамбля «Эргырон» или корякского «Мэнго», уже не соотносится с этнической культурой ни в отношении рисунка танцев, ни в отношении костюма (сценические костюмы большинства ансамблей являются лишь имитацией народного костюма, в которой уже выработались свои приемы)».

Это наблюдение ученых не потеряло актуальности. О глубоком изучении историко-культурного наследия северян, об ответственном сохранении специфических отличий каждой из культур не только малого народа, но и малочисленных этнических групп Камчатки, можно говорить с большой натяжкой. Главная беда – редет список общепризнанных лидеров – знатоков искусства северян. Все в большей степени наблюдается размытость национальных основ, неосознанная попытка (или ошибка) показать некий обобщенный лик народов Севера (имеющих, безусловно, между собой много общего). Чтобы остановить этот процесс стирания этнических граней между ительменами, коряками, чукчами, необходима глубинная, постоянная и комплексно реализуемая программа на уровне не только региона – всего государства.

Но давайте признаемся: ожидая (по привычке) указаний и помощи из Центра, мы далеко не всегда делаем то возможное, что зависит от нас самих. Ушел из жизни в середине 90-х великий корякский хореограф Сергей Кевевтегин – мы спешно ликвидировали отделение национальной хореографии при музыкальном училище, словно в новых кадрах потребности не предвидится. Нагрянули все в те же годы финансовые сложности – с легкостью закрыли детские музыкальные и школы искусств в Тигиле, Усть-Хайрюзово, Крутогорово, даже в Никольском (на острове Беринга), где музыке, живописи, танцу обучались многие ребята коренных национальностей. Неужто всерьез думали, что эти, сэкономленные на детях, крохи могли спасти «государев» бюджет?! А в Паланском педагогическом училище, где до сих пор воспитывают учителей-хореографов, основной предмет – национальную хореографию – низвели до трех уроков в неделю. Чему успеют научиться будущие носители северной культуры за эти мизерные часы – не трудно догадаться... И мчатся годы, уже и деньги в государстве появились немалые, но пока не слышно, что кто-то собирается выправлять ошибки далекого и не столь отдаленного прошлого.

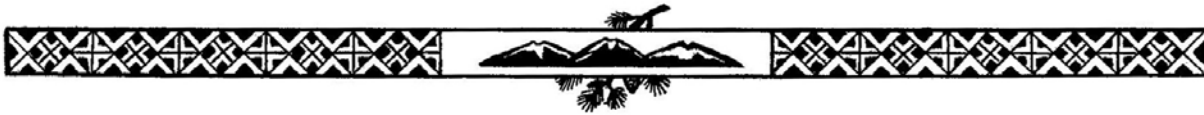
Между тем проблема сохранения и развития художественного образования, поддержка молодых дарований в сфере культуры коренных народов – крайне остра и актуальна. Необыкновенный опыт детского ансамбля «Школьные годы» (Палана), которым руководят мастера национальной хореографии Светлана Беляева и Сергей Кутынкава, показывает, как прирастают к искусству ребята, с которыми занимаются постоянно и на протяжении всего периода взросления. Но даже они, познавшие разные сцены мира, в конце концов, выбирают для взрослой жизни другую – далекую от культуры – профессию. Действительно, кому захочется обречь себя на низкую зарплату, кто добровольно захочет остаться в поселке, в котором не просматривается перспектив? В результате подобного отношения государства к маленьким селениям и нуждам культуры продолжается процесс духовного оголения больших пространств Севера, а абсолютно все национальные хореографические коллективы (да и не только они) нуждаются сегодня в кадрах. Но силы-то пока есть. К подготовке кадров можно и нужно привлечь опытных мастеров – бывших артистов «Мэнго», бесценный опыт и знания которых используются по минимуму. Краевому музыкальному училищу предстоит возобновить работу отделения национальной хореографии. Просто в аварийном порядке необходимо искать, фиксировать на современных носителях и изучать (!) все проявления духовной культуры северян (в последние годы силами энтузиастов вышла серия дисков «Этническая музыка Камчатка» – работа уникальная, требующая продолжения и участия в ней государственных структур). И, безусловно, важно создавать настоящий банк данных по духовному наследию коренных народов Камчатки, где были бы сконцентрированы все имеющиеся и разбросанные по разным частям света (в музеях, библиотеках, личных собраниях, научных и учебных центрах) образцы и свидетельства подлинной культуры аборигенов камчатского полуострова...

Есть множество причин, что в сочетании нам создают Художника. И среди них важнейшая – природная способность любить и чувствовать (и почитать высоко!) родные корни, идущие из прошлого традиции, мелодии, поверья. Еще, конечно, важен круг единомышленников (всегда он невелик), что создает опору и расширяет круг влияния. Татьяна Лукашкина, к слову, никогда не была одинока: ни в те опасные 30–50-е гг., когда ломались привычные устои жизни северян (а вместе с ними гибли и духовные богатства), ни значительно позднее, когда шаманский ритуал стал превращаться в концертный номер, рискуя потерять при этом саму суть неразгаданного до конца действия. Сегодня мы знаем имена тех, кто не только сберег исконную культуру северян, но и помог узнать о ней всему миру.

В ряду первом, конечно же, стоят Татьяна Лукашкина, Георгий Поротов, Владимир Коянто (Косыгин). Такие несхожие, достигшие художественной зрелости в разных направлениях, они, в то же время, чрезвычайно близки друг другу. Сказительница, мастерица и педагог Лукашкина, поэт, писатель, композитор Поротов, поэт, писатель, драматург и (не удивляйтесь!) – бескомпромиссный политический деятель Коянто всю жизнь не расставались с бубном, плясали, пели, сочиняли и стали для северян неким образцом горячей верности фольклорному искусству. Они же, помогая и поддерживая все творческое, при этом сохраняли за собой жесткое право судить и поправлять, не поддаваясь компромиссам и отчаянно спорить даже с теми, с кем (в известную всем пору) спорить не рекомендовалось.

Еще они учили ценить свое прошлое, копаться в памяти дедов, прислушиваться к голосу ученых и – почитать учителей. И потому, просматривая ныне яркую и поучительную историю единственного профессионального корякского ансамбля «Мэнго», исследуя творческие достижения многих национальных самодеятельных коллективов – из Караги, Анавгая, Коврана, Манил, Тиличик, Паланы, – мы видим, как зависят они друг от друга, как абсолютно все испытали влияние таких неповторимых личностей, как Поротов, Коянто, Лукашкина, Гиль. Если же судить в целом, культура Камчатки во всех ее проявлениях наиболее полно питалась как бы из двух источников, рождающих особое вдохновение художников, поэтов, музыкантов, танцоров: неповторимого образа камчатской земли и уникальных вековых традиций северян, что смогли добраться до наших дней и поразить воображение. Это влияние заметно даже в развитии таких, казалось бы, отдаленных от камчатских истоков видов искусств, как театр и музыка. Ни один настоящий мастер, ни один профессиональный коллектив (как хоровая капелла Евгения Морозова или камерный оркестр Георгия Аввакумова) не избежали камчатской темы, всегда испытывали на себе ее вдохновляющее влияние.

Необыкновенное творчество северян может стать (и уже становится!) одним из ресурсов развития Камчатского региона. Интерес к искусству аборигенов у гостей полуострова крайне высок. На этой околокоммерческой волне возникли национальные центры «Мэнэдек» близ с. Анавгай, «Пимчах» в с. Сосновка Елизовского района. Они подстегивают творческие усилия коренных жителей, дают некий дополнительный доход и украшают самобытный образ самой Камчатки. Важно не перегнуть здесь палку, не увлечься изготовлением «продукции», уводящей мастеров в мир подделок. И, конечно же, наивно думать, что создание таких туристических объектов поможет разрешить глобальные проблемы самосбережения малых народов. Сохранение и развитие языков, поддержка народных художественных промыслов, развитие хореографических коллективов, научные исследования и подготовка кадров – все это должно стать настоящей заботой государства. Как, безусловно, и качественное улучшение социальной среды, в которой они, наши северяне, находятся.

А артистам, музыкантам, художникам, танцорам один совет: нужно четче обозначать проблемы, резче ставить вопросы, требовать, в конце концов, не опасаясь вызвать недовольства вышестоящего начальства. Ведь они, эти проблемы, если их не решать, имеют свойство накапливаться...

Но вернемся снова в Ковран. Малочисленный ительменский народ подарил Камчатке солидную плеяду ярких самобытных имен, которые сегодня мы произносим с непритворной гордостью. Татьяна Лукашкина и Георгий Поротов, Надежда Старкова, Анатолий Винокуров и Зинаида Машихина, Александр Притчин, Клавдия Халоймова и Василий Краснояров, Татьяна Гуторова, Валерий Запороцкий, Яков Жирков, Наталья Селиванова, Виктория Петрашева, Борис Жирков, Татьяна Романова, Борис Заев – свыше тридцати фамилий можно назвать, не задумываясь. Среди них есть писатели и музыканты, художники, танцоры, ученые и педагоги. Их талантом, трудом, их сердцами создано и все еще создается великое достояние, которое мы не вправе утратить. Побывав очередной раз в Ковране, поразмышляв о судьбе коренных жителей, их культуре, радостях и бедах, приходишь к единственной и, увы, не новой мысли: необходим, как воздух, единый центр ительменской культуры, который станет для всех нас музеем, школой, исследовательской лабораторией, библиотекой, картинной галереей. Лишь соединив все вместе, мы придем к успеху.

А пока... Стоят на берегу реки Ковран молчаливые идолы. Ветер и снег хлещут в их бесстрастные лики. Бесконечной чередой восходят над ними солнца и луны. Кажется, само Время дорисовывает их облик, иссушая деревянную плоть, прибавляя трещины-морщины... Их уже двадцать – молчаливых свидетелей и участников древнего и возрожденного из пепла обряда «Алхалалалай». Каждого вырезал из ствола многолетней березы художник. Есть здесь работы Вадима Санакоева, Валерия Запороцкого, сына Татьяны Евстроповны – Олега Гуторова. Не знаю, о чем размышляли мастера в момент действия, какие думы посещали их сердце. Но когда новый магический деревянный лик поднимается над Балаганной площадью, все снова думают: жив еще ительменский народ, есть еще в нем силенки для борьбы и творчества.

А мне все кажется, что эти идолы, стерегущие берег небольшой ительменской реки, их одинокий шаман, тревожащий ночное небо бубном, зывают о помощи. Все тише и тише...

УДК 008

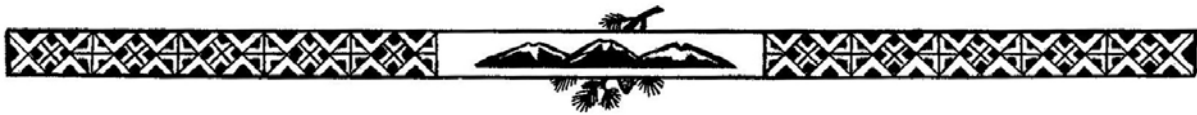
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СВЕТЕ БАЗОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Н.А. Каразия,

к.филол.н., доцент кафедры перевода и переводоведения КамГУ им. Витуса Беринга

Проблема исследования механизмов, результатов и перспектив взаимодействия культур имеет в наши дни особую актуальность. Процесс глобализации ведет к исчезновению полити-

ческих, идеологических и культурных границ между государствами, народами и этническими группами. Взаимодействие народов и культур стало неизбежным и постоянным. Сегодня невозможно найти такие нации и народности, которые не испытали бы на себе политическое, социальное и культурное влияние других народов. Особую остроту приобретают эти проблемы, когда речь идет о малочисленных народах Сибири и Дальнего Востока.

Развитие цивилизации характеризуется очень сложными процессами. В блоке культурологических дисциплин особое место занимают вопросы изучения уровня социального и культурного развития наций, их консолидации, ассимиляции, интеграции, межнациональных браков, двуязычия, развития национального самосознания, национализма, шовинизма и т. п. Под ассимиляцией понимается процесс, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначально существовавшую культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте. Этот процесс может происходить спонтанно, и в данном случае ассимиляция может рассматриваться как один из типов процесса аккультурации и как результат этого процесса. Вместе с тем этот термин часто используется в другом значении и обозначает особую политику доминирующей национальной группы в отношении этнических меньшинств, направленную на искусственное подавление их традиционной культуры и создание таких социальных условий, при которых участие меньшинств в институциональных структурах доминирующей группы опосредствуется их принятием культурных моделей данной группы [1].

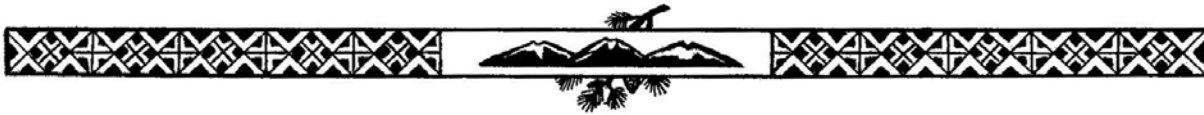
Как и во всем мире с его интенсивными связями, в России всегда активно шли процессы национальной ассимиляции. При этом имела место естественная ассимиляция, когда небольшие национальные группы добровольно перенимали язык, культуру, бытовые обычаи большей нации, в окружении которой они живут. Эти процессы всегда считались прогрессивными. Однако реальность показывает, что для коренных и малочисленных народов Севера (в том числе для народов полуострова Камчатка) этот процесс имел весьма неоднозначные последствия.

А.А. Максимов в статье «Реализация интересов северных народов в условиях промышленного развития» отмечает, что «... уже в конце 20-х годов самоуправление национальных территорий подменяется централизованным управлением, национальная культура превращается в инструмент пропаганды, а различные направления политики в сфере экономики, образования и пропаганды неумышленно или целенаправленно формируют расистские предубеждения среди переселенцев и работают на ассимиляцию коренных жителей в общество переселенцев. Результаты этой политики хорошо известны: на фоне общего неблагополучия в России среди малочисленных народов Севера наблюдаются чрезвычайно высокие показатели безработицы, смертности, алкоголизма, самоубийств, психических, инфекционных и других заболеваний. Активное освоение минерально-сырьевых ресурсов северных территорий остается одним из приоритетов экономической политики России в новом столетии. В то же время народы Севера, оказавшись в численном меньшинстве не только в регионах проживания, но и в большинстве административных районов, не имеют адекватных механизмов выражения и реализации своих интересов. Хотя их права на земли и самоуправление признаются Конституцией и законами Российской Федерации, существующие законы во многом противоречивы и декларативны и не могут преодолеть доминирование интересов промышленности. Это свидетельствует не только об устойчивости сложившейся теории и практики освоения северных территорий, нежелании решать проблемы, но и о сложности вопроса и недостаточности знаний» [2].

Многие специалисты называют ассимиляцию одним из ведущих факторов, определяющих этническое развитие народов Севера. Особенно быстро у всех народов идет языковая ассимиляция. Вместе с родным языком исчезает целый пласт духовной культуры, значительной трансформации подвергается и материальная культура.

Проблема ассимиляции весьма сложна и дискуссионна. Имеется мнение, что уже давно назрела необходимость в разработке новых концептуальных подходов к изучению современных этнических процессов, в сравнении этих процессов у различных народов (т. е. по существу – в выявлении факторов, определяющих развитие этнических процессов), в совершенствовании методов прогнозирования и т. д.

Для современной лингвистики, стоящей на позициях антропоцентризма и экспансионизма, одной из наиболее серьезных задач является проблема развития навыков коммуникации между представителями различных культур и исторически сложившихся культурных моделей. Весьма актуальной стала тема диалога и взаимопонимания культур, в которой все большее значение имеют вопросы специфики, самобытности и различий культур разных народов. Процесс глобализации, ведущий к унификации культур, порождает у некоторых народов стремление к культурному самоутверждению и вызывает желание сохранить собственные культурные ценности. В результате культурных контактов мы часто сталкиваемся с конфликтом культур, основанным на различии базовых культурных представлений этнических групп и наций. Каждый человек реагирует на внешний мир в соответствии с особенностями своей культуры. Эти культурные нормы зачастую не осознаются индивидом, поскольку составляют часть его личности. Осознание особенностей собственной культуры происходит при контакте с людьми, которые в своем поведении руководствуются другими культурными нормами. При этом такого рода взаимодействия зачастую связано с дискомфортом или порождает конфликтные ситуации и требует обстоятельного исследования.

Проблема общения и взаимопонимания различных народов и культур может быть рассмотрена через призму основных концепций теории межкультурной коммуникации. Теория межкультурной коммуникации – молодая, интенсивно развивающаяся дисциплина, которая формирует свой категориальный аппарат и методологию исследования, используя данные смежных наук – культурной антропологии, социологии, лингвистики, теории информации, социальной психологии и др. Однако, несмотря на растущий объем теоретической литературы и практических исследований, методология фундаментального системного анализа культурных особенностей того или иного этноса недостаточно разработана. Так, отсутствует систематическое обобщение данных различных исследований, во многих случаях эмпирические доказательства концепций, основанных на сопоставлении культур, недостаточны и не всегда убедительны.

Тем не менее существует ряд теоретических моделей, элементы которых представляют собой приемлемые параметры для изучения и описания культурных различий, лежащих в основе конфликта культур. К наиболее известным теориям межкультурной коммуникации относятся теория информационных систем Э. Холла, теория ориентирования Ф. Клухон и Ф. Стродтбека и теория культурных измерений Г. Хофштеде.

Э. Холл, американский антрополог и специалист по межкультурным исследованиям, на основе сравнительного анализа различных культурных групп выделил базовые информационные системы, позволяющие человеку функционировать в культурной среде. К данным системам он относил территориальность (отношение к пространству), темпоральность (отношение ко времени) и контекст (плотность сети социальных связей).

В соответствии с теорией Холла все культуры в межличностном общении используют некие скрытые правила, которые важны для понимания происходящих событий и межличностного поведения. Понятие территориальности связано с восприятием пространства и определением дистанции между людьми.

Э. Холл определяет четыре уровня распределения пространства между людьми в зависимости от типа социальных взаимоотношений. Для наиболее близких, интимных взаимоотношений характерна дистанция от 0 до 0,5 м. Личные взаимоотношения обычно происходят на расстоянии от 0,5 до 1,2 м. Социальные взаимоотношения, как правило, характеризуются дистанцией от 1,2 до 3 м приблизительно. Отношения, происходящие на дистанции больше 3 м, обычно рассматриваются как публичные взаимоотношения.

Большинство культур, вероятно, используют такие же разграничения между типами социальных взаимоотношений. Однако культуры, скорее всего, должны различаться по тому, какая дистанция считается уместной для взаимоотношений каждого типа. Межкультурные исследования на тему дистанций и распределения пространства показывают значительные различия между культурами в области использования пространства при общении.

Различие в правилах, которыми мы руководствуемся относительно использования пространства при взаимодействии с людьми, может стать причиной серьезных проблем в ситуациях

межкультурного общения. Как и при других видах невербального поведения, регулирование пространства вокруг себя и интерпретация регулирования пространства другими людьми зачастую происходят бессознательно. Мы усваиваем неписанные правила нашей культуры и действуем согласно им автоматически, так же как и люди других культур. Но их правила могут отличаться от наших, и мы должны принимать во внимание эти различия, когда общаемся с людьми, принадлежащими к другой культуре [3].

Помимо территориальности в теории Холла значительное место отводится исследованию вопроса использования времени представителями различных культур. По его мнению, время является важным показателем темпа жизни и ритма деятельности, принятым в той или иной культуре. Каждой культуре присуща своя система использования времени, что чрезвычайно важно для межкультурной коммуникации. По Холлу, в зависимости от способа использования времени культуры следует разделять на два противоположных вида: полихронные, в которых в один и тот же отрезок времени осуществляется несколько видов деятельности; монокронные, в которых время распределяется таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности.

Монокронное использование времени означает, что действия происходят последовательно, одно за другим, в течение определенного времени. В соответствии с этим время представляется как прямолинейный путь, который ведет из прошлого в будущее. Представители монокронных культур приписывают времени вещественную стоимость: его можно потратить, сэкономить, потерять, наверстать, ускорить. Тем самым оно становится системой, с помощью которой поддерживается порядок в организации человеческой жизни. Исходя из того что «монокронный» человек способен заниматься только одним видом деятельности в определенный отрезок времени, он вынужден как бы «закрывать» в своем собственном мире, в который другим людям нет доступа.

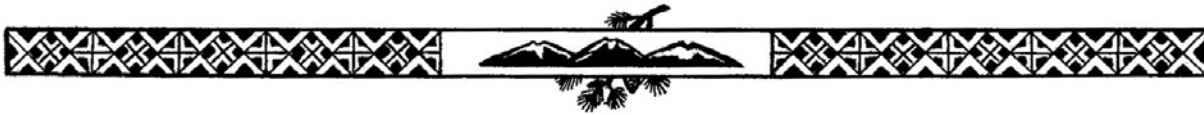
Полихронное восприятие времени противоположно монокронному – в нем многое происходит одновременно. Полихронное время понимается не как прямолинейный путь, а как некий узел переплетения многих проблем, поэтому оно менее ощутимо. В культурах полихронного типа большую роль играют межличностные человеческие отношения, а общение с человеком рассматривается как более важное действие, чем принятый план действий. Поэтому представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения [4].

Согласно исследованиям Холла характер и результаты процесса коммуникации определяются, помимо всего прочего, степенью информированности его участников. Степень информированности, в свою очередь, зависит от плотности социальных связей и скорости обмена информацией между членами этой сети. В соответствии с этим все культуры можно классифицировать по признаку «слабой» и «сильной» контекстуальной зависимости.

Высокий контекст культуры является обязательным элементом успешного понимания того или иного события, поскольку высокая плотность информационных сетей предполагает тесные контакты между членами семьи, постоянные контакты с друзьями, коллегами, клиентами. В этом случае в отношениях между людьми всегда присутствуют тесные связи. В силу высокой информационной обеспеченности и накопленного исторического опыта такие культуры можно назвать однородными: они мало меняются со временем и при взаимодействии с инокультурным окружением поведение представителей высококонтекстуальных культур порождает одинаковую реакцию и является предсказуемым. Для представителей высококонтекстуальных культур много информации передается неязыковым контекстом – иерархией, статусом, внешним видом человека, манерами его поведения, условиями проживания и т. д.

В то же время в мире существуют культуры, в которых неформальные информационные сети обладают низкой плотностью. Эти культуры менее однородны, межличностные контакты в них строго разграничены, представители этих культур не смешивают личные отношения с работой и другими аспектами повседневной жизни. Следствиями этой особенности оказываются слабая информированность и большая потребность в дополнительной информации для понимания представителей других культур при общении. В подобных культурах большая часть информации содержится в словах, а не в контексте общения.

В рамках одной и той же культуры могут встречаться их различные комбинации и сочетания. Теория Холла дает лишь описания типичных черт, которые сопровождают процесс коммуникации представителей описанных культур. Культуры различаются своим «чтением контекста», использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждая ситуация. Чем больше контекстуальной информации необходимо для понимания социальной ситуации, тем выше сложность культуры, и чем выше сложность культуры, тем труднее «чужакам» правильно понять и оценить социальную ситуацию [5].

Таким образом, при исследовании взаимодействия доминирующей российской культуры и культур малочисленных народов Севера целесообразно принимать во внимание различия в восприятии пространства и времени, а также различия в контекстуальности культур. Объектами сравнительных исследований такого рода могут служить мифологические конструкции, фразеология, особенности структуры дискурса и т. д. На основе дедуктивного метода можно предположить, что северные народы, будучи представителями традиционных культур, обнаруживают полихронное отношение ко времени и высокую контекстную зависимость. Величина данных параметров, возможно, будет больше, чем у представителей русской культуры, особенно в свете ее ориентации на западную модель цивилизации.

Наряду с теорией Холла немаловажное место среди концепций межкультурной коммуникации занимает теория Ф. Клухон и Ф. Стродтбека. Они обратили внимание на культурные различия в системах ценностей, которые в целом составляют картину мира данной культуры. В эту картину входят такие фундаментальные вещи, как отношение ко времени, деятельности, природе, а также представления о ценности межличностных отношений.

С точки зрения психолога ценностная ориентация – это направленность, цель индивида, механизм индивидуальных отношений. Она управляет когнитивными процессами, рефлексией индивида, ориентирует его на внешний мир. Она является важным психологическим фактором и признаком социализации индивида. В то же время ценность представляет собой важное звено в консолидации коллектива, важный психологический феномен общества. Ф. Клухон определяет содержание ценности как предмет изучения отношения людей к значимости какого-либо явления. Ценность – внешнее выраженное понятие о значимости явления, или это содержащийся внутри него смысл, оказывающий влияние на выбор образа, способа и цели поведения человека.

Ф. Клухон и Ф. Стродтбек выделяют ценностные ориентации, основанные на пяти факторах:

1. Ценности, основанные на отношении человека к природе (контроль над природой, гармония с природой, зависимость от природы).
2. Ценности, характеризующие человеческую натуру (человек изначально добр, зол, смесь добра и зла).
3. Ценности человеческих отношений (долгосрочные и глубокие или краткосрочные и поверхностные отношения).
4. Ценности времени и его организации (ориентирование на прошлое, настоящее, будущее).
5. Ценности деятельности (ориентирование на действие либо бытие) [6].

Теория культурных измерений Г. Хофштеде доказывает, что результатом процесса формирования ощущений, мыслей и поведения являются так называемые ментальные программы, которые могут быть исследованы с помощью измерений культуры по четырем показателям: дистанция власти (от низкой до высокой); коллективизм – индивидуализм; маскулинность – фемининность; избегание неопределенности (от сильной до слабой).

Измерение по параметру «дистанция власти» позволяет установить, какое значение в разных культурах придается отношениям власти и как варьируются различные культуры по данному признаку. В культурах с высокой дистанцией власти эта власть видится как некая данность, имеющая фундаментальные основы. Поэтому представители данного типа культуры полагают, что власть – важнейшая часть социальной жизни, а носители власти рассматривают своих подчиненных как людей, сильно отличающихся от них самих. Здесь высокую ценность имеют обязательность, исполнительность, конформное поведение, авторитарные установки и жесткий стиль руководства. Такого рода взаимоотношения в культурах с высокой дистанцией власти основываются на убеждении, что люди изначально рождаются неравными, что у каждого

есть свое место в жизни, обусловленное сложной иерархической структурой общества, и своя дистанция между различными социальными слоями общества.

В культурах с низкой дистанцией власти господствует точка зрения, согласно которой равенство в обществе должно быть сведено к минимуму. Поэтому коммуникация в данных культурах менее формальна, равенство собеседников выражено сильнее.

Измерение культур по признаку индивидуализм – коллективизм призвано показать степень, до которой культура поощряет социальную связь в противоположность индивидуальной независимости и опоре на собственные силы, и тем самым объяснить различия в поведении представителей разных культур. Индивидуалистской может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов более важны, чем цели групповые. Индивидуализм присущ обществам со свободной (нежесткой) социальной структурой, в которых каждый должен заботиться о себе и своей семье.

Коллективистская культура, напротив, характеризуется тем, что в ней групповые цели доминируют над индивидуальными. Коллективизм присущ обществам с жесткой (строгой) социальной структурой, четким разделением на социальные группы, внутри которых каждому индивиду гарантированы забота и внимание остальных в обмен на безоговорочную лояльность группе.

Измерение по признаку маскулинность – фемининность призвано характеризовать те общества и культуры, в которых роли полов четко очерчены. Выдвигая этот параметр классификации культур, Хофштеде подчеркивает, что он не имеет прямого отношения к мужчинам и женщинам – он лишь фиксирует преобладание определенных черт в национальном характере. Мужскими, по его мнению, следует считать культуры, в которых ценятся тщеславие, стремление к успеху, признание личных достижений и забота о высоком достатке. Женскими следует признать те культуры, в которых превалирует значимость межличностных отношений и сотрудничества, стремление к пониманию и проявление заботы об окружающих.

Доминирование мужского или женского начала в той или иной культуре влияет на процесс коммуникации: в мужских культурах преобладает склонность к агрессивному коммуникативному стилю, поскольку соревнование важнее сотрудничества. Коммуникативный стиль в женских культурах значительно отличается от предыдущего. В культурах маскулинного типа люди имеют более сильную мотивацию к достижению практических результатов, и в работе они видят смысл жизни, признание, причем успех и конкуренция рассматриваются как главные источники удовлетворенности работой. В культурах фемининного типа упор делается на взаимную зависимость и служение друг другу.

Измерение культур по параметру избегания неопределенности означает сравнение культур по степени допустимых отклонений от установленных ими норм и ценностей. В культурах с высоким уровнем избегания неопределенности люди постоянно испытывают в ситуации неизвестности стресс и чувство страха. Высокий уровень неопределенности, по мнению Хофштеде, ведет не только к повышенному стрессу индивидов, но и к высвобождению у них большого количества энергии. Поэтому в культурах с высокой степенью избегания неопределенности наблюдается высокий уровень агрессивности, для выхода которой в таких обществах создаются особые каналы. Представители культур с высокой степенью боязни неопределенности пытаются избегать неясных ситуаций, обезопасив себя множеством формальных правил, неприятием отклонений от нормы в поведении, верой в абсолютную истину.

В культурах с низким уровнем избегания неопределенности люди в большей степени склонны к риску в незнакомых условиях, поэтому для них характерен более низкий уровень стрессов и страхов. Закономерно, что при низком уровне боязни неопределенности люди недовольны чрезмерной регламентацией и организованностью жизни, избытком правил и инструкций. При этом они лучше чувствуют себя в неординарных ситуациях, которые открывают больше возможностей для творческого решения различных проблем. Представители этих культур легче воспринимают непредсказуемость жизни, их не пугают непонятные человеческие поступки и новизна идей, они терпимо относятся ко всему необычному, высоко ценят инициативу, готовность идти на риск [7].

На наш взгляд, разработка методики исследования взаимодействия культур на материале русской культуры и культур народов Севера представляется значимой и актуальной как в тео-

ретическом, так и в практическом плане. Описание рассматриваемых культур в аспекте категорий межкультурной коммуникации позволит упорядочить весьма разнородные факторы и компоненты культурных систем. Основной задачей такого исследования является сбор и анализ фактического материала, объективно и аутентично отражающего социокультурную реальность (языковых фактов, особенностей фольклора и др.), с целью всестороннего и комплексного описания культур коренных и малочисленных народов края.

Литература

1. <http://sergg.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/032.htm>
2. http://zaimka.ru/07_2002/maksimov_northern/
3. <http://www.davidmatsumoto.info>
4. *Hall E.T.* The Silent Language. – New York: Doubleday, 1959.
5. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высш. шк., 2005.
6. *Kluckhohn F.R., Strodtbek F.L.* Variations in Value Orientations. – Row: Peterson & Company, 1961.
7. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1980.

УДК 81:39

РОЛЬ С.Н. СТЕБНИЦКОГО В ИЗУЧЕНИИ ИТЕЛЬМЕНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

К.Н. Халоймова,

к.пед.н., методист КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК» (пгт Палана)

Приходится только сожалеть, что такого мощного зачинателя письменности и литературы в нужное время не нашлось для нас – ительменов, когда еще можно было бы успеть многое записать на ительменском языке, когда можно было успеть, всколыхнув думающую часть населения, получить – родить – взрастить своих писателей-ительменов, пишущих на языке предков.

Но и за то, что осталось нам от С.Н. Стебницкого, мы, низко кланяемся, отмечая 100-летие со дня его рождения.

Ительменский язык не входил в сферу непосредственных научных интересов Стебницкого. Он привлекал наш язык в качестве сравнительного материала для изучения корякского и чукотского языков. Известно, что Сергей Николаевич специализировался на изучении именно этих языков, особенно корякского. Может, молодой ученый и собирался позднее заняться ительменским языком, но смерть во время Великой Отечественной войны оборвала его планы.

Изучая материалы И.С. Вдовина и Н.М. Терещенко «Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийных языков», можно сказать, что в осуществление намеченной программы С.Н. Стебницкий уже в 1938 г. публикует статью «Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка», в которой прослеживает фонетические отличия алюторского диалекта от чавчувенского. На сравнительном материале С.Н. Стебницкий устанавливает эти отличия в области морфологии, отчасти лексики и обращает внимание на фонетическую, морфологическую и лексическую близость алюторского диалекта к чукотскому. Его статья на данную тему «Нымылане – карагинцы по материалам С.П. Крашенинникова» (1939 г.) представляет несомненный интерес. Изучая словарные записи С.П. Крашенинникова, С.Н. Стебницкий приходит к выводу, что карагинский диалект сложился на основе алюторского, носители которого подверглись на своей территории воздействию ительменов, в основном выходцев с острова Карагинского, где они (ительмены) еще обитали в первой половине XVIII века. Это заключение подкрепляется примерами фонетических, морфологических и лексических особенностей карагинского диалекта, сближающих его с ительменским языком и отличающих его от всех других диалектов корякского языка.

Правильно подметив особенности карагинского диалекта, С.Н. Стебницкий недостаточно убедительно обосновал как лингвистическими, так и историческими данными выдвинутое им положение о том, что формирование этого диалекта началось лишь со второй половины XVIII столетия.

Как уже говорилось, ительменский язык значительно меньше, чем чукотский и корякский, привлекал внимание исследователей.

Первый краткий очерк грамматики ительменского языка появился в 1934 г. С.Н. Стебницкий так и назвал свою статью «Ительменский (камчадалский) язык» [1]. Он систематизировал материалы по ительменскому языку, опубликованные для сравнения с чукотским в работе В.Г. Богораза «Чукчи»; дополнил их личными наблюдениями, которые вынес в результате знакомства с языком ительменов на Камчатке. Отдельные особенности фонетики и морфологии ительменского языка получили освещение в связи с привлечением С.Н. Стебницким материала этого языка при изучении диалектов корякского языка.

Им же были подготовлены статья курсанта Ильи Шадрина «Как мы раньше промышляли рыбу и как теперь» и сказка на седанкинском диалекте. Тексты были отпечатаны стеклографическим способом в 1936 г. для студентов Северного отделения Ленинградского историко-филологического института (ЛИФЛИ) и написаны на ительменском языке с последующим морфологическим разбором. Сказку «Камчадал», записанную В.Г. Богоразом в 1907 г. на двух диалектах ительменского (хайрюзовском и седанкинском) языка и английском языке, потом, в 1934 г. С.Н. Стебницкий использовал в своих материалах об ительменском языке. Им же сделаны перевод сказки на русский язык и морфологический разбор текста.

Таким образом, С.Н. Стебницкий, В.Г. Богораз и другие ученые-североведы сохранили многие материалы на языках народов Севера – корякском и ительменском. Спасибо им! В настоящее время подобных записей не сделаешь уже потому, что подлинных носителей ительменского языка не найти. К сожалению, родной язык употребляется с заимствованным русским – такова жизненная ситуация. Но делать попытки надо: собирать фольклорные тексты (сказки, песни), записывать их у информантов сразу с переводом на русский, потом неспеша можно заняться грамматикой и лексикой.

Литература

1. С.Н. Стебницкий «Ительменский (камчадалский) язык» // Сб. Языки и письменность народов Севера. – Л., 1934. – С. 85–104.

УДК 81:39

Б. ДЫБОВСКИЙ – КАМЧАТСКИЙ ЭТНОГРАФ И ЯЗЫКОВЕД

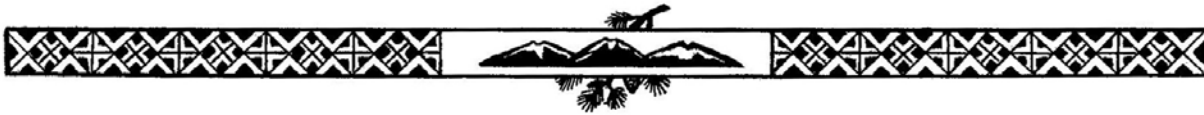
В.Н. Аров,

доцент кафедры истории и философии КамчатГТУ

Среди исследователей Камчатки можно встретить не только русских ученых, но и представителей многих европейских народов. Дстойное место среди них занимает польский ученый-энциклопедист Бенедикт Дыбовский. Он внес заметный вклад в науку как зоолог, ботаник, орнитолог, эколог, препаратор, историк науки, антрополог, этнограф и языковед. Мировую известность он получил своими исследованиями фауны оз. Байкал. Почти 20 лет своей долгой жизни он отдал всесторонним исследованиям Сибири и Дальнего Востока, в том числе более четырех лет проводил исследования на Камчатке и Командорских островах.

Если в Сибири Дыбовский оказался не по своей воле – он был приговорен к 12 годам каторги на Нерчинских рудниках в Забайкалье за участие в польском восстании 1863 г., то на Камчатку он прибыл добровольно, добившись назначения на должность окружного врача Петропавловского и Командорского округов Приморской области. Будучи единственным врачом на полуострове и Командорских островах, живя и работая в сложнейших бытовых условиях, он все свободное время посвящал научным исследованиям. Главной целью его исследований

был сбор доказательств для подтверждения своей гипотезы об обособленности фауны Байкала и Сибири. Наша задача – показать его вклад в исследование жизни и быта народов Камчатки и их исчезающих языков. Опыт этнографических исследований у Дыбовского уже имелся. До прибытия на Камчатку он проводил подобные исследования даурских бурятов, амурских гольдов, айнов на Сахалине, корейцев.

В нынешнем году исполнилось 175 лет со дня рождения Б. Дыбовского. Прожил он долгую жизнь – почти 97 лет. На Камчатку прибыл в возрасте 46 лет, здесь встретил свое 50-летие. Родился Б. Дыбовский 30 апреля 1833 г., недалеко от Минска, умер 30 января 1930 г. во Львове. По окончании Минской гимназии с 1853 по 1860 гг. изучал медицину в Дерптском (ныне г. Тарту в Эстонии), Вроцлавском и Берлинском университетах. В 1860 г. в Берлине защитил диссертацию и получил звание доктора медицинских наук и хирургии. Был страстным сторонником теории Ч. Дарвина. Успешно начал карьеру профессора зоологии в Варшавской главной школе, но вскоре был арестован и приговорен к 12 годам каторги. В 1866 г. из каторжан переведен в поднадзорные и назначен врачом на молодом курорте Дарасун под Читой, а в 1868 г. переведен на поселение в местечко Култук на берегу оз. Байкал. В 1869 г. принял участие в экспедиции в Амурский и Уссурийский края Дальнего Востока, в 1872–1875 гг. снова был в экспедиции на Дальнем Востоке.

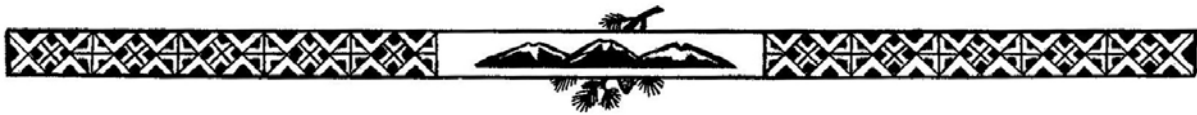
В 1877 г. Дыбовский был освобожден из ссылки. За получившие широкую известность работы о фауне оз. Байкал был награжден золотой медалью. Он получил ряд заманчивых предложений: возглавить кафедру зоологии Петербургского университета или вновь создаваемого первого в Сибири Томского университета, должность профессора в Варшавском, Краковском или Львовском университетах. Но у Дыбовского были другие планы. Он предложил проект организации комплексной экспедиции для всестороннего исследования Камчатки силами польских ученых-ссылных. Но Академия наук отказала в выделении средств на экспедицию, а вице-президент Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский согласился выделить тысячу рублей только на орнитологические исследования (кстати, Дыбовскому в качестве признания его заслуг предлагалась приставка к фамилии – «Байкальский», но он отказался). Отказ в организации экспедиции не остановил Дыбовского. Он решил организовать исследования Камчатки самостоятельно, в одиночку, за свой счет, сочетая их с деятельностью окружного врача.

Дыбовский тщательно подготовился к поездке – были закуплены врачебные инструменты, лекарства, фотоаппараты и фотопленка, теплая одежда, научное оборудование, подарки для камчатских аборигенов, игрушки, буквари и книги с рисунками для детей. В помощники себе он взял 17-летнего сына крестьянина из-под Варшавы, отличного стрелка-охотника Яна Калиновского, который неотлучно сопровождал ученого, выполнял его поручения, добывал и выделывал шкуры камчатских животных и чучела птиц.

Шесть месяцев длился их путь на Камчатку: по железной дороге до Нижнего Новгорода, далее на санях и на пароходе по Шилке, Амуру и Уссури, а затем из Владивостока до Камчатки. 5 июля 1879 г. Дыбовский прибыл в Петропавловск и пробыл на Камчатке до осени 1883 г. Деятельность Дыбовского на Камчатке известна по его трудам, опубликованным после возвращения с полуострова и, к сожалению, не переведенным на русский язык: «О Сибири и Камчатке», «Путешествие из Варшавы на Камчатку», «Командорские острова», «Удачный опыт переселения северных оленей с Камчатки на остров Беринга» и т. д. Кроме того, в варшавском журнале «Вшехсвят» («Весь мир») регулярно публиковались «Письма доктора Дыбовского из Петропавловска на Камчатке», а к организованной им в 1884 г. Этнографической выставке были отпечатаны пояснительные материалы.

За четыре года пребывания на Камчатке он пять раз объехал весь полуостров, преодолел 5000 верст по бездорожью в разные времена года на собачьих упряжках, лодках, верхом на лошадях, пешком. Трижды побывал на Командорских островах. Он посетил все камчатские селения, занимаясь врачебной деятельностью, боролся с эпидемиями тифа и оспы, основал больницы для больных проказой и сифилисом, часто сам готовил лекарства, никому не отказывал в помощи, бесплатно раздавал семена овощей и злаков, привезенных из Сибири, завез на Кам-

чатку кроликов, овец, коз, а на Командоры оленей и лошадей, обращался к властям с предложениями об улучшении условий жизни коренных народов Камчатки. Все свободное время он отдавал научной деятельности: пополнял коллекцию фауны, собирал этнографические материалы – одежду, предметы быта, оружие, много фотографировал, изучал умирающие языки народов Камчатки.

В то время на Камчатке проживало около 4500 чел., в основном представители народов Севера: камчадалы (ительмены), коряки, алеуты, ламуты (эвены). Жили они в крайней нужде, голод, эпидемии и болезни уносили множество жизней, население вымирало.

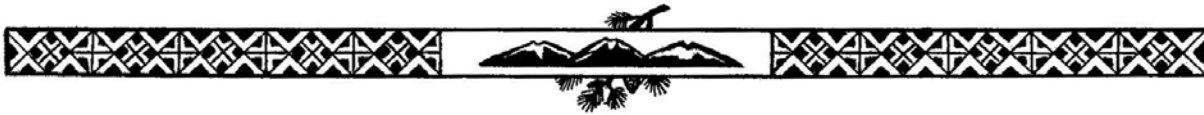
Дыбовский дает характеристику народов Камчатки, иногда не совсем справедливую. Так, он называет камчадалов «флегматичными и всегда добродушными», коряков – «подвижными и энергичными», а ламутов – жадными, хищными и имеющими ряд других «кошачьих пороков». Кстати, он был первым из камчатских исследователей, который наблюдал быстринских ламутов, переселившихся за 30 лет до его приезда с западного побережья Охотского моря. Он пишет: «На Камчатке появилось кочующее племя ламутов, отличающихся особой хищностью, хитростью, отсутствием привязанности к оседлой жизни и подвижностью. Ламуты стали на Камчатке истребителями всего живого и вместе с казаками вытеснили из охотничьих угодий коренных камчадалов, немилосердно, по-варварски причиняя природе полуострова непоправимый ущерб. Денежной единицей у них был соболь. В обмен на соболя они собирали в своих юртах множество различных предметов, платили российским либо американским ловкачам, например за винчестер 20 соболей, за медный котел – 8–10 соболей. Охотно приобретали, также дорого заплатив, расшитые бисером украшения и пеструю одежду». Дыбовский описывает варварские способы охоты ламутов и приводит такие факты: «С середины 1879 г. до конца зимы 1880 г. на Камчатке было добыто: соболей 2883, выдр 700, лис 1000, горностаев 1300, медведей 1300, росомох 22, котиков 1900, моржей 19, диких оленей 900, диких баранов 300... Этот хищнический промысел может привести к тому, «что лет через 10, максимум 20, соболь на Камчатке полностью исчезнет». А охота на соболя была для камчадалов важной частью их благополучия. От жадных и жестоких угнетателей-чиновников туземцы откупались ценной пушиной, особенно соболиной. Пушиной платили государственные налоги, смягчали немилость чиновников, за пушнину же приобретали у нечестных торговцев по неслыханно высокой цене предметы первой необходимости.

О тяжелой участи народов Камчатки он пишет: «Все эти народы проживали в землянках или примитивных шалашах, сделанных из щепы и веток и покрытых дерном. Жители занимались рыбной ловлей, разводили ездовых собак, охотой на соболя, медведей и тюленя... Большой урон приносили множество болезней, а особенно принесенные сюда царскими урядниками, торговцами и сбродом разных проходимцев из глубин России проказа, сифилис, оспа и тиф; дегенерировали также от разврата и алкоголя. Эпидемии и алкоголизм вместе со всеобщей нищетой поглощали ежегодно сотни жертв».

Дыбовский приводит сведения о крайне низком экономическом положении населения Камчатки. Скота приходилось 30 голов на 100 жителей, 1 лошадь на 8 жителей, 24 оленя на 1 жителя, для транспортных целей имелось 9000 собак. Дыбовский доставил на полуостров по несколько овец, коз, свиней и кроликов, но их разведению мешали стаи собак. Земледелие было развито крайне слабо, хотя климатические условия были не хуже, чем в Сибири. Дыбовский считал, что причиной тому – беспечность и нежелание камчадалов. Но главная причина была в том, что сельхозработы выпадали на время, когда все население было занято на лососевой путине. Дыбовский пытался исправить положение, бесплатно раздавая семена овощей и злаков и давая агрономические советы, но это не помогло.

Главным богатством Камчатки считалась пушнина. Основными объектами охоты были соболи и медведи. Еще в начале XIX в., пишет Дыбовский, камчадалы и оседлые коряки считались законными хозяевами охотничьих угодий, и только они занимались охотой на соболя, соблюдая вековые традиции и неписанные охотничьи правила. Горожане, крестьяне и казаки занимались животноводством, торговлей, транспортом и военной службой, охотились изредка. Но со временем они изменили свои интересы и начали варварскую охоту на соболя с помощью капканов и различных ловушек, не соблюдая сроков и мест охоты, убивая беременных самок.

Дыбовский вел беспощадную борьбу с таким опустошением природы, которое вело к обнищанию коренных жителей. Уже в первые месяцы своего пребывания на полуострове он сообщал об этой ситуации губернатору, рекомендовал ограничить промысел до трех месяцев в году (ноябрь – январь), запретить использование капканов, а также организовать заповедники, в которых промысел был бы полностью запрещен. Он предлагал также разделить Камчатку на охотничьи участки и передать их под контроль коренных жителей.

Другим ценным промысловым животным был медведь, который был основой жизни камчатских аборигенов. Они использовали вкусное мясо и жир, кишками стеклили окна, из шкур делали кукули (спальные мешки) для охотников, подкладки под седла, стельки, ошейники для собак. Соленое, вяленое и свежее медвежье мясо считалось деликатесом. На медвежьем жиру жарили рыбу, оленину, из него делали светильники, топленый жир применяли для смазывания тела во время болезни. Взрослый медведь весил около 20 пудов (пуд – 16,38 кг), в том числе на жир приходилось до трети веса. Медвежью желчь охотно покупали китайцы и японцы, которые использовали ее как лекарство. Камчадалы с помощью собак и лошадей охотились на медведей осенью и ранней весной, когда те выходили из берлоги.

Несколько в лучшем положении Дыбовский застал алеутов на Командорских островах, особенно на о. Медный. Острова еще за 50 лет до того были необитаемы. В конце 1820-х гг. Российско-Американская компания заселила их алеутами с Лисьих (самых дальних) Алеутских островов. Долгое время они жили в крайней нужде в домах, построенных из плавников, без окон, больше похожих на шалаши. Добытую пушнину продавали за бесценок. С 1871 г. наступили перемены к лучшему. Командоры арендовала американская компания «Гутчинсон, Коль и Ко». Алеутам построили красивые домики с разными удобствами, стали лучше платить. В 1879 г. на островах проживало около 500 человек, в т. ч. на о. Медный около 100 алеутов, на о. Беринга из 315 человек чистокровных алеутов было 68, остальные – креолы.

Дыбовский отмечает разницу между жителями двух островов. На Медном жители заботились о порядке в своих жилищах и около них, были жизнелюбивы и лучше одевались. Жители же о. Беринга по-прежнему жили в нищете и грязи, не умели хозяйствовать, дома приходили в негодность. Но общее впечатление об алеутах у Дыбовского сложилось положительное: «На первый взгляд алеуты не производят приятного впечатления. На их лицах всегда написано какое-то беспокойство, не было веселости, которая отличает камчадалов и коряков. Несмотря на это они были добродушны, довольно ловкие, рассудительные, способные к ремеслам, не склонны к пьянству».

«Камчатка с камчадалами и коряками и Командорские острова с алеутами – это две крайние противоположности. Первые погружены в нищету, находятся экономически и политически в поистине отчаянном положении, в котором не светит ни один лучик лучшего будущего; у вторых дело обстоит иначе. Там находим достаток, заметный прогресс в материальном и моральном отношении, а также большие перспективы для развития в будущем».

Глубоко озабоченный положением народов Камчатки, Дыбовский направил руководство Приморской области обращение, в котором, описав плачевное положение жителей полуострова в сравнении с благополучием алеутов о. Медный, предложил заключить государственный контракт с американской компанией также в отношении Камчатки. Он внес ряд предложений в сфере просвещения и быта: допуск девочек в начальные школы, открытие ремесленных училищ, организация вечерних посиделок, чтобы ограничить разложение и пьянство, увеличение

числа врачей и фельдшеров, строительство больниц, а в каждом селении – бани, прачечной, удобных домов, запрет труда детей до 15 лет.

Стремление Дыбовского приносить помощь и облегчение несчастным людям привело его к мысли провести смелый эксперимент по переселению с Камчатки на Командорские острова диких оленей. Главный агент американской компании Джозеф Лугебиль выделил на закупку оленей 300 руб., остальные затраты, которые оказались вдвое больше, взял на себя Дыбовский. Командоры оказались идеальным местом для оленей. На острове не водились волки и оводы, в тундре было много ягеля, которым питались олени. Олень играл огромную роль у народов Севера. Оленьё мясо считалось лакомством, из шкур изготавливали одежду, ими утепляли пол и стены, из копыт делали превосходный клей, использовался даже не переваренный в желудке ягель. Заправленный желудочным соком для избавления от горечи и с добавлением крови ягель был любимой пищей ламутов. Высушенные оленишки служили емкостями для запасов продовольствия.

Аклиматизация оленей на о. Беринга дала успешные результаты, она принесла его жителям огромную пользу и облегчила их существование. В июле 1882 г. было доставлено 15 диких оленей, а посетивший Командоры в 1903 г. польский геолог профессор Юзеф Морозевич застал там стадо в несколько тысяч голов. Он сообщал, что местные алеуты с большим уважением и благодарностью вспоминают своего благодетеля Б. Дыбовского, отождествляя его с «добрым белым Богом», который сжалился над ними и подарил им оленя, тем самым спас их от нищеты и голода. В том же 1882 г. Дыбовский отправил на о. Беринга лошадей, купив за свой счет за 180 руб. кобылу, жеребца и упряжь.

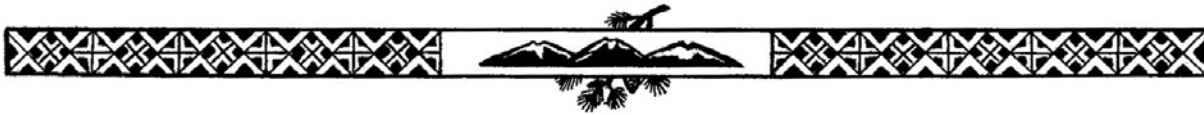
Благодарные алеуты в 1903 г. прислали во Львов в дар Дыбовскому по случаю его 70-летия и 45-летия научной деятельности полный, комплектный скелет морской коровы, который он очень хотел найти во время своего пребывания на Командорах.

Разносторонняя деятельность Дыбовского способствовала тому, что в последующие годы уровень жизни и состояния здоровья камчадалов и алеутов улучшились.

Дыбовский добивался также политических свобод коренным жителям, уважения их культуры, обычаев и языка. Его врачебно-социальная и научная деятельность была оценена российскими властями. В 1881 г. он был произведен в действительные статские советники и награжден орденом Святого Станислава.

В 1882 г. он получил приглашение возглавить кафедру зоологии и сравнительной анатомии Львовского университета. Он ответил согласием, но только после завершения своих дел на Камчатке. Осенью 1883 г. он покинул Камчатку, увозя с собой в 60 ящиках около 11 тонн ценных научных материалов, в том числе этнографических. Обратный путь он проделал морем через Владивосток, Сингапур, Суэц до Одессы. В Варшаве он был восторженно встречен. Там он устроил обширную выставку, посвященную Камчатке. Выставка разместилась в двух больших залах. В первом из них были размещены образцы камчатской фауны и флоры, оружие, промышленные принадлежности, в основном рыболовные, одежда, домашняя утварь, модели жилищ, зимних и летних юрт, а также изделия из дерева, кости, камня и корней, свидетельствующие о самобытном художественном вкусе камчатских аборигенов, которых еще не коснулась европейская цивилизация. Была представлена также богатая коллекция шкур пушных животных, составляющих главное богатство Камчатки, великолепно расшитая одежда, платья и пелерины алеутов, изготовленные из кишок молодых котиков и птичьих шкур, куклы туземцев в праздничном убранстве, колыбели и прочее. В другом зале на стенах были размещены несколько сот фотографий, представляющих различные сцены из жизни камчадалов, алеутов, коряков, предметы домашнего обихода, детские игрушки, жилища, изделия из кремня первобытного человека на Камчатке. Выставка стала сенсацией для Варшавы, о ней много говорили и писали, ее посетили тысячи варшавян, она функционировала несколько месяцев. Затем выставка была организована в Кракове. Вот что писал о варшавской выставке Дыбовского в «Варшавском курьере» от 20 января 1884 г. известный польский писатель Болеслав Прус: «На днях через Варшаву проезжал действительно незаурядный человек – Бенедикт Дыбовский. Он является одной из достопримечательностей, замкнутая жизнь его стала легендой и является образцом для всего народа. Он находился в тяжелых условиях, но, несмотря на это, занял заметное место

в истории естественных наук; жил среди чужих, но оказался для них столь полезен, что на долгие годы создал фундамент для их благополучия. Сегодня он имеет право называться филантропом и пионером культуры, что является наивысшей честью, какая только возможна для человека. Достигнуть таких результатов ему помогли наряду с большой силой воли знание природы, тесная связь с цивилизацией и доброжелательность к человеческому роду. Дыбовский поставил себя на такое место, что ему уже не нужен комплимент, даже в форме пожеланий».

Многие этнографические материалы из коллекции Дыбовского попали в музеи Варшавы, Санкт-Петербурга, Кракова, Львова, Вены. Часть фотографий Б. Дыбовского находится в Камчатском краевом краеведческом музее.

Нельзя не отметить и заслуги Дыбовского в области языковедения. «С помощью камчадалских женщин, – писал он, – я смог собрать сохранившиеся слова и выражения наречия, на котором говорил один из крупнейших народов полуострова, теперь постепенно исчезающий в результате алчной, эгоистичной, недоброжелательной деятельности власти». Глубоко сочувствуя трагической судьбе камчадалов, Дыбовский пытался спасти от забвения хотя бы память об их вымиравшем языке и составить словарь наречий камчатских народов, ни один из которых не имел письменности. Он записывал отдельные выражения, слова, обозначающие предметы повседневного быта, названия животных и растений, физиологических функций человека и важнейших недугов, физических патологий. Он собрал три камчадалских диалекта, два алеутских, корякский и курильский. Каждое слово он записывал фонетически сначала латинским алфавитом, затем кириллицей, переводя их на соответствующие польские и латинские названия. По возвращении на родину он передал эти материалы известному филологу-востоковеду профессору Игнатию Радлинскому, который на их основе издал в 1892–1894 гг. в издательстве Краковской академии наук «Словарь диалектов камчатских народов» их 4-х частей, включающих диалекты айнов – курильцев и камчадалов. По мнению Радлинского, собранный Дыбовским материал «представляет исключительную научную ценность», так как является «единственным следом исчезающего народа».

Впоследствии Б. Дыбовский 22 года, до 1906 г., работал профессором Львовского университета, был избран почетным профессором Виленского университета, членом нескольких Академий наук, в том числе в 1928 г. был избран иностранным членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В архиве Зоологического института Польской академии наук в Варшаве была обнаружена рукопись неопубликованной статьи Б. Дыбовского, датированной 28 апреля 1886 г., под названием «Добродетели и верования камчадалов». По ней можно судить, с каким сочувствием и симпатией относился автор к аборигенам Камчатки.

«Среди народов, с которыми я встречался в жизни, одним из самых наисимпатичнейших для меня является тот, который заселяет Камчатский полуостров, называемый этнографами камчадалами. Они пробуждают к себе симпатию своими моральными качествами: покладистостью, своей семейной любовью, искренней привязанностью к родным местам, жаждой знаний и невероятным гостеприимством. Некогда они были очень многочисленными, сегодня их число сократилось до неполных 3000, то есть они стоят, так сказать, одной ногой в гробу.

Каждый беспристрастный человек, посещающий полуостров, если сумеет войти в близкие отношения с местным населением, не может остаться к ним равнодушным, познакомившись с их высокими моральными качествами, а вместе с тем задать себе вопрос: где следует искать источник этой нравственности? Народ, который называют «диким», еще недавно был идолопоклонником, но, однако более нравственным, чем любой из христианских народов. Любовь родителей к детям и наоборот истинно трогательная. Я часто был свидетелем таких глубоких и волнующих проявлений этого чувства с обеих сторон, такого самопожертвования, такой сентиментальности в знаках привязанности и деликатной нежности, что без колебаний мог бы поставить камчадалов как образец родительской любви. Никогда грубые угрозы либо оскорбительная брань не оскверняли уст матери, никогда отцовская рука не поднималась на ребенка, и в то же время я не встречал там ни непослушных детей, ни капризных, если они не были больны.

Такой же искренней и глубокой является у них и супружеская любовь. Они не знают ревности, для которой не должно быть места при настоящей любви. Супружеских ссор, грубого обращения с женщиной мне не пришлось нигде не только видеть, но и слышать о них. Женщина-мать является домашним полубожеством, окруженным уважением, почетом и всеобщей любовью.

В общении между собой камчадалы исключительно деликатны. Их галантное обхождение с чужими вызвало восхищение профессора Эрмана. Брань, клевета, проклятия у них неизвестны, и в камчадалском языке нет соответствующих выражений. В играх детей и взрослых мы никогда не наблюдали, чтобы кто-либо докучал другому. Воспитанные в духе взаимной любви, они далеки от всякого низкопоклонства; приветствие, прощание, поцелуи совершаются без признаков угодливого почтения. Целование рук им неизвестно. Начальников приветствуют поклоном, священников – скрещиванием рук одна на другую ладонями вверх, изображая ими подобие креста.

Они сочувствуют любому человеческому несчастью, сострадают мучениям не только человека, но и животных, всегда помогают пострадавшим от наводнений, пожара, делятся последним с голодающими, считая все это естественным и обычным делом. Послушание старшим и местным властям образцовые; любые приказы исполняются добросовестно и аккуратно.

В семейном кругу главное место принадлежит женщине, она управляет семьей и домом. Это управление не опирается на деспотизм и не добывается скандалом, но достигается терпимостью и справедливостью.

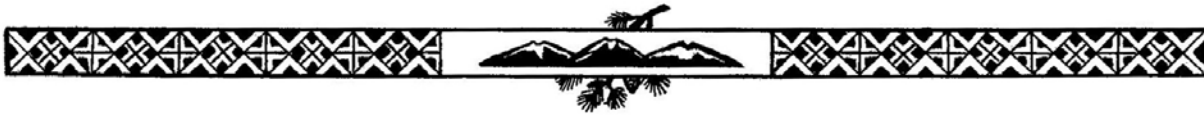
С семейной любовью у камчадала сочетается глубокая привязанность к родным местам. Ни один из них не покинет по собственной воле селения, в котором появился на свет. Только любовь к женщине, к невесте могла стать причиной самопожертвования мужчины. Камчадалы считают наибольшим для себя несчастьем, если власти принуждают их оставить старое место жительства и поселиться где-нибудь еще. Переселенные, они вскоре умирают от тоски.

Гостеприимство камчадалов искренне и бескорыстно. Рассказывают, что камчадалы отдают гостям все, что имеют, вместе со своим сердцем. Заботливость о госте, услужливость, стремление угадать его желания и мысли – вот их черты. «Чувствую, – сообщает профессор А. Эрман, – как мной овладевает желание не быть забытым в этом краю, чтобы мог среди этого честного народа, на лоне роскошной природы, прожить остаток своей жизни в спокойствии и забвении».

Устойчивый прогресс в интеллектуальном развитии камчатского населения может быть легко достигнут. Однако ничего в этих целях не сделано до сих пор. Крайне редко, точнее никогда камчадалы не совершают преступлений, которые обычны в иных местах: убийства, кражи, нарушение клятвы, ложь, клевета. Телесные наказания у них были вообще не известны, а введены только русскими. Эти наказания вызывали неприятие у всех жителей. Главной наградой для них были любовь и всеобщее уважение.

Хотя сегодня все камчадалы считаются христианами, это весьма условно. Особенности этого народа не исчезли с принятием христианства, но уважительно сохраняются как традиции предков, созданные и последовательно закреплённые в языческих верованиях. Все живые существа и неживые предметы они наделяют душой, которая после смерти тела, остающегося на земле, переселяется на небо. Ада они не признают. Почитают одно главное божество и множество второстепенных божеств. Они не знают злых духов-искусителей. Эта первобытная религиозная система находилась в удивительном единстве с высоко развитой нравственностью народа. Не в этом ли надо искать источник, из которого родились нравственные качества камчадалов. Его надо искать и в высоко развитой любви всех к каждому и каждого ко всем. Но не в искусственно введенной системе наказаний и наград. Не угрозы и приказы улучшили нравы жителей Камчатки. Причина этого благороднейшего свойства – любовь».

УДК 39+574(571.66)

SAVING THE NATURE AND THE NATIVES' CULTURE AS ENVIRONMENT PROTECTION

June Sekiguti,

senior lecturer at the foreign language department (Kamchatka State Technical University)

Mass produce, mass waste. It is the life style of the world today, especially in the developed countries because of the global economic system. And now we have to think about how to use the limited resources here, in Kamchatka. We have to protect it! I think that saving nature is related to saving culture and traditions.

Recently, Japanese government promoted the so called "recycling". They used the word "a sound material-cycled society". This word's main point is 3Rs (reduce, reuse, recycle). Also, they gave out the Japanese word *mottainai* for the world. *Mottainai* literary means: "don't waste anything as far as it could be used". The problems of 3Rs have been rising steadily with the development of tertiary industries. And nowadays our minds are already changed with much care about environment.

For you to know, ancient people cared about the environment a lot, for they lived *with* the environment. There are lots of similar points between the aborigines of Kamchatka and Japan (the Ainu). They respect nature and they regard the nature as God (or gods), so that they can not waste any kind of natural resources. There are a lot of things that we should learn from their customs. In the past, the Ainu used natural resources without wasting them, because they regarded the nature as God. Maybe, their thinking went like this: "If you waste natural resources, it means, you waste your gods".

According to the Ainu, God, spirit, and soul is inside of every single organic substance, and these spiritual elements are named *Camui*. For example, inside of the bear, they have a *Camui* of a mountain, inside of a river, they have a *Camui* of the water, and so on. Their faith in *Camui* was very strong, so they could not waste a single piece of Nature.

There was a most famous ritual of the Ainu called *Io man te*. *Io man te* means "let *Camui* go" in their language. This ritual was held when they captured a bear, an orca, or an animals like these. Inside these animals were *Camui*, and they first had to let them go to their worlds, only then could they eat these animals.

The Ainu's way of using natural resources was like recycling or waste disposal treatment. For example, a bear. At first, they took its meat, then they took the fur, the organs for medicine, and finally the bones for accessories and ritual. In this way, they waste nothing from the bear. Another example is about plants. They take plants for food or medicine, but they have a rule not to pull out plants by the roots, so that they can survive and could be taken over again.

The Aborigines of Kamchatka have the like kind of culture.

There are quite a number of common points between the Ainu and the aborigines of Kamchatka, for example the Itelymens. The Ainu had some cultural exchanges with the Itelymens before the world war. From the population census of Russia in 1897, there were about 1500 Ainu people living in Kamchatka, but after the declaration of war of Russia against Japan, they all were extradited to Japan.

The most important common point is the reduction of their population and of the number of those who speak their native languages. In the past the Ainu lived in the whole area of Hokkaido, but now their population is reduced to less than 30000 people; the number of those who speaks their own language is still smaller.

However, this situation with the Ainu is actually better than with the Itelymen. The Itelymen also live in the whole area of Kamchatka. In the past their population was more than 20000, but now it is fallen down to less than 1500, and those who speak their native language are less than 100.

A lot of customs should be learnt from aborigines all over the world. In particular, you should have a look at the way it all was in the past. In Japan, in the Edo era (the old name of Tokyo in 1603~1867), the Japanese had their own way in treating wastes and recycling. At that period it was not like nowadays, they did not have technologies for everything, and their economical activities were

quite different. Their materials and products were limited, so they needed to make some ideas for reusing or recycling, so their society had good material-cycling systems. Their treating night soil is a good example in this respect.

In the beginning of the Edo era, treating night soil became a big problem, because the night soil could be the cause of diseases, it produced bad smells and other numerous bad effects for the environment. And the government of Edo made the material-cycling system for night soil. They collected night soils and ashes from the urban area and brought them to farm villages to use them as fertilizers. And farmers grew vegetables and rice with these fertilizers.

The system for proper disposal waste was most strict. The Japanese introduced laws for it. In the beginning of the Edo era, people dumped waste into rivers. Of course, it had bad effects for the environment. Then the government made law for waste disposal. Actually, it was the first law in Japan for waste disposal treatment. They made a big public dumpsite and set up many disposal companies. But what is most important, their spirit of recycling was strong. For example, the Samurai, who belonged to the ruling class, had a number of virtues, some of which were: “be simple, be frugal, try not to waste anything”. Such kind of thinking came from Buddhism, and we can see its traces even now.

The Japanese post-war economic miracle is one of the important phenomena for the contemporary Japan. It happened after the world war, in the period of late 1950's till 1970's. At that time, a lot of factories or industrial complexes were built in some parts of Japan, including Tokyo, Nagoya, and other big cities. Japan underwent economic growth, plenty of products were produced, especially TV, washing machines, refrigerators; these were called “the three sacred treasures”.

In this situation, the people faced new problems. Mass production and economic growth had a bad effect on the environment and the people. Pollution became a serious problem. And besides, industrial complexes produced pollution diseases. In the face of these problems, in 1954 the Japanese environmental agency made a new law of Responsibility for pollution, which was revised in 1970.

Pollution and industrial waste are grave problems of the present world. They are the result of the society passing from mid-centuries to modern life.

Now in Japan, there are lots of new technologies to solve the problems of industrial waste. Industrial waste is difficult to treat, but new technologies come to help; they get much from the ancient material-cycled system. But the problem of these technologies is ample financial costs. Huge amount of money is needed to exercise them. Though their underlying principle is quite simple. So, if a company needs dumping its waste products, it pays money. As simple as that!

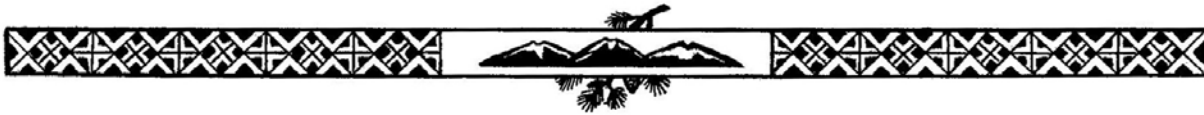
Let's have a look at the environmental situation in Kamchatka. It is similar to the past situation in Japan. There is much illegal dumping because of the lack of waste treatment system. Water-pollution control is also indispensable for Petropavlovsk-Kamchatsky. Through the pipeline to the Avacha Bay the waste water is just poured out into the bay. Of course, it is polluting the bay, it is affecting badly the marine biology, and nobody cares a bit!

If you think about these kind of problems, you understand that you need support from the government or big companies if you want to set up the waste treatment system, because it costs too much. And the time is running out! You should start thinking about your environment, before it is too late. And the Russian government should provide help in this situation.

Another interesting kind of social activities in Tokyo is called CET (“Central East Tokyo”). It is recycling, reusing old town parts as new fancy areas. Looking back at the history of big cities we see that N.Y. and Berlin had the same kind of project. In N.Y. there is a place called DUMBO (“Down Under the Manhattan Bridge”). Now it is really a good place for any kind of artist to perform his or her professional activity. More than ten years ago, this place was almost like a garbage dump, in the vicinity there were a lot of factories that did not work, and the crime rate was high. It was a huge place, but there was nothing in it. Then, some artists and N.Y. administrators tried to change the area and these huge dead factories into the useful place for young artists. Some factories were changed into art studios, some – into music studios, night clubs, art galleries, and so on. And now, DUMBO is changed into the center of the world's culture!

The East Side of Berlin had a similar problem, and the Berliners and the administration changed it into the capital's fashionable area.

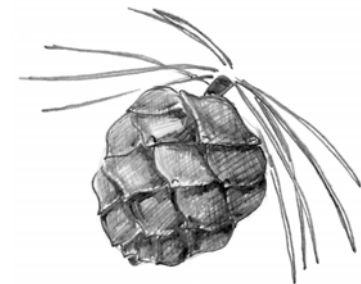

The same thing happened in Tokyo. Tokyo is a big city like N.Y. or Berlin, so Tokyo also has the environment problems. In the past East Tokyo had much economy, and later there appeared a lot of buildings that nobody used. Then, Tokyo artists endeavored to change these buildings into art studios or places for some projects. So far there has been little success, because of the financial cost. These activities need efficient support and understanding from the government.

By the way, I can see the same kind of buildings here, in Petropavlovsk. I hope, somebody will do the kind of job that was done in N.Y, Berlin, Tokyo and elsewhere.

The environment situation in Japan is now changing a little bit for the better, thanks to the activities of the government, the companies that have indispensable technologies, and the public.

There are a lot of things we have to learn from the way the aborigines use natural resources. We should not take into account that it is the mentality of the aborigines of Hokkaido and Kamchatka that is really important. We always forget to have respect for the nature, but we never forget about economic activities. In most developed nations the first priority is the economical growth. And we always forget that our economic activities tend to bring much damage to nature.

Nowadays, at international conferences they speak at large about environmental problems. It is their major topic, but nothing essential has been done so far. In July 2008, G8 summit was held in Hokkaido, and their main topic was again environmental problems, but what they did was waste a lot of materials and resources. For journalists, there was constructed "The Media Center". 3000000000 yen were spent for it. But what was most striking – it was demolished right after the summit! It actually worked only two weeks. It seems like they just do not think about environment at all. Their another waste was the cooler. They constructed a new cooler by entirely new technology. This new cooler used snow for cooling the whole site. In the beginning it seemed ecological enough, but they gathered too much snow, so they had to keep on using this air conditioner until the end of the snow. They wasted a lot of electric power, materials – and money – to construct the cooler.

In Japan, the environmental policy of our government is based on the assumption that Japan is a developed country of environment mentality. The most important point is to make people think about environmental problems. Japanese government is trying to do this, and it seems like they have succeeded. Japanese government is promoting ecological thinking through the media, especially for the young. This policy is reflected in coining the word *eco-fashion*. It's really good and now a lot of young people started to think about nature and environmental matters, but promoting has its limit. We ourselves should realize that *eco-fashion* means living *with* the environment, having respect for the nature just like aborigines did in the past and are doing now. It takes a long time to change our minds in this direction. Besides, I am not sure if we shall succeed at all, because we are *not* them.

In big cities such as Tokyo, many ecology-oriented events take place every now and then, with the participation of politicians, artists and the like, but the first priority of most of these events is publicity or economic success. To have better results we need to do more effort.

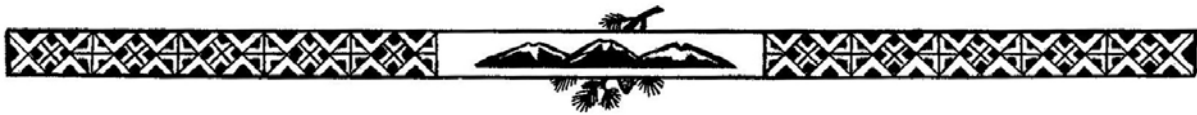
We should not get to our goal like in the following joke. One guy is smoking in the street, and he throws away ashes on the ground. Then another guy says: "Hey, don't do that, the god of the ground would be get angry!"

Of course, it is impossible for us to think the way the aborigines do, but to get closer is not impossible. In fact, nothing is impossible, if you only come to think of it.

So what can we do to protect nature? Reform our mentality. Aborigines round the world have a high respect for nature and every living being. They can be that way because their priority in life is not economic activities. It is too late to change our mentality and be like them, but we have to bear respect for their mentality and come to know their way of living *with* nature.

We have already done a lot of damage to the environment, including the culture of the aborigines. Saving their culture must be linked with saving the environment. To think about the culture of aborigines is an easier way to promote protect environment. In Kamchatka, we still have their culture. We should do our utmost to protect them, then shall we be able to protect the nature.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ КАМЧАТКИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 39

СОЦИОЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ПОЛУОСТРОВЕ КАК ФАКТОР ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА

*В.Г. Краюшкин,
к.филос.н., доцент кафедры истории и философии КамчатГТУ*

В истории государства Российского политика в отношении коренного этноса, особенно малочисленных народов Севера менялась от политики невмешательства в самобытный кочевой образ жизни аборигенов, попыток полного перевода их на оседлость и интеграцию в общество до паритетного партнерства. В государственной политике современной России эта проблема выделяется как приоритетная.

Важнейшим показателем прогрессивного развития государства является социальное благополучие коренного этноса. Камчатка – дальневосточный регион, где исторически проживают компактно различные этнические группы населения: на севере полуострова это чукчи и коряки, на западном побережье и в предгорьях Срединного хребта – эвены и ительмены, в центре и на юге Камчатки – ительмены, эвены и камчадалы, на Алеутских островах – алеуты.

По этнографическим описаниям система расселения на полуострове была экологически сбалансированной. Поселения располагались в местах биоресурсного и климатического оптимума. В каждом поселении, оседлом или кочевом, проживало столько людей, сколько при традиционном природопользовании могла прокормить данная территория. При росте численности населения часть его отделялась и переходила на новое место. Сезонность разных видов деятельности сопровождалась сезонными миграциями населения в бассейне одной реки. При традиционном комплексном природопользовании

недостаток одного ресурса покрывался за счет другого. Существовал традиционный хозяйственно-экологический календарь, регулировавший время промысла того или иного вида животных и растений. Так, в период нереста рыбы на нерестилищах запрещалось ловить рыбу и даже громко разговаривать. В этот период население покидало места рыбалок и переходило к другим видам деятельности. Мужчины уезжали в сентябре на охоту на дикого оленя, а женщины, дети и старики перемещались во временные поселения, где вели заготовку ягод и съедобных трав (все рыбные блюда дополнялись ягодами и травами). В октябре, после возвращения с охоты, мужчины отправлялись охотиться на морского зверя и жили в сезонных поселениях на берегу моря. В конце ноября все собирались в зимнем поселке, где ежегодно проводился праздник благодарения природы. Оленеводы круглый год мигрировали с оленьими стадами: летом выходили на берег моря, спасая стада от насекомых; зимой укрывались от ветра в долинах верховий рек с неглубоким снежным покровом. Рыбный лов осуществлялся ими для ежедневного пропитания, без заготовки впрок.

Исторически демографическая ситуация была очень динамична. По оценке первых исследователей Камчатки С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера (1737–1742 гг.), численность оседлых рыбаков, охотников и собирателей, живших на устьях всех небольших рек Камчатки и имевших несколько поселков в бассейнах крупных рек Тигиль, Большая и Камчатка, составляла около 15 тыс. человек. Численность кочевников коряков-олленеводов не была учтена, так как они уклонялись от встреч с казаками, а после эпидемий 1769 и 1800 гг. откочевали на север Камчатки.

К 1801 г. численность оседлого населения сократилась в 10 раз (эпидемии 1769 и 1800 гг.). В это время на Камчатке проживало около 1500 оседлых аборигенов, называемых русскими

«камчадалы», и около тысячи русских. За сто лет, к переписи 1897 г., численность оседлого коренного населения утроилась и составила около 4500 человек. Причем под названием «камчадалы» были учтены потомки ойнов мыса Лопатка – приблизительно около 150 человек (собственно ительмены и их ассимилированная часть, жившая в долине р. Камчатка, а также оседлые коряки, жившие севернее Тигиля и Караги).

В середине XIX в. по инициативе военного губернатора В.С. Завойко на Камчатку стали возвращаться коряки-оленеводы. Вместе с ними с восточного берега Охотского моря пришли эвены, которые поселились на пустовавших территориях современного Быстринского района.

Коренные народы, населяющие данную территорию с глубокой древности, были связаны между собой географически, экономически и этнически и в настоящее время находятся в одинаково тяжелом социально-экономическом положении. Первые достоверные следы пребывания человека на Камчатке фиксируются поздним палеолитом (~14–16 тыс. лет назад).

Первые палеазиаты – предки ительменов – селились в долине р. Камчатка у незамерзающего оз. Ушки (поселение открыто Н.Н. Диковым). Изначально заселение Камчатки происходило в период заселения Северной Америки, т. е. 38–37 тыс. лет назад.

По данным приполярной переписи 1926–1927 гг. на территории будущего КАО проживал в основном коренной этнос – народы Севера, в том числе:

палеазиаты:

- нытылланы (коряки) – 7018 человек, или 61%;
- лураведланы (чукчи) – 1014 человек, или 8,9%;
- ительмены (древние камчадалы) – 818 человек, или 7,1%;
- одулы (юагиры) и этелы (чуванцы) – 370 человек, или 3,2%;

тунгусы-манжуры – 627 человек, или 5,5%;

русские – 1547 человек, или 14,3%;

всего – 11 394 человека, или 100%.

Распределение коренных народов Камчатки по районам представлено в таблице.

Районы	Коряки	Чукчи	Прочие народы Севера	Русские	Всего
Пенжинский	3218	152	218	740	4328
Карагинский	850	–	–	165	1015
Олюторский	1287	650	220	603	2760
Тигильский	2301	–	932	579	3812
Всего	7656	802	1370	2087	11915

По состоянию на 01.01.2000 г. население КАО составило 29,4 тыс. человек. По этническим группам оно разделено следующим образом: алеуты – 2; ительмены – 1187; коряки – 6994; нанайцы – 12; ненцы – 2; ульчи – 5; чукчи – 1407; эвены – 796; эскимосы – данные отсутствуют.

Распределение этнических групп по населенным пунктам Корякского автономного округа выглядит следующим образом (на 01.01.2000 г.):

коряки – всего 6994 чел. (Тигильский район – 2618 чел., Олюторский район – 1254 чел., Карагинский район – 1779 чел., Пенжинский район – 1343 чел.);

эвены – всего 796 чел. (Пенжинский район – 499 чел., Олюторский район – 277 чел.);

чукчи – всего 1407 чел. (Олюторский район – 1211 чел., Пенжинский район – 162 чел.);

ительмены – всего 1189 чел. (Тигильский район – 1161 чел.)

Специфической особенностью развития регионов северо-восточной части России, в том числе и Камчатки, является ресурсная привязанность с односторонним подходом переработки продукции на месте.

Еще со времен первооткрывателей Камчатки, Колымы, Чукотки эти территории рассматривались с позиции пополнения казны за счет «мягкой рухляди», ценных видов пушнины. В более поздние времена – как районы добычи и вывоза драгоценных металлов и рыбы, а также места для поселения ссыльных.

В годы советской власти такой подход не претерпел принципиального изменения. Весь Дальний Восток рассматривался, прежде всего, как сырьевой регион. Для объективности следует отметить, что погоня за валом, стремление сделать больше вынуждало министерства и ведомства вкладывать в эти регионы значительные финансовые, материальные и кадровые ресурсы, что, безусловно, способствовало укреплению материально-технической базы предприятий и организаций на местах, укреплению жилищно-коммунального хозяйства, развитию социальной сферы.

По истечении десятилетнего перестроечного периода регионы Камчатки, в том числе районы компактного проживания коренного этноса, втянуты во все многообразные кризисные явления экономического, финансового, технократического, экологического характера. В результате этого значительно изменились социально-экономические условия хозяйственной деятельности всех отраслей традиционного природопользования коренного населения, возникла многоуровневая проблема развития данных этносов в условиях рыночных отношений. Эти проблемы охватили всю систему социально-экономических отношений, вплоть до развития отдельных отраслей и хозяйств, образования, здравоохранения, языка, всего многообразия элементов культуры.

В настоящее время на полуострове в основном завершился процесс приватизации, передел собственности, в связи с чем исчерпаны возможности создания новых предприятий, организаций за счет бывшей государственной собственности. Анализ фактического положения дел на местах показывает, что этот процесс привел не к увеличению производственных мощностей, а к их значительному сокращению, значительному уменьшению рабочих мест, увеличению безработицы со всеми вытекающими из этого последствиями.

В результате возник глубокий кризис социально-экономических отношений в Камчатской области и Корякском автономном округе: снижение объемов производства в промышленности и сельском хозяйстве, критическая напряженность на рынке труда.

Механизм государственного регулирования социально-экономической политики работает плохо, при этом год от года растет разрыв между накоплением и потреблением, между деградацией экономики и реализацией принципа социальной справедливости.

Еще большая деградация и дисбаланс наблюдаются в отраслях традиционного природопользования коренных этносов в местах их компактного проживания.

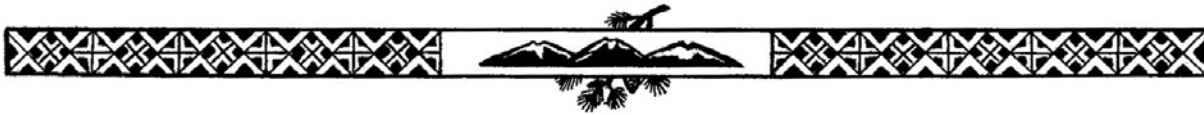
Опрос респондентов на местах показал, что основным фактором, определяющим состояние социального настроения коренного этноса, являются социально-экономические условия. Среди них ведущее место занимает питание населения (45%), на втором месте – бытовые условия и состояние здоровья (35%), на третьем – условия труда (10%). Таким образом, из всех социально-экономических условий на долю неблагоприятных для здоровья коренного этноса факторов приходится практически все 100%. Поэтому столь ощутимо их негативное воздействие.

Анализ социально-экономического положения коренных этносов Камчатки в современных условиях свидетельствует о том, что системный кризис всех сфер жизнедеятельности приобрел катастрофический характер. В результате в регионе развивается непрекращающаяся депопуляция населения, разрушается и сокращается производство. Безработица среди коренного населения колеблется от 80 до 100% в отдельных населенных пунктах. Уровень жизни коренного населения на порядок ниже средних показателей уровня жизни по стране, причем системная деградация этноса продолжается.

Исследования, проведенные социальной группой НИРС-клуба летом 2006 г., и период референдума по объединению показали, что качество жизни, социальное благополучие коренного этноса, особенно в Корякском автономном округе и пунктах компактного проживания, за последнее десятилетие катастрофически ухудшаются. Коренной этнос находится на грани выживания. Согласно результатам исследования было опрошено 1216 коренных жителей Корякского автономного округа. На вопрос о состоянии уровня и качества жизни за последние 10 лет получены следующие результаты:

Значительно ухудшились	620 человек (51%)
Ухудшились	450 человек (37%)
Не изменились	85 человек (7%)
Улучшились	6 человек (0,5%)

Таким образом, коренной этнос Камчатки практически вступил на путь физического вымирания, что в итоге через 25–30 лет приведет к его полному исчезновению. По существу, государство встало на путь реализации политики геноцида по отношению к коренному населению – политики, которую еще в 1993 г. открыто провозглашало правительство Е.А. Гайдара.

Естественно, что в сложившейся системе идея «взятия суверенитета» в той мере «сколько возможно», провозглашенная ельцинской командой, для малочисленных народов Севера обернулась трагедией.

Несмотря на принимаемые органами государственной власти меры, особенно после образовании Камчатского края, положение аборигенного населения продолжает оставаться крайне сложным.

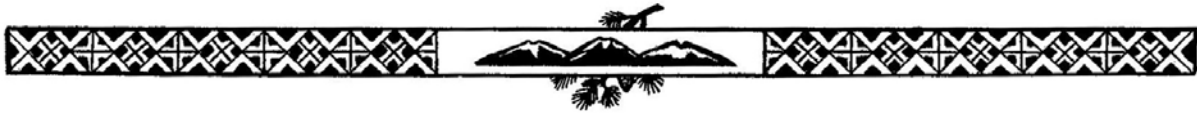
В настоящее время уровень безработицы коренного населения полуострова, особенно в местах их компактного проживания, денежные доходы в три раза ниже среднероссийских показателей, абсолютное большинство живет за чертой бедности. Кризисный характер приобретает ситуация в сфере образования, здравоохранения, всей национально-этнической культуры. По состоянию на 1 января 2006 г. численность детей коренных малочисленных народов камчатского Севера сократилась на 0,2%. Экстремально низкой является продолжительность жизни коренного этноса, в Корякском автономном округе она составляет в среднем 53,3 года, а у мужского населения – 46,5. Прослеживается явная тенденция маргинализации образа жизни, усиление алкоголизации и заболевания туберкулезом (самое высокое в стране после Тывы). Более 12% коренного населения имеет образование ниже неполного среднего. Остро стоит проблема сохранения этнической культуры ительменов, эвенов, коряков, алеутов, возрождения и сохранения родного языка, народных традиций, обычаев, ремесел.

Сохранение этнической общности северных народов, их самобытности и культуры – важнейшая задача и обязанность государства в лице всех его ветвей власти, она формально прописана в конституции, в основных нормативных документах. И только детальная реализация этих программ и национальных проектов позволит изменить ситуацию в отношении конкретного этноса в нашей стране.

Литература

1. *Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 2002. – 572 с.
2. Камчатский статистический ежегодник: Стат. сб. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 2002. – 225 с.
3. *Корчмит В.А.* Перспективы устойчивого развития регионов проживания народов Севера: Монография. – СПб.: Наука, 2002. – 572 с.
4. *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки: В 2 т. – СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994.
5. *Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. – М.: Наука, 1985. – 186 с.
6. *Сметанин А.Н.* Природа Камчатки в ее прошлом и настоящем. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1993. – 126 с.
7. *Тынтегина В.Г.* О проблемах реализации региональной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае: Сб. мат-лов межрегион. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камчатский, 11–13 октября 2006 г. – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2006.

ДК 39:94(571.9)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПРОБЛЕМ КОРЕННЫХ НАРОДНОСТЕЙ КАМЧАТКИ

В.В. Рыкина,

старший преподаватель кафедры истории и философии КамчатГТУ

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis. (лат.) –
Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

Камчатка по-прежнему для большинства жителей нашей страны и зарубежья остается *terra incognita*. Многие представляют ее исключительно как страну огнедышащих гор и вулканов, совсем не задумываясь о богатейшей культуре народов, издревле населяющих эту территорию. Интерес к Камчатке постоянно увеличивается, разрабатываются программы по экологическому туризму. В результате прибывшие на полуостров активно посещают уникальные природные заповедники. Знакомство с обычаями и историей коренных народов ограничивается в лучшем случае посещением музея либо присутствием на инсценированных национальных праздниках. Таким образом, множество народностей, населяющих Камчатку, для основной массы туристов так и остаются чем-то неизведанно-единым.

Наш полуостров стал родным для разных, зачастую совсем не похожих друг на друга культур. За последнее столетие ительмены, коряки, эвены и другие народы в силу множества причин, как политического, так и социально-экономического плана, во многом утратили присущие исключительно им традиции и обрядность. Поэтому очень хочется, чтобы помимо экотуризма развивался еще и этнотуризм, дающий возможность расширения и популяризации знаний местного колорита, помогающий сохранить национальную культуру во всей ее самобытности.

«Происхождение имени камчадалов и курильцев мне ясно, а почему коряки получили свое имя от казаков, я еще очень мало исследовал...» [1]. Именно так напишет в своем труде «Описание земли Камчатки, ее жителей, их нравов, наименований, образа жизни и различных обычаев» Г.В. Стеллер. Позже он узнал, что коряки свое название получили от коряцкого названия оленя – *chora*; так как казаки слышали и видели, что вся жизнь этого народа зависит от оленя. Казаки и дали корякам имя *choraeki* или *kovaeki* – ‘оленные мужики’.

Не только Г.В. Стеллер, но и другие исследователи XVIII в. полагали, что название «коряк» произошло от слова *коран`а* – ‘домашний олень’. Так, С.П. Крашенинников, говоря о происхождении названий народностей, населявших Камчатку, отмечал, что «...о происхождении коряцкого имени, хотя неизвестно заподлинно, однако стеллерово о том примечание, что слово «коряка» происходит от хора, оленя, весьма вероятно: ибо казаки по приходе к сему народу, может быть, часто слыша слово *хора* или видя, что благополучие помянутых иноверцев состоит в оленьих табунах, прозвали их коряками, то есть оленьим народом» [1]. Но эти предположения Г.В. Стеллера и С.П. Крашенинникова о происхождении названия «коряк» нельзя считать правильными. Еще в XVII в. Ю. Селиверстов, не будучи на Анадыре, получил от юкагиров сведения о населении этого района и писал, что там жили «многие люди» и «языки разные – чухчи, ходынцы, коряки, няняулы и иные роды есть» [3]. Ю. Селиванов правильно называет народности и племена, обитавшие в этом районе, и сообщает, что юкагиры называли коряков *карак*. Таким образом, можно сделать вывод, что это название было заимствовано из юкагирского языка. Самоназвания же у коряков были: *чавчу* (*чаучу*) – оленеводы, *рамкикэн* – оленеводы из оседлых и *нымыланы* – оседлые жители приморья.

Представители казачества, прибывшие во второй половине XVII в. на данные территории, в основу своей деятельности положили сбор пушнины в качестве ясака, местное население встретило их достаточно враждебно. Но жестокие меры, предпринятые казаками, а также наличие у последних огнестрельного оружия, заставили местное население подчиниться.

К началу XVIII в. запасы пушного зверя значительно уменьшились. Как следствие, местное ясачное население стало отказываться сдавать ценные меха в царскую казну. Это приводило к вооруженным столкновениям с ясачными сборщиками.

В 1747 г. Охотская канцелярия констатировала, что от коряков «разными зверями ясаку не столько приносится прибыли, сколько Высокому ее Императорскому Величеству и людям разорения» [5]. Принятое решение было бескомпромиссным: «...Всех изменников коряков военной оружейной рукой побить и вовсе безо всякого милосердия искоренить...» [3]. Данное предписание о полном истреблении целого народа привело к началу русско-корякской войны 1745–1756 гг. В этот период корякское население оказало активное сопротивление. Примером может послужить сражение на Тайгоносском полуострове (западная корякская ветвь) – в 1751 г. Отряд из двухсот человек под командой капитана Шатилова напал на группу коряков, укрепившихся на скальной возвышенности. При взятии русскими этого укрепления «одних лушников», т. е. боеспособных коряков, было убито 130 человек, не считая женщин и детей, а всех вместе «побито ста с два человек и больше, и при том взято в плен малолеток мужска полу пять, больших женок семь, итого 12» [3].

В 1752 г. на р. Гижига русскими была основана крепость, которая стала новым форпостом для борьбы с коряками. В своих походах воинские отряды повсюду уничтожали орудия производства коряков. Лишали их рыболовных принадлежностей, пытаясь оставить население на зиму без рыбных запасов.

Военные действия прекратились в 1756 г. Причин было несколько. Это истребление самой активной части корякского населения, огромное количество жертв среди женщин и детей, участвовавшие нападения чукчей. Русские, со своей стороны, несли значительные потери в людях и средствах. В результате было заключено неписаное соглашение, условиями которого стал отказ русских священников от насильственного крещения коряков; сбором и доставкой ясака в русские остроги занимались исключительно корякские старшины. Но, несмотря на это, следствия над участниками восстаний велись десятилетиями и заканчивались приговорами четвертования и отрубания голов [3].

Одновременно с сокращением численности происходило сокращение ареала расселения оседлых коряков охотоморского побережья и соответственно территорий выпаса оленей кочевниками. Освободившиеся территории стали занимать эвены, чукчи, переселенцы-якуты. Нача-

ли появляться русские поселенцы. Это привело к еще большему опустошению в корякских селениях, так как были завезены эпидемические заболевания, неизвестные доселе местному населению. Отсутствие опыта лечения данных болезней, отсутствие опытных российских врачей, а также мизерное количество завозимых лекарств способствовали распространению эпидемий. В качестве борьбы с эпидемией русская администрация ввела запрет на скученное проживание в земляных юртах. Оседлых жителей обязывали строить дома по типу русских изб.

Богатый на события в России 1812 г. для исторического развития камчатских народов также оказался весьма важным. Указом № 85081 от 9 апреля 1812 г. было принято «Высочайше утвержденное положение о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края» [2]. Последующие события оказали влияние на продолжение процесса обнищания корякской народности. Это было связано с неограниченной никакими моральными принципами коммерческой деятельностью местной администрации и купечества, представители которой обменивали необходимый корякам товар (ножи, топоры, предметы обихода, одежду и пр.) на шкурки соболей и лисиц, до предела занижая их стоимость, а при случае просто предлагали водку. Это приводило к увеличению количества бытовых смертей на почве алкоголизма и значительному сокращению численности корякского населения.

Следующий этап развития корякского народа может быть связан с подписанием правительственного указа от 31 октября 1856 г., по которому Камчатку из области превратили в простой округ новой Приморской области. Количество русского населения сократилось, уменьшилось количество заинтересованных в наживе чиновников. В результате корякскому народу удалось преодолеть процесс деградации. Усилилось обзаведение оленями оседлых коряков как дополнительным источником существования (прежде всего, питания) по причине уменьшения количества диких оленей.

После Русско-японской войны (1904–1905 гг.) царское правительство вновь обратило внимание на Камчатку. 17 июня 1909 г. была образована Камчатская губерния во главе с губернатором. Исполняющим обязанности был назначен В.В. Перфильев. Главной задачей своей деятельности по отношению к местному населению он считал «принятие санитарных мер и устройство медицинской помощи... обеспечение духовенства и удовлетворение церковных, миссионерских и школьных нужд». Большая самостоятельность В.В. Перфильева в его действиях и суждениях вызывала раздражение у царского правительства, и вскоре после убийства П.А. Столыпина В.В. Перфильев был заменен на посту камчатского губернатора дворянином Н.В. Мономаховым.

При Н.В. Мономахове продолжались осуществляться многие начинания В.В. Перфильева. Однако он стал больше внимания уделять культурным преобразованиям в Петропавловске [1, с. 262].

В 1922 г. при Народном комиссариате национальностей был создан специальный отдел по охране и управлению племенами Севера. В 1924 г. на его основе при Президиуме ВЦИК СССР был образован комитет содействия народностям северных окраин, которому и было поручено вести работу по ликвидации вековой отсталости народностей Севера, заниматься вопросами развития советского самоуправления, хозяйства, культуры, преобразования быта и пр. [3].

Камчатский губернский революционный комитет еще в марте 1924 г. организовал туземный подотдел, который начал вести работу среди коряков. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения народностей Севера». С принятием постановления Президиума ВЦИК об образовании национальных округов определено и закрепилось общее название и самоназвание – коряки – для всех подразделений этой народности. Так был создан Корякский национальный округ в составе четырех районов: Карагинского, Олюторского, Пенжинского и Тигильского.

Вслед за изменением юридического статуса последовала ликвидация «вековой отсталости» корякского народа. Прибывшие для этих целей представители рабочего класса сочли нецелесообразным и даже преступным пошив местным населением зимней одежды из дорогостоящих шкур и начали внедрять ватные телогрейки и брюки. Также противоестественным было воспринято питание оленных коряков исключительно мясом. Но особое непонимание у советской

власти вызвал отказ оленных коряков передать все поголовье собственных оленей в колхоз. Комиссары воспринимали отказ передать оленей в колхоз как выступление против советской власти. Имели место случаи, когда богатые оленеводы были осуждены как «троцкисты» и «враги народа». Позже из ЦК пришли соответствующие инструкции, корректирующие действия местных властей в отношении коллективизации оленных коряков. Крупные стада, являющиеся собственностью оленеводов, просуществовали до 50-х гг. XX века.

В целом коллективизация в корне изменила жизнь и быт коряков. Для всех стало обязанностью работать в колхозных коллективах. Стада пасли мужчины, их семьи – жены и дети – должны были вести оседлый образ жизни. Рыболовство приняло промышленный характер. Охота на пушного зверя регулировалась леспромхозами. Обязательным стало обучение детей в школах. Все проблемы сел решали сельсоветы. В округе и во всех районах стали издаваться газеты, освещающие события, задачи и успехи тружеников сел. Всюду работали медпункты и больницы. Все эти новшества обуславливали наплыв русского населения. К 1939 г. коренное население в округе составляло 40%. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. коряки проявили единодушие со всеми народами России, демонстрируя примеры героического труда.

По окончании войны комплексное управление областью, в форме АКО, было упразднено и передано в ведение различных ведомств. Интерес к народности и ответственность за их судьбы были заметно утрачены. Коряки почти повсеместно были лишены руководящих должностей.

В 1960–1980-х гг. ведущее место в экономике округа занимала рыбная промышленность. Разрабатывалось Корфское месторождение угля. Развивалось сельское хозяйство и его важнейшая отрасль – оленеводство. Юридический статус округа был преобразован из «национального» в автономный.

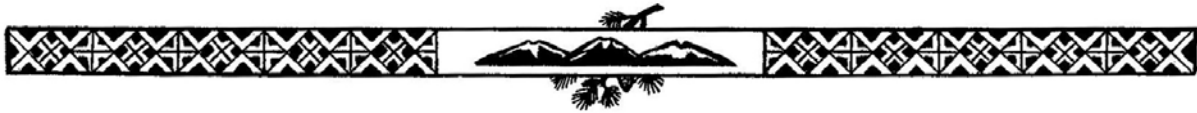
В 90-х гг., в силу объявленной перестройки, администрация округа пришла к выводу, что с целью заботы о будущем малых народностей – коряков, чукчей, эвенов, камчадалов – и защиты их от предстоящего капиталистического пресса необходимо обретение округом статуса самостоятельного региона Российской Федерации. Но, добившись вывода из состава Камчатской области, справиться с поставленной перед собой задачей не смогли. В ходе последовавшей приватизации коряки лишились принадлежавших совхозам оленьих стад и остались в полной нищете. В округе набирала силу горнорудная промышленность, но прекратились разработки топливно-энергетических ресурсов. Добыча морепродуктов, выйдя из-под контроля областных организаций, приняла форму хищнического промысла. Лов рыбы для нужд местного населения был предельно ограничен. Отчисления от прибылей, получаемых предпринимателями, эксплуатирующими природные ресурсы, в пользу аборигенов, на территории обитания которых эти ресурсы изымались, российским законодательством не предусмотрено [3].

В 2007 г. вступил в силу закон об объединении КАО и Камчатской области в единый Камчатский край, и у коряков остается слабая надежда на выживание под защитой краевой администрации. Но сами они на сегодняшний день составляют всего 2% от численности жителей области и округа.

Литература

1. Краеведческие записки. – Вып. 11. – Петропавловск-Камчатский: Камч. печатный двор, 1999 г. – С. 15.
2. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях 1740–1990 гг. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-ние. – 1994.
3. *Бооль В.* История корякского народа в составе России (1651–2005 гг.) // Вести. – № 158. – 2005. – 27 октября.
4. О выделении Камчатской области из состава Хабаровского края в самостоятельную область РСФСР: Указ Сов. Мин. СССР от 23 янв. 1956 г. // Советы Северо-Востока РСФСР. – 1982. – Ч. 2. – С. 238.
5. *Полевой Б.П.* Камчатские берестяные ясачные книги XVIII в. // Вопр. географии Камчатки. – Вып. 4. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-ние, 1966. – С. 124–127.

УДК 397

АНАЛИЗ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАМЧАТКИ

*В.Н. Шарахматова,
Проект ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия лососевых Камчатки
и их устойчивое использование»*

Происходящие социально-экономические изменения, внедрение новой техники и технологий обуславливают необходимость разработки новых подходов к изучению проблем природопользования коренных народов Севера. Одним из регионов проживания коренных народов Севера является Камчатский край.

Сообщества коренных народов Камчатки крайне бедны. Существующая проблема дисбаланса спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда и нежелание решать данную проблему в отношении коренных малочисленных народов Севера являются базовыми причинами того, что местное население пытается решать свои проблемы занятости самостоятельно в соответствии со своими привычками, пониманием и возможностями.

У местного населения прибрежных территорий Камчатки очень ограничен круг возможных источников дохода. В сложившихся условиях наиболее простым и понятным способом получения дохода становится организация производства на основе полученных квот на вылов рыбных ресурсов. Ряд существующих на западном побережье родовых общин уже работает в так называемом лососевом бизнесе. Однако в условиях развивающегося рынка и серьезной конкуренции со стороны крупных рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих компаний бизнес родовых общин не способен самостоятельно, без поддержки со стороны встать на ноги. Стремясь прокормить свои семьи, многие жители прибрежных территорий занимаются браконьерством рыбных ресурсов.

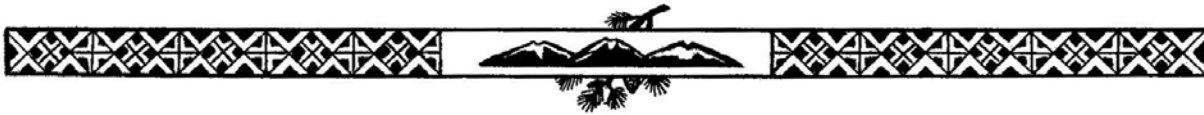
Сложившаяся официальная система квотирования предоставляет доступ к большей части рыбных ресурсов крупным компаниям, а местное население оказывается отстраненным от возможности использования рыбных ресурсов и значит не заинтересованным в их рациональном использовании, сохранении и воспроизводстве. Между тем в соответствии с Конституцией РФ природные ресурсы территорий должны рассматриваться как основа жизни и деятельности народов, проживающих на этих территориях.

В настоящий момент в Камчатском крае не сформированы благоприятные условия для вовлечения в коммерческое рыболовство населения, проживающего на прибрежных территориях, независимо от того, что оно организовано в родовые общины. Получение прибыли от использования рыбных ресурсов рассматривают как способ выживания и развития родовых общин, а не в качестве самоцели.

Сложившаяся ситуация требует вмешательства. Для того чтобы родовые общины могли реализовать свой потенциал и самостоятельно решать свои проблемы, необходимо создать условия, а не приучать к мысли, что все и всегда кто-то и когда-то сделает за них. Поддержка существования и развития сообществ населения прибрежных территорий должна происходить в современных рыночных условиях, но с повышенным вниманием со стороны государства, местных и региональных органов власти, коммерческих структур и общественных организаций.

Основной формой участия местного населения в промысле рыбных ресурсов Камчатки является традиционное рыболовство в рамках традиционного природопользования.

Понятие «традиционное природопользование» в широком социально-экономическом и экологическом толковании охватывает весь комплекс условий и элементов взаимосвязей между природной системой и укладом жизни населения» [4].

Можно выделить следующие основные причины сохранения традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ:

1. Традиционное природопользование является основой жизнедеятельности этих народов, необходимым условием их существования. Если не сохранится традиционное природопользование – исчезнут и коренные народы.

2. Вместе с традиционным природопользованием исчезает исторический опыт экологической культуры, составляющий богатство не только коренных народов, но и всего человечества.

3. Сохранение традиционного уклада жизни коренных народов Севера можно рассматривать как один из аспектов другой актуальной проблемы: попытки найти альтернативу западной модели общественного развития. И это особенно важно для России.

4. Традиционное природопользование – один из частных случаев глобальной проблемы поиска путей устойчивого развития человечества в целом [5].

Рыболовство в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ должно осуществляться в соответствии с правилами, регламентирующими добычу водных биоресурсов. Границы рыбопромыслового участка для традиционного рыболовства КМНС определяются в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области рыболовства и сохранения ресурсов биоразнообразия. Один рыбопромысловый участок может использоваться для одной или нескольких целей. Перечень рыбопромысловых участков утверждается органом исполнительной власти субъекта РФ по согласованию с вышеуказанным федеральным органом исполнительной власти.

Федеральное законодательство в области промышленного рыболовства не ограничивает возможности участия в промышленном рыболовстве, осуществляемом во внутренних морских водах РФ и территориальном море РФ, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, зарегистрированных на территории РФ. Промышленное рыболовство может вестись с использованием рыбопромысловых судов, плавающих под Государственным флагом РФ, или без их использования. Прибрежное рыболовство может осуществляться индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами с предоставлением или без предоставления рыбопромыслового участка, с использованием или без использования рыбопромысловых судов.

На рыболовный промысел приходится до 1/3 всех уловов в Российской Федерации. Коренные малочисленные народы Севера в индустриальном хозяйстве почти не участвуют, вылов рыбы во внутренних водоемах и прибрежный лов в морских акваториях ведется со значительным участием коренного населения. Сократившиеся ресурсы лососевых рыб являются одной из основ как хозяйства Камчатского края в целом, так и для отдельных слоев населения. Коренным малочисленным народам Севера приоритетно выделяются лимиты для личного потребления и на хозяйственную деятельность на общих основаниях. Одна из проблем традиционного рыболовства в местах проживания коренного населения – предоставление лучших рыболовных участков государственным и коммерческим предприятиями. Помимо них повышающиеся транспортные расходы и ряд других причин ведут к невыгодности промыслового лова рыбы в местах традиционной добычи рыбных ресурсов коренным населением.

Рыболовным промыслом заняты: г. Петропавловск-Камчатский – 20,2%, п. Раздольный – 43,9%, с. Анавгай – 28,9%, с. Эссо – 34,4%, с. Ковран – 67,3%, пгт Палана – 38%, пгт Оссора – 40%, с. Тиличики – 100%, с. Хаилино – 41% – от общего числа опрошенных членов родовых общин [3, 11].

По данным комитета по управлению муниципальным имуществом и экономической политике Тигильского района, в путину 2004 г. получили лимиты 14 родовых общин, из которых пяти общинам было отказано как не имеющим лицензию на право осуществления промышленного производства и из-за непредставления отчетности в налоговую инспекцию. Самый боль-

шой лимит был выделен родовой общине «МЭМ» – 147 т, самый маленький – родовой общине «Алней», созданной в 2004 г. и получившей лимит на развитие 2,5 т. Фактический вылов общинами составил всего 35%. Причинами слабого освоения лимитов стали: задержка путины, путаница с распределением рыбопромысловых участков в связи с их инвентаризацией, платность лимитов. Родовой общине «Слэч» необходимо было заплатить за получение лимитов 6 тыс. руб., родовой общине «Хэвлыч» – 13,5 тыс. руб., родовой общине «Тмехичен» – 4 тыс. руб., родовой общине «Каврал» – 14,5 тыс. руб. Две родовые общины так и не начали работать, так как не имели средств для оплаты лимитов. В 2004 г. всем рыбодобывающим предприятиям был предложен лимит на вылов гольца. Но прогноз КамчатНИРО на большой подход горбуши и гольца на западное побережье Камчатки не оправдался. Освоение лимитов на гольца и горбушу составило 15%, при этом лимиты на кету, кижуч и нерку были освоены на 90% [11].

По итогам хозяйственной деятельности родовые общины и национальные предприятия в Тигильском районе за 2004 г. сработали без прибыли. Ряд родовых общин не смог покрыть понесенные на организацию промысла затраты. Некоторые общины собираются прекратить рыболовную деятельность из-за платности выделяемых лимитов. Отсутствие возможности оплатить лимиты текущего (2008) года не позволит родовым общинам рассчитывать на получение лимитов в следующем году сроком на пять лет. Тем не менее многие родовые общины продолжают работать.

По результатам исследования доминирующим видом деятельности у родовых общин все еще является рыбодобыча (табл. 1). Однако переработкой добытых ресурсов общины не занимаются.

Большую часть дохода родовых общин составляют средства от продажи добытых рыбных ресурсов (табл. 2). Выявлено явное противоречие в ответах респондентов относительно направлений использования добытых рыбных ресурсов: отмечая добычу рыбных ресурсов как один из источников дохода родовой общины, респонденты Соболевского и Тигильского районов отмечают в качестве направления использования рыбных ресурсов их добычу и переработку. Одной из причин такого противоречия может являться формальное отношение к проводимому исследованию со стороны респондентов.

Таблица 1

Виды деятельности родовых общин

Виды деятельности	проценты		
	Усть-Большерецкий район	Соболевский район	Тигильский район
Рыбодобывающая	60	70	100
Рыбоперерабатывающая	–	–	–
Охота	10	20	–
Сбор дикоросов	7	5	–
Фермерство	–	5	–
Туризм	3	–	–
Услуги населению	5	–	–
Культура	5	–	–
Лесозаготовка	10	–	–
Всего	100	100	100

Таблица 2

Источники дохода родовых общин

Предложенные варианты ответов	проценты		
	Усть-Большерецкий район	Соболевский район	Тигильский район
Нет источников	10	–	20
Взносы членов общины	10	60	10
От продажи добытых рыбных ресурсов	60	25	50
Финансовая поддержка фондов развития сообществ КМНС	10	5	–
От охоты	10	5	20
Вложение средств общины	–	5	–

Таблица 3

Источники получения дохода от использования рыбных ресурсов

проценты

Предложенные варианты ответов	Усть-Большерецкий район	Соболевский район	Тигильский район
Продажа квот	–	–	5
Добыча	100	20	15
Переработка	–	–	–
Добыча и переработка	–	80	80

Аргументом в пользу вышеобозначенного утверждения являются ответы на вопрос о вложении возможного дохода (табл. 4): на развитие общин предполагается потратить меньшую часть финансовых ресурсов, которые могут быть получены от промысла рыбных ресурсов, а большая часть дохода будет потрачена на текущее потребление членами родовых общин.

Таблица 4

Направления использования дохода от промысла рыбных ресурсов

проценты

Предложенные варианты ответов	Усть-Большерецкий район	Соболевский район	Тигильский район
Закупка продуктов питания	30	40	40
На закупку иных товаров	40	–	30
Приобретение оборудования, инструментов для общины	10	15	20
Для распределения дохода среди членов общины	10	40	10
Возмещение ранее понесенных затрат	10	5	–

Исследование необходимого объема дохода показало (табл. 5), что родовые общины не осознают затратности производственного процесса, связанного с переработкой добываемых рыбных ресурсов.

Таблица 5

Объем необходимого дохода для родовых общин

проценты

Предложенные варианты ответов	Усть-Большерецкий район	Соболевский район	Тигильский район
до 50 тыс. руб. в месяц	20	45	50
до 100 тыс. руб. в месяц	60	10	–
до 300 тыс. руб. в месяц	20	45	50

Ответы только 5% респондентов не противоречат намерениям членов общины развивать переработку добываемых ресурсов. Ответы остальных респондентов свидетельствуют только о том, что члены общины задумываются пока только о текущем дне, желая обеспечить общину благами для текущего потребления. Подобное отношение является проявлением непонимания необходимости и важности инвестирования как в физический, так и в человеческий капитал.

Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 26 ноября 2004 года № 166-ФЗ предусматривает участие граждан и общественных объединений в решении вопросов, касающихся рыболовства и сохранения водных биоресурсов. Граждане РФ и общественные объединения имеют право принимать участие в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на состояние водных биоресурсов. Кроме того, органы государственной власти, органы местного самоуправления, субъекты хозяйственной деятельности обязаны обеспечить возможность такого участия в порядке и формах, которые установлены законодательством.

Коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ должен быть обеспечен доступ к водным биоресурсам для обеспечения жизнедеятельности населения.

Согласно тому же федеральному закону предоставление в пользование водных биоресурсов (в том числе распределение квот добычи) должно быть гласным, открытым, и информация о нем должна быть общедоступна.

Общие допустимые уловы водных биоресурсов ежегодно определяются федеральным органом исполнительной власти в области рыболовства и утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов. В установленном порядке в них могут быть внесены изменения и корректировки.

Порядок распределения общих допустимых уловов водных биоресурсов применительно к видам квот определяется Правительством РФ. Промышленные квоты на континентальном шельфе РФ распределяются на срок не менее пяти лет путем закрепления за пользователями долей в общем объеме добытых ими водных биоресурсов за предыдущие пять лет. Прибрежные квоты во внутренних морских водах РФ и в территориальном море РФ распределяются между пользователями.

Следует отметить, что администрации субъектов РФ после введения в действие указанного закона потеряли возможность влиять на проводимую политику в области рыболовства.

Таблица 6

Объем квот и потребность в добыче рыбных ресурсов

Наименование родовой общины	тонны			
	Лососевые		Корюшка	
	потребность	квота	потребность	квота
1	2	3	4	5
<i>Тигильский район:</i>				
РО «Камлач»	50,0	–	50,0	–
РО «Калаус»	15,0	–	3,0	–
РО «Мэсху»	60,0	1,5	–	–
РО «Тмехичен»	10,0	10,0	–	–
РО «Каврал»	300,0	20,0	–	–
<i>Соболевский район:</i>				
РО «Ивановы»	30,0–50,0	10,0	–	–
РО «Лобачевы»	20,0–22,0	22,0	–	–
РО «Надежда»	20,0–30,0	10,0	–	–
РО «Завина»	50,0	16,0	–	–
РО «Семеновы»	–	10,0	–	–
<i>Усть-Большерецкий район:</i>				
РО «Роуник»	30,0	10,0	–	–
РО «Ажугак»	10,0	–	–	28,0
РО «Илбак»	–	30,0	–	–

Таблица 7

Идентификация объемов и участков вылова рыбных ресурсов для личного потребления КМНС Камчатского края⁵⁵

Выделенный участок для МНС	2002 г.		2003 г.		2004 г.		2005 г.		
	Лосось		Лосось		Лосось		Лосось		
	лимит	вылов	лимит	вылов	лимит	вылов	лимит	вылов	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Соболевский район	п. Ичинский, р. Ича	5,1	4,09	4,2	8,29	3,4	3,43	2,28	1,79
	п. Крутогоровский, р. Крутогорова	15,5	5,58	–	–	12,3	11,53	7,66	5,96
	с. Устьевое р. Воровская р. Удова	36,6 18,1	13,71 18,7	–	–	17,1	17,3	26,6 17,92	22,7 11,9
	Итого МНС	75,3	32,09	4,2	8,29	32,8	32,36	54,46	42,35

⁵⁵ По данным ФГУ «Севострыбвода», 2007 г. (в 2001 и 2006 гг. квоты не выделялись)

Окончание табл. 7

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Усть-Большерецкий район	с. Апача, р. Большая	24,0	10,73	7,4	5,5	10,0	1,24	5,3	3,3
	с. Запорожье, р. Озерная	6,2	6,24	6,4	6,4	4,0	3,97	3,8	3,77
	р.п. Озернов- ский,			4,0	4,0			2,6	2,6
	р. Озерная			0,6	0,6	0,8		0,36	2,7
	р. п. Октябрь- ский,			4,2	4,2	7,2	0,09	3,6	
	с. Ковалерское, р. Большая			11,2	7,16	15,4	0,88	8,5	6,16
с. Усть- Большерецк									
р. Большая									
Итого МНС	30,2	16,97	20,0	27,86	37,4	6,18	24,16	18,53	

Таблица 8

Идентификация пользователей ресурсами лососевых для личного потребления⁵⁶

Наименование		Год вылова					
		2001	2002	2003	2004	2005	2006
Соболевский район	Национальные предприятия: Соболевская районная АНС		+				
	ООО «Земляки»		+				
	ООО «Кутх»		+				
	Товарищество «Ивановы»		+				
	Родовые общины: РО «Лобачевы»		+				
	Усть-Большерецкий район	Национальные предприятия: Усть-Большерецкая Ассоциация КМНС					
ООО «Кикша»		+					
Нац. МП ООО «Каюю»		+					
Нац. предпр. ООО «Тумгутум»		+					
Нац. предпр. ООО «Юкон»							
Нац. МП ООО «Ипелька»		+					
ООО РО «Ажутак»		+					
Родовые общины: РО «Ньлтен»		+				+	
РО «Илбак»		+				+	
Тигильский район	Национальные предприятия: СРО КАО						+
	АКНС						+
	СОО АНС						+
	Родовые общины: РО «Яяна»						+
	РО «Мэсху»						+
	РО «Кахтана»						+
	РО «Восход»						+
	РО «Пратол»						+
	РО «Родник»						+
	РО «Эдельвейс»						+
	РО «Эчган»						+
	РО «Слыч»						+
	РО «Альча»						+
	РО «Курока»						+
	РО «МЭМ»						+

⁵⁶ По данным ФГУ «Севвострыбвода», 2007 г.

Ранее Камчатская область имела долю в вылове водных биоресурсов дальневосточного бассейна, которая определялась соглашением между прибрежными регионами Дальнего Востока и Госкомрыболовства России по каждому виду промысла в каждой зоне, подзоне дальневосточного бассейна.

На сегодняшний день Ассоциация коренных малочисленных народов Севера (далее – АКМНС) регулирует распределение квот, но сами квоты выдаются общинам, которые затем используются либо общинной организацией для добычи и распределения улова между коренными жителями, либо распределяются между семьями для индивидуального пользования.

Сообщества КМНС вынуждены соревноваться за квоты на добычу лосося с рыбодобывающими компаниями, имеющими значительные финансовые ресурсы. В результате развивается ситуация, характеризующаяся отсутствием доступа к ресурсам лосося со стороны сообществ КМНС, высоким уровнем безработицы среди КМНС, отсутствием заинтересованности КМНС в сохранении и воспроизводстве лососей и, как следствие, процветанием браконьерства.

С другой стороны, наблюдается ситуация, когда небольшие коммерческие компании, получающие квоты на добычу лососевых, добывают ресурс в гораздо большем объеме, и при этом штрафные санкции за перелов не позволяют переломить данную ситуацию.

Анализ данных, приведенных в табл. 6–8, позволяет сделать очень важные выводы:

1. Существует несоответствие в наименовании отдельных родовых общин, что связано, скорее всего, с непониманием многими респондентами – членами общин организационно-правовой основы деятельности своей общины.

2. Члены многих родовых общин не обладают полной информацией о том, какой объем квот и на каком участке может быть использован.

3. Нет единого понимания относительно развития общин среди представителей общин.

Современные инструменты в систему государственного управления региональным развитием внедряются чрезвычайно медленно.

1. Проведение административной реформы и внедрение бюджетирования, ориентированного на результат, сосредоточилось в основном на федеральном уровне государственной власти. В силу этого трудно определить качество регионального управления, выделить показатели развития российских регионов, зафиксировать их связанность с действиями органов государственной власти.

2. Отсутствует признанная типология регионов, позволяющая дифференцировать названные показатели для каждого типа территорий, а на основании этого определить по отношению к ним параметры государственной политики.

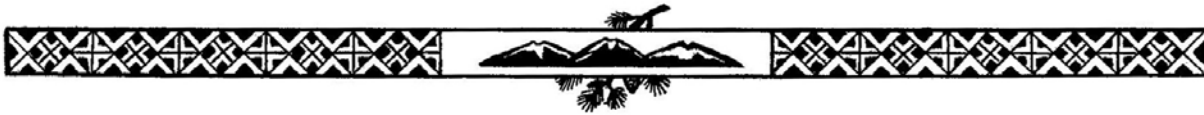
3. Отсутствуют механизмы согласования и синхронизации стратегий регионального развития субъектов Российской Федерации, стратегий развития муниципальных образований и федеральных отраслевых стратегий. В результате межрегиональная кооперация фактически отсутствует, бюджетные средства используются недостаточно эффективно. Федеральные целевые программы не решают этой задачи.

4. Отсутствует утвержденная Генеральная схема пространственного развития Российской Федерации, в которой были бы обозначены федеральные приоритеты в отношении развития конкретных регионов страны, призванных обеспечить и поддержать решение общенациональных задач удвоения ВВП, сокращения уровня бедности и сохранения целостности страны, в отношении старопромышленных регионов, сырьевых зон.

5. Различные аспекты деятельности территориального планирования «разнесены» по различным ведомствам. Реформы инфраструктур (транспорт, связь, энергетика, ЖКХ) и в целом последствия реализации пакета реформ на территориальном уровне не скоординированы и не синхронизированы.

6. Утрачена культура планирования использования территории. Аналитическая модель новой пространственной организации страны не востребована в правоприменительном и бюджетном процессе. Проектно-планировочная документация сохраняется в том виде, в каком она сложилась еще в советскую эпоху, но относительно эффективно может выполнять свою регулируемую функцию. В современных условиях разработанная в 1994 г. Генеральная схема расселения Российской Федерации не выполняет своей координирующей роли по отношению к действиям бизнеса и власти территорий.

Старые административные границы сковывали развитие социально-экономических процессов в России, сдерживали экономический рост ее регионов, существенно понижали масштабность региональных стратегий развития. Крупные регионы становятся более активными игроками на глобальном рынке: они способны продуцировать более масштабные проекты; их столицы претендуют на более высокий статус в мировой региональной иерархии; схемы развития транспортных путей, системы расселения становятся более простыми и понятными.

Становление и развитие местного самоуправления в Российской Федерации невозможно без развития экономических отношений, составляющих основную базу благосостояния населения. На нынешнем этапе развития, когда в основном сформированы общие правовые, организационные и территориальные основы местного самоуправления, одной из ключевых задач является развитие его экономического фундамента.

Заботясь о создании достойных условий жизни людей и повышении их благосостояния, органы местного самоуправления должны принимать меры, направленные на развитие экономических отношений на территории муниципалитета, а следовательно – на развитие предпринимательства, создание и сохранение рабочих мест, развитие рынка. Становление экономической базы местного самоуправления предполагает, в первую очередь, продуманную политику органов местного самоуправления в сфере хозяйственных отношений. Эта политика должна формироваться и реализовываться с широким привлечением различных институтов общественного самоуправления, предпринимательских объединений, населения в самом широком смысле.

Согласно Федеральному закону «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 26 ноября 2004 года № 166-ФЗ органы местного самоуправления от имени муниципальных образований обязаны обеспечивать возможность участия сообществ местного населения прибрежных территорий Камчатского края в порядке и формах, установленных законодательством. Муниципальное образование может иметь в муниципальной собственности водные биоресурсы, обитающие в прудах, обводненных карьерах. Право частной собственности на подобные объекты может быть установлено и для частных пользователей.

Само право пользования водными биоресурсами возникает на основании разрешения на добычу, договора пользования рыбопромысловым участком и по иным состояниям.

Участие муниципалитетов в выравнивании сложившегося положения с промыслом лососевых затруднено из-за ограниченных финансовых ресурсов и отсутствия заинтересованности в их сохранении, так как плата за квоты поступает преимущественно в федеральный бюджет.

Ранее степень контроля и участия местных организаций в промысле лососевых была значительно выше, за распределение квот отвечала одна головная организация. Сегодня принятие решений зависит от нескольких организаций, что создает дополнительные препятствия в распределении квот и своевременной добыче ресурсов. Кроме того, управление береговым промыслом требует серьезных изменений и доработок в части прописанных процедур.

Среди существующих видов квот следует отметить традиционную квоту, выделяемую коренным жителям. Данная квота может быть направлена на использование лосося в качестве некоммерческого пищевого ресурса. Ранее существовала практика выделения традиционных промышленных квот. На сегодняшний день единственным способом использования ресурсов лососевых является квота, выделяемая для личного потребления. Данная квота не требует возмещения. Однако при внешнем благополучии в отношении возможностей использования ресурсов лососевых КМНС сталкиваются с проблемами ограниченного доступа к ресурсам, возможности его полного освоения и с малым объемом квот.

Анализ природно-ресурсного потенциала Камчатского края показывает наличие достаточных возможностей для расширения традиционного производства в условиях развития рынка. В существующих климатических условиях большинство видов продукции может подвергаться длительному хранению с небольшими затратами. Это позволяет накапливать значительную товарную массу и предлагать для реализации крупные партии традиционной продукции – рыбы, мяса, ягод, дикоросов, пушного сырья и других товаров промыслового хозяйства как в свежем или замороженном виде, так и уже в переработанном.

Тихоокеанские лососи являются основой жизнедеятельности населения, проживающего на территории Камчатского края. Объем общего улова на восточном и западном побережьях в отдельные «урожайные» годы составляет 80–120 тыс. т при общей динамике увеличения запасов по наиболее массовому по изъятию виду – горбуше (около 65%). В последние годы отмечается тенденция к увеличению запасов кеты на восточном и западном побережьях, нерки р. Озерная. В кризисном состоянии находятся запасы кижуча и чавычи на восточном и западном побережьях, запасы нерки бассейна р. Камчатка и общее состояние запасов тихоокеанских лососей бассейна р. Большая, р. Авача, р. Паратунка.

На долю Камчатки в общем видовом вылове тихоокеанских лососей на Дальнем Востоке приходится 99,62% вылова чавычи, 98,33% нерки, 90,83% гольца, 82,18% кижуча, 41,44% горбуши и 40,09% кеты. При этом общая доля камчатского вылова лососей составляет 47,32%. При суммарном камчатском вылове водных биоресурсов порядка 700 тыс. т средняя доля вылова лососей составляет 16,5%.

В стоимостном выражении на долю тихоокеанских лососей в РХК Камчатки приходится порядка 4–5 млрд руб. При этом мощности по заморозке используются на 30%, а по консервному производству – на 10%.

Таблица 9

Потребность вылова лососевых для личного потребления КМНС

Наименование района	Год вылова					
	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Соболевский	14,35	32,09	3,69	74,23	59,01	–
Усть-Большерецкий	3,1	16,97	27,86	89	18,52	–
Тигильский	–	–	–	–	–	–

При высокой социальной и экономической значимости для Камчатского края лососевое хозяйство в целом и управление промыслом в частности характеризуется рядом проблем:

1. Управление промыслом на основе ОДУ препятствует оперативному регулированию промысла, побуждает искажать промысловую статистику, скрывать и уничтожать добытые сверх квоты объекты промысла.

2. Отсутствие эффективной рыбоохраны, массовое браконьерство, сокрытие и нелегальный вывоз уловов.

3. Низкий уровень береговой переработки, высокие транспортные и энергетические затраты, приводящие к продаже сырца перекупщикам, а вследствие этого к снижению объема поступающих налогов и сборов в бюджеты разных уровней.

Таблица 10

Возможность общин самостоятельно осваивать и перерабатывать рыбные ресурсы

Районы	Возможность осваивать квоты		Возможность перерабатывать рыбные ресурсы	
	Да	Нет	Да	Нет
Усть-Большерецкий	100	–	10	90
Соболевский	100	–	20	80
Тигильский	90	10	60	40

Литература

1. Социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Севера: Стат. сб. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 2006.

2. Итоги Всероссийской переписи населения: Стат. сб. – М., 2006.

3. *Шарахматова В.Н., Ерискина Н.В.* Социально-экономическое положение народов Севера Камчатки как объект социологического исследования // География и природные ресурсы. – 2003. – Октябрь – декабрь. – С. 108–112.

4. *Моисеев Р.С.* Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. – 216 с.
5. *Клоков К.Б.* Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития // *Этногеографические и этноэкологические исслед.* – 1997. – Вып. 5. – 91 с.
6. *Бочарникова Т.Б.* Традиционное хозяйство, рынок и охрана природы // *ЭкоLogos.* – 2003. – № 17. – С. 5.
7. *Шарахматова В.Н.* Занятость коренных народов Севера в традиционных отраслях хозяйства Быстринского района Камчатской области // *Человек на Севере: проблемы качества жизни.* – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 108–114.
8. *Михайлова Т.Р.* Проблемы развития природного парка «Быстринский» // *Пробл. охраны рационального использования биоресурсов Камчатки: Докл. обл. науч.-практ. конф.* – Петропавловск-Камчатский, 2000. – 70 с.
9. *Майерс К.* Оценка прилова чавычи, происходящей из реки Юкон, при промысле придонных рыб восточной части Берингова моря в 1997–1999 гг. // *Yukon River Drainage Fisheries Association.* – 2004. – Март.
10. *Смирнов Б.П.* Лососевое хозяйство Аляски: современное состояние и принципы управления (аналитическая информация): Сохранение биоразнообразия лососевых Камчатки и их устойчивое использование: Отчет ВНИРО Проекта ПРООН/ГЭФ. – М.; Петропавловск-Камчатский, 2007.
11. Традиционные знания и их значимость для сохранения биоразнообразия Камчатки. – Ч. 2. Сохранение биоразнообразия лососевых Камчатки и их устойчивое использование: Отчет НИР Проекта ПРООН/ГЭФ. – 2008. – 127 с.
12. <http://www.fakr.noaa.gov/sustainablefisheries/catchstats.htm>

УДК 397+338.4

**КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ПРОМЫСЛОВ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КАМЧАТСКОГО КРАЯ
В МЕСТАХ ИХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ**

С.В. Лебедев,

к.э.н., руководитель Агентства территориального развития Камчатского края,

С.Р. Древинг,

к.э.н., заведующая кафедрой бухгалтерского учета и финансов КамчатГТУ

В настоящее время на территории Камчатского края проживает менее 10 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера. Большинство населенных пунктов Корякского округа (60%) являются национальными поселками, в которых численность коренного населения в общей численности населения поселка составляет от 65,98 до 98,76%.

При этом все национальные поселки транспортно изолированы – не имеют регулярного сообщения с районным и краевым центрами. Нет взаимной транспортной доступности поселков. Развитая социальная инфраструктура в национальных поселках отсутствует. Официальный уровень безработицы в Корякском округе в три раза превышает уровень официальной безработицы в бывшей Камчатской области, уровень латентной безработицы в 21 раз. В настоящее время экономика коренных народов Камчатского края находится в депрессивном состоянии при 80-процентном уровне латентной безработицы в национальных селах.

Таблица 1

**Численность коренных малочисленных народов Севера
на территории Камчатского края в разрезе населенных пунктов**

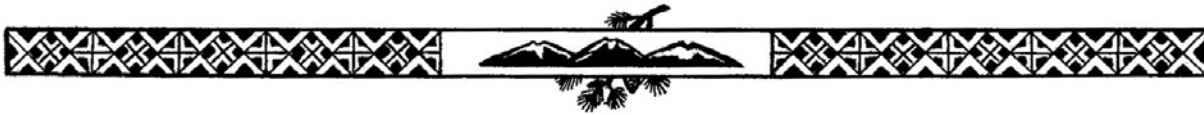
Район	Населенный пункт	Численность населения, чел.	В т. ч. КМНС	Количество родовых общин, национальных предприятий
Тигильский	пгт Палана	4011	1290	11
	с. Тигиль	2147	588	14
	с. Седанка	658	567	6
	с. Воямполка	175	146	1
	с. Лесная	461	434	3
	с. Усть-Хайрюзово	1075	121	4
	с. Ковран	370	310	8
	с. Хайрюзово	264	180	3
	Всего по району	9161	3636	49
Пенжинский	с. Каменское	678	193	1
	с. Манилы	911	603	2
	с. Таловка	337	286	2
	с. Слаутное	391	258	1
	с. Оклан	82	74	2
	с. Аянка	313	279	1
	с. Парень	81	80	1
	Всего по району	2793	1773	10
Карагинский	пгт Оссора	2381	453	9
	с. Тымлат	891	756	3
	с. Карага	483	369	5
	с. Кострома	92	18	
	с. Ивашка	1133	164	7
	с. Ильпырское	257	87	
		Всего по району	5237	1847
Олюторский	с. Тиличики	2028	485	3
	с. Корф	1378	47	1
	с. Ачайваям	552	441	
	с. Хаилино	799	710	2
	с. Средн. Пахачи	501	359	1
	с. Пахачи	577	21	
	с. Вывенка	464	389	
	с. Апука	349	166	
	Всего по району	6648	2618	7
	Итого	23839	9874	90

Проводившаяся политика интенсивного включения народов Севера в экономическую жизнь страны, перевода кочевого населения на оседлость, осуществлявшаяся без учета особенности уклада жизни и культуры, вела к разрушению традиционного национального хозяйственного комплекса как основы жизнедеятельности северных этносов. Неблагоприятное воздействие оказало и однобокое промышленное освоение районов Севера, не учитывавшее ни особенности проживания народностей Севера, ни их потребности саморазвития, ни уникальность экологического равновесия этих территорий. Коренному населению были предложены несвойственные им способы экономической деятельности.

Все это обусловило серьезные негативные процессы в развитии северных народов: частичную утрату национально-культурного своеобразия, языка и традиционных форм хозяйствования, разрушение среды обитания, низкий уровень жизни. Даже в отраслях традиционного хозяйства малочисленных народов Севера сегодня не приходится говорить о значительном благополучии.

Некогда рентабельная отрасль традиционного хозяйства – оленеводство – стала убыточной, численность оленепоголовья сократилась в семь раз.

Практически уничтожено племенное ядро оленьего стада. В кризисной ситуации находится морской зверобойный промысел. В настоящее время добыча морского зверя ведется в очень незначительных объемах. Снижился промысел полевой пушнины, прежде всего из-за истощения ресурсов угодий, ухудшения экономических условий и снижения материальной заинтересованности охотников, а также несовершенства организации промысла.

Абсолютное большинство коренных народов живет за чертой бедности.

Ухудшаются жилищные и социально-бытовые условия жизни коренных народов. Жилищный фонд в селах в основном ветхий и в большинстве без водоснабжения, канализации и инженерных сетей. Особую актуальность для коренных народов представляет создание нормальных условий жизни на маршрутах кочевков – строительство передвижного жилья. Усугубилась проблема с медицинским обслуживанием. Регистрируется рост заболеваемости туберкулезом, вирусным гепатитом, кожными и паразитарными заболеваниями. Значительная часть учреждений медицинского обслуживания требует капитального ремонта, обеспечения минимальным количеством лекарственных препаратов, оснащения современным медицинским оборудованием. Не хватает квалифицированных медработников. Школы испытывают недостаток педагогических кадров, не в полной мере укомплектованы учебной и учебно-методической литературой, пособиями для внеклассного чтения, особенно на языках коренных народов, слабо оснащены современными техническими средствами обучения.

Таким образом, к важнейшим хозяйственным проблемам, требующим безотлагательного решения, относится, прежде всего, развитие традиционных отраслей хозяйствования коренных народов (оленоводства, охотничьего и морского зверобойного промыслов, рыболовства, изготовления сувенирной продукции и др.).

Целями стратегии обеспечения устойчивого развития традиционных форм хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Камчатского края в местах их компактного проживания до 2025 г. являются создание условий для устойчивого развития коренных народов на основе укрепления традиционного жизнеобеспечения, содействия проявлению коренными народами экономической активности, формирования институтов национального самоуправления на основе рационального природопользования, технико-технологического совершенствования традиционных отраслей хозяйства; обоснование целесообразности участия коренных народов в развитии неотрадиционных промыслов и способов хозяйствования.

Задачами стратегии являются:

- технико-технологическое оснащение традиционных видов хозяйственной деятельности и организация перерабатывающих производств в районах проживания коренных народов в Камчатском крае, организация новых производств;
- расширение сфер экономической деятельности коренных народов за счет развития неотрадиционных промыслов и способов хозяйствования;
- создание системы заготовок, материально-технического обеспечения и сбыта продукции, обеспечение развития факторийных форм торговли и товарообмена;
- обеспечение возрождения культуры коренных народов в виде возрождения традиционных художественных промыслов;
- развитие форм местного самоуправления, адекватных организации традиционного природопользования и укладу жизни коренных народов.

Наиболее приемлемой формой социально-экономического и духовного возрождения коренных малочисленных народов Севера являются родовые общины. Создание родовых общин и закрепление за ними территорий традиционного природопользования направлено на реализацию права коренных малочисленных народов, на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, сохранение этноса, восстановление утраченного чувства хозяина, развитие самосознания, языка, культуры. Число зарегистрированных образований «родовая община» составляет более 200. При этом часть из них никакой экономической деятельности не ведет.

Цели и задачи родовых общин сводятся к следующему:

- 1) создание реальных условий возрождения и развития традиционных образа жизни и хозяйственной деятельности;

- 2) развитие форм материальной и духовной культуры;
- 3) обеспечение трудовой занятости и социальных гарантий.

Основные виды деятельности предприятий КМНС – охота, рыболовство, морской зверобойный промысел. В современных условиях для рационального функционирования родовых общин или предприятий коренных народов традиционных видов экономической деятельности будет недостаточно. Необходимо расширять использование нетрадиционных способов хозяйствования с применением самого современного оборудования и материалов. Такой подход применим к изготовлению изделий художественных промыслов, организации сбора и переработки дикоросов, добыче морского зверя и т. д.

Учитывая возрастающий интерес к образу жизни коренных народов, который воплощает в себе многовековой экологический опыт бережного отношения человека к природе и к самому себе, простой ежедневный производственный процесс в местах проживания коренных народов становится базой, на которой можно с успехом развивать новый, не относящийся к традиционным видам деятельности коренных народов способ занятости – организованный этнографический туризм.

Перспективы развития оленеводства связаны с восстановлением поголовья, организацией повсеместной переработки и с увеличением объема мясной продукции,

а также с использованием пантового и ферментно-эндокринного сырья, которое после переработки будет использоваться в производстве биостимуляторов, биологически активных веществ и новых лекарственных препаратов.

Основной резерв повышения товарности морского зверобойного промысла (за исключением китообразных) составляют переработка первичного сырья для обеспечения коренных народов продовольствием, получение ценного жирового сырья для использования в медицинской и парфюмерной промышленности, а также организация глубокой переработки ферментно-эндокринного сырья.

Необходимо обновление материально-технической базы и внедрение новых технологий охлаждения, вакуумирования, глубокой переработки рыбного сырья.

Стратегия предусматривает развитие экономической активности коренных народов по следующим направлениям:

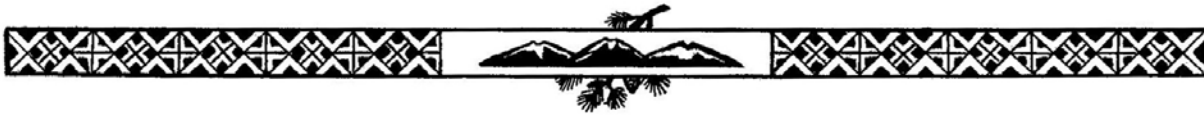
- 1) восстановление и развитие народных промыслов коренных народов;
- 2) развитие морского зверобойного промысла;
- 3) развитие производств по сбору и переработке дикоросов;
- 4) развитие туристской инфраструктуры – этнокультурного обустройства территорий традиционного проживания коренных народов;
- 5) организация предоставления медицинских услуг в режиме «выездных бригад».

Развитие народных художественных промыслов коренных народов

Народные промыслы, в том числе художественные, являются одним из основных видов традиционной хозяйственной деятельности коренных народов, способствующей их экономическому развитию, сохранению традиций и образа жизни, которые могут развиваться лишь в комплексе со всеми отраслями традиционного хозяйствования.

В настоящее время в округе работают творческие мастерские в п. Палана, с. Тилички, с. Парень, с. Слаутное, с. Ковран (на базе фольклорного ансамбля «Эльвель»), с. Седанка, с. Манилы. Здания, в которых они расположены, требуют капитального ремонта (реконструк-

ции), мастерам приходится трудиться в непригодных и необорудованных помещениях. В связи с этим необходимо предусмотреть мероприятия по реконструкции зданий, приобретению и доставке оборудования и расходных материалов для мастерских. Строительство мастерских запланировано в тех селах, где в перспективе предполагается увеличение поголовья оленей, развитие охотпромысла и морзвербойного промысла.

В селах округа повсеместно развито надомничество. Всего в населенных пунктах округа мастерами-надомниками работает 81 человек. Они самостоятельно изыскивают материалы и оборудование для производства товаров, рынки сбыта. Производство носит неорганизованный характер, но при этом существующая самозанятость приносит мастерам доход от 100 до 300 тыс. руб. в год на человека.

Стратегические направления развития народных, в том числе художественных, промыслов: создание объектов инфраструктуры, в том числе сбыта готовой продукции; поддержка системы производства; обеспечение реализации мер по укреплению материальной базы и технического переоснащению; проведение работ по реконструкции и модернизации имеющихся объектов; кадровое обеспечение.

Развитие морского звербойного промысла, развитие производств по сбору и переработке дикоросов

Оленеводство, звербойный промысел и рыболовство обеспечивали северян занятостью, определяли уклад всей жизни северян. основополагающими принципами освоения морских млекопитающих на Севере всегда являлись принципы разумной достаточности и полной утилизации добытого.

Морской звербойный промысел и отрасли, основанные на утилизации его продукции, и сегодня являются одними из немногих перспективных направлений в национальных селах округа. Главная задача – поэтапное повышение экономической эффективности отрасли, внедрение новых модульных технологий переработки вторичных продуктов в высоколиквидную продукцию.

Материалы специальных исследований ГУП «ТИНРО-Центра» и других научных учреждений позволяют утверждать о возможности значительного увеличения объемов добычи в прибрежных водах всех видов ластоногих и белухи.

Вторым по значимости не востребованным в полной мере традиционным промыслом представителей коренных малочисленных жителей является сбор дикоросов. Учитывая схожесть консервации (заморозки) сырья звербойного промысла и сбора дикорастущих, сезонность обоих промыслов, а также ограниченность средств, представляется целесообразным объединить цеха переработки и сделать их комплексными, позволяющими перерабатывать и хранить сырье обоих промыслов. Это позволит загрузить работой создаваемые цеха круглогодично.

Основная цель реализации данного направления стратегии – за счет внедрения и развития перерабатывающей подотрасли вторичной продукции морского звербойного промысла, сбора и переработки дикоросов, переработки сырья других традиционных промыслов обеспечить источниками финансирования сохранение сложившегося веками образа жизни, традиций и национальной культуры коренного населения, живущего на побережье.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, а именно:

- создание предприятий, ориентированных на переработку продукции звербойного промысла и оленеводства, дикорастущих, выпуск сувенирной и меховой продукции, увеличение рабочих мест для жителей КМНС, занятых традиционными промыслами, прежде всего в национальных поселках, обеспечение жителей малочисленных народов Севера традиционной пищей (мясо, жир морзверя);
- создание комплексной сети заготовительных пунктов, на которых будет проводиться первичная переработка и консервация продукции традиционных промыслов;
- создание разветвленной торговой сети по реализации продукции на внутреннем региональном и российском рынках;
- подготовка кадров из числа коренных народов.

Развитие туристской инфраструктуры – этнокультурных деревень

Север Камчатского края обладает высококачественными природными и культурно-этнографическими ресурсами, способными привлечь туристов как из-за рубежа, так и из различных регионов России и СНГ. Основу туристского потенциала составляют экологическая чистота, термальные источники, наличие потухших вулканов, большие охотничьи возможности (бурый медведь, снежный баран, северный олень, лось и другие), экзотика предгорий, речных долин (в том числе обилие зверей и птиц) и морских побережий (лежбища морского зверя, птичьи базары, фьорды северо-восточного побережья). Кроме того, этнографические ресурсы весьма многообразны. Культура малочисленных аборигенных народов округа насчитывает в своем развитии многие столетия и тем самым привлекает к себе огромное внимание. Наиболее перспективными и конкурентоспособными направлениями развития туризма следует считать:

1) спортивный туризм, в том числе лицензионный туризм, что соответствует стремлению людей к активному отдыху в экологически чистых зонах в сочетании с занятиями различными видами спорта, такими как: лицензионная рыбная ловля, лицензионная охота, гонки на собачьих упряжках;

2) специализированный туризм – познавательно-научный и учебный, предполагающий изучение этнографии коренных этносов, населяющих север края, местной геологии и ботаники;

3) приключенческий, или экстремальный, туризм, предполагающий переходы через хребет, сплавы по бурным рекам, спуск в кратеры потухших вулканов, а также тренировки на выживание.

На сегодняшний день перспективными для первоочередного (2009–2025 гг.) освоения является один из трех выделенных на территории округа районов – туристский район Срединного хребта, включающий Тигильский муниципальный район и часть Карагинского района. Предполагается сформировать три туристских зоны.

Первая туристская зона – «Паланская зона» (центр в пгт Палана) – ориентирована на Паланские горячие источники.

Вторая туристская зона – «Оссорская зона» (центр в пгт Оссора) – ориентирована на о. Карагинский, бассейн р. Ивашка, дранкинские горячие источники.

Третья туристская зона – «Хайрюзовская зона» (центр в с. Хайрюзово).

Развитие туризма можно осуществлять на базе мест компактного проживания коренных народов (родовых общин и т. д.). Целесообразно создание своего рода этнографических деревень, этнокультурных центров (место компактного проживания коренных народов, имеющих утилитарное назначение, т. е. используемое не декоративно, а направленное на обеспечение жизни) – неординарных форм занятости. При этом большая часть коренного населения будет иметь возможность «пассивно заниматься» обслуживанием туристов без отрыва от основной деятельности, которая и будет как раз являться объектом туристского внимания.

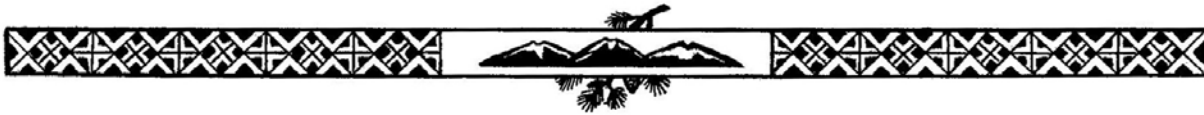
Развитие туризма станет серьезным фактором стабилизации экономики края в целом, возрождения и сохранения его культурно-этнографического наследия.

Создание факторий и развитие факторийных форм торговли и товарообмена и развитие рыночной инфраструктуры

Фактории – специализированные предприятия или организации, созданные в местах традиционной производственной деятельности и проживания коренных народов, предназначенные для приема, накопления, первичной обработки, хранения и подготовки к транспортировке продукции производства традиционных отраслей хозяйствования и традиционных промыслов коренных народов, обеспечения представителей этих народов товарами и услугами, необходимыми для их жизнедеятельности, а также (при расположении факторий вне населенных пунктов) для проживания обслуживающего персонала.

Целью образования факторий является обслуживание трудового процесса лиц, занятых традиционными видами хозяйственной деятельности и традиционными промыслами коренных народов, прием, накопление, хранение, подготовка к транспортировке и транспортировка до точек реализации продуктов традиционного производства и промыслов (пушнины, дичи, ры-

бы, мяса, дикорастущих растений, сувенирной продукции и т. д.), а также обеспечение людей, занятых в традиционных производствах, основными промышленными и продовольственными товарами и орудиями производства.

Деятельность факторий в Камчатском крае будет способствовать повышению эффективности хозяйственной деятельности в традиционных сферах занятости коренных народов; формированию устойчивой системы сбыта коренным населением продуктов своего труда; проведению политики ценообразования на продукцию традиционных промыслов коренного населения; содействию созданию системы жизнеобеспечения и социально-бытовых условий, отвечающих удовлетворению жизненно важных потребностей малочисленных народов при осуществлении ими традиционных промыслов.

Государственная поддержка развития факторий может осуществляться путем реализации органами государственной власти Камчатского края мер, направленных на:

- 1) создание условий для образования факторий, в том числе развитие ранее существовавших факторийных форм;
- 2) предоставление финансовой поддержки на развитие системы заготовки, хранения, переработки, транспортировки и сбыта продукции традиционных отраслей хозяйствования и традиционных промыслов;
- 3) содействие профессиональной подготовке лиц, осуществляющих обслуживание факторий.

Организация предоставления государственных услуг и государственных функций в труднодоступных населенных пунктах методом выездных бригад

Устойчивая тенденция в ухудшении состояния здоровья коренных народов вызывает необходимость выполнения мер по улучшению медицинского обслуживания жителей отдаленных поселков. Первоочередной мерой для выхода из создавшегося положения является создание действенной системы медицинского и санитарно-эпидемиологического обслуживания коренных народов путем формирования, оснащения оборудованием и лекарственными препаратами экспедиционных медицинских отрядов и передвижных медицинских бригад для профилактики, диагностики и лечения на местах.

Комплексно, со специалистами медицинских направлений в состав выездной бригады входят специалисты, осуществляющие предоставление государственных услуг и государственных функций жителям отдаленных населенных пунктов Камчатского края.

Развитие экономики малочисленных народов Севера является фактором социально и экономически устойчивого развития их жизнедеятельности, хозяйствования и духовного возрождения в современных условиях путем целенаправленного, системного, согласованного и эффективного применения различных экономических рычагов и механизмов, учитывающих специфику жизни коренных народов. Основой системы должна служить организация перехода от навязанных и поэтому иждивенческих форм жизни к неотрадиционным формам, строящимся на принципах самоорганизации, самоуправления и саморазвития.

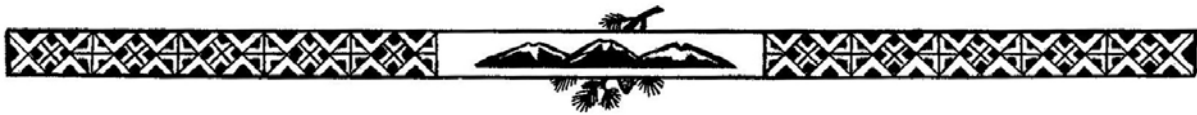
УДК 39

ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧЕСКИХ СУВЕНИРОВ КАК САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КОРЯКОВ И ИТЕЛЬМЕНОВ В XX ВЕКЕ

*Н.В. Войченко,
к.и.н., доцент кафедры истории и философии КамчатГТУ*

Постоянное взаимовлияние разных народов друг на друга на территории Камчатки в XX в. приводит к постепенному усвоению людьми общероссийских культурных стандартов. Восприятие норм и ценностей чужой культуры коренным населением полуострова способствовало утрате многих традиционных национальных форм культуры, в том числе в сфере искусств-

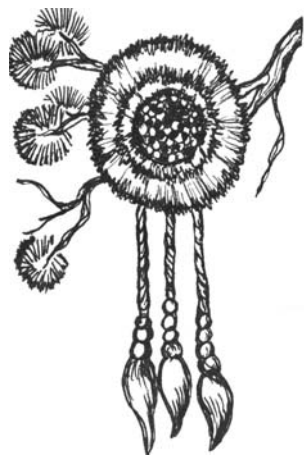

ва. Одним из направлений, способствующих сохранению традиционной самобытной культуры на Камчатке, становится производство этнических сувениров на основе традиционного декоративно-прикладного искусства коряков и ительменов.

В современной научной литературе практически не изучено явление «сувенир». Это слово пришло в русский язык из французского и в переводе означает «воспоминание, память». В толковых и энциклопедических словарях сувенир определяется как художественное изделие, какой-либо предмет на память, т. е. как вещь, связанная с воспоминаниями о ком-либо или о чем-либо, или как подарок [1].

Понимая сувенир как способность человека опредмечивать природу, творить вещи, вызывающие чувственный образ, можно определить комплекс отличительных признаков, которые идентифицируют сувенир как культурную форму, с древности присутствующую у коренных народов Камчатки. Описывая ительменов первой половины XVIII в., Г.В. Стеллер отмечал, что женщины плетут из соломы корзиночки и коробочки для своих украшений и для предметов домашнего обихода и обычно держат в них свои инструменты для шитья, а также разную весьма ценную ими мелочь [2].

Существование «красивой, украшенной вещи», имеющей как утилитарное, так и неутилитарное значение в культуре коряков и ительменов, фиксировали многие исследователи. Например, С.П. Крашенинников писал: «Как оштал (*палка, которой погоняют собак*), так и санки для прикрасы увиваются разноцветными ремнями, и оно за немалое щегольство почитается» [3].

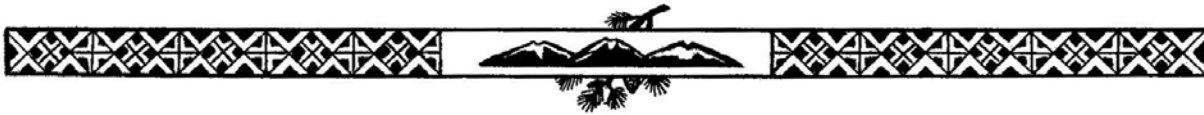
В.И. Иохельсон заметил, что скульптуры животных у коряков и чукчей гораздо реже предназначены для каких-то определенных целей, чем у эскимосов. У чукчей и коряков настоящая художественная анималистическая скульптура, по его мнению, предназначена исключительно для удовлетворения художественной склонности. В.И. Иохельсон имел возможность неоднократно наблюдать, как фигурки, привезенные в поселки Пенжинской губы с побережья Берингова моря, сохранялись в рабочих мешках женщин, которые часто доставали их оттуда только для того, чтобы полюбоваться [4].

Рассматривая скульптуру коряков, В.И. Иохельсон пришел еще к одному выводу, подтверждающему наличие сувенира как культурной формы у аборигенов Камчатки: «Между двумя родами скульптурных произведений – религиозными и реалистическими – есть, конечно, промежуточные стадии, в особенности в резных предметах, служащих практическим целям, но поскольку реалистичная скульптура должна доставлять удовольствие, развивается она независимо от религии. Ее единственный источник – эстетические потребности человека» [4].

На Камчатке народными художественными промыслами являются в первую очередь промыслы коренного населения. Следовательно, вещи, произведенные на этих промыслах, являются этническими сувенирами. Изделия коряков и ительменов вызвали искреннее уважение у русских людей. «Превеликими мастерицами» называл женщин-рукодельниц С.П. Крашенинников. В.И. Иохельсон, исследуя материальную культуру коряков, отмечает: все, кто жил среди них, прекрасно знают, насколько сильна их страсть ко всему красивому.

Можно отметить, что первые художественные промыслы появились на Камчатке в начале XIX в., потому что в этот период коренное население стало изготавливать на заказ и на продажу декоративно-прикладные изделия. Большим спросом пользовались в это время корякские ковры из оленьих шкур, кухлянки, пареньские ножи [5]. «Каждый русский или якутский торговец <...> путешествуя по частным или казенным делам, покупал вышитую оленью кухлянку корякской работы. Сами же коряки их редко носят, разве только купцы. Женщины носят вышитую одежду чаще, чем мужчины» [4]. В XIX в. большое влияние на декоративно-прикладное искусство коренных жителей полуострова, т. е. и на производство этнических сувениров, оказали русские орнаменты и техники обработки материалов, которые прочно вошли в художественную традицию коряков и ительменов [5].

В первой половине XX в., в период активной русификации коренных народов Камчатки, многие виды традиционной деятельности, в том числе искусства, стали исчезать. Необходимо отметить, что на Камчатке предпринимались попытки сохранения традиционных художественных промыслов. В 1929 г. Корякский окружком ВКП(б) в резолюции «О кустарной промышленности», отмечая скудность материалов по вопросам кустарного промысла, «поручил комфракции Интеграмосюза одновременно с проведением организации артелей приступить к изучению и сбору материалов, характеризующих промысел» [7]. Среди основных доходных промыслов, которыми занимается местное население, были названы следующие: выделка кожи, пошив и рукоделие из местных материалов, поделки по кости. Мероприятия по сохранению и развитию традиционных художественных промыслов в первые годы советской власти носили пропагандистский и агитационный характер. Так, местные государственные органы на полуострове рекомендовали организовать кооперацию женского труда. При этом предлагалось использовать ярмарки коренного населения для проведения выставок и соревнований женского рукоделия с награждением победительниц «призами революционного содержания в виде предметов санитарии» [8]. Партийные документы 20–40-х гг. указывали на крайне слабое развитие местной кустарной промышленности и практическое отсутствие торговли в районах Камчатки, где товарами не торгуют, а их распределяют [9]. Но при этом отмечалось, что «значительные сырьевые возможности области совершенно не используются» [10].

В 30-е гг. на Камчатку приезжает по оргнабору большое количество наемных рабочих. Их нужно было обеспечить предметами первой необходимости, которые достаточно трудно доставлялись с материка. В докладной записке по вопросам развития местной промышленности, датированной 1936 г., начальник облместпрома Волкодав и экономист Павлов указали, что в Петропавловске необходимо и вполне возможно организовать мастерскую игрушек и учебных пособий. «Основное в этом деле специалисты. Они в Петропавловске есть, их продукция на весеннем детском базаре пользовалась очень большим спросом. Местная игрушка будет значительно дешевле привозной... Кроме того, в качестве сырья могут быть использованы обрезки пошивочных мастерских, старые фанерные ящики, нерпичьи шкуры и консервные банки» [11]. К этой докладной записке был приложен проект капиталовложений для организации мастерской игрушек, составляющий 35 тыс. руб. Однако данное предложение осталось нереализованным.

Итак, в первой половине XX в. художественное творчество народов Севера России не пользовалось вниманием ученых. Вместе с тем имеющихся данных из партийного и государственного архива Камчатской области недостаточно для того, чтобы проследить процесс изменения сувенирного производства в этот период.

В 70–80-х гг. на Камчатке началась организация государственных предприятий народных художественных промыслов. В 1972 г. на базе прибороремонтного завода в Петропавловске-Камчатском были созданы кожгалантерейный и сувенирный цехи, которые работали на местном сырье. Эти два цеха производили продукцию на сумму, составлявшую половину производственного плана завода [12]. Сувенирный цех выпускал 13 наименований изделий из меха, а также модели яхт и парусников. В этот же период организуются художественные промыслы в пгт Палана, с. Хаилино, на Командорах. Основными изделиями были торбаса, тапочки, ковры, украшения.

Выполняя принятое в декабре 1974 г. Постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах», в г. Елизово был открыт цех, производящий сувениры в традициях народного искусства Крайнего Севера. В феврале этого же года сувенирное производство в Петропавловске-Камчатском при прибороремонтном заводе выделяется в отдельное предприятие «Объединение художественных промыслов и сувениров» [13]. В 1974 г. это предприятие выпускало 54 наименования сувениров, а в 1975 г. – 183 вида различных сувениров [14, 15]. В последующие годы ассортимент сувениров постоянно расширялся. Как показывают архивные материалы, чаще всего в производство внедрялись разработки мастеров Петропавловско-Камчатского объединения художественных промыслов. Эти мастера знали производственные возможности своего предприятия, но среди них не было представителей коренного населения Камчатки. На заседаниях художественного совета регулярно рассматривалась продукция сувени-

нирных цехов из национальных глубинок с целью использования их в своем производстве. Для консультации приглашали на производство мастеров, производящих камчатские сувениры, а также историков, искусствоведов, но ни разу в документах не упоминается о приглашении для консультаций национальных мастериц.

Итак, при массовом выпуске сувениров в советский период происходило упрощение как технологии обработки материалов, так и символического, сакрального значения предметов традиционной культуры коряков и ительменов. Но благодаря этим предприятиям и постоянно проводимым выставкам декоративно-прикладного искусства сохранялись традиции декоративного искусства коренных народов Камчатки.

Современное производство этнических сувениров коряков и ительменов, основанное на традиционном декоративно-прикладном творчестве, включает в себя не только конечный продукт – вещи, приобретаемые на память, – но и традиционные технологии и методы, которые являются исходным образцом для последующего прямого или вариативного редуцирования. Следовательно, этнический сувенир в современной культуре коренных народов Камчатки остается культурной формой, т. е. является способом удовлетворения групповой или индивидуальной эстетической потребности людей, овеществленной и введенной в поле социальной коммуникации.

Мощным стимулом распространения сувенира в наши дни является массовый туризм. В последние годы на Камчатке в связи с активизацией туризма отмечается повышенный спрос на сувениры, отражающие уникальность ее природы, а также специфику коренных народов полуострова, сохранивших традиционный образ жизни. Таким образом, этнический сувенир, обладающий достоверностью, выполненный с использованием элементов культуры коренного населения Камчатки, становится социальным заказом и осуществляет познавательную функцию.

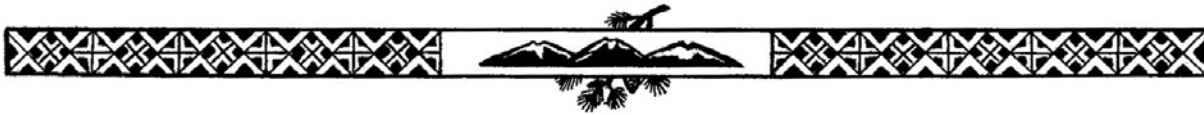
Развившийся в конце XX в. экономический кризис в стране и на Камчатке привел к уменьшению производства местного традиционного сырья, применяемого в декоративно-прикладном искусстве, и способствовал переходу к искусственным материалам, что является одной из причин упадка производства этнических сувениров на Камчатке. В 80–90-е гг. прошлого столетия из-за низкой рентабельности были закрыты сувенирные цехи в национальных поселках, что привело к сокращению ассортимента и количества производимых этнических сувениров. В условиях активизации туризма на полуострове сувенирное производство на основе декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Камчатки может способствовать успешной адаптации этих народов к современным условиям жизни.

Определяя современные задачи традиционного прикладного творчества и производства этнических сувениров, мы должны рассматривать их во взаимосвязи, разделяя этнические и социальные проблемы населения Севера. Если первые связаны, как правило, с этническими и культурными особенностями каждого народа, то вторые характерны для всех жителей полуострова независимо от их национальности. Такие проблемы необходимо решать комплексно и на государственном уровне.

Интерес к этническим сувенирам обусловлен тем, что они расположены на стыке современной и традиционной культур. Роль и значение этнического сувенира в современной культуре коренных народов Камчатки было задачей исследования, которое проводилось нами в 2003 г. Исследование осуществлялось выборочным путем точечного опроса в форме анкеты-вопросника в Петропавловске-Камчатском, так как основное производство этнических сувениров в последние десятилетия было сосредоточено в краевом центре. В качестве дополнительного метода применялся такой метод, как интервью респондентов. В результате было опрошено 15 мастеров, работающих в сфере традиционного декоративно-прикладного искусства и являющихся авторами наиболее известных камчатских сувениров.

Среди опрошенных мастеров 11 человек – женщины в возрасте от 25 до 54 лет (из них пять русских, две ительменки, три корячки, одна камчадалка); четыре человека – мужчины в возрасте от 25 до 45 лет, русские. Соотношение этих данных показывает, что в областном центре занимаются сувенирным промыслом с использованием мотивов традиционной культуры большей частью женщины. Интересно соотношение национального состава: две трети от общего числа опрошенных – русские, имеющие специальное художественное образование. Данную ситуацию

можно объяснить тем, что произведения прикладного характера утрачивают свое утилитарное значение. Следовательно, нарушается преемственность в передаче опыта и знаний по изготовлению декоративных предметов быта и на смену традиционному искусству коренных народов приходит профессиональное творчество.

Согласно итогам анкетирования сегодня наибольшим спросом в качестве этнического сувенира пользуются следующие декоративно-прикладные изделия, созданные мастерами:

- украшения (подвески, броши);
- мелкая пластика (изображения Кутха, Пеликена, Ын-Пына, т. е. обереги);
- гравировка по кости;
- элементы одежды (чаще всего торбаса, кухлянки, головные уборы), женские сумочки.

Опрос показал, что чаще всего камчатский этнический сувенир – это вещи, которые использовались в быту аборигенов полуострова. Кроме того, можно отметить сокращение ассортимента этнических сувениров по сравнению с 70–80-ми гг. прошлого века.

В последние десятилетия активизация производства этнического сувенира связана с увеличением на Камчатке количества иностранных туристов, которые более охотно приобретают вещи, выполненные в традиционном стиле коренных народов Севера. В экономическом аспекте производство камчатских сувениров в традиционном исполнении может приносить весомую прибыль. Это явление можно использовать не только для пополнения бюджета области, но и для повышения интереса молодежи к традиционным видам искусства, возрождения декоративно-прикладного творчества коряков и ительменов.

Из 15 опрошенных мастеров трое обучают своему ремеслу детей. Положительным моментом в развитии производства этнических сувениров является открытие сувенирных цехов в национальных поселках, активное участие местных мастеров на российских и международных выставках традиционных художественных ремесел [16, 17]. Таким образом, вновь устанавливается преемственность наиболее выразительных форм, технологий, материалов, воплощающих особенности искусства коренных народов Камчатского края.

На наш взгляд, наметившаяся тенденция возрождения традиционного декоративно-прикладного искусства в виде этнического сувенира связана с проблемой социальной идентичности в постсоветском пространстве. Радикальные социально-экономические изменения, связанные с распадом СССР, привели к утрате идеи, способной интегрировать общество. Как отмечала исследователь этнической идентичности Г.У. Солдатова, если общество оказывается бессильным, то уверенность людям дает принадлежность к этнической группе [18]. Поэтому в период социального кризиса России (конец XX в.) у коренных народов Камчатки наблюдается актуализация этнической идентификации, которая проявляется в повышении интереса представителей коренного населения к собственной традиционной культуре. Следствием этого интереса являются обращение коряков и ительменов к своей истории, попытки возрождения и сохранения национальных языков, праздников, традиционных способов природопользования, а также традиционного декоративно-прикладного искусства через производство этнических сувениров.

Итак, этнический сувенир – это олицетворение культуры определенного народа, сохранение национальных и исторических традиций. Этнический сувенир является продуктом адаптации коренного населения Камчатки к системе современной культуры, что поможет не только сохранить, изучить, но и развивать традиционную культуру народов Камчатки. В современном обществе этнические сувениры являются посредниками между традиционной и современной (техногенной) культурами, благодаря которым обе культуры могут обогащать друг друга, оставаясь различными.

Литература

1. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Горкина, А.А. Гусева, Н.М. Ланда и др. – М.: Большая Рос. энцикл., 2000. – С. 696.
2. *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печ. двор, 1999. – С. 62.
3. *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. – С. 37.

4. *Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация / Под ред. Ч.М. Таксами. – СПб.: Наука, 1997. – С. 153.
5. Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1985. – С. 131.
6. *Виттер И.В., Новик Ю.О.* Мода от природы: Традиционная корякская одежда, изготовленная в конце XX века. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2004. – С. 171.
7. ЦДНИКО.– Ф. 4, оп. 1, д. 10, с. 45.
8. ЦДНИКО.– Ф. 4, оп. 1, д. 10, с. 47–57.
9. ЦДНИКО.– Ф. 2, оп. 2, д. 78, с. 72.
10. ЦДНИКО.– Ф. 2, оп. 2, д. 21, с. 31.
11. ЦДНИКО.– Ф. 2, оп. 2, д. 78, с. 297.
12. ГАКО.– Ф. 747, оп. 1, д. 83, с. 2–9.
13. ГАКО.– Ф. 791, оп. 1, д. 6, с. 1–2.
14. ГАКО.– Ф. 747, оп. 1, д. 110, с. 6.
15. *Федорченко Е.* Вам нравятся сувениры? // Камчатская правда. – 1975. – 15 марта. – С. 2.
16. *Успенская В.И.* Вы правильно выбрали путь! // Абориген Камчатки. – 2003. – 26 дек. – С. 1.
17. *Успенская В.И.* Европейский рынок // Абориген Камчатки. – 2004. – 4 окт. – С. 8.
18. *Солдатова Г.У.* Этническая индентичность / Психология самосознания: Хрестоматия. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – С. 656–667.

УДК 332.3(571.66)

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В КОРЯКСКОМ ОКРУГЕ

Л.Г. Хамидулина,

методист Корякского филиала КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК»

В октябре 2004 г. мною была разработана программа по факультативному курсу «Геоэкология Корякского округа» для 9-го класса. Школьный факультативный курс экологической географии (геоэкологии) направлен на развитие и совершенствование системы непрерывного и всестороннего экологического просвещения. В III разделе программы «Геоэкология в Корякском округе» есть тема № 4 «Традиционное природопользование в Корякском автономном округе», на которую был составлен план и собирается материал.

Тема очень непростая, и раскрывать ее можно с разных точек зрения, начиная с исторических этапов до современного состояния природопользования, видов традиционной деятельности и охраны природы у народов севера Корякского округа.

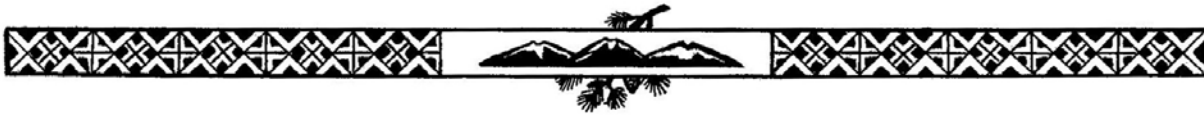
Во-первых, надо познакомиться с основными понятиями, касающимися коренных народов и их природопользования на севере Дальнего Востока: коренные малочисленные народы Российской Федерации; традиционный образ жизни малочисленных народов; исконная среда обитания малочисленных народов; территория традиционного природопользования.

В Федеральном законе Российской Федерации «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ в статье 1 раскрыты следующие понятия:

– *коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее – малочисленные народы)* – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями;

– *традиционный образ жизни малочисленных народов (далее – традиционный образ жизни)* – исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на социальной организации проживания, самобытной культуре, сохранении обычаев и верований;

– *исконная среда обитания малочисленных народов* – исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни.

В Федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 49-ФЗ (2001 г.) используются следующие основные понятия:

– *территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации* (далее – *территории традиционного природопользования*) – особо охраняемые природные территории, основанные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;

– *традиционное природопользование коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации* (далее – *традиционное природопользование*) – исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;

– *обычаи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации* (далее – *обычаи малочисленных народов*) – традиционно сложившиеся и широко применяемые коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – *малочисленные народы*) правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни.

Во-вторых, данные понятия помогут выяснить, *что такое традиционное природопользование.*

Это исторически сложившиеся способы освоения окружающей среды на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования главным образом возобновляемыми природными ресурсами без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижения разнообразия природных ресурсов. Значение данного понятия определено Федеральном законе «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» № 78-ФЗ (1996 г.). В этом определении подчеркивается историческая преемственность и бережное отношение к природе в способах использования природных ресурсов у народов Севера.

Традиционное природопользование в Корякском округе, как показывают археологические исследования, существовало еще в глубокой древности. Оно включало исторически сложившиеся способы использования природных ресурсов и формы хозяйственной деятельности коренных народов. Важную роль в жизни коренных народов округа играли и играют традиционные отрасли хозяйствования, которые являлись также основными видами хозяйственной деятельности: оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел, охота, собирательство дикорастущих растений.

Обратимся к историческим сведениям о традиционном использовании природных экосистем на территории Камчатского полуострова.

Первые письменные источники о жизнедеятельности коренных народов Камчатки появились только в XVII в. История аборигенов Корякского округа основывается на археологических данных, полученных многими исследованиями начиная с середины XIX в.

Камчатка была заселена около 15 тыс. лет назад во время сартанского оледенения.

10–11 тыс. лет назад на полуострове сформировалась поздняя палеолитическая культура. Она принадлежит предкам эскимосов, алеутов и ительменов.

В тарьинское время численность населения Камчатки возросла, о чем свидетельствуют многочисленные памятники. Древние поселения были расположены на сухих террасах, коренное население умело рационально выбирать себе безопасное местожительство и в основном занималось рыболовством, добычей морского зверя и собирательством.

Древнеительменский этнический пласт представлен археологическими памятниками I-го тысячелетия севернее селения Тигиль. Он предшествовал древнекорякской культуре. Из-за взаимовлияния предков коряков и ительменов их культуры в значительной степени похожи, хотя культура ительменов сохранила ряд этнических черт, отличающих ее от культуры коряков и чукчей.

Древнекорякская культура достигла расцвета в хозяйственном и социальном отношении в X–XIII вв. Высокое развитие зверобойного промысла обеспечило устойчивую оседлость населения, жившего на морском побережье. Коряки заселили северную Камчатку в середине 2-го тысячелетия.

На территории Корякского округа известно около 250 памятников археологии разных типов: временные стоянки, укрепленные стоянки-«крепости», долговременные поселения, культовые памятники, священные места. Большая их часть относится к древнеительменской и древнекорякской культуре (начало 1-го тысячелетия до н. э. – XVII в.), неолитической культуре (Усть-Паланскому комплексу 2-го тысячелетия до н. э.), и к более ранним культурам. Около 180 из них обнаружены и описаны археологами. Изучение культуры коренных народов, населявших и населяющих регион, непосредственно связано с изучением археологических памятников полуострова. В археологическом отношении территория округа имеет значение для изучения процессов этногенеза в северной части Тихоокеанского побережья, включая проблемы населения Северо-Американского континента. Таково мнение ученых, проводивших исследования на Камчатке в последнее время.

Первые сведения о жизни северной Камчатки были получены от русских казаков: Семена Дежнева, Михаила Стадухина и Федора Чукичева. В 50-х гг. XVII в. в места расселения основной массы коряков было совершено несколько походов русских казаков, которые описывали образ жизни, виды деятельности и одновременно собирали ясак.

В состав русского централизованного государства Камчатка вошла в XVII в. Более глубокое исследование Корякского округа провел С.П. Крашенинников (1737–1743 гг.). В книге «Описание земли Камчатки» опубликовано много ценных материалов о жизни и хозяйственной деятельности коряков, чукчей и ительменов. Коряки делились на две группы: кочевые (чавчувены) и оседлые (нымыланы). Коряки (чавчувены), которые жили в глубинке округа, занимались оленеводством и вели кочевой образ жизни. Коряки (нымыланы), жившие по берегам рек и морей, занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом и вели оседлый образ жизни.

В середине XIX в. с Охотского побережья Дальнего Востока на север Камчатки перекочевали эвены. Это охотники и оленеводы. Эвены живут в Пенжинском, Олюторском и Тигильском районах.

Потомками когда-то многочисленного населения Камчатки являются ительмены. Они проживают ныне в основном в Тигильском районе. Живут они оседло, занимаясь рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой на пушного зверя.

В верховьях р. Пенжина, по рекам Таловка, Апука, Пахача, Хаилина встречаются небольшие группы чукчей. Они в основном занимаются оленеводством и охотой на пушного зверя.

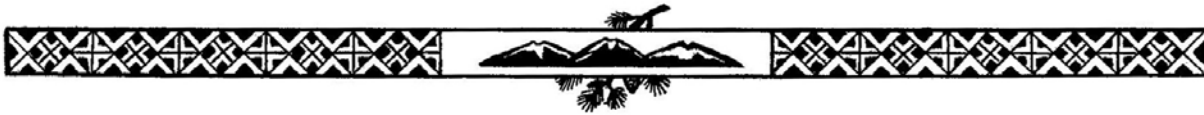
В настоящее время практически все ительмены и треть коряков проживают в Тигильском, 86% чукчей – в Олюторском, две трети эвенов – в Пенжинском районах, занимаясь традиционными видами деятельности, как их предки.

Традиционными отраслями малочисленных народов Севера являются охотничий промысел (мясной, включая морской зверобойный, и пушной), оленеводство, рыболовство и собирательство.

Оленеводство стало занятием, которое поддерживает все остальные исконные виды трудовой деятельности и определяет сохранение традиционных черт быта, культуры, сохранения идентичности народа и языка. Роль оленя для народов Севера очень велика, недаром он изображен на гербе и флаге Корякского округа. Олень для коренных малочисленных народов севера Корякского округа является символом национальной культуры и этнической самоидентификации. Оленеводство в последние годы в Корякском округе испытывает трудности, но, несмотря на это, коренные народы не бросают заниматься исконным промыслом – выпасом оленей.

По сравнению с оленеводством, охота менее жестко связана с необходимостью вести традиционный образ жизни. В настоящее время среди коренных народов возрастает роль охоты для потребительских целей. Родовые общины в округе получают и закрепляют охотничьи участки на большой срок, что ведет к экономическому развитию охотничьего хозяйства и сохранению традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Кроме этого восстанавливается вылов и потребление нерп: лахтаков, акибы и др. Продукция охоты идет на традиционное питание и на продажу или обмен. В Паланском СПТУ № 1 в этом году открыли кружок по выделке шкур, студенты впервые получают традиционные знания по обработке пушного сырья.

Такое традиционное занятие, как рыболовство, является не только основным источником питания, но и частью национальной культуры, частью традиционного мировоззрения. Традиционно население считает рыбу одним из главных продуктов национального питания. Этот род деятельности сохранился и поныне. Но и здесь есть проблемы: закрепление рыболовных участков по сто метров, когда можно закрепить те участки, где традиционно рыбачат аборигены; открывать путины в округе в мае, а не в более поздние сроки; необходимо вести активную пропаганду против браконьерства среди всего населения округа; не допускать вылов рыбы в местах нерестилищ и т. д. Иногда коренное население забывает собственные экологические принципы изъятия природных ресурсов, хотя и ведет себя более скромно, чем приезжие предприниматели.

В хозяйстве ительменов, коряков, эвенов определенное место занимает собирательство. Исстари ительменов считали великолепными знатоками дикорастущих растений, это отметил даже С.П. Крашенинников. В советское время ягоды, грибы, лекарственное сырье принимали промышленные хозяйства, сейчас население самостоятельно реализует природную продукцию, и это зачастую является единственным источником существования в период большой безработицы среди коренных малочисленных народов севера Корякского округа.

Изменение социально-экономической политики государства в конце 1980 – начале 1990-х гг., оформленное новыми законами и указами, было направлено на реорганизацию системы советского хозяйства. Это повлекло за собой резкое сокращение государственной помощи производителям промышленной и сельскохозяйственной продукции. В это время была приостановлена политика государственного протекционизма в отношении народов Севера.

Социально-экономический кризис в России привел к объединению людей в небольшие мобильные коллективы близких родственников. В результате этого процесса возник вопрос возрождения родовых общин. Вновь созданные маленькие экономические структуры (родовые общины, крестьянско-фермерские хозяйства) сразу оказались в тяжелом экономическом положении, которое осложнилось общим социально-экономическим кризисом, высоким уровнем инфляции, большой конкуренцией, сложной транспортной инфраструктурой, проблемой сбыта и закупа продукции. Не имея никакой поддержки со стороны государства, опыта работы, ведения финансовой документации и отчетности, многие предприятия распались, оставшись в долгах. Например, в Корякском округе из 103 родовых общин крепко стали на ноги единицы. Это родовые общины: «Каврал», «Мэсху» (с. Ковран), «Кахтана», «Яяна», «Капер» (пгт Палана), «Юни», «Агья» (пгт Оссора) и другие.

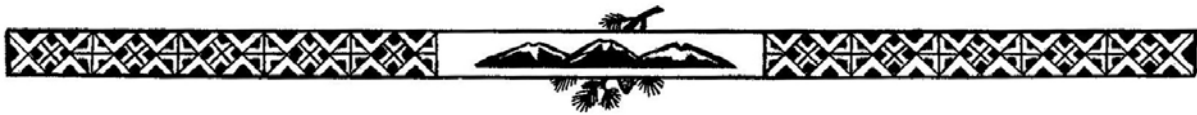
Экономическая слабость общин объясняется внешними и внутренними причинами. Среди внешних причин главная кроется в том, какие новые законы по коренным малочисленным народам Севера примут депутаты Законодательного Собрания Камчатского края. Есть и ряд других причин: неумение руководителей родовых общин хозяйствовать самостоятельно; нехватка грамотных специалистов; наличие иждивенческой психологии, не определены экономические источники жизнедеятельности общин и многое другое.

Современное состояние природной среды в округе позволяет коренным малочисленным народам вести традиционный образ жизни, занимаясь оленеводством, охотой, рыболовством.

За последние годы в округе создана достаточная законодательная база по коренным малочисленным народам Севера. Приняты Законы «О территориях традиционного природопользования в Корякском автономном округе», «О статусе родовой общины коренных малочисленных народов Севера», «Об оленеводстве», но они в основном бездействовали. Были попытки создать территорию традиционного природопользования (ТТП) «Тхсаном» для ительменского народа, но бывший губернатор КАО В.А. Логинов своим волевым решением ее закрыл. В настоящее время нет ни одной ТТП в округе, хотя у коренного населения есть желание их образовывать.

Таким образом, на сегодняшний день можно только констатировать, что в Камчатском крае должна сложиться такая нормативно-правовая база, которая могла бы регулировать и защищать права коренных малочисленных народов Севера. А это связано с развитием традиционной культуры, которая усваивается человеком на ранних этапах его развития и определяет его образ жизни в том сообществе, в котором он родился. Традиционная культура – это способ адаптации человеческих сообществ к окружающей среде, как природной, так и социальной. Самый боль-

шой опыт и знания сохранились в наше время в традиционном природопользовании, в его различных видах традиционной деятельности.

Если рассматривать традиционное природопользование как основу культуры, то надо учитывать всю систему отношений человек – природа.

Приведу несколько примеров бережного отношения к природе ительменского народа, о которых поведала К.Н. Халоймова, методист корякского филиала КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК»: «В конце лета – начале осени женщины-ительменки собирают корни сараны

с помощью копалки. Прежде чем копать, собирательницы аккуратно режут землю (квадратом), а потом, вытащив корень, вставляют землю назад – для заживления. Этот же корень сараны на зиму натаскивают в свои норы-амбары мыши, причем самые крупные корни. Женщины раскрывают этот амбарчик аккуратно посередине надвое, берут не всю саранную продукцию мышей (поскольку там есть и другие съедобные корни), а большую часть оставляют мышам, кроме этого подкладывают: ююлки, корюшки. Мышами питаются зимой лисы, соболя, птицы (совы, орланы и др.). Люди и о них думали. Ительмены одухотворяли природу и Вселенную. Они считали, что все жи-

вое: земля, деревья, вода, растения. Люди разговаривали с ними, задабривали при встрече, угощали едой. Ительмены ловили рыбы столько, сколько им было надо. Они всегда помнили, что из-за браконьерства рыба кончается. Ее надо беречь и для себя, и для потомков. Вот оно бережное отношение к природе». К.Н. Халоймова вспоминает свое детство: «Когда обрабатывали рыбу, то все сушилось на вешалах. Перед тем, как начать резать – «пластать» – рыбу, женщины нарезали траву для подстилки, чтобы кровь не разносилась по земле. После окончания «пластания» траву сворачивали и уносили куда-нибудь подальше, чтобы люди не топтали кровь, мухи вновь не появлялись». Хотя во многих источниках литературы рассказывается о неопрятности ительменов, в данном случае надо сказать, что они как раз были *великими экологами*.

Весь опыт и все знания, накопленные поколениями предков, фиксируются самими коренными народами. Так, например, в рамках международного проекта ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия лососевых Камчатки и их устойчивое использование» издана книга «Традиционные знания ительменов западного побережья Камчатки», где опубликована статья «Экология языка и культуры» К.Н. Халоймовой. Она подчеркнула одну мысль: «Наши предки, выживая в трудных северных условиях природы, сами того не ведая, сберегая впрок для потомков, оставили нам невероятные богатства (рыбу, пушнину, оленей), которые так быстро уничтожались и уничтожаются... Ительмены унаследовали от своих далеких предков множество запретов, нарушение которых могло привести к несчастью или даже гибели».

Чтобы искупить вину за нарушение запрета, говорил С.П. Крашенинников, «согрешивший должен вырезать болванчика, отнести его в лес и на дерево поставить». Запреты позволяли ительменам с древних времен сохранять среду своего обитания, традиционный образ жизни и передавать детям свои традиционные знания.

Сохранение и передача традиционных знаний формируются и закладываются в семье. Ребенок, воспитываясь среди своих соплеменников, в родной природной среде получает опыт и знания о природе. В начальных классах развивают знания о национальной культуре, учащиеся получают представление о фольклоре, изучают песни, танцы своих народов. В старших классах формируется целостное представление о культуре народа, приобретаются практически навыки в национальных ремеслах и промыслах.

Задача старшего поколения – приобщить к традициям молодое поколение, чтобы оно знало историю и культуру своего народа, своей малой родины, свой язык, который определяет сознание, является хранителем народной культуры, мудрости, искусства. Очень важно, чтобы молодежь коренных малочисленных народов Севера понимала важность и актуальность традиционных знаний, умела вести сбор, фиксацию и распространять их, пока еще живет старшее поколение. Это поможет молодым быть уверенным в себе и со знанием дела отстаивать свои права на традиционное природопользование.

Литература

1. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Камчатки и окружающая среда: проблемы и пути их решения: Мат-лы междунар. конф., Петропавловск-Камчатский, 27 сентября – 4 октября. – Петропавловск-Камчатский, 2002.
2. «О территории традиционного природопользования «Тхсаном» // Живая Арктика. – 1998. – № 1.
3. Традиционная культура, знания и природопользование народов Севера: Сб. ст. – М.: АКМНСС и ДВ РФ, ЦС КМНС /РИТЦ, 2005.
4. Традиционные знания ительменов западного побережья Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 2006.
5. Система образования и коренные народы Севера: Сб. ст. – М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2004.
6. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-РФ // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – ст. 2208.
7. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // СПС «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

УДК 314(571.66)

ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА НАКАНУНЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДВУХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ В КАМЧАТСКИЙ КРАЙ

О.Б. Чиркова,

главный врач МУЗ «Детская поликлиника № 2»,

*депутат Городской Думы Петропавловск-Камчатского городского округа,
председатель комитета по здравоохранению (Петропавловск-Камчатский)*

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность всего населения Камчатки составила 359 тыс. чел. (в 1989 г. – 472 тыс. чел.), в ДВФО – 6693 тыс. чел. (в 1989 г. – 7950 тыс. чел.), в РФ – 145 167 тыс. чел. (в 1989 г. – 147 022 тыс. чел.)

Административно-территориальное деление Камчатской области на 01.01.2006 (Камчатского края на 01.07.2007 – дата официального образования нового субъекта): всего районов 11, из них: 3 города федерального подчинения, 6 поселков городского типа, 83 сельских населенных пункта. В том числе 2 поселка городского типа в Корякском автономном округе (КАО). В соответствии с ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19.06.1966 года № 78-ФЗ коренные малочисленные народы Севера (КМНС) – народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (закон Камчатской области «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера в Камчатской области на период до 2011 года» принят Советом народных депутатов Камчатской области 6 декабря 2006 г.).

В Камчатской области не сохранилось однородных в этническом отношении населенных пунктов с коренным населением. В настоящее время все поселения в Камчатской области укрупненные, с полиэтническим составом населения.

По данным переписи 2002 г. количество КМНС в Камчатской области составило 13 452 чел. (3,75% от численности всего населения), из них 3144 – городское население (23,37% от всей численности КМНС Камчатской области (с КАО). В КАО по данным переписи населе-

ния 2002 г. все население составило 25 157 чел., из них КМНС 10 098 чел., или 40,14%. Относительно компактно КМНС, кроме КАО, проживают в двух районах Камчатской области – Алеутском и Быстринском (в этих районах всего три административные единицы – сельские населенные пункты).

Корякский автономный округ (КАО) занимает 64% площади Камчатского полуострова (301,5 тыс. кв. км.). Плотность населения 0,08 чел. на 1 км².

На территории Камчатки проживают отдельные представители КМНС РФ, не имеющие здесь исторических корней, но переместившиеся на Камчатку в результате интенсивных миграционных процессов, межэтнических браков, преимущественно в XX в. Это эскимосы, нанайцы, эвенки и др. В период 30-80-х гг. XX в. коренные народы Камчатки постепенно были

переведены в новый для них общественный строй и уклад жизни с новыми системами производства, сбыта, снабжения, с полным охватом системы образования, здравоохранения, развития культуры и искусства. Результатами явились такие последствия, как отчуждение от традиционной природно-ресурсной базы, нарушение преемственности поколений, переселение в укрупненные населенные пункты. Интенсивно развивались процессы социально-экономического расслоения коренных народов. В 90-е гг. XX в. были разрушены хозяйственные, экономические основы

существования коренных народов в районах компактного сельского проживания. Многие КМНС, проживающие в городах и поселках городского типа, где промышленное производство испытало глубочайший спад, оказались наименее приспособленными к выживанию в рыночной экономике. Появились признаки социальной деградации в сферах здравоохранения, образования, естественного воспроизводства. В состоянии здоровья представителей коренных народов Камчатки, как и в целом по стране, происходит ухудшение демографических показателей, увеличение заболеваемости, снижения продолжительности жизни, в том числе за счет случаев смерти от внешних причин (суицидов). Уровень социальных болезней (туберкулез, сифилис) среди КМНС гораздо выше, чем среди другого населения Камчатки. Точная оценка всех этих процессов, воздействие их на КМНС затруднены из-за отсутствия систематизированных и целенаправленных исследований.

Далее приводятся статистические данные, подтверждающие вышеперечисленные процессы (табл. 1–6).

Таблица 1

**Соотношение численности мужчин и женщин по возрастным группам
(число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы)
в Камчатской области на начало года**

Население	Годы											
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Все население	941	939	941	944	947	956	959	961	964	968	972	976
В т. ч. в возрасте												
0–4	960	951	961	975	977	956	963	968	960	972	983	986
5–9	972	962	965	959	956	954	952	956	961	948	949	955
10–14	977	982	971	978	980	980	981	973	964	959	952	947
15–19	937	946	959	961	973	762	765	775	791	815	832	836
20–24	829	848	858	882	891	779	758	745	725	718	717	728
25–29	672	647	658	661	683	851	862	868	875	864	840	812
30–34	797	780	765	759	741	834	845	844	849	851	874	888
35–39	858	845	835	825	809	869	864	863	869	873	853	861
40–44	938	933	908	886	882	920	922	921	920	914	919	916
45–49	992	998	1010	1020	1017	1028	1029	1010	993	991	992	989
50–54	1008	1023	1026	1023	1028	1060	1073	1106	1116	1127	1123	1124
55–59	1127	1119	1129	1129	1113	1121	1120	1113	1135	1159	1179	1195
60–64	1335	1346	1344	1342	1353	1315	1300	1315	1316	1323	1334	1335
65–69	1906	1799	1797	1762	1657	1696	1706	1694	1657	1647	1614	1590
70 и более	3456	3439	3111	2986	3024	2889	2753	2703	2709	2713	2752	2738

Таблица 2

**Численность постоянного населения (на начало года)
по Камчатской области (с КАО)**

Период	Все население, тыс. чел.	Доля в общей численности, %	
		городское	сельское
1980	389,8	82,3	17,7
1985	433,9	81,6	18,4
1990	476,9	81,5	18,5
1995	421,6	80,9	19,1
2000	372,3	80,8	19,2
2002	361,6	81,0	19,0
2004	354,7	81,3	18,7
2005	352,1	79,2	20,8
2006	349,3	79,4	20,6

Таблица 3

Компоненты изменения численности населения Камчатской области (с КАО)

Период	Население на начало года тыс. чел.	Изменение за год			Население на конец года	Общий прирост за год, %
		Общий прирост	Естественный прирост (+), убыль (-)	Миграционный прирост		
1990	476,9	1,6	2,9	-1,3	478,5	0,3
1991	478,5	-2,5	2,5	-5,0	476,0	-0,5
1993	458,9	-19,1	-0,6	-18,5	439,8	-4,2
1995	421,6	-15,2	-0,9	-14,3	406,4	-3,6
1999	380,5	-8,2	-0,4	-7,8	372,3	-2,2
2000	372,3	-5,9	-0,6	-5,3	366,4	-1,6
2002	361,6	-3,7	-0,3	-3,4	357,9	-1,0
2004	354,7	-2,6	-0,4	-2,2	352,1	-0,7
2005	352,1	-2,8	-0,5	-2,4	349,3	-0,8

Примечание. На 01.01.2007 численность населения Камчатской области (с КАО) составила 347,1 тыс. чел., уменьшилась за год на 2,1 тыс. чел. (96,1% за счет миграционного оттока).

Таблица 4

Численность постоянного населения по районам и городам Камчатской области (с КАО) (на начало года)

Населенные пункты	Годы						
	1959	1979	1989	1999	2004	2005	2006
1	2	3	4	5	6	7	8
Камчатская область	220,2	383,4	471,9	380,5	354,7	352,1	349,3
г. Петропавловск-Камчатский	89,5	216,8	273,2	205,8	196,6	196,0	195,2
г. Елизово	–	37,1	47,1	42,5	41,0	40,5	40,1
Районы области:							
Елизовский	–	56,5	75,8	67,9	64,8	65,8	65,3
Мильковский	–	13,4	16,8	13,1	11,8	11,6	11,5
Соболевский	–	5,8	6,3	3,7	3,1	3,0	3,0
Усть-Большерецкий	–	11,1	14,3	11,0	10,2	10,0	10,0
Усть-Камчатский	–	30,2	29,2	18,2	14,4	14,0	13,4
Районы проживания народностей Севера							
Алеутский	–	1,2	1,4	0,9	0,7	0,7	0,7
Быстринский	–	2,3	2,9	2,7	2,7	2,6	2,6
КАО:							
Карагинский	–	8,4	9,0	6,2	5,3	5,2	5,1
Олюторский	–	11,2	13,0	8,2	6,8	6,6	6,5
Пенжинский	–	4,7	5,4	3,3	2,9	2,8	2,7
Тигильский	–	10,6	12,6	9,8	9,3	9,2	8,9
пгт Палана	–	3,6	4,5	3,9	4,0	4,0	3,9

Таблица 5

Состав и численность КМНС по Камчатской области (без КАО) по данным переписи 2002 г.

Национальность	Всего	Мужчины	Женщины	Городское население			Сельское население		
				Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Алеуты	446	213	233	96	36	60	350	177	173
Коряки	7328	3535	3793	1998	883	1115	5330	2652	2678
Нанайцы	63	28	35	48	22	26	15	6	9
Нивхи	2	1	1	2	1	1	–	–	–
Орочи	1	1	–	–	–	–	1	1	–
Ульчи	15	7	8	13	7	6	2	–	2
Эвены	1779	832	947	277	116	161	1502	716	786
Ительмены	2296	1082	1214	584	257	321	1712	825	887
Чукчи	1487	686	801	100	35	65	1387	651	736
Эвенки	15	7	8	10	5	5	5	2	3
Эскимосы	19	8	11	15	6	9	4	2	2
Юкагиры	1	–	1	1	–	1	–	–	–

Общая численность КМНС по Камчатской области (без КАО) по итогам переписи 2002 г. составила 13 452 чел., из них мужчин – 6400 чел. (47,6%), женщин – 7052 чел. (52,4%).

Ранговые места численности КМНС по Камчатской области (без КАО) по итогам переписи населения в 2002 г. (от численности всего населения, %):

1. Коряки – 2,042.
2. Ительмены – 0,640.
3. Эвены – 0,496.
4. Чукчи – 0,414.
5. Алеуты – 0,124.
6. Эскимосы – менее 0,1.
7. Эвенки – менее 0,1.
8. Ульчи – менее 0,1.
9. Нивхи – менее 0,1.

Удельный вес отдельных коренных народов в общей численности КМНС по Камчатской области (без КАО), %:

1. Коряки – 54,5.
2. Ительмены – 17,1.
3. Эвены – 13,2.
4. Чукчи – 11,1.
5. Алеуты – 3,3.

Таблица 6

Состав и численность КМНС в КАО по данным переписи 2002 г.

Национальность	Всего	Мужчины	Женщины
Алеуты	6	3	3
Ительмены	1181	569	612
Коряки	6710	3244	3466
Нанайцы	21	9	12
Ульчи	7	2	5
Чукчи	1412	656	756
Эвенки	7	3	4
Эвены	751	358	393
Эскимосы	3	2	1

Общая численность КМНС в КАО по итогам переписи 2002 г. составила: 10 098 чел., что составляет 40,12% от численности всего населения КАО (25 157 чел.), из них мужчин – 484 чел., или 48%, женщин – 5252 чел., или 52%.

Ранговые места по численности КМНС в КАО (от численности всего населения округа):

1. Коряки – 26,67%.
3. Ительмены – 4,69%.
2. Чукчи – 5,61%.
4. Эвены – 2,98%.
5. Остальные – менее 1%.

Как видно из табл. 5 и 6 среди КМНС численность женского населения преобладает над мужским, соответственно 52,4% к 47,6% в Камчатской области и 52% к 48% в КАО, хотя в целом, в отличие от большинства территорий РФ, по данным переписи 2002 г. численность мужского населения Камчатки превысила численность женского на 7 тыс. чел. Перевес мужского населения преобладал во всех районах Камчатской области, кроме Быстринского (места преимущественного проживания КМНС). Также из таблиц видно, что КМНС проживают преимущественно в сельской местности, т. е. в худших социально-экономических, жилищно-бытовых условиях, с худшим медицинским обслуживанием, худшей возможностью воспитания и образования детей и т. д. Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия жизни в маленьких отдаленных поселках КАО с преимущественным проживанием КМНС, низкий уровень обеспеченности комфортным жильем (отсутствие централизованного водоснабжения и канализации, перебои с теплоснабжением), скученность проживания способствуют широкому распространению туберкулеза и других социальных и инфекционных заболеваний. Массовая безработица среди КМНС в сельской местности, дефицит медицинских и педагогических кадров, а значит, и отсутствие целенаправленной санитарно-просветительной работы по формированию здорового образа жизни являются причинами распространения здесь хронического алкоголизма, заболеваний, передающихся половым путем, и других социально обусловленных болезней. Цивилизация принесла северным народам новые болезни, которые ранее редко встречались, такие как инфаркт миокарда, артериальная гипертония, сахарный диабет, близорукость и др. Стремительный отход местных жителей от традиционных устоев жизни, особенности этногенетических факторов, влияющих на метаболизм коренных народов, проникновение рыночной экономики 90-х гг. XX в., вызвавшей на всей территории РФ сложные социально-экономические условия жизни, наиболее остро отразились на КМНС. Это вызвало снижение продолжительности жизни и преждевременную смерть от неестественных причин среди КМНС.

На 1 января 2007 г. в КАО проживали 23 185 чел. Из них КМНС составляли 9337 чел. (40,27%).

По данным Камчатского областного наркологического диспансера (Д.И. Кургак), распространенность алкоголизма среди коренных народностей нашего региона выше, чем у остальных проживающих на Камчатке народностей (табл. 7).

Таблица 7

Заболееваемость алкоголизмом отдельных КМНС Камчатской области (с КАО)

Национальность	Год	Всего		Мужчины		Женщины	
		Абсолютные числа	На 1000 человек населения	Абсолютные числа	На 1000 человек населения	Абсолютные числа	На 1000 человек населения
Коряки	2001	228	30,5	173	47,8	55	14,3
	2004	206	27,6	144	39,8	62	17,2
Эвены	2001	110	28,4	96	53,0	14	6,8
	2004	106	27,4	89	49,1	17	8,2
Алеуты	2001	62	16,0	51	28,1	11	5,3
	2004	60	15,7	50	27,5	10	4,8

Из табл. 7 видна тенденция увеличения алкоголизма среди женщин КМНС. Наивысший уровень распространенности алкоголизма у эвенов-мужчин (3-е ранговое место по численности от всего населения Камчатской области и 4-е – от всего населения КАО по переписи 2002 г.). В 2006 г. от отравления алкоголем в КАО умерло 28 чел., что составило 7,8% от числа всех умерших, в т. ч. КМНС – 18 чел., что составило 64,3% от числа умерших от отравления алкоголем.

В КАО сохраняется неблагоприятная демографическая ситуация, но в 2006 г. отмечается снижение общей смертности. В 2006 г. умерло 364 чел. (на 89 чел. меньше, чем в 2005 г.), в том числе коренного местного населения 169 чел. (на 30 чел. меньше, чем в 2005 г.). Показатель общей смертности в 2006 г. составил 15,7 на 1000 населения (в 2005 г. – 19,0). Смертность среди КМНС составила в 2006 г. 18,1 на 1000 населения (в 2005 г. – 20,6).

Таблица 8

Основные демографические показатели по КАО (накануне объединения в Камчатский край)

На 1000 человек населения

Годы	Рождаемость		Общая смертность		Младенческая смертность		Материнская смертность		Естественный прирост	
	всего	в т. ч. КМНС	всего	в т. ч. КМНС	всего	в т. ч. КМНС	всего	в т. ч. КМНС	всего	в т. ч. КМНС
2005	12,2	18,5	19,0	20,6	27,6	27,9	6,9	5,6	-6,8	-2,1
2006	12,0	17,2	15,7	18,1	28,8	18,6	-	-	-13,1	-0,9

В 2006 г. в КАО родилось 278 детей, в т. ч. КМНС 161, или 57,9% (в 2005 г. соответственно – 290 и 179, или 61,7%).

Умерло детей от 0 до 17 лет в 2006 г. – 16, в т. ч. КМНС – 9, или 56,3% (в 2005 г. соответственно – 21 и 14, или 66,7%).

Из общего числа умерших детей в возрасте от 0 до 14 лет умерло 11, в т. ч. КМНС – 4, или 36,4% (в 2005 г. – 17 и 12, или 70,6%), в том числе детей 1-го года жизни – 8,3 из них КМНС, или 37,5% (в 2005 г. – 8 и 5, или 62,5%). Умерших в возрасте 15–17 лет зарегистрировано в 2006 г. – 5, в т. ч. КМНС – 5, или 100% (в 2005 г. – 4 и 2, или 50%). В 2006 г. случаев материнской смертности не было, в 2005 г. было 2 случая, в т. ч. 1 – КМНС.

В структуре общей смертности 1-е место занимают болезни системы кровообращения, 2-е – смерть от неестественных причин (в 2006 г. – 30,5%). Средний возраст умерших от неестественных причин составил 38,8 года, а среди КМНС – 33 года. Среди всех умерших в 2006 г. 68,9% составляют мужчины. Средняя продолжительность жизни в КАО в 2006 г. составила 51,9 года, среди КМНС – 47,8 года. Каждый 4-й житель КАО пенсионного возраста.

В 2005 г. в КАО насчитывалось 6414 женщин фертильного возраста, что составило 6,6% от всего числа женщин фертильного возраста Камчатки. Укомплектованность акушерско-гинекологическими кадрами при этом составила 63,1%, причем в отдаленных территориях эта помощь оказывается на доврачебном уровне из-за отсутствия врачей акушеров-гинекологов. Расстояние от окружного центра КАО пгт Палана до населенных пунктов округа колеблется от 90 до 700 км, сообщение между районными центрами и отдаленными населенными пунктами только с помощью вертолетов (стоимость 1 часа эксплуатации – 45 тыс. руб.). В зимнее время между ближайшими населенными пунктами возможно сообщение с помощью гусеничного транспорта, летом – морское сообщение вдоль побережья. Авиасообщение между Камчатской областью и КАО, а также на территории КАО часто затруднено из-за круглогодично сложных метеоусловий. Все это затрудняет своевременность и качество медицинской помощи женщинам в случае осложнений в родах.

Начиная с 2003 г. отмечается тенденция к снижению числа беременных женщин, поступивших под наблюдение в женскую консультацию в сроки беременности до 12 недель, а также снижается число женщин, осмотренных во время беременности врачом-терапевтом (табл. 9).

Таблица 9

Показатели	Годы				
	2002	2003	2004	2005	2006
Число беременных женщин, поступивших под наблюдение в женскую консультацию в сроки до 12 недель, %	72,2	80,5	76,0	70,1	68,7
Из числа женщин, закончивших беременность, осмотрены терапевтом, %	100	96,6	94,4	69,7	67,2

Ведущей патологией, выявленной в женской консультации у беременных женщин, является железодефицитная анемия, на втором месте – гестозы, на третьем – заболевания почек. Число нормальных родов снизилось с 64,5% до 52,9% в 2005 г. и 40,3% – в 2006 г. Начиная с 2002 г. в КАО отмечается тенденция к уменьшению числа аборт.

Таблица 10

Показатели	Годы				
	2002	2003	2004	2005	2006
Общее число аборт	512	437	491	432	416
На 1000 женщин фертильного возраста	84,0	76,0	85,4	73,5	74,3
На 100 родов	170,7	198,6	192,5	177,0	171,0
В т. ч. мини-аборт	44	52	39	46	34
На 1000 женщин фертильного возраста	7,2	9,0	6,8	7,8	6,1
Удельный вес мини-аборт	8,6	11,9	12,5	10,6	14,0

Таблица 11

Население отдельных КМНС по полу и состоянию в браке по Камчатской области по итогам переписи 2002 г.

Население	Мужчины						Женщины							
	Указавшие состояние в браке	Состоят в браке			Никогда не состоявшие в браке	Вдовы	Разведенные	Указавшие состояние в браке	Состоят в браке			Никогда не состоявшие в браке	Вдовы	Разведенные
		Всего	В зарегистрированном браке	В незарегистрированном браке					Всего	В зарегистрированном браке	В незарегистрированном браке			
Коряки	2341	853	584	269	1224	122	138	2599	1319	873	446	783	309	181
Ительмены	781	368	277	91	330	22	61	930	501	387	114	200	133	94
Эвены	529	199	133	66	287	20	22	654	332	217	115	176	96	49
Алеуты	162	62	49	13	71	8	21	176	89	67	22	47	17	22
Все население Камчатской области	148 452	81 696	69 113	12 583	45 214	3540	13 504	142 903	80 420	68 047	12 373	23 724	16 390	18 713
В т. ч. городское	121 059	66 085	56 573	9512	37 287	2607	10 611	116 897	65 083	55 782	9301	19 495	12 971	15 710
сельское	27 393	15 611	12 540	3071	7927	933	2893	26 006	15 337	12 265	3072	4229	3419	3003
КАО Все население	9724	5503	4292	1211	2918	345	873	9274	5387	4169	1218	1651	1210	941
Коряки	2110	799	546	253	1077	114	118	2339	1191	792	407	690	284	159
Ительмены	382	178	130	48	173	10	21	435	245	175	70	86	70	34
Эвены	224	88	54	34	112	12	11	281	144	80	64	66	52	19

Таблица 12

Структура младенческой смертности по КАО, в том числе КМНС

Показатели	Годы				
	2002	2003	2004	2005	2006
1	2	3	4	5	6
Число родившихся живыми	290/178	259/149	377/216	290/179	278/161
Число мертворожденных	–	–	–	4/2	–
Всего умерло детей до года	12/5	4/4	8/8	8/5	8/3
Умерло детей до 28 дней жизни	6/2	–	–	2/1	4/1
В т. ч. от 0 до 6 суток	5/2	–	–	2/1	3/1
В т. ч. от 7 до 27 суток	1/0	–	–	–	1/0

Окончание табл. 12

1	2	3	4	5	6
Умерло детей от 28 дн. до 3 мес.	5/3	–	4/4	1/0	2/2
Умерло детей от 3 мес. до 6 мес.	1/0	4/4	2/2	1/0	1/0
Умерло детей от 6 мес. до 12 мес.	1/0	–	2/2	–	1/0
Причины младенческой смертности от 28 дн. до 12 мес.					
Асфиксия	1/0	–	–	–	–
Родовая травма	1/1	–	–	–	–
СДР (синдром дыхательных расстройств)	1/0	–	–	–	–
ВПР (врожденные пороки развития)	3/1	–	–	1/1	–
Заболевания органов дыхания	6/1	2/2	–	2/2	2/0
ОРВИ	–	–	–	–	–
Пневмония	3/1	2/2	–	–	–
Инфекционные заболевания	–	–	1/1	1/1	1/1

Таблица 13

**Уровень образования КМНС по Камчатской области (с КАО)
(по итогам переписи 2002 г.)**

Население	Численность населения (15 лет и старше)	Образование								Не имеют начального образования	Неграмотные
		Профессиональное					Общее				
		Послеузовское	Высшее	Неполное высшее	Среднее специальное	Начальное	Среднее полное	Основное	Начальное		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Камчатская область											
Все население	297 297	548	47 973	8763	97 713	34 504	49 318	35 732	10 270	962	556
Коряки	5175	2	200	66	1142	470	1124	1574	525	65	52
Ительмены	1771	4	136	33	470	230	399	391	99	9	5
Эвены	1227	1	69	20	244	116	300	338	124	13	8
Алеуты	348	–	25	9	47	63	68	113	21	1	–
КАО											
Коряки	4660	2	166	58	1022	402	1024	1142	480	57	44
Чукчи	1002	1	39	11	155	46	328	312	77	33	27
Ительмены	849	2	54	9	225	88	222	205	40	4	3
Эвены	526	1	28	9	111	33	141	149	47	7	4

Выводы

Существенным обстоятельством является то, что реформу здравоохранения Камчатского края и его муниципальных образований сегодня приходится осуществлять в условиях, когда при значительном дефиците финансовых ресурсов требуется планировать сокращение объемов медицинской помощи в дорогостоящем стационарном секторе, ломая привычный для определенной части населения стереотип. Но параллельно с этими сокращениями необходимо решать проблемы социального плана на фоне значительного роста категорий населения, объективно нуждающихся в медико-социальной поддержке. К этой категории следует отнести КМНС, особенно женщин и детей.

Реалии сегодняшнего дня требуют от органов власти научно обоснованной региональной политики в социальной сфере, в том числе и в вопросах охраны здоровья семьи, матери и ребенка, адекватной характеру проводимых в России политических, социальных и экономических реформ, внедрения экономических принципов управления лечебно-профилактическими учреждениями (ЛПУ). Эти принципы должны быть направлены на достижение максимально возможных результатов деятельности при минимизации затрат.

В силу природно-климатических, демографических, экономических, национально-этнических и других особенностей концептуальная модель должна быть достаточно специфичной для конкретного региона, с использованием новых ресурсосберегающих технологий и достижений в сфере здравоохранения Российской Федерации. Специфические условия Камчатки заключаются в том, что основной объем первичной и специализированной акушерско-гинекологической и педиатрической помощи жителям полуострова концентрируется в Петропавловске-Камчатском. В регионе продолжается ощущаться дефицит врачей всех специальностей, несмотря на рост целевой подготовки специалистов в медицинских вузах ДВФО. В связи с тем, что на полуострове с 1936 г. работает Камчатское медицинское училище, дефицит среднего персонала менее ощутим, хотя наличествует и он. Уровень применяемых технологий охраны здоровья матери и ребенка и результативность их реализации могли бы быть значительно выше, однако до настоящего времени не внедрен комплексный подход на основе системного анализа службы охраны здоровья матери и ребенка краевой столицы.

Изучение состояния здоровья будущей матери, заболеваемости, физического и нервно-психического развития ребенка, смертности, инвалидности и других социально-гигиенических, социально-экономических факторов Камчатского края и особенно КМНС, структуры основных производственных фондов ЛПУ, службы охраны здоровья матери и ребенка (ОЗМиР) позволит провести анализ причинно-следственных связей сформировавшихся проблем.

Системный анализ накопившихся к началу 3-го тысячелетия проблем семьи, охраны материнства и детства среди коренных народностей Камчатки станет основой для предложений программных путей их решения. Вполне естественно, что программа управленческих решений создания инновационной концептуальной модели должна опираться на международный и отечественный опыт с учетом местных условий Камчатского края. Концепцию следует создавать на основе государственных программ по вопросам демографии, материнства, детства. Необходимы также правовые, политические, социальные и экономические преобразования для улучшения качества жизни жителей Камчатки – главного залога успешности любых новых реформ по охране здоровья матери и ребенка, а также КМНС.

Литература

1. Демографический ежегодник Камчатской области. Стат. сб. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 2006. – 136 с.
2. Деятельность учреждений здравоохранения Камчатской области за 2002–2005 годы: Сб. Камч. бюро медстатистики. – Петропавловск-Камчатский, 2006. – 220 с.
3. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Возрастно-половой состав населения, состояние в браке, уровень образования по Камчатской области: Стат. сб. – Петропавловск-Камчатский, 2006. – 120 с.
4. Итоги всероссийской переписи 2002 года. Национальный состав населения, коренные малочисленные народы по Камчатской области: Стат. сб. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский, 2006. – 70 с.
5. Медико-социальные проблемы населения, проживающего в районе Крайнего Севера: Сб. докл. обл. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский, 2006. – 139 с.
6. Репродуктивное здоровье и пути снижения фетоинфантильных потерь в Камчатской области: Сб. науч.-практ. конф. врачей акушеров-гинекологов и неонатологов Камчатской области – Петропавловск-Камчатский, 2005. – 26 с.
7. Социально-экономическое положение Камчатской области за 2006 год. Годовой доклад. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 2007. – 260 с.
8. Северяне болеют по-своему. Этнические подходы к здоровью малых народов // Мед. газета. – 2006. – № 31. – 28 апреля. – С. 11.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 81

ЯЗЫКИ РАЗНЫЕ И РАВНЫЕ

(из материалов Информационного центра «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (г. Москва))

По инициативе ЮНЕСКО все мировое сообщество 21 февраля отмечает Международный день родного языка, установленный в целях защиты языкового и культурного многообразия. Российская Федерация также уделяет пристальное внимание вопросам сохранения и развития традиций, языков и культур населяющих ее территорию народов и иных этнических общностей.

Статус языков народов России регулируется такими нормативными правовыми документами, как: Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации», Закон Российской Федерации «Об образовании», Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Кроме того, в 2001 г. Российская Федерация подписала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. Большое значение вопросам сохранения и развития национальных культур, языков и традиций уделяется в рамках реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Для этого созданы все необходимые предпосылки: осуществляется процесс разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; упорядочены полномочия и развивается деятельность местного самоуправления; создана система общественных объединений (национально-культурные автономии и национальные общественные организации, ассоциации, центры национальной культуры).

В России гарантируется языковой суверенитет каждого народа независимо от его численности и правового положения и языковой суверенитет личности независимо от происхождения человека, его социального положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Республики в составе Российской Федерации вправе устанавливать в соответствии с Конституцией Российской Федерации свои государственные языки. В связи с этим в большинстве республик, входящих в Российскую Федерацию, разработаны и приняты законы о языках, об образовании, о культуре, отдельные нормы которых закрепляют статус национального языка.

В Российской Федерации реализуется обширный комплекс мероприятий, связанных с положением различных групп населения и удовлетворением их национально-культурных запросов и интересов. Одним из основных направлений для сохранения этнокультурной самобытности населяющих Российскую Федерацию народов и иных этнических общностей, соблюдения их прав является развитие системы этнически ориентированного образования.

Граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. В субъектах Российской Федерации с компактным проживанием представителей различных национальностей активно развивается дву- и полиязычие. В региональных средствах массовой информации наряду с русским языком используются языки народов, проживающих на территориях данных субъектов. Осуществляется право любого человека, принадлежащего к национальному меньшинству, на получение и обмен информацией на родном языке, на доступ к средствам массовой информации.

Понимая важность сохранения и развития языкового и культурного многообразия, Российская Федерация следует принципам согласования общегосударственных интересов и интересов

населяющих Россию народов и иных этнических общностей, потому как только за счет обеспечения межнационального согласия и взаимодействия, развития толерантности и взаимопонимания между народами можно избежать социальных конфликтов, сохранить и упрочить гражданское общество, способствовать устойчивому развитию России.

21 февраля весь мир в шестой раз отмечает Международный день родного языка. Этот день был учрежден в ноябре 1999 г. решением 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и отмечается ежегодно в целях содействия признанию и использованию родных языков во всем мире, прежде всего языков национальных меньшинств. Вот что говорил об этом празднике генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура: «Отмечая Международный день родного языка... мы отдаем дань уважения несметному числу существующих в мире языков, культурам, которые они отражают, тому творческому заряду, который придают людям их развитие и формы выражения. В мире говорят на более чем 6 000 языках, каждый из которых имеет свою сложную систему звуков, значений и грамматических правил. На некоторых языках больше говорят те, для кого они родные, другие же языки распространены в мире гораздо шире. Одни имеют письменность, другие – нет; разные языки используют разные формы письма, с каждым связаны особые выражения и жесты, отражающие собственные культурные нормы. Вместе с тем в Международный день родного языка все языки признаются равными, поскольку каждый из них уникальным образом отвечает предназначению человека, и каждый представляет живое наследие, которое нам следует оберегать».

Согласно научным данным, из 6000 языков, которые существуют на земном шаре, половина на грани исчезновения. Причина – поглощение наименее употребляемых языков наиболее распространенными, общепризнанными, на которых ведется документация, преподавание в школе, происходит общение.

УДК 81(571.66)

ЗАКОН КАМЧАТСКОГО КРАЯ «О ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В КАМЧАТСКОМ КРАЕ». ПРОЕКТ⁵⁷

Принят Законодательным Собранием Камчатского края «___»

Настоящий Закон направлен на создание условий для равноправного и самостоятельного развития языков, двуязычия, многоязычия коренных малочисленных народов Севера и других этнических групп Камчатского края.

Камчатский край гарантирует всем народам, населяющим его территорию (независимо от их численности), равные права на сохранение и развитие родных языков, свободу выбора и использования языка общения, воспитания, обучения и творчества.

В Камчатском крае недопустимы пропаганда вражды и пренебрежения к любому национальному языку, создание препятствий, ограничений и привилегий в использовании языков, иные нарушения законодательства Российской Федерации и Камчатского края о языках.

ГЛАВА I

Общие положения

Статья 1

Термин «местный официальный язык», используемый в настоящем Законе, означает язык, традиционно используемый на территории Камчатского края либо отдельных муниципальных образований, являющийся средством общения определенного числа людей в быту и официаль-

⁵⁷ Данный проект закона предоставлен комитетом по вопросам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Законодательного Собрания Камчатского края.

ном общении, сохранение, применение и распространение которого определяется настоящим Законом.

Статья 2

Законодательство Камчатского края о языках коренных народов и других этнических групп края основывается на Конституции Российской Федерации, федеральных законах, Уставе Камчатского края и состоит из настоящего Закона и других нормативных правовых актов Российской Федерации и Камчатского края, содержащих нормы о языках народов Российской Федерации и края.

Статья 3

Камчатский край решает вопросы, связанные с сохранением, развитием и использованием местных официальных языков, с учетом интересов всех народов, проживающих на территории края.

Статья 4

Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения граждан, проживающих на территории Камчатского края, является государственным языком на территории Камчатского края.

Статья 5

Корякский, ительменский, чукотский, эвенский языки признаются местными официальными языками в местностях компактного проживания данных народов.

Статья 6

Камчатский край обеспечивает устойчивое и гармоничное развитие национально-русского, русско-национального двуязычия, а также многоязычия, поддерживает стремление граждан к изучению функционирующих в крае языков.

Статья 7

Администрация Камчатского края разрабатывает краевую целевую программу по сохранению, изучению и развитию языков коренных народов края и осуществляет меры по реализации этой программы.

В программе по сохранению, изучению и развитию языков предусматривается обеспечение функционирования местных официальных языков, содействие изданию литературы на языках коренных народов края, финансирование научных исследований в области национального языкознания, создание условий для распространения через средства массовой информации сообщений и материалов на языках коренных народов края, подготовка специалистов, совершенствование системы образования в целях развития языков коренных народов края и иные меры.

Финансирование краевой целевой программы сохранения, изучения и развития языков коренных народов края осуществляется за счет средств федерального и краевого бюджетов на соответствующий год, а также внебюджетных средств.

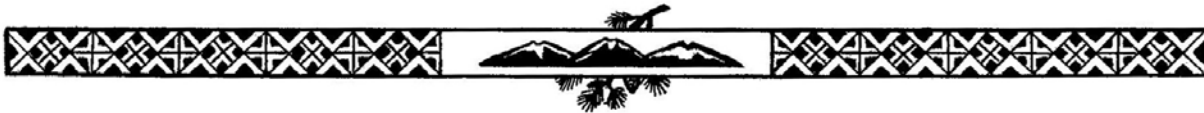
ГЛАВА II

Использование языков в деятельности органов местного самоуправления, организаций, предприятий, учреждений Камчатского края

Статья 8

Органы местного самоуправления полномочны самостоятельно решать вопросы сохранения, изучения, развития и использования языков коренных народов, проживающих на территории соответствующих муниципальных образований.

Статья 9

Органы образования, организации и учреждения Камчатского края, к ведению которых отнесены вопросы сохранения, изучения, развития и использования местных официальных языков с привлечением научных и творческих организаций, обеспечивают выполнение мероприятий по развитию языков коренных народов края, разработку и издание программ, методических рекомендаций, словарей и наглядных пособий.

Статья 10

Органы местного самоуправления в местностях компактного проживания коренных малочисленных народов Севера имеют право определять перечень объектов хозяйственного и социально-культурного назначения, наименования которых дублируются на местных официальных языках – корякском, ительменском, эвенском и чукотском.

Статья 11

Тексты документов (печатей, штампов, бланков) и вывесок с наименованиями государственных и муниципальных учреждений и организаций, расположенных в местностях компактного проживания коренных народов Севера могут оформляться на местном официальном языке.

Статья 12

В местностях компактного проживания коренных народов округа тексты таблиц с наименованием улиц могут дублироваться на местном официальном языке.

Тексты реклам, объявлений (в том числе и распространяемых средствами массовой информации), наглядных агитационных материалов могут дублироваться на местном официальном языке по желанию рекламодателей.

Тексты всей визуальной информации располагаются следующим образом: слева или сверху – текст на русском языке, справа или снизу – текст на местном официальном языке.

ГЛАВА III

Язык в сфере образования, науки, культуры

Статья 13

Граждане Камчатского края имеют право свободного выбора языка, воспитания, обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования края.

Статья 14

Во всех школах, расположенных в местностях компактного проживания коренных народов края, в краевых специальных учебных заведениях обеспечиваются условия для изучения всеми желающими местных официальных языков.

В дошкольных учреждениях, расположенных в местностях компактного проживания коренных народов края, изучение родных языков народов края обеспечивается для всех детей по желанию их родителей.

Во всех школах, в краевых специальных учебных заведениях края курсы по истории края, курсы об оленеводстве, о культуре и быте коренных народов края, основ национально-прикладного искусства могут входить в число обязательных предметов, оценки по которым включаются в документы об окончании учебного заведения.

Статья 15

Издание краевых, районных газет, передачи краевого телевидения и радиовещания могут осуществляться на языках коренных народов края по усмотрению учредителей.

При переводе и дублировании кино-, видеопродукции могут использоваться местные официальные языки с учетом интересов населения.

Статья 16

Камчатский край оказывает содействие коренным малочисленным народам края, проживающим за пределами края, в организации различных форм воспитания и обучения на родных языках, независимо от национальности.

ГЛАВА IV

Участие органов местного самоуправления в осуществлении мер по охране языков коренных народов Камчатского края

Статья 17

Исполнительные органы местного самоуправления могут оказывать содействие гражданам Российской Федерации, живущим за пределами края, иностранным гражданам, приехавшим в села и поселки в целях научно-исследовательской работы по сбору лингвистического, этнографического и фольклорного материала на основе договоров, заключаемых между лицом, занимающимся сбором соответствующего материала, и исполнительным органом муниципального образования в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации.

Администрация Камчатского края оказывает консультации исполнительным органам местного самоуправления при определении условий договора и его заключения.

Статья 18

Договор, заключаемый между лицом, занимающимся сбором соответствующего материала и исполнительным органом муниципального образования, может предусматривать обязательное представление копии собранного лингвистического, этнографического и фольклорного материала, а также научных трудов, изданных в результате их обобщения, заинтересованным организациям, учреждениям Камчатского края.

ГЛАВА V

Обеспечение, ответственность и контроль за выполнением Закона

Статья 19

Должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений, предприятий, организаций Камчатского края за нарушение настоящего Закона несут административную ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и Камчатского края.

Статья 20

Действия должностных лиц и граждан, связанные с публичным проявлением неуважительного отношения к местным официальным языкам, умышленное создание препятствий в их сохранении, развитии и использовании, нарушение прав граждан на свободный выбор языка общения, дискриминации граждан на этой основе, а также связанная с этим пропаганда национальной вражды, влекут за собой административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством.

ГЛАВА VI

Заключительные положения

Статья 21

Настоящий Закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

УДК 81(571.66)

ЗАКОН КАМЧАТСКОГО КРАЯ «О ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТСКОГО КРАЯ». ПРОЕКТ ⁵⁸

Принят Законодательным Собранием Камчатского края «_»

Вводная часть

На территории Камчатского края, помимо русского языка, являющегося государственным языком РФ, используются языки коренных малочисленных народов: корякский, ительменский, чукотский и эвенский. Эти языки находятся под угрозой исчезновения и включены в Красную книгу языков народов России ⁵⁹ среди других языков, «находящихся в зоне этнического бедствия»; спасение этих народов и их языков определяется как «приоритетное и неотложное направление государственной языковой политики».

Принятый в 1991 г. (новые редакции – 1998 и 2002 гг.) Закон РФ «О языках народов РФ» устанавливает, что «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства» и что «языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства».

Настоящий Закон направлен на создание условий для сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Камчатского края и других этнических групп края. Он призван стать основой для формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц, разработки нормативных правовых актов в целях реализации положений настоящего Закона.

Законодательство Камчатского края о языках коренных малочисленных народов и других этнических групп края основывается на Конституции Российской Федерации, федеральных законах, Законе об образовании Камчатского края (ст. 15), Уставе Камчатского края и состоит из настоящего Закона и других нормативных правовых актов Российской Федерации и Камчатского края, содержащих нормы о языках народов Российской Федерации и края.

ГЛАВА I

Общие положения и принципы

Статья 1

Камчатский край гарантирует всем народам, населяющим его территорию, независимо от их численности, права на сохранение и развитие родных языков, свободу выбора и использования языка общения, воспитания и творчества.

Статья 2

Языки коренных малочисленных народов Камчатского края, которым грозит исчезновение (корякский, ительменский, чукотский, эвенский), получают статус поддерживаемых языков, т. е. языков, нуждающихся в особых мерах по поддержанию их существования и расширению их использования в бытовом и официальном общении, производственной и образовательной деятельности, печатных изданиях и средствах массовой информации. Забота о сохранении поддерживаемых языков – дело всего населения Камчатского края и одна из приоритетных задач его администрации на всех уровнях.

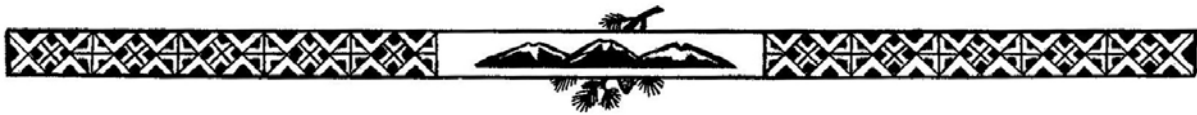
Статья 3

Коренные малочисленные народы Камчатского края имеют право на сохранение своего языка, традиционного уклада, исконной культуры и обеспечение преемственности традицион-

⁵⁸ Данный проект закона составлен профессором кафедры общего языкознания МГУ, профессором кафедры филологии КамчатГТУ, экспертом Государственной Думы РФ по языковой политике С.Н. Кузнецовым при содействии группы экспертов.

⁵⁹ Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Academia, 2002.

ных знаний. Это право составляет неотъемлемую часть комплекса прав, обеспечивающих жизнедеятельность и жизнеспособность коренных народов края (право на традиционное пользование природными ресурсами, право на представительство во властных структурах, право на участие в принятии любых решений, затрагивающих интересы коренных народов).

Статья 4

Камчатский край обеспечивает условия, необходимые для поддержания коренных малочисленных народов и их языков, традиционной для этих народов хозяйственной деятельности и традиционных промыслов, сфер обитания и традиционного природопользования.

Статья 5

В местностях компактного проживания коренных малочисленных народов Камчатского края могут создаваться районы компактного проживания с особым режимом природопользования, обеспечивающим сохранение традиционных для этих народов промыслов и способствующим сохранению поддерживаемых языков. В районах компактного проживания коренных народов территории традиционного природопользования выводятся из гражданского оборота, т. е. исключаются из сферы купли-продажи, наследования, дарения, аренды для сохранения традиционного образа жизни и хозяйствования коренных народов края.

Статья 6

Камчатский край обеспечивает расширение практики совместного использования различных языков Камчатского края, поощряет развитие двуязычия и многоязычия, стремление граждан к изучению функционирующих в крае языков.

Статья 7

Администрация Камчатского края разрабатывает краевую целевую программу по сохранению, изучению и развитию языков коренных малочисленных народов края и осуществляет меры по реализации этой программы.

В программе по сохранению, изучению и развитию языков предусматривается обеспечение функционирования поддерживаемых языков, содействие изданию литературы на этих языках, финансирование научных исследований по этим языкам, создание условий для распространения через средства массовой информации сообщений и материалов на поддерживаемых языках и о них, подготовка специалистов, совершенствование системы образования в целях сохранения и развития поддерживаемых языков и иные меры.

ГЛАВА II

Обязанности административных органов, организаций, предприятий, учреждений Камчатского края по поддержанию коренных народов края и их языков

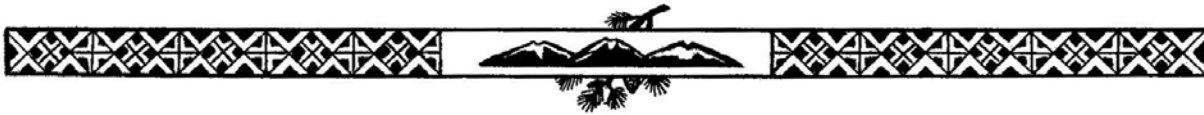
Статья 8

Для осуществления необходимых мер по поддержанию коренных малочисленных народов Камчатского края, сохранения и развития поддерживаемых языков создается Центр поддержки коренных малочисленных народов Камчатского края и их языков. Центр подчинен непосредственно губернатору края и возглавляется его представителем (в ранге специального помощника губернатора по делам коренных народов). К участию в Центре привлекаются депутаты законодательного собрания, представители краевой администрации (министерства общественных отношений, рыбного хозяйства, природных ресурсов), представители прокуратуры, общественные деятели – носители поддерживаемых языков, представители Камчатской епархии.

Статья 9

Органы местного самоуправления подотчетны указанному центру в вопросах языковой политики и могут выступать с собственной инициативой по расширению использования поддерживаемых языков.

Статья 10

Центр, указанный в статье 8, определяет перечень и границы районов компактного проживания коренных малочисленных народов края, с последующим утверждением Законодательным Собранием Камчатского края.

Статья 11

Центр поддержки коренных малочисленных народов Камчатского края и органы исполнительной власти оказывают содействие в организации исследовательских работ по языкам коренных народов Камчатского края (прием и размещение научных сотрудников, проведение полевых исследований, опубликование результатов).

Статья 12

Учреждения Камчатского края, занимающиеся делами коренных народов, получают официальное наименование на русском языке и на языке соответствующих народов.

Статья 13

Граждане Камчатского края имеют право на получение дошкольного, начального общего образования на языке своей национальности и на выбор языка обучения и воспитания.

Статья 14

В районах компактного проживания коренных малочисленных народов края обеспечивается обучение подрастающего поколения поддерживаемым языкам, поощряется организация бесплатных курсов для взрослых. Преподаватели, ведущие курсы поддерживаемых языков в детских садах, школах и других учреждениях, получают заработную плату по повышенной тарифной ставке.

Статья 15

В районах компактного проживания коренных народов Камчатского края топографические указатели, вывески организаций и учреждений содержат текст на русском языке, дублируемый текстом на языке соответствующего коренного народа.

Статья 16

Организации и учреждения, предоставляющие товары и услуги населению, говорящему на коренных языках, обязаны снабжать эти товары и услуги информацией на соответствующих языках.

Статья 17

В средних школах и высших учебных заведениях Камчатского края поддерживаемые языки преподаются в объеме, необходимом для обеспечения потребностей коренных народов.

Статья 18

Центр поддержки коренных народов Камчатского края обеспечивает издание на поддерживаемых языках литературы и периодики, осуществляет их распространение на бесплатной основе (рассылкой по почте и т. д.), содействует организации и проведению радио- и телепередач на поддерживаемых языках, а также на русском языке о быте и традициях коренных народов.

Статья 19

Центр поддержки коренных народов Камчатского края оказывает содействие представителям этих народов, проживающим за пределами края, в организации различных форм воспитания и обучения на поддерживаемых языках, в обеспечении их литературой и периодикой.

Статья 20

Центр поддержки коренных народов Камчатского края популяризирует национальную культуру коренных малочисленных народов, организует фестивали, выставки и мероприятия, посвященные национальным праздникам указанных народов, постановку на сцене и экранизацию национальных сказок, легенд и преданий, перевод книг на указанные языки.

Статья 21

Центр поддержки коренных народов Камчатского края издает учебные пособия и словари для изучения поддерживаемых языков, организует подготовку преподавателей, разрабатывает программы такой подготовки.

ГЛАВА III

Финансирование программ и мероприятий по поддержанию коренных народов и их языков

Статья 22

Финансирование краевой целевой программы сохранения, изучения и развития языков коренных народов края, работы Центра поддержки коренных народов Камчатского края и их языков осуществляется за счет средств федерального и краевого бюджетов, а также из внебюджетных средств.

Статья 23

Источником внебюджетных средств является спонсорская помощь. Лицам, оказывающим спонсорскую помощь, предоставляются льготы при налогообложении, а также возможность бесплатной публикации рекламы в средствах массовой информации, определенных Центром поддержки коренных народов Камчатского края и их языков.

ГЛАВА IV

Контроль за соблюдением настоящего Закона и ответственность за его нарушение

Статья 24

Должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, руководители учреждений, предприятий и организаций, находящихся на территории Камчатского края, за нарушение настоящего Закона несут административную ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и Камчатского края.

Статья 25

Публично выраженное неуважение к представителям коренных народов или поддерживаемым языкам, создание препятствий и ограничений в сохранении, развитии и использовании поддерживаемых языков, пропаганда вражды на языковой почве, ограничение прав и дискриминация граждан по языковому признаку влекут за собой административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Статья 26

Действия государственных органов и должностных лиц, нарушающие настоящий Закон, обжалуются в судебном или административном порядке в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

УДК 81

НА ЗЕМЛЕ ВСЕГО 45 ЗНАТОКОВ ИТЕЛЬМЕНСКОГО ЯЗЫКА ⁶⁰

*О.К. Заева,
корреспондент газеты «Абориген Камчатки»*

29 мая в культурном центре областной библиотеки состоялся праздник ительменского языка, организованный по инициативе школ родного языка Вилючинска, Петропавловска и Сосновки. Это был их своеобразный отчет за год учебы в стенах Северной народной академии, в родовых общинах «Пимчах» и «Тарья».

В зале были развернуты выставки: краеведческой литературы из фонда библиотеки и из личных собраний слушателей Северной народной академии; картин и эскизов художника О. Гуторова; прикладного творчества – керамики В.В. Рыжкова, кожаных изделий и кулонов В. Чухман, изделий вилючинских мастериц из клуба «Завина». От ИЦ «Лач» (с. Ковран) краеведом Е. Садовниковой был оформлен стенд с фотографиями ительменов ее села. Слушатель петропавловской школы Г.А. Борискина издала свою первую газету на ительменском языке. Ее и других учеников школы можно было увидеть в стенгазете, подготовленной А. Мориловой.

С приветственным словом на родном языке к собравшимся аборигенам и гостям праздника обратились преподаватель ительменского языка В.И. Успенская; преподаватель сосновской школы В.В. Рыжков и Д. Григорьева (переводчик); от вилючинской школы выступали М.В. Бубякина и Т. Худоногова (переводчик). Ведущей на празднике была И.В. Виттер – известный краевед областной библиотеки.

В настоящее время на Земле насчитывается всего 45 знатоков ительменского языка. В это число входят: ительмены, с раннего детства знающие родной язык, ительмены, понимающие язык, но не разговаривающие на нем, лингвисты-этнографы, изучающие язык, в том числе и из зарубежья – Японии, Канады, Германии, США.

С каждым годом все меньше и меньше остается людей, для которых ительменский язык был и остается родным. Все они в основном живут в Корякском автономном округе. На юге Камчатки их всего трое – Т.Е. Гуторова из села Ковран (ковранский диалект), В.И. Успенская из села Седанка Оседлая (седанкинский диалект), В.Е. Федотова из села Напана (напанский диалект). Они в разные годы переехали жить на юг полуострова.

В.Е. Федотова с первых же дней стала посещать занятия ительменского языка, приезжая для этого из Центральных Коряк. У Т.Е. Гуторовой часто консультируются ученые, особенно те, кто приезжает из-за границы. Несмотря на тяжелую травму ноги, она старается побывать на встречах земляков, спеть для них сочиненные ею песни-ходилы. На празднике автор легенды «Эльвель» исполнила ходилу «Привет ковранцам», сказала несколько слов о, казалось бы, забытом всеми ительменском языке. Ее внучка А. Зуева исполнила ходилу «Сборщицы кимчиги».

В начале 90-х к В.Е. Федотовой впервые обратился за помощью этнограф из Америки Д. Коэстер. Тогда она не поверила тому, что ее родной язык может быть кому-то интересен, что его захотят изучать. Но затем она услышала и о молодых ительменах, собирающихся в Камчатском государственном педагогическом университете (КГПУ) для изучения языка предков. Все это вселяет надежды, что и в 3-ем тысячелетии будут звучать древние ительменские слова.

Организатором изучения родного языка в Сосновке стала родовая община «Пимчах» (руководитель В. Ковейник). О деятельности школы (15 детей, двое взрослых) рассказали Д. Гри-

⁶⁰ Из материалов газеты «Абориген Камчатки» № 6 от 27.06.2002 г.

горьева и В. Ковейник. Сосновская школа интересна тем, что в ней в основном учатся дети. А это значит, что язык будет передаваться другим поколениям. Но не менее примечателен тот факт, что преподавателем в этой школе является русский по национальности – В.В. Рыжков. Он самостоятельно изучает язык, для чего специально ездит в Ковран для консультаций. В Петропавловске он сотрудничает с Т.Е. Гуторовой. На уроках в Северной народной академии сам консультирует по ковранскому диалекту ительменского языка. Учащиеся из Сосновки подготовили программу со стихами на ительменском («*Кив эм кивэчх*», «*Уньньачх*», «*Ианочх*»), с песней о первой рыбе, также они показали инсценировку «*Ксан и хывнэ*» («Гуси и волк»).

В Вилючинске инициатором открытия школы ительменского языка (двое детей, 10 взрослых) стала родовая община «Тарья» (руководитель А. Посвольская). Учатся в ней не только родственники из рода Худоноговых, Федотовых, Косыгиных, но и женщины из клуба «Завина». К.С. Кочур и В.А. Захарова показали сценку «*Кэмма ансэскичэн*». Девочки продекламировали стихи «*Ухт*» и «*Сэмт*». В. Захарова прочла свой рассказ «Ительмены». Но всех присутствующих не оставила равнодушными инсценировка известной русской сказки «Репка» («*Рэпачх*»), исполненная учениками вилючинской школы родного языка. Закончили свое выступление вилючинцы песней «*Фэаклх*».

Петропавловская школа ительменского языка начала работать в 1999 г. Сначала занимались в городской Ассоциации народов Севера. В 2001 г. перешли в КГПУ, в Северную народную академию. Наряду с ительменами в этой школе обучаются две русские женщины – преподаватели КГПУ – А.А. Гончарова и Т.А. Голованёва. Приезжают три человека из Елизовского района. Занятия посещает и девочка – А. Морилова. Эта школа важна тем, что она является стержнем других школ. В.В. Рыжков сам уже преподает, в Сосновке готова учить детей В.Е. Федотова. Очень настойчиво учится Г.А. Борискина. Она также в недалеком будущем могла бы обучать детей в семейной школе.

На празднике о своей школе рассказали А. Морилова и Т. Дегай (переводчик). С первой же сценки петропавловцы заявили о себе как о неравнодушных к общественной жизни аборигенов. Две Виктории – Петрашева и Федотова – встретились и на ительменском поговорили о предстоящей рыбалке, о волоките, преследующей ее, о проблемах с билетами на вылов рыбы. А. Морилова провела со зрителями урок ительменского языка. В.Е. Федотова исполнила песню «*Ияночх*». О. Гуторов приятно удивил танцем, подсмотренным в детстве у охотников, гостивших в его доме. Петропавловцы закончили свое выступление танцем, в котором участвовали все от мала до велика – от Д. Васильевой (внучки В. Петрашевой) до В. Федотовой.

В празднике активно участвовали и гости.

Е.М. Садовникова работает в Ковране учителем русского языка и литературы, директором краеведческого музея и волонтером ЭЭ ИЦ «Лач». Она рассказала о том, как изучают ительменский язык в столице Ительмении.

Преподает родной язык В.И. Хан, пенсионерка, в прошлом воспитатель детского сада. В ее селе своими силами издают газету «*Кэрвэльхатном*», освещающую события как села, так и страны, историю и родословные жителей. Хотели бы издавать газету на ительменском языке, но в компьютере нет соответствующей программы.

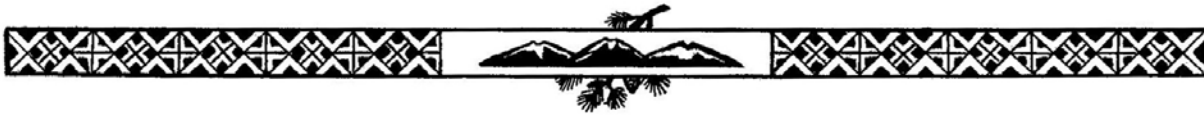
Н.Д. Суздальова известна как поэт, самодеятельный артист, автор книг о Севере. В последнее время она написала много песен на родном языке, на празднике – исполнила песню о Камчатке. Семья Суздальных по-своему уникальна: к песням и танцам приобщились дочь Вера, внуки Настя, Иван, Дашенька.

Корякское отделение Северной народной академии выступило с прекрасной танцевальной программой.

К этой встрече каждый из слушателей школ приготовил свое кулинарное блюдо. Вечер закончился дружеским чаепитием с ароматными пирогами и тортами. После него желающие могли попрактиковаться в чтении и разгадывании головоломок на ительменском языке. Все выступавшие на празднике получили от организаторов призы и подарки.

Встреча состоялась благодаря финансовой поддержке холдинга «Новая книга», Камчатского педагогического университета. Областная библиотека на протяжении уже многих лет предоставляет помещение для встреч аборигенов.

К празднику вышел первый номер приложения к газете «Абориген Камчатки» – *«Итэнмэнин крвэлхатас»*. Для всех ительменов это историческое событие. Газету помог выпустить Камчатский педуниверситет – кафедра информатики. Специалисты установили шрифт, и теперь можно печатать тексты на корякском, эвенском, алеутском и чукотском языках.

УДК 81:39

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОРЯКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ⁶¹

*А. Макеев,
краевед (пгт Палана)*

Как у многих других аборигенных народов Севера, у коряков долгое время, вплоть до конца 1920-х – начала 1930 гг., не было письменности.

Однако отсутствие письменности вовсе не означает полное отсутствие коммуникативных связей, желания поколений оставить современникам, потомкам ту или иную информацию. Веками и тысячелетиями преобладала передаваемая из поколения в поколение устная информация, закрепляемая в названиях топонимов (названиях памятных приметных мест), произведениях устного народного творчества, других видах словесной памяти.

Несовершенство речевого общения без его письменного закрепления толкало коряков, как и других аборигенов, к созданию и закреплению, передаче из поколения в поколение неречевых, или, говоря ученым языком, невербальных средств общения.

На соседней Чукотке археологи многие десятилетия ищут следы древних людей. Здесь были найдены наскальные изображения, относящиеся ко 2–1 тыс. до н. э. На одном таком рисунке просматривается изображение человека в космическом скафандре, что позволяет предполагать о контактах аборигенов Севера с внеземными цивилизациями. На Чукотке же найдены рисунки и в пещерах. Вероятно, в Корякии, где гораздо больше скал и пещер, чем на Чукотке, тоже имеются древние наскальные и пещерные изображения, следы древней невербальной культуры коряков, чукчей, ительменов и эвенов.

Мне доводилось слышать, что в районе Паланских порогов, в верховьях р. Палана, были обнаружены в начале 50-х гг. XX в. древние наскальные изображения. Потом якобы часть скалы с изображениями куда-то исчезла. Я убежден, что рано или поздно на территории округа будут обнаружены следы информационной памяти предков, зафиксированные в наскальных и пещерных изображениях.

Ярким невербальным средством общения коряков являются узоры, орнаменты на одежде и обуви, своеобразная роспись на лицах, неповторимый язык причесок у коряков-старожилов в национальных селах Пенжинского и Олюторского районов. В орнаментах, языке причесок, растушевок на лицах, в украшениях на костяных и деревянных кружках, ложках, курительных трубках, дорожных посохах, рукоятях и ножнах ножей – многовековая информация о духовной культуре северян.

Жаль, что, борясь за сохранение национального языка, мы чаще всего имеем в виду лишь устную или письменную речь, вербальные средства общения, забывая о невербальных, таких как язык поз, походок, не говоря уже о выразительнейшем языке танцев, мимики, жестов коряков, как, впрочем, и других северных народов.

В конце 1920-х гг. одновременно два исследователя С.Н. Стебницкий и Н.Н. Беретти, причем в разных местах Корякии, отметили широкое распространение у коряков пиктографического (знакового) письма. Н.Н. Беретти в записках «На Крайнем Севере-Востоке» приводит целую систему знаков пиктографического письма коряков. При этом Беретти замечает, что принципы пиктографического письма коряков-пенжинцев просты и понятны, они исходят из самой жиз-

⁶¹ Предлагаемые читателю материалы, выписанные из архивных документов в пгт Палана, предоставила Е.Т. Гиль.

ни. Так, пенжинец и с. Пенжино обозначаются рисунком дома, а Гижига и гижигинец – домом с крестом, так как в Гижиге имелась в то время церковь. Легко объяснимы знаки – символы тунгуса (елочка), белок и горностаев (поваленная влево елочка) и др.

У С.Н. Стебницкого находим интересные сведения о том, что в годы, непосредственно предшествовавшие социалистической реорганизации хозяйства, все без исключения апукинцы были оседлыми. Однако в отличие от остальных коряков апукинцы жили небольшими группами землянок. Так, например, 12 землянок, объединившихся под общим названием пос. Пахачи, в 1926 г. были расположены в четырех пунктах. В одном из этих пунктов было восемь землянок, в другом – одна, в третьем – две, в четвертом – одна. Землянки, объединившиеся названием Апука, были еще более разбросанными. О том, что представлял собою «поселок» Апука в 1927 г., ясное представление дает карта-сводка, изготовленная первым председателем Апукинского сельсовета Нутабы.

Товарищ Нутабы был неграмотен. Осенью 1927 г. райревком тогдашнего Карагинского района Петропавловского округа Камчатской области поручил ему, председателю Апукинского тузсовета, собрать сведения о том, сколько рыбы заготовлено на зиму населением возглавляемого им тузсовета для себя и на корм ездовым собакам. Для того чтобы выполнить поручение райревкома, председателю сельсовета пришлось усовершенствовать издавна бытовавшие у коряков способы пиктографического письма. На обороте крышки от картонной коробки из-под конфет или из-под ниток Нутабы карандашом изобразил течение реки Апука (Апукваем). Черными кружками он обозначил землянки отдельных хозяев и возле каждого черного кружка поставил количество рыбы, заготовленной каждым хозяйством. Для обозначения чисел он употребил ранее существовавшие у коряков условные знаки: единицы, десятки, сотни и тысячи. Верхний ряд числовых значков показывает количество рыбы,

заготовленной рыболовами каждого хозяйства для своей семьи, нижний ряд числовых значков показывает количество рыбы, заготовленной на корм собакам.

Обращаю внимание: С.Н. Стебницкий пишет о том, что Нутабы пришлось несколько усовершенствовать издавна бытовавшие у коряков способы пиктографического письма.

О существовании у коряков пиктографических писем на бересте можно предполагать на том основании, что береста широко использовалась в пиктографических письмах юкагиров.

УДК 81(571.66)

**Заместителю министра
Министерства образования
и науки Камчатского края
Н.Е. Розгачевой**

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
«О ПРЕПОДАВАНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА
КАК УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА В КОРЯКСКОМ ОКРУГЕ
ПО СОСТОЯНИЮ НА 21 ОКТЯБРЯ 2008/2009 УЧЕБНОГО ГОДА»**

Пенжинский район

Манильская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

2–4 классы – 46 учащихся; преподаватель – А.В. Килик.

5–9, 10–11 классы – эти предметы не ведутся, педагогический совет школы выбрал 1-й вариант базисного учебного плана.

Таловская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

2–4 классы – 10 учащихся, преподаватель – М.А. Таргонская.

5–9 классы – 23 учащихся, преподаватель – М.А. Таргонская.

10–11 классы – 9 учащихся, преподаватель – М.А. Таргонская.

Слаутнинская средняя школа

Дисциплина – корякский язык,

1–4 классы – родной язык не преподается, учитель начальных классов О.И. Вайнеткан, полная нагрузка.

5–9 классы – 16 учащихся, преподаватель О.И. Вайнеткан, малое количество детей, созданы комплектные классы (5– 6, 7, 8–9 классы).

10–11 классы – 20 учащихся; нет преподавателя, знающего язык.

Аянкинская средняя школа

Дисциплины – эвенский, чукотские языки.

Предметы национально-регионального компонента постоянно велись с 1990 г.

В 2007/2008 учебном году родные языки (чукотский, эвенский) не преподавались по следующим причинам:

1) отказ Н.А. Хабаровой от ведения эвенского языка в связи с переходом на должность учителя начальных классов в этой же школе;

2) отказ родителей от обучения своих детей родному языку;

3) Е.П. Солодякова отказалась от ведения в полном объеме учебной нагрузки по чукотскому языку.

В текущем 2008/2009 учебном году вопрос с преподаванием эвенского, чукотского языков решается в положительной динамике: для преподавания эвенского языка приглашается учитель (по совместительству). Будет пересмотрена учебная нагрузка Е.П. Солодяковой, чтобы учитель смогла вести уроки родного языка.

Олюторский район

Ачайваямская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1–4 классы – 24 учащихся; дисциплина – родной язык; преподаватель – Л.М. Сафонова

2–4 классы – 16 учащихся, дисциплина – культура и быт народов Севера; преподаватель – Л.М. Сафонова.

5–8 классы – 24 учащихся; дисциплина – родной язык, культура и быт; преподаватель – Л.М. Сафонова.

5–6 классы – 14 учащихся; дисциплина – литература народов Севера.

7–8 классы – 17 учащихся; дисциплина – география родного края.

9–10 классы – 18 учащихся; дисциплина – история родного края.

9–11 классы – родной язык не преподается из-за перегруженности учителей.

Эвенский язык в этом году преподаваться не будет из-за отсутствия детей-эвенов.

Хаилинская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

2–4 классы – 27 учащихся; преподаватель – Е.И. Нюрчани.

5–8 классы – 34 учащихся; преподаватель – Е.И. Нюрчани.

9–11 классы – предметы не ведутся, решением педагогического совета в 2008 г. принят за основу учебный план 2003 г., 1-й вариант базисного учебного плана.

Среднепахачинская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1–4 классы – 22 учащихся; дисциплина – корякский язык; преподаватель – Н.Н. Кульбу

5–9 классы – 37 учащихся; дисциплина – культура и быт; преподаватель – Н.Н. Кульбу. Корякский язык с этого года не ведется, час родного языка был отдан на ведение английского языка.

10–11 классы – 14 учащихся; дисциплина – корякский язык; преподаватель – Н.Н. Кульбу.

Вывенкская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1–4 классы – 26 учащихся; дисциплина – родной язык; преподаватель – И.С. Равывилина.

5 класс – 8 учащихся; дисциплина – родной язык; преподаватель – И.С. Равывилина.

6, 7 классы – 20 учащихся; дисциплина – родной язык; преподаватель – Т.Н. Косова.

8 класс – 10 учащихся; дисциплина – история и география Камчатского края; преподаватель – О.Н. Батухина.

9–11 классы – 13 учащихся; дисциплина – культура и быт; преподаватель – Т.Н. Косова.

Тиличкская муниципальная специальная коррекционная общеобразовательная школа-интернат

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1 класс – 3 учащихся, преподаватель – В.А. Данилова.

3 класс – 5 учащихся, преподаватель – В.А. Данилова.

4 класс – 5 учащихся, преподаватель – А.Р. Хину.

5 класс – 5 учащихся, преподаватель – В.А. Данилова.

6 класс – 10 учащихся, преподаватель – А.Р. Хину.

7 класс – 10 учащихся, преподаватель – А.Р. Хину.

8 класс – 9 учащихся, преподаватель – А.Р. Хину.

9 класс – 9 учащихся, преподаватель – А.Р. Хину.

10–11 классы – нет решения педагогического совета школы.

Апукинская средняя школа

Дисциплина – корякский язык.

1–4 классы – 26 учащихся; дисциплина – культура и быт; преподаватели – учителя начальных классов.

5–7 классы – 10 учащихся; дисциплина – корякский язык; преподаватель – Н.А. Нутене.

8–11 классы – предметы не ведутся из-за отсутствия учителя старшего звена, планируется введение регионального компонента на следующий учебный год.

Карагинский район

Тымлатская средняя школа

Дисциплина – корякский язык.

1–4 классы – 45 учащихся; преподаватель – Л.А. Суздalова.

5–9 классы – 58 учащихся; дисциплина – литература народов Севера; преподаватель – О.А. Легошина.

5–11 классы – нет учебников, только дидактический материал.

Карагинская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1–4 классы – 19 учащихся; преподаватель – Е.М. Гуторова.

5–9 классы – дисциплины не запланированы, нет учебников.

10–11 классы – учащихся нет.

Тигильский район

Седанкинская средняя школа

Дисциплина – культура и быт народов Севера.

2–4 классы – 44 учащихся; преподаватель – И.Л. Майватова.

5–7 классы – 31 учащийся, преподаватель – И.Л. Майватова.

8–11 классы – часы регионального компонента не были заложены в учебный план. (По словам директора школы, нет программы по родным языкам для старших классов. Хотя программы по корякскому языку, культуре и быту для 1–9 классов были отправлены методистом корякского языка В.Р. Дедык. Учитель до этого года вела часы родного языка и за помощью не обращалась).

Воямпольская средняя школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1–4 классы – 8 учащихся; дисциплина – корякский язык; преподаватель – С.К. Попова.

5–9 классы – 15 учащихся; дисциплина – корякский язык; преподаватель С.К. Попова.

2–4 классы – 8 учащихся; дисциплина – культура и быт; преподаватель – С.К. Попова.

5–9 классы – 15 учащихся; дисциплина – культура и быт; преподаватель – С.К. Попова.

10–11 классы – нет учащихся.

Лесновская основная школа

Дисциплины – корякский язык, культура и быт.

1–4 классы – 21 учащийся; дисциплины – корякский язык, культура и быт; преподаватели – В.Н. Яганова, С.Н. Наянова.

5–9 классы – 41 учащийся; дисциплины – корякский язык, культура и быт; преподаватель – Г.В. Яганова.

5–9 классы – 41 учащийся; дисциплина – история родного края; преподаватель – Г.В. Яганова.

5–9 классы – 41 учащийся; дисциплина – народные промыслы; преподаватель – Г.А. Яганова.

10–11 классы – учащихся нет.

Хайрюзовская начальная школа – детский сад

Дисциплина – культура и быт (кружок).

С 1998 г. по май 2008 г. велся корякский язык. В 2008/2009 учебном году была ликвидирована ставка (0,5) учителя родного языка.

1–4 классы – 22 учащихся; дисциплина – культура и быт народов Севера; руководитель кружка – Е.И. Шадрина.

Ковранская средняя школа

Дисциплины – ительменский язык, культура и быт, история родного края.

1–4 классы – 13 учащихся; преподаватель – О.И. Сечина.

5–8 классы – 13 учащихся; преподаватель – О.И. Сечина.

9–11 классы – родные языки не включены в учебный план.

2–4 классы – 11 учащихся; дисциплина – культура и быт народов Севера; преподают учителя начальных классов.

5–11 классы – 25 учащихся; дисциплина – культура и быт; преподаватель – О.И. Сечина.

9–11 классы – 12 учащихся; дисциплина – история родного края; преподаватель – М.Б. Киле.

Паланская средняя школа

Дисциплина – корякский язык (кружок).

1 класс – 15 учащихся; преподаватель – М.Р. Жиркова.

До 1991 года велись уроки родного языка, культуры и быта народов Севера в 1–3 классах систематически, в старших классах занятия велись факультативно. Затем педагогическим советом школы был принят 1-й вариант базисного учебного плана.

Паланское государственное педагогическое училище

Дисциплина – корякский язык, культура и быт, специализация – корякский язык; преподаватели – В.Р. Дедык, Г.Н. Харюткина, С.Д. Тнельхут.

1 курс – 4 студента.

2 курс – 6 студентов.

3 курс – 8 студентов.

4 курс – 13 студентов.

Дисциплина – эвенский язык, культура и быт; преподаватель – Р.Н. Авак.

1 курс – 4 студента.

2 курс – 7 студентов.

3 курс – 6 студентов.

4 курс – 4 студента.

Дисциплина – ительменский язык, культура и быт; преподаватель – Г.А. Запороцкая.

1 курс – 3 студента.

2 курс – 6 студентов.

3 курс – 2 студента.

4 курс – 4 студента.

Вопрос о преподавании родных языков, культуры и быта народов Севера, варианты примерного базисного учебного плана рассматривались в 2004, 2007, 2008 гг. Корякским окружным институтом усовершенствования учителей совместно с управлением образования администрации Корякского автономного округа.

Институт направил в школы округа рекомендательные письма (09.06.2008 г., исх. № 35) по введению часов преподавания родных языков, предметов национально-регионального цикла:

– Приказ Минобразования РФ от 9 марта 2004 г. № 1312 «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования»;

– Приложение к Приказу управления образования администрации Камчатской области от 14.08.2007 г. № 630 «Региональный базисный учебный план образовательных учреждений Камчатского края, реализующих программы общего образования».

Преподавание родных языков, предметов национально-регионального цикла в образовательных учреждениях на всех ступенях зависит от решения педагогического совета школы.

Р.Н. Авак, директор Корякского филиала КГОУ ДОВ «Камчатский институт ПКПК»

УДК 378(571.66)

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МИЛЬКОВСКОГО РАЙОНА В XX ВЕКЕ ⁶²

В.И. Борисов,
действительный член Русского географического общества
(г. Петропавловск-Камчатский)

Образование на Камчатке прошло несколько этапов. В 40-х гг. XVIII в. духовной миссией И. Хотунцевского на полуострове открылись школы в Большерецком, Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском острогах, Ичинском острожке, Тигильской крепости, в гавани Петра и Павла. Затем школы были открыты в камчатских острогах, где дети коренных жителей обучались русскому языку, грамматике, арифметике. Преемник И. Хотунцевского – иеромонах Пахомий – открыл школы в Ключевском селении, Машурином, Хайрюзовском и других острожках. Всего в середине XVIII в. на Камчатке было открыто 14 школ. Открытие школ было одним из этапов

⁶² Фотографии, иллюстрирующие статью, предоставлены автором.

колонизации полуострова и способствовало быстрой русификации коренного населения. Но уже к 1783 г. на Камчатке школ не было, большинство коренного населения стало говорить по-русски, и потребность в школах у администрации полуострова отпала.

Народное образование на Камчатке не получило государственной поддержки и в конце XIX в. на полуострове официально числилось всего четыре школы. С утверждением устава о церковно-приходских школах в 1884 г. ситуация с народным образованием на Камчатке стала меняться в лучшую сторону, начали открываться церковно-приходские школы и школы грамоты. К 1908 г. на Камчатке было 18 школ, одна двухклассная, 16 одноклассных и одна школа грамотности. В июне 1909 г. были утверждены законы об административном переустройстве Приморской области, образована новая административная единица – Камчатская область.

Одним из направлений деятельности образованной администрации стало увеличение количества школ на полуострове.

Динамика роста школ на полуострове была следующей: 1908 г. – 18 школ, 1911 г. – 26 школ, 1913 г. – 32 школы, 1926 г. – 47 школ, 1936 г. – 72 школы.

В 1911 г. по отчету губернатора Камчатской области В.В. Перфильева в Камчатской области было 26 школ, в большинстве школ уровень преподавания был крайне низкий. Девять учителей не имели свидетельства на звание учителя, сами едва могли читать и писать.

Отмечая быстрое увеличение школ на Камчатке, благочинный камчатских церквей Д. Шерстенников в своем отчете указывал: «В 1910–1912 гг. на Камчатке замечалось усиленное строительство школьных зданий на синодальные средства. При помощи местных обществ было заново выстроено четыре школы. Выданы были ссуды на постройку других четырех школ. Вновь построено и достраивается еще 6 школ. Всего в минувшем 1912 году в пределах Камчатской области, кроме Охотского уезда, было 22 церковно-приходских школы, из них три двухклассные, восемнадцать одноклассных и одна школа грамоты. Всех учащихся было 471 душ обоего пола. Три школы, кроме того, открыто в 1913 г.».

В 1878 г. церковно-приходская школа открывается в с. Мильково. В докладе заведующего Мильковской школы 1-й ступени в отдел Камчатского губоно от 24 июля 1925 г. указывалось, что «... в с. Мильково учение грамоте началось с конца 60-х годов 19 века». Первым учителем был «сам едва грамотный псаломщик, старичок Яким Федорович. Учитель показывал азы, которые запомнились ученикам, и так шло обучение». Учебниками являлись церковные книги – часослов и псалтырь. «Каждый учащийся, чтобы получить одобрение в знаниях урока, делал приношения учителю кто чем мог: печеную картошку, кусочек хлеба с сахаром и прочее...». Другой учитель – И.П. Бобряков – обучал учеников по церковным книгам до 1975 г. В 1875 г. из с. Ключи в школу с. Мильково перешел работать учитель И.В. Толман, который получал за свою работу 90 руб. в месяц. В 1897–1898 гг. учителями в школе были ученики Толмана. Среди них: Павел Ворошилов, Семен Михайлов, псаломщик Шишкин. В 1906 г. учителем в школу был назначен К.С. Телятьев [12].

«В 1923 г. школа была преобразована в начальную 4-классную школу 1-й ступени. В 1925 г. в школе обучались 50 учеников, при школе имелись драмкружок и художественный кружок, мастерские (бондарная и столярная). Общая площадь школы составляла 26 2/3 квадратных сажени. Существует ячейка РЛКСМ» [12].

В 1912 г. по Страховой оценке Мильковской Богоявленской церкви, в частности, числилось: «... церковно-приходская школа, деревянная, из березового леса, покрыта железом, на деревянных стойках, шестистенная, длиной 23 арш., шириной 11 арш., высотой 9 1/2 арш., имеет 11 окон каждое с двумя рамами высотой 2 арш. и шириной 1 1/2 арш., дверей входных 6, внутр. нет, две кирпичные печи, прочные. Расстояния от ближайшего жилого строения 10 сажень. Прочная, построена в 1906 г. Стоимостью 1500 рублей.

При школе квартира для учителя, деревянный дом, крытый деревом, длиной 9 арш., шириной 8 1/2 арш., высотой 8 арш., имеет одну кирпичную печь, прочная, имеет дверей входных 2, окон 4. Стоимость здания – двести рублей».

В 1918 г. школа из церковно-приходской была переведена в подчинение Министерству народного просвещения.

В начале 1920-х гг. школа в Мильково числилась как двухкомплектная школа 1-й ступени.

В 1923 г., в первый год советской власти школа была преобразована в начальную 4-классную школу 1-й ступени. До открытия бюджетного финансирования затраты на школу несли местные жители. С каждой души взималась плата на содержание школы, на заготовку дров, оплату труда учителя. Значительная часть учителей не имела профессиональной подготовки, бывали случаи, что ученики, проучившись шесть лет, не могли прочитать простой текст.

С 1906 г. на Камчатку стали направляться учителя, окончившие специальные заведения. На территории Мильковского района преподавали учителя К.С. Телятьев и Бобров, окончивший Восточный институт во Владивостоке.

Один из учителей – Г. Рыжук, прибывший на Камчатку в 1912 г., вспоминал: «Первым же делом отправился в школу. Она тогда обслуживала приход – от Ганал до Толбачика. Учителей не хватало, да и те, что работали, старались бывать здесь пореже. Поэтому понятно, что, когда я вошел в школу, она мало напоминала учебное заведение. Ученики, привыкшие к самостоятельности, занимались кому чем вздумается, только не учением. Родители моих учеников жили в ужасных условиях. Главным занятием была охота. За пушнину скупщики доставляли сюда шелка, конфеты, водку. А вот муки не было совсем. Ни о каком враче тогда не могло быть и речи, так что мне пришлось и учить, и лечить».

Жалование учителям выплачивалось в размере 1200 руб. в год, это была в то время весомая сумма.

В докладе Камчатского губревкома в Камчатское губоно от 9 августа 1923 г. о состоянии Мильковской школы 1-й ступени, указывалось, что здание школы построено «примерно» в 1890 г. В 1922–1923 гг. в четвертых классах школы обучались 63 учащихся в возрасте от 8 до 15 лет. В школе работали два учителя – И.П. Ворошилов и К.С. Телятьев. Ставка учителей составляла 900 рублей.

В отчете Д.С. Бузина за 1925 год указывалось: «В с. Верхне-Камчатске учительствует некто Бобров, окончивший Восточный институт во Владивостоке. На Камчатку попал в разгар реакции. Учительствовал в Мильково в 1921/22 году, но был снят партотрядом. В 1923 году получил назначение в Верхне-Камчатскую школу».

Отмечая обеспеченность учебными пособиями, в сборнике «Камчатка в 1923 году», составленном по Обзору Камчатской губернии по данным Камчатского губревкома, указывалось:

«Учебники и учебные принадлежности во всех школах были старые, да и то в крайне недостаточном количестве, а во многих школах даже и этого не было. Учебными пособиями школы не снабжались с самого начала революции, и поэтому естественно, что эти пособия пришли в полнейшую негодность...».

В 1928 г. издано обязательное постановление № 1 Камчатского окрисполкома с введением обязательного обучения в школах первой ступени.

Значительные изменения произошли в народном образовании после установления советской власти.

Житель с. Мильково И.А. Карпов вспоминал: «В школе обучение стало вестись по-новому. Было отменено церковное преподавание. А с приездом учителя Николая Николаевича Вагинского были введены уроки чтения, чистописания, арифметики. Немного позже в нашей школе появились первые пионеры. Ими стали Фаддей Еланцев, Ваня Потапов, Ваня Плотников, Лева Телятьев, Гоша Григорьев и я».

На Камчатке начался переход к всеобщему начальному образованию. Государство придавало школьному образованию большое значение. В 1930 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О всеобщем обязательном образовании». В 1931 г. в рамках этого решения были введены уроки, предметы, расписание, оценки. Важное место уделялось дисциплине учащихся.

В 1932 г. были переработаны программы и созданы новые учебники. К 1930-м гг. были открыты школы практически во всех камчатских селениях. В начальных школах изучались 10 предметов: русский язык устный, русский язык письменный, арифметика, естествознание, география, история, чистописание, рисование, физподготовка и пение. В школы стали направляться молодые учителя после окончания педагогического училища.

Наряду с преподаванием предметов, предусмотренных школьной программой, среди школьников велась и идеологическая работа. В областной газете «Полярная звезда» от 31 марта 1929 г. была помещена следующая заметка: «3 февраля у нас в с. Кирганик в школе 1-й ступени проводился вечер по поводу основания комсомола. Сперва было торжественное заседание мильковской ячейки ВЛКСМ совместно с беспартийной молодежью. На повестке дня стоял доклад о задачах комсомола...».

К середине 1930-х гг. безграмотность среди населения на Камчатке продолжала оставаться на высоком уровне.

Ликбез в Мильковском районе по состоянию на 1937 г. характеризовался следующими показателями:

Неграмотных		Малограмотных	
Всего	Из них обучается	Всего	Из них обучается
74	40	224	70

В 1933 г. был образован Мильковский район, куда до 1944 г. входили селения Малка и Начики. Обычно в школе преподавали два учителя, один – в 1-м и 3-м классах, второй – во 2-м и 4-м. Один учитель исполнял обязанности заведующего школой.

В 1939 г. в Малкинской школе преподавали два учителя – Линев и Сахно. В этом же году общие затраты на школу, отопление, инвентарь, заработную плату составили для бюджета 6555 руб. В 1939/1940 учебном году в этой школе обучались следующие учащиеся:

1 класс – Н. Гарднер, К. Цегликов, Е. Абакумова, А. Абакумова.

2 класс – Е. Верещагина, З. Верещагина, А. Зимин, П. Нечаева, П. Зимин, А. Верещагин.

3 класс – Ф. Зимин, Д. Дурынина, И. Нечаев, Л. Машихина, М. Атласов.

4 класс – А. Верещагина, Г. Нечаев, В. Плотникова, О. Лапина, М. Верещагина, И. Зимин, Н. Машихина.

В 1944 г. количество учащихся составило 16 человек.

В 1943 г. в Верхне-Камчатской школе обучались 24 человека – 14 мальчиков и 10 девочек,

в 1946 г. число детей значительно выросло и составило 40 человек. Во время войны один из учащихся не мог посещать школу из-за отсутствия зимней одежды.

В 1938–1939 гг. из 197 школ области 162 работали в непригодных помещениях.

В 1939 г. ассигнование на народное образование Камчатской области составило 19 млн 789,3 тыс. руб. Свод расходов на просвещение по местному бюджету Мильковского района Камчатской области Хабаровского края на 1939 г. (тыс. руб.):

Школа (текущие расходы) – 321,3.

Капитальный ремонт – 17,0.

Интернат при школе – 60,0.

Дополнительные мероприятия по школе – 3,0.

Детские дома – 4,0.

Внешкольная работа с детьми – 4,5.

НСШ и СШ взрослых – 20,1.

Ликвидация неграмотности – 3,3.

Ликвидация малограмотности – 6,8.

Библиотеки – 18,0, капитальный ремонт – 1,0.

Избы-читальни – 42,9.

Дома культуры – 25,0.

С 1932 по 1940 гг. ассигнование на народное образование в области увеличилось более чем в 20 раз и составляло в 1940 г. 26 млн 722 тыс. руб.

В 1939 г. Мильковская школа находилась по адресу: ул. Набережная, 3. В указанном году в школе 2-х и 3-х классов было два, остальных по одному. Причем в 1-м классе было 37 человек, в 10-м – семь человек.

В 1933 г. состоялся первый выпуск Мильковской неполной средней школы. Лучшими учениками были С. и Н. Костромины, Н. Карпов, Н. Пермяков, К. Верещагин, У. Плотникова, Н. Ворошилова.

В 1939 г. в с. Мильково работала средняя школа с интернатом, где было 29 интернов.

В школе преподавали девять учителей, здесь обучались 187 учеников.

9 ноября 1938 г. в селе была открыта неполная средняя школа для взрослых, с классами: 4-й класс – 9 учащихся; 5-й класс – 7; 6-й класс – 8; всего обучались 24 человека.

В средней школе работали девять учителей, которые преподавали в восьми классах, обучались 187 учащихся, успеваемость составляла – 78,1%.

В с. Мильково при школах обучались 29 интернов, т. е. детей из других селений района.

В 1940/1941 учебном году в Мильковском районе работало восемь начальных школ, в них было 194 ученика, в двух неполных средних школах обучался 131 человек и в Мильковской средней школе – 281 учащийся. Всего в районе работало 11 школ, в которых всего обучались 606 детей. В 1944/1945 учебном году в Мильковской начальной школе в 1-м классе обучались 28 человек, уровень неуспевающих был высокий, не успевали 11; во 2-м классе – 48 человек, не успевали 22 ученика; в 3-м классе – 35 учащихся, не успевали 30 детей; в 4-м классе – 21 человек, из них не успевали 7 школьников.

В школах района преподавали выпускники Камчатского педучилища и учителя, окончившие училища на Дальнем Востоке. Молодые специалисты должны были отработать на Камчатке три года, затем уезжали. Хотя некоторые оставались, например, Копытины.

Безусловно, в этом плане многие камчатские уроженцы были предпочтительнее.

Среди учителей-камчадалов можно назвать М.Ф. Пермякова – (Макарка), Ф. Сновидову (Долиновка) и др.

В 1944/1945 учебном году в Мильковском районе работали следующие школы:

Щапино – 2-классная; обучались 17 человек, успевали 14;

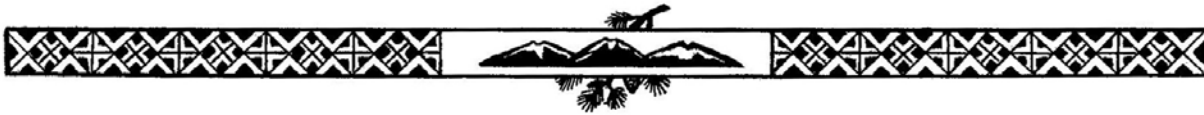
Макарка – 4-классная; обучались 28 человек, успевали 19;

Лазо – 4-классная; обучались 39 человек, успевали 24;

Кирганик – 4-классная; обучались 26 человек, успевали 21;

Опытная станция – 3-классная; обучались 28 человек, успевали 23;

Мильковская – 4-классная; обучались 132 человека, успевали 62;
Верхне-Камчатская – 4-классная; обучались 28 человек, успевали 19;
Шаромская – 4-классная; обучался 21 человек, успевали 14;
Долиновская – 6-классная; обучались 78 человек, успевали 63;
Средне-Камчатская – обучались 74 человека, успевали 57.

Некоторые школы имели свою местную специфику. Например, в с. Пушино в 1946/1947 учебном году в 1–2-м классах учились 10 человек. Здесь была всего одна классная комната при общей площади школы 24 кв. м. Учебный год по разным причинам начался только 26 декабря. Учительнице Е.Е. Виноградовой пришлось столкнуться с тем, что родным языком для большинства был удмуртский и только трое русский язык считали родным.

Кроме основной деятельности в школах проводилась большая внеклассная работа. В школе селения Макарка в 1947/1948 учебном году было 29 учащихся, по итогам учебы в следующие классы переведены 24 человека, оставлены на второй год пять учащихся. За учебный год учителем проведено семь бесед, чтений художественной литературы – пять, проведено четыре родительских собрания, проводились посещения родителей на дому. В Кирганской начальной школе в 1939/1940 учебном году учились 34 человека, из них пять неуспевающих; велся календарь погоды, была создана географическая площадка, работали кружки рукоделия, физкультуры, ПВХО, выпущен один номер стенгазеты, проведено две беседы, два общих собрания, одно родительское собрание.

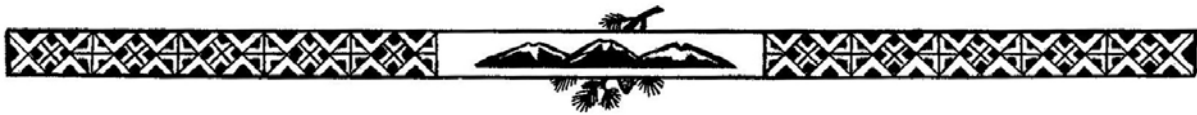
Новым этапом школьного образования стала практика занятия детей сельскохозяйственным производством. Мильковская средняя школа стала одной из передовых в области.

Об открытии школы в с. Шаромы рассказывает следующая заметка Н. Зимина в газете «Камчатский колхозник» от 13 января 1960 г.: «Праздник в новой школе. В последние дни зимних каникул все жители с. Шаромы от мала до велика собрались, чтобы отпраздновать день новой школы. Они заполнили новое школьное здание, в котором теперь будут учиться дети. С интересом рассматривали подготовленную к этому событию выставку детского творчества. Открыв вечер, председатель колхоза «Новая деревня» Захар Иванович Мерлин рассказал о том, как и когда была построена старая школа, в которой довелось учиться ему. Павел Александрович Заочный и Дарья Федоровна Машихина были в числе первых учеников, пришедших в 1927 году – в год открытия – в сельскую школу. Они выступили и поделились своими воспоминаниями. Еще не так давно Эмма Чиркова посещала эту сельскую школу, а сейчас она учится в Мильковской средней школе и в каждые каникулы приезжает в родное село. Вот и сейчас приехала на каникулы. Эмма взяла слово и рассказала, как она живет в интернате, как учатся и трудятся ее товарищи. В заключение Рая Возмищева – ученица Шаромской начальной школы – рассказала присутствующим о делах школы, о ее хороших учениках, которые помогают в учебе товарищам, рассказала, как школьники участвуют в колхозных работах. Вспомнив прошлое и порадовавшись настоящему, участники вечера просмотрели концерт художественной самодеятельности, поставленный объединенными силами учеников и комсомольцев села. Хорошо прозвучали песни, исполненные хором под аккомпанемент баяна, на котором играл Владимир Воробьев. Виктор Мерлин, аккомпанируя себе на гармонии, спел песенку из кинофильма «На графских развалинах». Рая Возмищева и Таня Зимина спели «Школьный вальс». Они с Олей Заочной и Валею Новиковой исполнили танец «Березка». В концерте было еще много интересных номеров. Зрители остались очень довольны. После этого до позднего вечера играли в настольные игры, а молодежь танцевала».

27 января 1960 г. бюро Камчатского обкома партии приняло постановление «Об опыте работы Мильковской средней школы по организации ученической учебно-производственной бригады» и рекомендовало горкому, райкомам КПСС обсудить во всех средних школах вопрос о внедрении опыта Мильковской средней школы по соединению обучения с производственным процессом.

«Камчатская правда» 10 января 1962 г. поместила материал, в котором ученица Мильковской средней школы А. Пинегина выступила на совещании работников сельского хозяйства Камчатки. В своем выступлении учащаяся в частности отмечала:

«Наша школа – политехническая, с сельскохозяйственным профилем. Поэтому у нас много внимания уделяется совхозному производству, изучению сельскохозяйственных машин, агротехники. Свои опыты мы проводим на школьном учебно-опытном участке под руководством учителей. Мы выращивали в прошлом году более 100 видов растений и убедились: замечательно растут они! Уже три года выращиваем мы, например, цветы. Наши растения прекрасно растут, цветут и даже многие из них дают семена. У нас, в Мильково, можно с успехом выращивать такие культуры, как сахарная свекла, морковь, горох, бобы, салат, шпинат и другие овощи. На Камчатке все может хорошо расти! В прошлом году по заданию областного комитета партии мы провели опыты выращивания кукурузы, сахарной свеклы и подсолнечника. Все эти культуры дали хорошие результаты. Особенно порадовала нас сахарная свекла. Лучший урожай дала свекла сорта «Рамонская-632». В пересчете на гектар мы получили ее 442 центнера, свекла сорта «Рамонская-46» – 360 центнеров, сорта «Белоцерковская» – 320 центнеров, «Рамонская-624» – 280 центнеров. Эти урожаи говорят о том, что можно добиваться хороших результатов в выращивании свеклы на кормовые цели».

Первые попытки профессионального образования были предприняты еще в XIX в. К. Дитмар отмечал: «Завойко распорядился об устройстве... ткацких школ; одна из таких школ была устроена в Милковой... жители собирали... высокую крапиву, обрабатывали ее для получения волокна как лен и затем пряли и ткали из обработанного таким образом материала очень хорошее полотно... Все предприятие увенчалось большим успехом и принесло немало выгоды населению: а двум девушкам даже вручили премии, присланные Петербургским экономическим обществом. Для одной из них назначена была брошка, для другой – серьги; и брошка и серьги – золотые с гранатами. К нашему удивлению, обе отказались от подарков, мотивируя свой отказ тем, что весь их костюм не вяжется с такими богатыми украшениями».

Далее приведем некоторые информационные материалы об учебных заведениях Мильковского района.

Мильковская вечерняя школа

1946 г. – дата образования консультационного пункта.

С 1976 г. школа стала называться Мильковская очно-заочная.

Директора школ:

1976–1982 гг. – А.К. Якубовский;

с 1982 г. по настоящее время – А.Г. Сафонова.

1980–1990 гг. – количество учащихся 150 человек. В настоящее время – 126. С 1998 г. школа стала называться вечерняя (сменная) общеобразовательная школа. В коллективе 13 учителей. Из них один заслуженный учитель РФ, четверо имеют грамоты Министерства образования РФ, один – значок «Отличник просвещения».

ДЮСШ

1973–1974 гг. – директор М.Ш. Шпигель.

1974–1982 гг. – М.П. Горбатюк.

с 1982 года по настоящее время – С.Г. Сафонов.

Отделения:

– хоккей – с 1973 г. – по настоящее время;

– легкая атлетика – 1973–1974 гг., с 1989 г. по настоящее время;

– лыжные гонки – 1973–1979 гг.;

– баскетбол – с 1979 г. по настоящее время;

– борьба – с 1985 г. по настоящее время;

– шахматы – 1980–1989 гг.;

– биатлон – 1989–1992 гг.

Количество педагогов – 10 тренеров-преподавателей. Из них 10 имеют высшую квалификационную категорию, двое награждены значком «Отличник просвещения», двое – грамотами Министерства образования РФ, один – знаком «Почетный работник образования РФ», два отличника физической культуры и спорта.

Мильковская СОШ № 1

1889 г. – открыта церковно-приходская школа при Богоявленской церкви. В этой школе, по данным 1905 г., обучались 20 мальчиков и 7 девочек. В школах Мильковского района в 30-х гг. работали в основном мужчины. До 1933 г. в Мильково существовала начальная школа. Первый выпуск учащихся средней школы состоялся в 1941 г. Его выпускники: Н. Карелина, П. Карелин, А. Касаткина, П. Колесов и З. Потапов.

1947 г. – средняя школа размещалась в длинном деревянном здании на берегу Антоновки. В школе насчитывалось 240 человек. Педагогический коллектив состоял из 18 человек. Из них двое – с высшим образованием. Учителями в то время работали: М.П. Крупенин, Г.В. Колесова, А.Г. Толман, директор школы с 1937 г. по 1948 г. – А.В. Абрамов. С 1961 г. по настоящее время директорами Мильковской СОШ № 1 были: Миронов, Царикаев, И.Т. Горовой, Филимонов, Л.А. Москвина, Л.И. Сергеева, Н.Е. Романюта, Л.Д. Потапов, К.Л. Чайка, Т.А. Аверина, И.В. Тяпкина.

В 1970–1980 гг. при школе был открыт интернат, где обучались и воспитывались дети из сел района (Долиновка, Шаромы, Таёжное). В 1981 г. было построено современное здание Мильковской СОШ № 1, где обучались 1093 ученика. В 1980–1990 гг. в школе обучались 1650 детей, сейчас – 628 учащихся.

Педколлектив – 68 учителей, из них имеют высшую квалификационную категорию – 12, звание «Заслуженный учитель РФ» – 3, значок «Отличник просвещения» – 8, знак «Почетный работник образования» – 10, грамоты Министерства образования РФ – 14 педагогов.

Мильковская СОШ № 2

29 августа 1966 г. открылась 8-летняя школа № 2 в одноэтажном деревянном здании. Директор – Ф.В. Левус.

1 сентября 1974 г. было построено новое здание Мильковской СОШ № 2 и символический ключ от нового здания был вручен директору Ф.В. Левус.

Директорами школы с 1974 г. по настоящее время были: Сафоненко, Н.М. Макаренко, Л.А. Рошупкина, А.И. Титков, Г.А. Лесина.

В 1980–1990 гг. в школе обучались около 1000 человек, сейчас – 575. Педколлектив – 47 учителей, из них имеют высшую квалификационную категорию – 13, орден Трудовой славы 3 степени и орден «Знак Почета» – 2, медаль имени Крупской – 1, звание «Заслуженный учитель РФ» – 4, значок «Отличник просвещения» – 15, знак «Почетный работник» – 4, почетную грамоту Министерства образования РФ – 26 педагогов.

Мильковский Дом детского творчества (ДДТ)

В Доме творчества работают 42 человека, в том числе педагогов дополнительного образования – 32, из них имеют высшее образование – 10, высшую квалификационную категорию – 5, 1-ю квалификационную категорию – 10, 2-ю квалификационную категорию – 9, звание «Заслуженный учитель РФ» – 1, звание «Почетный работник общего образования РФ» – 5, почетные грамоты Министерства образования РФ – 5 педагогов.

В Доме творчества работают 22 объединения, 73 кружка, которые посещают 734 ребенка от 5 до 18 лет. С 1998 г. в Доме детского творчества открыт первый в области Детский музей. В его экспозициях – 716 экспонатов основного фонда и 384 – вспомогательного. Ежегодно музей посещают более 1000 человек. В коллекции ДДТ 120 комнатных растений, в том числе редких и экзотических. В мини-зоопарке – 10 различных видов животных.

Районный Дом пионеров был создан в 1974 г. В 1991 г. Дом пионеров был переименован в Дом детского творчества (ДДТ). До 1994 г. он находился в бывшем здании Мильковской церкви (впоследствии клуба «Зорька»), сейчас – в двухэтажном здании бывшего детского сада. ДДТ проводит работу в двух направлениях: учебно-воспитательный процесс и активный досуг. В ДДТ работают более 22 объединений различного направления: эколого-краеведческое, художественно-эстетическое, декоративно-прикладное. Здесь ведутся кружки по работе с природными материалами: деревом, глиной, соломкой, берестой, лозой. Кроме этого, ДДТ ежегодно проводит более 60 культурно-массовых мероприятий различного уровня. Дом творчества находится в районном с. Мильково. Директор ДДТ – Г.И. Бартошина.

16 апреля 1933 г. образован отдел образования.

Дошкольное образование в районе начинается с 1939 г. (по архивным данным). Первая заведующая – Е.М. Даркина, няня – Е.Н. Чернышова. С 1958 г. работает детсад «Дюймовочка»,

заведующая Малькова. Педагогический коллектив детского сада не имел специального образования. С 1960 г. стали появляться молодые специалисты с дошкольным образованием.

В 1972 г. открылся детсад «Василёк» на 140 мест. Заведующая – Н.В. Баева. Педагогический коллектив состоял из 14 педагогов, в основном – молодые специалисты, большинство – комсомольцы, которые активно участвовали в общественной жизни района. С 1985 г. – заведующая д/с «Василёк» – В.И. Злобина.

В 1987 г. построен детский комбинат «Светлячок». Заведующая В.П. Никитина. Комбинат 14-групповой, рассчитан на 320 мест. Педсостав – 34 педагога, 35 человек обслуживающего персонала. При открытии детского комбината «Светлячок» в его коллектив влились коллективы садов «Дюймовочка» и «Василёк». Затем стали закрываться детские сады: «Малыш», «Золотой ключик», «Журавушка», «Алёнушка», «Солнышко», дети и педагогические коллективы переходили в детский комбинат «Светлячок».

В детском комбинате «Светлячок» налажена работа логопедического пункта, работает психолог, есть бассейн (не работает из-за отсутствия горячей воды). Организована секционнокружковая работа: акробатика, художественно-ручной труд, ансамбль «Ложжари», театрализованная деятельность. В данный момент в детском комбинате «Светлячок» работает 10 групп, воспитываются 206 детей.

В 1964 г. открылся ведомственный детский сад Милюковского совхоза. Первой заведующей была М.И. Соловьёва. По 1988 г. заведующими были: К.Д. Плешкова, Н.В.Баева, В.А. Болдырева, Л.А. Перункова. В 1974 г. было построено новое здание детского сада «Солнышко» на 140 мест. Сад работал 20 лет. В 1998 г. был закрыт. За первые 10 лет детсад посетило более 380 малышей.

В 1971 г. начал работать ведомственный (ДСУ 2, ДРСУ 4) д/с «Алёнушка» – деревянное приспособленное здание, рассчитанное на 45 мест. Заведующие – Е.Е. Костромина, Н.А. Троценко, А.С. Жарникова. Сад работал в течение 20 лет. За это время выпустил в школу более 200 детей.

В 1971 г. был открыт ведомственный (ПМК 473) д/с «Малыш». Заведующая садом – Л.П. Ворошилова. Сад работал до 1994 г.

В 1980 г. на окраине села открылся д/с «Ручеёк». Этот ведомственный (ПМК 131) детсад находился в общежитии «Камчатскводстроя». Первая заведующая – Л.И. Дубова. 1 сентября 1982 г. построено новое здание, заведующей стала Т.М. Козорезова.

1981 г. – открыт ведомственный (ЦКГРЭ) д/с «Золотой ключик», шестигрупповой, на 140 мест. Заведующие – Н.В. Шуба, Г.А. Пономаренко. В 1993 г. сад был закрыт и здание передано вечерней школе.

В ноябре 1982 г. открыт д/с «Тополёк». Первая заведующая – Л.И. Середа, затем – В.И. Злобина. В 1992 г. во время капитального ремонта сделан был бассейн, который работал в течение 5 лет. В ноябре 2002 г. сад отметил двадцатилетие. За эти годы выпущено в школу 442 воспитанника.

В 1985 г. открыт ведомственный (РТПХС) д/с «Журавушка». Заведующая – Е.М. Потапенко. Детский сад работал до 1994 г. Здание детского сада передано Дому творчества.

В 1960 г. в селе Долиновка открыт д/с «Ромашка», который работал до 1996 г. Заведующие – Г.И. Потапеня, А.Р. Червякова.

В 1962 г. в совхозе «Комсомольский» (с. Шаромы) был открыт детский сад. В 1976 г. построено новое здание на 140 мест, детский сад получил название «Сказка». Заведующие – З.М. Юрченко, Р.Р. Секлерина, З.К. Макарова.

В 1963 г. в пос. Атласово построено небольшое здание двухгруппового детского сада в ведомстве Леспромхоза. Первой заведующей была В.Ф. Бударина. В 1969 г. детскому саду дали название «Фиалка». За время существования сада сменилось много заведующих: Г.А. Петрова, Ф.М. Чаднова, В.А. Шемшура, И.Н. Плошенко, В.И. Придубкина. В 1976 г. в двух зданиях детского сада размещались четыре группы, численностью 150 детей. В настоящее время в саду две разновозрастные группы. За 30 лет выпущено в школу около 2000 воспитанников.

В 1973 г. в с. Лазо было реконструировано здание участковой больницы под ясли-сад. Заведующей была А.Н. Гаевская. В 1983 г. сад посещало 120 детей, в это время сад получил на-

звание «Росинка». В настоящее время в детском саду две разновозрастные группы, списочный состав – 28 детей. Заведующая – В.Ю. Алешкевич.

В настоящее время в районе работают шесть дошкольных образовательных учреждений. Всего – 69 педработников. Из них имеют высшую квалификационную категорию – 1, 1-ю квалификационную категорию – 29, 2-ю квалификационную категорию – 16, звание «Отличник народного просвещения РФ» – 9, нагрудный знак «Почетный работник общего образования РФ» – 6, почетные грамоты Министерства общего и профессионального образования РФ – 13 педагогов.

В 2002 г. проведена государственная аттестация и аккредитация дошкольных образовательных учреждений Мильковского района: «Светлячок», «Тополёк», «Ручеёк», «Сказка», «Фиалка», «Росинка». (Справочные материалы об учреждениях народного образования представлены Мильковским РОНО).

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. До 1909 г. образование на территории современного Мильковского района носило формальный характер.
2. С 1909 г. по 1923 г. – переходный период, формирование новой системы образования.
3. В современный период складывается устойчивая система образования.

Литература

1. *Базанов А.Г., Казанский Н.Г.* Школа на Крайнем Севере. – Л., 1939.
2. *Браславец К.М.* Диалектологический очерк Камчатки. – Южно-Сахалинск, 1968.
3. *Геготаулина Л.А.* В какие школы камчадалы охотно отдавали своих детей? // Камчатка: прошлое и настоящее: Сб. научн. ст. – Петропавловск-Камчатский, 2004.
4. *Стельных М.П.* Победа Великого Октября на Камчатке. – Петропавловск-Камчатский, 1975.
5. *Тарасюнь А.В.* Борьба за всеобуч на Камчатке. Краеведческие зап. Вып. 4. – Петропавловск-Камчатский, 1973.
6. ГАКО. – Ф. 353.
7. ЦДНИ КО. – Ф. 19.
8. РГИА. – Ф. 799.
9. ЦГА РСФСР ДВ. – Ф. Р-2328.
10. Вопросы истории ДВ. Вып. 3. – с. 159.
11. ЦГА РСФСР ДВ. – Ф. Р-2328, оп. 1, д. 6, л. 43–46.
12. ЦГА РСФСР ДВ. – Ф. Р-1, оп. 1, д. 6, л. 43–48.

УДК 008

БУДЕМ ПЕТЬ И ТАНЦЕВАТЬ!

(Мэнчақа'лк мэнистэлк!)

***Т. Жбанкова,
учащаяся школы (с. Николаевка)***

«*Қат қ'ольч?*» ('Ты уже пришел?') – «*Ээ*». ('Да').

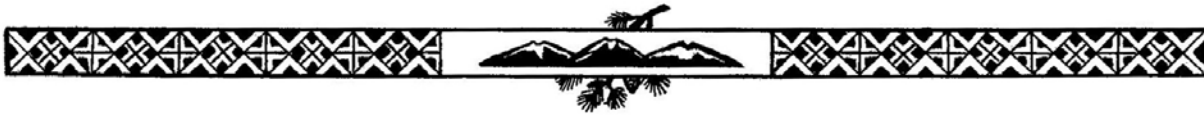
«*Ласт суньч?*» ('Как живешь?') – «*Кэмма ч'инэн тсунск*». ('Я хорошо живу').

«*Манкэ исч?*» ('Куда идешь?') – «*К'алэк амнокэ*». ('В соседнее стойбище').

«*Эңқанэсх*». ('Зачем?') – «*Нэ'н ч'ахлэс*». ('Сегодня праздник').

«*Кэммалэм*». ('Я тоже (пойду)').

Раньше так общались ительмены. Ительменский язык – один из красивейших языков Камчатского края. Но в наше время его знают только около 40 человек на всей Камчатке.

С приходом советской власти на нашу землю общаться на родном языке запретили, и поэтому он стал вымирать. Сейчас многие люди пытаются заново восстановить язык, на котором говорили наши предки. Таким человеком стала В.И. Ковейник. Вера Иннокентьевна активно поддерживает культуру родного народа. Благодаря ей в пос. Сосновка появилась школа «Возрождение ительменских традиций». В этой школе было три класса: ительменского языка, национального танца и прикладного искусства.

Когда я узнала об этой школе, мне было шесть лет, и я сразу решила пойти в класс ительменского языка. Как только я пришла, то увидела простую женщину, которая повернулась ко мне и сказала спокойным голосом: «Токэльч», что в переводе с ительменского языка означает 'здравствуй'. Я, еще не знающая язык, испугалась и хотела уйти. Но та женщина наклонилась ко мне, улыбнулась и на русском языке сказала: «Здравствуй, тебя как зовут?» Я робко посмотрела на нее и тихо ответила: «Тая». Я увидела приветливый взгляд и поняла, что мне нечего бояться. «Я – Тая Жбанкова». «А я – Григорьева Диана Викторовна», – ответила она, взяла меня за руку и повела в кабинет.

Мы зашли в класс, и она указала место, где мне нужно сесть. Я села и стала слушать, что говорит Диана Викторовна. Она говорила сначала на ительменском языке, потом переводила на русский язык. Вслушиваясь в удивительную речь, я поняла, что мне это родное, близкое. Придя домой, я сказала маме, что буду изучать свой родной язык. Мама рассказала, что моя бабушка была ительменкой, и я пообещала, что обязательно выучу ительменский язык. Придя в школу на следующий день, я рассказала Диане Викторовне, что моя бабушка была ительменкой.

«Тая, я догадалась еще вчера, что в тебе течет ительменская кровь. Я почувствовала наше с тобой родство душ», – произнесла Диана Викторовна.

Я всегда любила петь, но спустя некоторое время после начала посещения занятий в школе «Возрождение ительменских традиций» я поняла, что песня должна исполняться в гармонии с танцем. И мне очень захотелось научиться танцевальному мастерству.

Моим первым учителем по танцам была Л.И. Чичулина. У этой женщины божий дар педагога, она учила танцам высокопрофессионально, непринужденно, с открытым сердцем и великим терпением, ведь я тогда была новичком.

Благодаря Лидии Иннокентьевне я научилась понимать красивый язык ительменского танца. После ее ухода из школы мы не остановились на достигнутом. Внутреннее чутье и природный инстинкт подсказывали нам новые движения, новую динамику танца. С восторгом и ностальгией я вспоминаю это время, а главное – я сумела, я смогла, я добилась своей заветной цели. И всегда рядом со мной, в моем сердце была моя бабушка (она давно умерла), которая с небес подсказывала мне, как правильно поступать.

За время учебы в школе «Возрождение ительменских традиций» я была участницей каждого праздника «Алхалалалай», этого танцевального марафона, продолжительность которого составляла более 15 часов.

Мне очень понравилось в лагере «Хранители лосося», там у меня появились новые друзья, которые приехали в лагерь почти со всех уголков Камчатского края.

Я многому научилась: разговаривать на ительменском языке, петь, танцевать. Свои умения я постоянно совершенствую, занимаюсь самообразованием. Делаю это я с великим удовольствием, потому что живу на святой земле своих предков. Мы, молодое поколение, не должны за-

бывать о своих корнях, мы должны возрождать родную культуру, традиции своего народа. И я, Таисия Жбанкова, обещаю достичь самых высоких результатов в деле возрождения ительменских традиций. А для этого надо любить свою родину, творить на благо всех живущих на нашей камчатской земле и не уничтожать того, что нам оставили предки.

Камчатский край! Родной мой край
С природой девственной ранимой!
Ты светел, как весенний май,
Любимый край неповторимый, неповторимый!

УДК 81:39(571.66)

**РЕЗОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ,
ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТСКОГО КРАЯ»
(22–23 октября 2008 г.)**

1. В Камчатском крае, на территории традиционного расселения своих предков проживают коренные малочисленные народы, осознающие себя как самостоятельные этнические общности – алеуты, алыторцы, камчадалы, коряки, ительмены, чукчи, эвены, эскимосы.

2. Традиционный образ жизни, хозяйствование, промыслы и культура этих народов находятся под угрозой исчезновения. Их языки включены в Красную книгу языков народов России. Согласно Красной книге, из 180 народов, населяющих Российскую Федерацию, 64 народа, в том числе коренные малочисленные народы Камчатского края, находятся «в зоне этнического бедствия». Спасение этих народов и их языков должно стать **«приоритетным и неотложным направлением государственной языковой политики»**. Принятый в 1991 г. (с дополнениями и изменениями от 1998 и 2002 гг.) Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» устанавливает: «Языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства. Языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства».

3. Для защиты языков коренных малочисленных народов Камчатского края участники семинара выступают с призывом принять чрезвычайные меры, как это делается в случаях экологических катастроф. Однако никакая экологическая катастрофа несопоставима по своим последствиям с ущербом, наносимым человечеству при безвозвратной утрате хотя бы одного языка и говорящего на нем народа, как бы мал этот народ ни был.

4. Участники семинара принимают решение создать **общественный совет** по возрождению, сохранению и развитию языков и культур коренных малочисленных народов Камчатского края.

5. Целью деятельности совета должно стать создание общественной заинтересованности в поддержании языков и культур коренных малочисленных народов Камчатского края, благожелательного к ним отношения. Возрождение, сохранение и развитие языков и культур коренных малочисленных народов должны стать заботой всего населения Камчатского края. Деятельность совета должна способствовать изучению местных языков представителями других народов, делать достоянием общественности спонсорскую деятельность предпринимателей, направленную на сохранение этих языков, привлекать к работе по их поддержанию международные организации и фонды.

6. Общественный совет осуществляет свою деятельность в рамках федерального закона об общественных объединениях в форме общественного объединения без образования юридического лица.

7. В состав общественного совета избираются лица, зарекомендовавшие себя как активные участники сохранения языков, традиционных промыслов и культур коренных малочисленных народов Камчатского края.

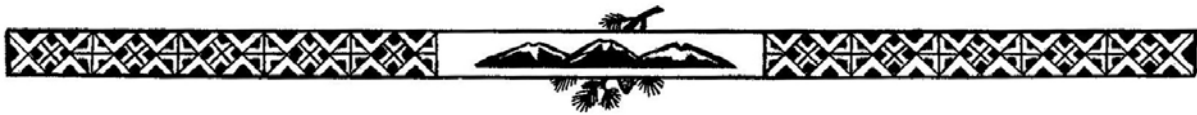
8. Работа общественного совета осуществляется на общественных началах. Количественный и качественный состав совета не является постоянным и со временем может меняться.

9. Общественному совету на его первом заседании поручается избрать ответственного секретаря и рабочую группу. Рабочей группе поручить разработать проект положения об общественном совете и проект перспективного плана работы.

10. Заседания общественного совета предлагается проводить не реже двух раз в год.

11. Участники семинара выражают надежду, что работа общественного совета будет действовать государственным органам в решении вопросов социально-экономического, этнокультурного и духовного сохранения и развития коренных малочисленных народов Камчатского края.

**ПЕРЕВОД НА ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК
ОТРЫВКА ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА**

Глава I, Стихи 1–17⁶³

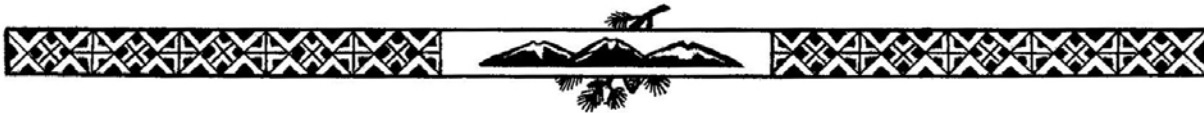
А.П. Володин,

*д.филол.н., профессор кафедры уральских языков, фольклора и литературы
Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена*

1. Энзунок Хэнэс дкзузэн, Ностахчханкэ тыгн Хэнэс дкзузэн эқ тыгн Хэнэс Нустахчақ °Фнэва дкзузэн.
2. Ну Хэнэс Ностахчханкэ дкзузэн энзунок.
3. Мнил әңқа әннанхал энзуқзувэн этка, қам әннанка әңқа энзуқақ этка, мин энзуқзувэн этка.
4. Соңдэс °Фнэва чиқзускинэн, эқ Соңдэс атхатх чамзанланкэ дкзузэн.
5. Атхатх тхунтхунк атхқзузын, эқ тхунтхун қам итэ анэньчча дкақ.
6. °Книң чамзаңдх Нустахчхэнк нэнклэчэн, Йоанн әннан хэлаң.
7. Әнна кколдкнэн Атхатхкэт ланокэ мнил чамзанланкэ, ланокэ мнил чамзанланкэ әннанхал лманокэ.
8. Әнна өфнэва қам Атхатх дкақ, нэнклэчэн Атхатхкэт ланокэ.
9. Хэйнэл Атхатх клыдин дкзузэн Мин қэмқэ чамзаңдх атхқзузэнэн эқ мслэлңанкэ колдзузэн.
10. Хэнэс мслэлңонк дкзузэн, эқ мслэлңэн в Нем энзуқзувэн этка кәмхал чамзанлан Әнна хикақ тыладкақ нидкичэн.
11. Әннан чамзанланкэ ккдкнэн – хикақ иладкақ ниднэн.
12. Кәмхал нвэн, минэн әнна хиқ әнтылкичэн, Әннанкэ клмалдқзокнан – нвэнкэ Нустахчхэн пэки зылпәнэн лэкас.
13. Нвэн әм Нустахчхэхал кахсхкнан, қам манкэ қунәңэн чамзанланкэ дкақ қам әддхэхал, қам мәмсэхал.
14. Хэнэс чамзаңдхка клэкнэн, ксуңьлқзукнэн муза чэдқзумиң, мэлмэл клыдин әмптова чиқзускинэн Әннан аңйа нэлчуқзучэн, мин Әсхэхал қэзватнэн °Книңка Пэчка дқзуки.
15. Йоанн ласкәнән, Әннанәкит хәңачкэлқ хәнәскинэн: Тыгнну °Фнэва дкзувэн, Минәнкит өкмилвин тхәнәкичэн: Кэ кэмманк салк косин °Фнэва клфәньчкэ кэмманкэ клэкнэн, хэйнэл Әнна вэнахп кәмма дкзувэн.
16. Әмптова мэлмэлхал муза әңқэзватчэн, эқ мэлмэл мэлмэланкэ ханкэ.
17. Пәл Мойсәйхал мэзванкэ днэс нзылчэн, мэлмэл клыдин йақ Йәсус Кристусхал колдзузэн.

⁶³ Русский параллельный синодальный перевод приведен на с. 222.

Приложение

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Глава I, Стихи 1–17 ⁶⁴

1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
2. Оно было в начале у Бога.
3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.
5. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
6. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.
7. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.
8. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.
9. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.
10. В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал.
11. Пришел к своим, и свои Его не приняли.
12. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,
13. которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.
14. И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.
15. Иоанн свидетельствует о Нем и, Воскликая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня.
16. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать,
17. ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина прошли чрез Иисуса Христа.

⁶⁴ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2002. С. 1127.

Ответственный редактор В.С. Волков

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ,
ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
КАМЧАТСКОГО КРАЯ**

*Сборник материалов
международного научно-методического семинара
(22–23 октября 2008 г.)*

Редактор О.В. Ольхина
Технический редактор О.А. Лыгина
Верстка, оригинал-макет О.А. Лыгина

Подписано в печать 18.06.2010 г.
Формат 61*86/8. Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman
Авт. л. 23,92. Уч.-изд. л. 24,36. Усл. печ. л. 26,27
Тираж 50 экз. Заказ № 61

Издательство
Камчатского государственного технического университета

Отпечатано полиграфическим участком издательства КамчатГТУ
683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, 35